

Лев Троцкий.

Письма из ссылки

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
From: y.felshtinsky@verizon.net
Date: 9 Feb 2004

1928
Редактор -составитель
доктор исторических наук
Ю. Г. ФЕЛЬШТИНСКИЙ
Москва
Издательство
гуманитарной
литературы
1995

БК 63.3(2)71 Т 75

Троцкий Л. Д.

Т 75 Письма из ссылки. 1928/Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский.-- М.:
Издательство гуманитарной литературы, 1995.-- 261, [1] с. ISBN 5-87121-006-6

В настоящее издание включены письма Троцкого, написанные им в 1928 г.,
во время нахождения в алма-атинской ссылке. Все документы взяты из Архива
Троцкого, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета
(США), и на русском языке публикуются впервые

Для студентов и преподавателей вузов, учителей школ, научных
сотрудников, а также всех, интересующихся политической историей XX века.

ISBN 5-87121-006-6 Ю. Г. Фельштинский, 1995

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящее издание включены избранные письма Л. Д. Троцкого,
написанные им в течение 1928 г. в Алма-Ате, куда он был сослан в январе и
где оставался до высылки из Советского Союза, последовавшей в начале 1929 г.

1928 год можно считать рубежом советской истории по целому ряду причин.
Внутри страны завершил свое недолгое существование нэп и началась
принудительная коллективизация крестьянского хозяйства. Во внешней политике
бурное экспансионистское десятилетие 1918--1927 гг. завершилось неудачной
революцией в Китае и сменилось относительно мирным периодом 1928--1937 гг. В
партийной жизни в этот год была ликвидирована так называемая левая
оппозиция, самым ярким представителем которой был Троцкий

Левая оппозиция возникала дважды в критические для большевистской
системы моменты, когда приходилось решать серьезные внешнеполитические
вопросы, а от решения этого зависело либо само существование советского
правительства, либо победа революции в соседних странах. Классическим
примером была оппозиция Брестскому миру. С точки зрения абсолютных
коммунистических интересов Брестский мир являлся катастрофой. Он,
несомненно, убивал все шансы на стремительную революцию в Германии, а значит
-- на революцию в Европе. Это было настолько очевидно
большевикско-левоэсеровскому активу, что большая часть партийных
функционеров стала в оппозицию к ленинской группе, поддержав либо откровенно

левацкую позицию Бухарина, либо-- более осторожную и, несомненно, самую правильную (с точки зрения коммунистических интересов) позицию Троцкого.

Для левых коммунистов, для сторонников Троцкого и для большинства левых эсеров (отличавшихся от большевиков еще большим догматизмом) вопроса о построении социализма в одной стране не существовало: они считали это невозможным. Здесь следует сделать оговорку. В конце концов

построить социализм в "отдельно взятой стране" оказалось все же возможным, но для этого пришлось уничтожить тех самых коммунистических романтиков, которые соглашались строить его исключительно в соответствии с максималистской догмой, а не исходя из реального положения дел в Советской России. И сегодня, зная их судьбу, приходится отдать должное интуиции противников "социализма в одной стране": защищая свою точку зрения, они боролись за собственную жизнь.

Позиция Ленина, в отличие от его оппонентов, была абсолютна рационалистичной. Его прежде всего интересовала власть. А затем уже можно было думать и о европейской революции. В такой схеме не оставалось места ни для революционного романтизма левых эсеров, ни для риторики левых коммунистов. Больше того, в ней не оставалось места и для немедленной революции в Германии, поскольку тогда вопрос о власти в России лишился практического значения: в этом случае центром мирового коммунистического движения стал бы Берлин, а советское правительство "Соединенных Штатов Европы" возглавили бы Карл Либкнехт и Роза Люксембург, но уж никак не Ленин с его оппортунистической, "правой" идеей брестской передышки.

Вот так и развернулись карты участников игры: с одной стороны, Ленин, пытающийся прежде всего закрепить власть свою и своей группы; с другой -- догматики-идеалисты, интуицией, а кто и здравым рассудком понимавшие, что в отдельно взятом социалистическом обществе им не остается места и нужно биться за немедленную мировую революцию как единственный способ оправдать жизнь. В этой игре победил Ленин. Блестящий тактик партийной борьбы, он переиграл своих оппонентов во время голосования в ЦК по вопросу о Брестском мире и, воспользовавшись нерешительностью левых коммунистов и Троцкого, провел свою резолюцию через партийный съезд, а во время съезда Советов сумел уничтожить еще и конкурирующую левоэсеровскую партию.

С разгромом левых эсеров Ленин окончательно утвердил свою власть, пожертвовав ради этого возможной революцией в Германии. И до конца 1922 г., когда стало очевидно, что дни его сочтены, а сам он уже не всесилен, внутривластная борьба не достигала уровня 1918 г.

В начале 1923 г. внутри Политбюро у Ленина появился серьезный конкурент: Сталин. Опасен он был прежде всего тем, что, как лучший ученик, прекрасно усвоил те методы руководства, которыми только и можно было держать в руках партию нового типа. Через собственный секретариат Сталин пытался захватить контроль над ленинской организаци-

ей. Он ни разу не предъявил открыто своих претензий и лишь несколькими второстепенными поступками выдал свой намерения. Ленин начал борьбу. Однако с конца 1922 г. он был не только неизлечимо болен, но и явно растерян. Он создал систему, управлять которой "по-ленински" не мог никто, кроме него самого. И Ленин предложил коллективное руководство, пытаясь заменить себя всеми, но не доверяя при этом никому в отдельности и делая одного члена Политбюро, по существу, надсмотрщиком над другим. В Политбюро его предложения не приняли всерьез. Тогда Ленин написал документ, известный как "Завещание", - о непригодности каждого конкретного члена Политбюро на роль главы государства. Он вновь предложил заменить себя коллективным руководством, а Сталина - снять, но не сказал при этом, кого следует поставить на его место (что лишний раз свидетельствовало о растерянности Ленина). Этот документ Политбюро, однако, решило проигнорировать, причем неверно было бы считать, что его публикация была неприятна лишь Сталину. Важнейший просчет Ленина в том и заключался, что он написал завещание, в равной степени невыгодное всем упомянутым в нем лицам. Из членов Политбюро за публикацию завещания высказался один лишь Троцкий.

Самоуверенный Троцкий не занимался созданием собственных структур: он

был настолько убежден в своей незаменимости для революции, что уповал именно на нее. И неоднократно оказывался прав. Не имея организации, Троцкий считался до октября 1917 г. одним из виднейших революционеров, в то время как Ленину для утверждения своего влияния необходимы были и организация, и деньги, что особенно проявилось в 1917 г., после прибытия Ленина в Петроград, когда он добивался признания своей группы. Троцкий же, не скомпрометировав себя проездом через Германию, был, по существу, приглашен возглавить Петроградский Совет. Именно Троцкий - а не сидящий в подполье после очередного провала (неудачной июльской попытки переворота) Ленин -- подготовил захват власти Петросоветом, в котором доминировали большевики. И Ленин, впервые открыто появившийся лишь после переворота 26 октября на Втором съезде Советов, получил взятую для него Троцким власть и возглавил новое правительство, которым, по существу, должен был бы руководить Троцкий. Поэтому, несмотря ни на какие расхождения, именно послеоктябрьский период отличается близостью отношений Ленина с Троцким. До захвата власти Троцкий был конкурентом на руководство движением, и Ленин боролся с ним как мог. Но, убедившись, что этого блистательного революционера интересует лишь революция как та-

ковая, а не власть, Ленин увидел в нем союзника и друга.

В 1923 г. безуспешно пытаясь сместить Сталина, Ленин предложил Троцкому откровенный союз, точнее (если учесть состояние Ленина) - попросил о помощи. Но Троцкий отказал. К ленинским интригам он не хотел иметь отношения даже тогда, когда речь шла о Сталине, которого Троцкий всегда недолюбливал и на которого смотрел свысока. При этом он не просто отказал Ленину в совместной борьбе, но демонстративно занял нейтральную позицию. В этом был известный расчет. В момент смерти Ленина, в январе 1924 г., всего через шесть лет со дня большевистского переворота, кому как не Троцкому должно было принадлежать руководство советским правительством? И Троцкий не спешил из Сухуми на похороны Ленина, чтобы отстаивать власть. В полном соответствии со своими принципами он ждал, пока Политбюро предложит ему руководство. Но Политбюро не предложило...

В этот момент и родилась, по существу, оппозиция Троцкого, вернее, -- оппозиция Троцкому: назначение на пост Ленина Рыкова означало не что иное, как возвышение Сталина на посту генсека. Первоначально оппозиция эта состояла из одного Троцкого, с которым боролось большинство Политбюро, прежде всего Зиновьев, Каменев, Сталин. Троцкий же, веривший лишь в революционные максимы, а не в организации мафиозного типа, сначала не хотел признавать, что с ним борются, а осознав это, не мог понять почему. Он был, безусловно, прав, когда позднее указывал, что его конфликт со Сталиным начался до смерти Ленина. Но сам по себе конфликт еще ничего не объяснял: у Ленина с Троцким было еще больше конфликтов. Тогда вполне в марксистском духе Троцкий начал создавать целую теорию, в которой чаще всего повторялись слова "термидор" и "бюрократизм", и тем пытался объяснить природу сталинизма и сущность своих разногласий со Сталиным. Он ни в чем не признавал виновным себя, Ленина или систему. Лишь в 1934 г. он записывает в дневник: "Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина".

Одиночество Троцкого в изначальной борьбе с ним большинства Политбюро и та удивительная сплоченность в деле травли Троцкого, которая наблюдается в 1924--1925 гг., объясняется в определенной степени психологическим фактором: в партийных кругах блистательного Троцкого откровенно недолюбливали за его самоуверенность, граничащую с высокомерием, за слишком выделяющуюся яркость его натуры. Не случайно у постепенно вытесняемого и отстраняемого от дел Троцкого в эти годы не оказывается единомыш-

ленников, о чем свидетельствует почти полное отсутствие документов и писем за 1924--1925 гг. в его архиве: ему не с кем было вести переписку.

Ситуация резко меняется к концу 1925 г. Теперь уже оттеснять начинают Зиновьева и Каменева. Сталин порывает с ними, и бывшие враги - Троцкий, с одной стороны, Зиновьев и Каменев, с другой, - становятся союзниками. Однако для образования действительной оппозиции не хватает платформы. Признать, что речь идет о борьбе за власть, оппозиционеры не могли, это

значило проиграть дело в самом начале, так как партийные низы наверняка поддержали бы руководство нынешнее, а не бывшее. Необходимо было сформулировать разногласия, вокруг которых могла бы сплотиться значительная часть недовольного партактива. В области внутренней политики эти разногласия были сформулированы в 1926 г.: критика нэпа слева.

Нет смысла утверждать, что разногласия между оппозиционерами, теперь уже по праву называемыми "левыми", и большинством партийного актива были надуманы или что Троцкий, Зиновьев и Каменев взяли на себя защиту именно левофланговую (а не обратную) точку зрения случайно. Искренность позиции самого Троцкого сомнений вызывать не может: он всегда находился на левом краю революционного спектра. Но историк, силящийся объяснить, почему "правые" Зиновьев и Каменев, выступавшие в октябре 1917 г. против большевистского переворота, оказались в левой оппозиции Троцкого, а лидер левых коммунистов и сторонник революционной войны Бухарин - главой правого крыла партии (в котором был в тот момент и Сталин), -- столкнется с большими трудностями.

Оформившаяся в 1926 г. оппозиция критиковала внутреннюю политику советского правительства по целому ряду вопросов. Главным образом она выступала против частного хозяйства, т. е. против нэпа, хотя критике подвергалась не новая экономическая политика как таковая, а "частный собственник".

Однако одной внутривластной платформы для оппозиции было недостаточно. Как и в 1918 г., стержнем ее должен был стать конфликт по вопросу о внешней политике. Первоначально оппозиция пыталась развязать дискуссию о генеральной стачке в Англии. Но распространенный ею в этой связи документ, написанный ужасным языком и подписанный видными партийными деятелями, в целом оказался крайне неудачным и даже нелепым; к этой теме оппозиционеры больше не возвращались. Тогда же они попытались сформулировать разногласия с правительством в вопросах,

касающихся Коминтерна. Но в этот достаточно академический спор посторонний читатель-партиец никак не мог вникнуть; и непонятная далекая для него тема никак не могла превратиться в платформу оппозиции. Возможно, из этих поисков внешнеполитической проблемы так ничего и не вышло бы, но началась наконец давно подготавливавшаяся революция в Китае. Этого для оппозиции было более чем достаточно: вопрос о китайской революции и стал стержневым вопросом конфликта.

Все развивалось по схеме 1918 г., только на месте Ленина был Сталин, на месте Бухарина - Троцкий. Подобно левым коммунистам в 1918 г., оппозиционеры убеждали партийные массы в том, что политика советского правительства в отношении китайской революции непременно приведет к ее поражению. Подобно Ленину в 1918 г., Сталин не хотел рисковать, так как понимал, что при активном вмешательстве в китайские дела неизбежен конфликт с Японией, а к нему Советский Союз был явно <не готов. В конце концов, как Ленин в свое время, Сталин пожертвовал революцией в Китае ради передышки, аналогичной брестской: китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией вспыхнул лишь в 1938 г.

Здесь не место анализировать действительные и мнимые противоречия во внешней и внутренней политике между руководством Сталина и оппозицией Троцкого. Достаточно указать, что Сталин разрешил возникшую проблему много изящнее, чем это сделал за десятилетие до того Ленин: лишь только начав применять санкции, Сталин добился от оппозиции согласия капитулировать и прекратить фракционную деятельность. В 1918 г Ленин тут и остановился: он предал весь инцидент с левыми коммунистами забвению, никого из них не наказал и продолжил свою прежнюю политику. Сталин же оппозиционеров сослал (т. е. поступил с ними примерно так же, как Ленин с левыми эсерами).

Дальнейшие события стали хрестоматийным образцом сталинской тактики: его следующий шаг состоял в том, что он в целом взял на вооружение программу капитулянтов, чем лишил их единственного оружия в борьбе с правительством. При этом в реализации новой программы он пошел даже дальше оппозиционеров -- не просто ограничил возможности "нэпманов", а отменил нэп как таковой; не остановился на ограничительных мерах в отношении крестьянства, а провел

насильственную коллективизацию. В результате его победа над оппозицией была абсолютной: политически и идеологически оппозиция была уничтожена (физическое уни-

чтожение было лишь отсрочено). И в 1928 г. критика ссыльными оппозиционерами действий советского правительства выглядела довольно беспомощно.

Настоящая книга является продолжением серии публикаций из архивов Троцкого, изданных ранее: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923--1927. В четырех томах (М., 1990); Л. Троцкий. Сталин. В двух томах (М., 1990); Л. Троцкий. Портреты революционеров (М., 1991); Л. Троцкий. Дневники и письма (М., 1994); Л. Троцкий. Преступления Сталина (М., 1994).

Все документы, включенные в данное издание, хранятся в Архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (Бостон) и на русском языке публикуются впервые. Большая часть документов воспроизводится полностью. Некоторые - в извлечениях. Опущенные редактором места обозначены в книге знаком [...]. Слова и инициалы, вставленные редактором, даны в квадратных скобках []. Даты написания документов, взятые в квадратные скобки, определены редактором. В оглавлении в квадратных скобках указаны архивные номера соответствующих документов Архива Троцкого. Публикация производится с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета.

Юрий Фельштинский

ПЕРВОЕ ПИСЬМО К ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

В нескольких номерах "Правды" была напечатана обширная статья "Значение и уроки Кантонского восстания". Статья эта поистине замечательна как содержащимися в ней ценнейшими сведениями, основанными на материалах из первоисточника, так и, с другой стороны, отчетливым изображением противоречий и путаницы принципиального характера

Начать с оценки социальной природы самой революции. Мы знаем, что это буржуазно-демократическая, рабоче-крестьянская революция. Раньше она должна была развертываться под знаменем Гоминьдана* - теперь против Гоминьдана.

Но характер революции, по оценке автора, да и во всей официальной политике, остается буржуазно-демократическим. Теперь обратимся к главе, трактующей о политике советской власти. Здесь сказано: "В интересах рабочих декреты кантонского совета постановили: ...контроль производства в руках рабочих, осуществляющих этот контроль через посредство фабзавкомов... Национализация крупной промышленности, транспорта и банков".

Далее называются такие меры: "Конфискация всех квартир крупной буржуазии в пользу трудящихся"...

Итак, у власти стояли кантонские рабочие в лице своих советов. Фактическая власть принадлежала коммунистической партии, т. е. партии пролетариата. Программа состояла не только в конфискации помещичьей земли, поскольку она вообще имеется в Китае; не только в рабочем контроле над производством, но и в национализации крупной промышленности, банков и транспорта, а также в конфискации буржуазных квартир и всего имущества в пользу трудящихся. Спрашивается, если это методы буржуазной революции, то как же должна выглядеть в Китае социалистическая револю-

* Гоминьдан - "национальная партия" - политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. с 1927 г. по 1949 г. -- правящая партия Китайской республики. После 1949 г. - правящая партия Китайской республики на Тайване. -- Прим. ред.-сост.

ция? Какой другой класс ее совершал бы и какими такими другими приемами? Мы видим, что при реальном развитии революции формула буржуазно-демократической революции, рабоче-крестьянской, в применении к Китаю в данный период, на данной стадии его развития оказалась бессодержательной фикцией, пустышкой. Те, которые настаивали на этой формуле до кантонского восстания, а тем более теперь, после опыта восстания,

повторяют - в других условиях - принципиальную ошибку Зиновьева, Каменева, Рыкова и др. в 1917 г. Можно сказать: но ведь аграрная революция в Китае еще не разрешена? Верно, но она и у нас не была разрешена до диктатуры пролетариата. Аграрная революция, притом гораздо более глубокая, чем та, которая возможна в Китае в силу исторических условий китайского землевладения, была у нас совершена не буржуазно-демократической, а пролетарско-социалистической революцией. Можно сказать, что Китай не созрел для социалистической революции. Но это будет абстрактная, безжизненная постановка вопроса. А разве Россия, изолированно взятая, созрела для социализма? Она созрела для диктатуры пролетариата как для единственного метода разрешения всех национальных проблем; что же касается социалистического развития, то оно, исходя из экономических и культурных условий страны, неразрывно связывается со всем дальнейшим развитием мировой революции. Это относится полностью и целиком к Китаю. Если 8-- 10 месяцев тому назад это был прогноз (довольно-таки запоздалый), то теперь это непререкаемый вывод из опыта кантонского восстания. Ссылаться на то, что кантонское восстание было в значительной мере авантюрой и что в нем реальные классовые отношения выразились в искаженном виде, было бы неправильно.

Прежде всего автор цитированной статьи считает кантонское восстание отнюдь не авантюрой, а вполне закономерным этапом в развитии китайской революции. Такова вообще официальная точка зрения: совместить оценку революции как буржуазно-демократической с одобрением программы действий кантонского правительства. Но даже с точки зрения, оценивающей кантонское восстание как путч, нельзя прийти к выводу о жизненности формулы буржуазно-демократической революции. Восстание было вызвано явно несвоевременно - на волне революционного упадка во всей стране, но классовые силы и неотвратимо вырастающие из них программы обнаружались восстанием с полной закономерностью. Лучшим доказательством этого является то, что обнаружившееся в кантонском восстании соотношение сил можно и должно было предвидеть заранее, и оно было предвидено.

Вопрос этот теснейшим образом связан с важнейшим вопросом о Гоминьдане. Кстати сказать, автор статьи с вынужденным удовольствием рассказывает о том, что одним из боевых лозунгов кантонского переворота был клич: "Долой Гоминьдан" Знамена и кокарды Гоминьдана срывались и растаптывались А ведь мы еще совсем недавно слышали уже после "измены" Чан Кайши и после "измены" Ван Цзинвэя торжественные обещания: "Знамени Гоминьдана не отдадим" Эх-ма, горе-революционеры... Рабочие Кантона запретили гоминьданскую партию, объявив ее вне закона во всех ее течениях. Что это значит? Это значит, что для разрешения основных национальных задач буржуазия не только крупная, но и мелкая не выдвинула такой силы, бок о бок с которой партия пролетариата могла бы разрешать задачи "буржуазно-демократической революции". Но Вы забываете о многомиллионном крестьянстве и об аграрной революции?.. Подленькое возражение. . Ведь ключ к позиции в том и состоит, что задача овладения крестьянским движением ложится на пролетариат, т. е. на коммунистическую партию непосредственно, и задача эта может быть на деле разрешаема только так, как ее разрешали кантонские рабочие, т. е. в форме диктатуры пролетариата, методы которой уже на первых порах неизбежно перерастают в социалистические методы. Общая же судьба этих методов, как и диктатуры в целом, в последнем счете разрешается ходом мирового развития, что, конечно, не исключает, а, наоборот, предполагает правильную политику пролетарской диктатуры, состоящую в укреплении и развитии союза рабочих и крестьян и во всемерном приспособлении к национальным условиям, с одной стороны, к ходу мирового развития, с другой После опыта кантонского восстания играть формулой буржуазно-демократической революции - значит идти против китайского октября, ибо без правильной общей политической ориентировки революционные восстания, каким бы героизмом и самопожертвованием они ни отличались, не могут дать победы.

Правильно, что китайская революция "перешла в новую, более высокую фазу", но это правильно не в том смысле, что она будет завтра уже и послезавтра подниматься вверх, а в том, что она обнаружила бессодержательность лозунга буржуазно-демократической революции Энгельс говорит, что партия, которая упустила благоприятную ситуацию и потерпела

вследствие этого поражение, сходит на нет Это относится и к китайской партии. Поражение китайской революции никак не меньше поражения в Германии в 1923 году. Конечно, "сходит на нет" надо понимать с толком Многие говорят за то, что ближайший период будет в Китае периодом рево-

люционного отлива, медленного усваивания уроков тягчайших поражений и, следовательно, ослабления непосредственного влияния компартии. Отсюда для нее вытекает необходимость принципиально-тактического углубления всех вопросов А это невозможно без открытого и всестороннего обсуждения всех проделанных до сих пор роковых ошибок. Конечно, работа самоуглубления не должна быть работой самоизоляции. Нужно крепко держать руку на пульсе рабочего класса, чтобы не ошибиться в оценке темпа и не только своевременно распознать, но и подготовить новую волну подъема

[Л. Троцкий] 2 марта 1928 г.

ПИСЬМО СОСНОВСКОМУ*

Письмо Ваше получил три дня тому назад; в пути оно было примерно 20 дней. Надо это принять во внимание в дальнейшей переписке.

Из Вашего письма неоспоримо вытекает, что Барнаул не в пример лучше Нарыма: слава премудрым, зачеркнувшим в подорожной Нарым и надписавшим Барнаул

С Ищенко я уже обменялся телеграммами и написал ему письмо. Хочу написать Ваганяну; адрес его узнал из Вашего письма. Вы еще упоминаете о Вардине и Сафарове. Не можете ли сообщить, в каких они настроениях и какое впечатление на "их произвело глуповато-плаксивое письмо двух "рыцарей печального образа"?** Особенно замечателен их аргумент по линии тред-юнионизма. В опубликованном документе было сказано, что, несмотря на все ошибки руководства и просчеты, искусственное замедление темпа развития и пр., советское правительство делает неизмеримо больше для рабочего класса, чем могло бы и хотело бы сделать любое буржуазное правительство при том же примерно уровне богатства страны. Наши два филистера - по официальному камертону - возражают: но ведь это - тред-юнионистский критерий; ведь задача советского правительства не только в том, чтобы повышать материальный уровень и пр., и пр., но и в том, чтобы строить социализм. Ах, какие умные и светлые личности! Ну где же лам, не верующим в социализм, догадаться о такой премудрости... Если бы все рабочие во

* Очевидно, Сосновскому. [Приписка Троцкого в верхнем левом углу письма]

** Имеются в виду Зиновьев и Каменев - Прим. ред.-сост

всем мире считали, что критерий диктатуры пролетариата выше "цехового" или тред-юнионистского критерия, тогда не о чем было бы и заботиться. Но ведь вся суть в том, что буржуазия и социал-демократия запугивают рабочих против диктатуры пролетариата именно ссылками на то, что диктатура сама по себе ведет к обнищанию пролетариата, причем берут сравнительные коэффициенты жизненного уровня рабочих независимо от развития производительных сил Вот на этот-то основной довод социал-демократической сволочи против СССР и против диктатуры пролетариата вообще мы и отвечаем: никогда бы рабочие буржуазной России не имели-- при данном уровне производительных сил страны - тех условий существования, какие они имеют ныне, несмотря на все "ошибки, просчеты и сдвиги" И вот этот довод наши кающиеся филистеры называют тред-юнионистским!

Спасибо за газетные вырезки о кулачестве Они мне очень и очень пригодятся. Обратили ли Вы внимание на передовицу в "Правде" от 15 февраля, посвященную хлебозаготовкам. Там передовица поистине замечательна. Цитирую:

"Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующее. Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак. Три года урожая не прошли даром".

Значит, помехой хлебозаготовкам, а значит, и строительству социализма является тот факт, что "деревня разбогатела". Вот так-так, "три года урожая не прошли даром", поучительно говорит статья. Не прошли даром!! Можно подумать, что автор говорит о трех землетрясениях или о трех эпидемиях чумы.

Оказывается, что "увеличение доходов крестьянства . при относительном отставании предложения промтоваров (!!!) дало возможность крестьянству вообще, кулаку в особенности, удержать у себя хлебные продукты..." Далее мы читаем, что хотя кулак - тот самый, для которого три эпидемии урожая не прошли даром, -- хотя и не является "основным держателем хлебных продуктов", но - слушайте - "но он является хозяйственным авторитетом в деревне (почему это?), у него есть смычка с городским спекулянтом (откуда это?), дающим за хлеб дороже (почему это?), и он (кулак) имеет возможность вести за собой середняка..." Свят, свят, свят, что за паника перед кулаком? Почему это кулак имеет возможность вести за собой середняка? Так ведь буквально и сказано Да ведь это же антипартийный документ, а не передовица. Да автору Барнаула мало. Да я бы перечеркнул Барнаула, да написал сверху Нарым...

Далее говорится: "Линия нашей партии в деревне

в целом ряде районов оказалась искривленной". В каких это районах? Какие районы составляют исключения? Об этом не сказано, но зато мы узнаем, что "парторганизации... далеко не везде еще наладили работу с беднотой". В целом ряде районов... Не везде.. Хорошо бы это уточнить географически: тогда бы мы узнали, идет ли дело об одной десятой или о девяти десятых страны. Но наиболее яркое место начинается только дальше:

" В наших организациях, как в партийных, так и иных, народились в последнее время известные чуждые партии элементы, не видящие классов деревни... и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди всех слоев деревни".

Поразительное дело, откуда эти элементы "народились" в то время, как четыре года идет процесс ожесточенной "большевизации" партии именно по линии крестьянского вопроса (1923--1927)? И очевидно, эти элементы (хорошо бы их по имени и отчеству) не только "появились", но и оказали такое влияние на политику, в результате которого "кулак является хозяйственным авторитетом в деревне... и имеет возможность вести за собой середняка".

Остается еще один вопрос: как же эти "чуждые партии элементы" - дальше они называются "переродившимися элементами": значит, не появились, а переродились - как же эти чуждые, переродившиеся элементы не обнаружилось на важнейших вопросах партийной жизни за последние годы? Как же они не прилипли к социал-демократическому уклону? То, что они чужды партии и переродились, обнаружилось как-то мимоходом, по поводу хлебозаготовки, в порядке сюрприза. Можно ли сомневаться, что эти чуждые или переродившиеся являлись и являются наиболее отъявленными ненавистниками "социал-демократического уклона", наиболее пламенными сторонниками "строительства социализма в нашей стране", и от них еще предстоит немало сюрпризов в будущем. Хлебозаготовки - большой вопрос, но ведь есть и еще большие вопросы: например, война или революция в Европе. Если кулак имеет возможность вести за собой середняка, а в партии народились, появились или переродились элементы, пуще всего желающие жить в мире с кулаком, то в случае больших событий, осложнений и поворотов это может весьма крепко сказаться. Это должно сказаться. Это тот самый хвост, который по линии хлебозаготовок ударил (пока еще легонько) по голове. В случае войны этот хвост попытается заменить голову, во всяком случае поставит свои крепкие условия. А барнаульцы, на-

рымчане, алмаатинцы и прочие исты будут безусловно и безоговорочно защищать то самое "социалистическое строительство", которого они якобы не признают.

В качестве практических мер проводится конфискация у кулачества "хлебных излишков", причем "Правда" рекомендует 25% передавать бедноте (из конфискованного). Эта мера куда круче принудительного займа 150.000.000 пудов у верхних 10% крестьянских дворов. А ведь по поводу этого и подобных предложений говорилось, что это - отмена нэпа, продразверстка, военный коммунизм и пр. Наслушавшийся этих речей хвост ныне бьет по голове и, видно, бьет не так уж легонько, потому что передовица "Правды" говорит далее: "Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп (слушайте!), вводим

продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба".

Автор знаменитого лозунга "Обогащайтесь" явно в обиде: моим добром да мне же челом. Обвинения в военном коммунизме пригодны для литературной "дискуссии" с социал-демократическим уклоном, но когда кулак ущемляет тебе хвост, тут не до литературы, тут даже кое-что из марксизма вспомнишь... А дальше опять угрозы по адресу "контрреволюционных болтунов, толкующих об отмене нэпа", и требования очистить партию от "чуждых и примазавшихся элементов" (да ведь только что ударили по "чужакам" - или не по тем?).

Легкомысленный автор статьи воображает, что с чуждыми, появившимися, примазавшимися и переродившимися можно справиться при помощи передовиц. Нет, это дело куда серьезнее. Годы фальсификации марксизма создали целое поколение, которое "хочет жить в мире со всеми слоями (кроме слоя уклонистов)". А под этим новым поколением и переродившимися частями старого произошли огромные сдвиги социального порядка, причем и "три года урожая не прошли даром". Образовался тяжелющий хвост, который пробует свои силенки: сперва на "социал-демократическом уклоне", потом на хлебозаготовках, а затем доберется и до вопроса о власти в полном объеме. Нет, дорогой друг, мы еще понадобится и очень...

Наше преимущество в том, что мы правильно предвидим. Маркс говорит в своей "Гражданской войне", что прудонисты и бланкисты оказались вынужденными делать во время коммуны прямо противоположное тому, чему они учили до наступления коммуны. Такого же рода сюрпризы мы видим теперь не только на примере хлебозаготовок, но и на примере кантонского восстания. Нам говорили, что Советы

пригодны только для социалистической революции, а в Китае идет борьба с феодализмом. А что вышло на деле? В Кантоне, т. е. отнюдь не в крупнопромышленном центре Китая, низвержение реакции - хотя бы эпизодическое - передало власть в руки рабочих, власть эта сразу же приняла форму Советов, а Советы провозгласили не только конфискацию крупного землевладения (поскольку оно имеется), но и национализацию крупных промышленных и транспортных предприятий. "Ловко писано в бумаге" (положим, не очень ловко), а на деле оказалось наоборот. На эту тему у меня были большие письменные и устные споры с Зиновьевым осенью прошлого года. Имея их в виду, он говорил потом об "отрыжках". А вот факты прошли проверку!.. Ну, довольно о больших вопросах. Вопреки Вашему предположению в кинематографе мы не были ни разу. Объясняется это, вероятно, тем, что нас трое, а Вы один. Раковский находится в Астрахани, а не в Красном Яре.

[Л. Троцкий] 5 марта 1928 г.

ПИСЬМО И. СМІРНОВУ

Дорогой Иван Никитич, получил наконец сегодня Ваше письмо из Новобаязета. А я-то думал, что у вас там тропическая природа, к столу бананы, в саду прирученные леопарды и пр. Увы, увы. Хорошо звучащее имя "Новобаязет" прикрывает, как оказывается, глухую дыру... То, что Вы пишете по поводу хлебозаготовок и размещения крестьянского займа, кажется мне бесспорным как острый выход из затруднений, в которые долго влезали с закрытыми глазами. Впрочем, об этом я довольно подробно писал Сосновскому и потому ограничиваюсь здесь приложением копии моего письма к нему.

Австралиец-то наш оказался снова парижанином и, как пишут, оказался не случайно и не бескорыстно: пришлось идти к Каноссу. Из Москвы уже получена сегодня - в числе большой пачки писем - первая реакция на письмо двух рыцарей, которые в силу злой иронии судьбы оба оказываются "Санчо-Пансами". Сейчас они уже политически как бы сливаются в одну фигуру. Про Зиновьева один человек остроумно сказал, что у него "эпидермическая левизна". Он хотел этим выразить ту мысль, что у Зиновьева - при отсутствии какого бы то ни было серьезного багажа способности и склонности к обобщающему мышлению -- есть, однако, инстинктивное стремление, как бы заложенное в эпидерме, дер-

нуться при каждой новой okazji влево. Но именно этот "накожный" характер левизны, приближающий ее к чесотке, ставит ей очень узкие пределы: там, где для левизны нужна мускулатура, Зиновьев пасует. А какое же

серьезное историческое действие возможно без мускулатуры? Вот почему Зиновьев пасует каждый раз там, где вся его предшествующая левизна испытывается действием. В июле 1923 года он написал рыхлые, как всегда, и широковещательные тезисы по поводу немецкой революции, а закончил их таким предложением: "назначить на годовщину революции (9 ноября) антифашистскую демонстрацию". Против постановки ребром вопроса о вооруженном восстании ("назначение срока") он упирался органически, хотя дело облегчалось для него тем, что революция-то происходила за лесами, за полями. Он написал не менее широковещательные тезисы по вопросу о всеобщей стачке в Англии, закончив их словами: "Само собой разумеется, что необходимо и дальнейшее сохранение Англорусского комитета"... Как и в отношении немецкой революции 1923 г., он сдался только после боя. Его тезисы о китайской революции – не только до, но и после переворота Чан Кайши заканчивались выводом: "Компартия должна, разумеется, оставаться в составе Гоминьдана"... Здесь он на уступки не пошел, и это полностью обеспечивало его позиции в китайском вопросе. Он выдвинул затем лозунг поддержки уханского правительства постольку, поскольку. Осенью прошлого года, когда роль Гоминьдана определилась во всех его оттенках как контрреволюционная, он продолжал отстаивать лозунг буржуазно-демократической революции в Китае, видя в лозунге пролетарской диктатуры – троцкизм. (Мне вспоминается, как при первой же встрече с Каменевым в мае 1917 года в ответ на мои слова, что у меня с Лениным разногласий нет, Каменев сказал: "Я думаю – при апрельских-то тезисах"... Ведь и Каменев, и десятки других, не говоря уж о Лядовых, считали позицию Ленина троцкистской, а не большевистской...) Позиция Зиновьева в отношении нового этапа китайской революции была, как видим, не "случайна". Зиновьев знает эту свою "ахиллесову пяту" и поэтому все свои левые резолюции и статьи заранее сопровождает такими оговорочками, чтоб можно было отпрянуть перед действием. На этом построена вся его тактическая стряпня на Пятом конгрессе, с его насквозь двойственными резолюциями. Специфически зиновьевское истолкование единства партии тоже было такой ого-ворочкой, чтоб в случае чего можно было отпрянуть. Как Вы, разумеется, прекрасно помните, все мы отдавали себе в этом ясный отчет. Но мы прибавляли: отпрянуть будет на

этот раз трудновато, так как придется ведь прыгать вниз, в ничтожество. Но и это его не удержало...

Что касается Каменева, то у него, наоборот, всякое инстинктивное побуждение направлено всегда вправо, в сторону самоограничения, соглашения, обхода и пр. Из всех молений ему ближе всего моление "Да минует меня чаша сия". Но в противовес Зиновьеву, у него есть известная теоретическая школа мысли. Правда, ленинские рубцы заплыли жирком, но не окончательно все же. Он скорее Зиновьева понял необходимость разрыва Англо-русского комитета; он, по-видимому, соглашался с необходимостью выхода компартии из Гоминьдана, но помалкивал; думаю, что он, если б не был в Италии, мог бы лучше Зиновьева понять, что формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства была после мая 1927 года таким же пережитком для Китая, как для России -- после февраля 1917 года. И на этот раз Каменев лучше и яснее понимал, что означает "капитуляция". Но политическая природа взяла свое, Зиновьев отскакивает от своих левых выводов, Каменев боится оказаться жертвой своих правых устремлений. Но сходятся они во всех важных вопросах на одной и той же линии. Как назвать эту линию? Ни тпру, ни ну.

Я многим товарищам рассказывал, вероятно, и вам, свой коротенький разговор с Владимиром Ильичом вскоре после Октябрьской революции. Я говорил ему примерно так: "Кто меня удивляет, так это Зиновьев. Что касается Каменева, то я его достаточно близко знаю, чтобы предвидеть, где у него кончится революционер и начнется оппортунист. Но Зиновьева я лично совсем не знал, а по описаниям и отдельным выступлениям его мне казалось, что это человек, который ни перед чем не останавливается и ничего не боится". На это В. И. ответил: "Он не боится, когда нечего бояться". На этом разговор оборвался сам собою.

Конечно, можно поставить "ехидный" вопрос: если все это было известно заранее, то каким же образом оказался возможен блок? Но такая постановка несерьезна. Блок не имел персонального характера. Насчет Англо-русского комитета нас поучали: дело, мол, не в вождях, а в массе. Такая постановка

фальшива и оппортунистична: ибо дело идет не только о массе, но и о линии. Из-за массы нельзя отказываться от линии. Но в борьбе за массы при условии правильной линии можно вступать в блок не только с чертом или его бабушкой, но и с двойным "Санчо-Пансой".

[Л. Троцкий] [После 5 марта 1928 г.]

ПИСЬМО Р. М. РАДЕК*

Большое Вам спасибо за письмо и за книжки, которые сегодня получились. На указанные Вами статьи в "Правде" о Кантоне я обратил сугубое внимание и уже переписывался по этому поводу с Карлом и др. Впрочем, ответа от них я еще не имел. Статьи в "Коммунистическом Интернационале" я до сегодняшнего дня не имел, так как этого журнала не получаю. Большое спасибо за присылку последнего номера. Ваши ссылки на статьи в "Известиях" мне ничего не говорят, к сожалению, так как "Известий" здесь не получаю, да и вряд ли стоит их получать. Но я буду очень благодарен, если товарищи, следящие за "Известиями", будут мне посылать вырезки наиболее интересных статей (с непременно указанием, из какого номера и от какого числа). Эта просьба относится не только к "Известиям", но и ко всем другим газетам, кроме "Правды" и "Экономической жизни", которые я получаю правильно и столь же правильно прочитываю. Вчера и сегодня получились впервые иностранные газеты, главным образом из Астрахани от Христиана Георгиевича [Раковского], но есть и из Москвы, я только не знаю от кого, так как не успел еще разобраться в сегодняшней почте после пятидневного отсутствия. Я впервые был севой на охоте. Это в сотне верст отсюда, по направлению к северу, за Илийском: это на реке Или, которая вытекает из западного Китая и впадает в озеро Балхаш (потрудитесь взглянуть на географическую карту). Первая поездка была сравнительно малоудачна и достаточно утомительна; привезли мы всего-навсего 14 уток.

Вы пишете. "Если нужны какие-нибудь иностранные книжки, сообщите мне, я вышлю". Я послал Сереже целый ряд списков нужных мне книг. Должен, однако, сказать, что отсюда мне очень трудно высказывать определенные пожелания относительно книг, так как сведения о новых русских книгах доходят до нас с запозданием, а сведения о новых иностранных книгах не доходят пока вовсе. Между тем мне, по характеру моей работы, необходимы главным образом новые издания. Я хочу попытаться обозреть послевоенное десятилетие: мировую экономику, мировую политику, международную и "внутреннюю", по крайней мере для важнейших мировых стран или для наиболее типических, и наконец -- мировое революционное движение. Я имею в виду не историческую работу в собственном смысле слова, т е не

* Жена Карла Радека--Прим. ред-сост.

изложение всех важнейших фактов в их последовательности, а обобщение основных черт послевоенного периода и извлечение необходимых выводов в отношении международного революционного движения. Вот в этих рамках мне и нужна как наша русская, так и иностранная литература, книги, журналы, газеты, отдельные статьи и вырезки из статей (с непременно точным указанием, откуда сделана вырезка). Конечно, при этом есть риск того, что некоторые книжки я буду получать в двух экземплярах. Но так как я поддерживаю все более интенсивную переписку с остальными товарищами, отрезанными от Москвы, то я буду с ними обмениваться интересующими их изданиями

От Карла [Радека] я получил вчера первую открытку. Она написана гораздо более по-русски, чем Вы допускаете в Вашем письме. Телеграммами мы с ним обменялись уже давно. Ввиду огромности отделяющих нас расстояний, мы посылаем отсюда письма, не дожидаясь ответа Карлу я писал уже три или четыре раза. Так же примерно поступают Наталия Ивановна и Лева Жатва с разбросанными нами семянами начинает поступать только сейчас. Это очень хорошо, что Радек засел за свою большую работу о Ленине. Не сомневаюсь, что мы получим первую серьезную работу, которая своим естественным удельным весом вытеснит жалкую и дрянную халтуру, загромождающую ныне книжные полки. Христиан Георгиевич работает над сенсимонизмом, который он хочет взять в свете эпохи, последовавшей после

Великой французской революции. В своем письме мне Раковский пишет, что каждому из нас полезно взять какую-либо крупную тему, чтобы заново перечитать и передумать круг основных вопросов, группируя их вокруг стержня определенной темой. Это совершенно правильно. Еще, кажется, Гете сказал, что для того, чтобы сохранить обладание над тем, что имеешь, нужно его каждый раз завоевывать заново.

Сегодня (только сегодня) получился номер "Правды" с "письмом" Пятакова. Еще вчера я получил письмо от Ищен-ки с возмущением по поводу пятаковского письма. Признаться, особенного возмущения я не ощущаю, да и "неособенного" не чувствую. Давно его считаю отрезанным ломтем. Это человек способный, с математически-административным складом мысли, но политически не умный. Ленин и в этом вопросе оказался прав, когда предупреждал, что на Пятакова нельзя полагаться в больших политических вопросах. Политические заскоки, в ту или другую сторону, у него и в нормальные времена происходили примерно раз в неделю, и он нуждался в разговоре с кем-либо из более политически мыслящих товарищей, чтобы снова обрести равновесие,

не очень устойчивое. Для такого человека заграничная изолированность есть политическая смерть. Письмо в редакцию есть самоэпитафия.

(Л. Троцкий] 15 марта 1928 года

ПИСЬМО БЕЛОВОРДОВУ

Дорогой Александр Георгиевич!

Письмо Ваше от 2 марта получил я вчера, 10 марта. Это рекорд скорости. Вот Вам лучшее доказательство: Вы в Вашем письме говорите, на основании "Правды", о покаянной писульке Пятакова. А между тем номер "Правды" с этой самой писулькой получен нами только сегодня. Вы пишете о фальшивом и неумном документе Пятакова с возмущением. Я могу Вас вполне понять, но, признаться, этого чувства сам не испытываю, так как давно считаю Пятакова человеком политически конченным. В минуты просветления он сам не раз говорил, тоном усталости и скептицизма, что его политика не интересует и что он хочет перейти на положение "спеца". Я ему, полусерьезно, полусерьезно не раз говорил, что если он в одно прекрасное утро проснулся бы Бонапартом, то он взял бы свой портфель и отправился бы в канцелярию, придумавши на ходу в оправдание себе какую-нибудь жалкую лжемарксистскую "теорию"... Когда у нас с Вами выходили хоть и острые, но мимолетные споры, то меня именно больше всего огорчало, что некоторые товарищи не хотят как будто видеть, что Пятаков есть политический покойник, который притворяется живым и придумывает наспех всякие софизмы, чтобы придать себе видимость революционера-политика. Конечно, какая-нибудь очень большая европейская или мировая революционная волна может воскресить и Пятакова: ведь воскресал же Лазарь [Каганович], хотя уже смердел... В таком случае Пятаков, предоставленный самому себе, непременно наделает ошибок влево. Словом, Ленин был прав и на этот раз, когда писал, что на Пятакова в больших вопросах полагаться нельзя.

Я, конечно, не думаю отрицать, что отход Пятакова, как и Зиновьева или Каменева, безразличен с точки зрения развития идей большевизма. Такого взгляда я никогда не высказывал. Каждый отдельный человек, если он чего-нибудь стоит, означает гирьку или даже целую гирю на весах классовой борьбы. С Пятаковым мне приходилось разговаривать и спорить сотни раз, и в компании, и с глазу на глаз. Уже

это одно свидетельствует, что я отнюдь не безразлично относился к вопросу о том, будет ли Пятаков с нами или против нас. Но именно эти многочисленные беседы и споры убедили меня в том, что мысль Пятакова - при всех его способностях - совершенно лишена диалектической пружины и что в характере его гораздо больше озорства, чем силы воли. Для меня было давно ясно, что при первом испытании на "разрыв" сей материал не выдержит.

Очень меня огорчает, что Вам приходится отдавать такую значительную часть времени чисто канцелярской работе. Вы ведь один из самых молодых среди нас, и нынешнее вынужденное отстранение от настоящей работы очень и очень следовало бы Вам использовать для теоретического самовооружения. Впрочем, в этом совете, как видно из Вашего письма, Вы не нуждаетесь - а нуждаетесь Вы в свободном времени, которое поедает у Вас канцелярия. Очень это обидно. То,

что в канцелярии у Вас накурено и душно, есть уже дополнительное безобразие Я бы на Вашем месте обратился в исполком, или в партком, или в Рабкрин с требованием не разглагольствовать о рационализациях вообще, а произвести элементарнейшее улучшение, запретив курение в рабочем помещении и в рабочее время.

Я Вам жаловался на неполучение иностранных газет, и Вы на это откликнулись в Вашем письме. Но как раз со вчерашнего дня я стал понемногу получать иностранные газеты, прежде всего от Раковского из Астрахани, но, по-види-мому, также и из Москвы (я еще не разобрался как следует в почте последних дней, так как пять дней пробыл в отсутствии).

Вы меня соблазняет каннскими утками, гусями и лебедями. Но я как раз вчера вернулся с охоты на уток, гусей и лебедей. На охоту ездил я здесь с сыном впервые, на реку Или, это верст за сто отсюда. Охота там очень богатая, хотя мы выехали слишком рано, перелет только-только начинается. Но главная беда в трудности физических условий охоты. В Илийске (это в 73 верстах отсюда) есть еще кой-какой кустарник, а дальше идет уже голая солончаковая степь, на которой произрастает лишь полынок, а в затопляемых местах - камыш. В этих местах обитают только киргизы, притом в большинстве крайне бедные. Первая ночевка была у нас, правда, в избе местного представителя "мясопродукта". Изба эта представляет собою подземелье, с чуть поднимающимися над землей окошечками, мебели никакой, кроме кошмы. На полу в 18 кв. аршин опало нас 14 человек. Тут же в комнате помещался и очаг, на котором кипятили грязную воду под чай. Второй ночлег был в киргизской

юрте, еще меньше размером, еще более грязной и еще более уплотненной. В результате я вывез всего-навсего 14 уток, но зато гораздо большее количество насекомых. Тем не менее я на днях думаю повторить поездку, так как первого апреля охота уже заканчивается. Но на этот раз возьму со своих спутников обязательство ночевать на вольном воздухе: это неизмеримо приятнее.

[Л. Троцкий] 17 марта 1928 г.

ПИСЬМО ГРЮНШТЕЙНАМ

Дорогие друзья.

Ваше письмо от 24 марта получилось сегодня, 12 апреля, это еще срок сравнительно "приемлемый" - бывает гораздо хуже. В день получения от вас телеграммы я вам послал открытку - надеюсь, что вы ее получили. Ваше письмо особенно хорошо тем, что дает более или менее ясное представление о вашей жизни. Но, к сожалению, представление-то получается не очень отрадное. Выходит так, что вам чинят препятствия по части переписки, по части рыбной ловли и охоты. Если это так, то тут, несомненно, отсебятина местных властей. У нас здесь было сперва то же самое, но после протестующей телеграммы в Москву положение изменилось. Думаю, что и вам необходимо решительно опротестовать всякого рода бессмысленные помехи.

Час получения почты является "кульминационным" пунктом у нас здесь, как и у вас в Чердыни. В течение первых недель почты вообще не было. Мы отсюда посылали открытки и телеграммы по всем тем дружеским адресам, которые в то время знали. Ваш адрес дошел до нас одним из последних. Постепенно стали получаться ответы, сперва по телеграфу, а затем и письмами. Аккуратнее всех пишут Раковский и Сосновский, с которыми мы успели обменяться уже несколькими письмами. Раковский, сверх того, посылает мне из Астрахани иностранные газеты. Стал я получать иностранные газеты и из Москвы, а также и книги... От И. Н. Смирнова мы имели уже письмо с места, т. е. из Но-вобаязета (Армения). Эта дыра может поспорить с Чер-дышью, хотя и находится на другом конце карты. От Серебрякова была только открытка: он служит в Турксибе, устроился хорошо, "о жалуется на скуку. От Радека была открытка: он много читает и работает, жалуется на почки (об этом, впрочем, писал нам не он сам, а жена его). Было

письмо от Белобородова (Усть-Кулом, область Коми). В этом поселении трудно достать даже свечи и керосин. Там же живет и Валентинов. От Ищенко было письмо из Каин-ска (улица Краскома, №37), он там служит и жалуется на то, что архибюрократическая работа отнимает у него время, которое он хотел бы посвятить работе на себя. Ищенко пи-сал под свежим впечатлением

глупенького пятаковского письма, которым он очень возмущается. Очень бодрое письма было от Каспаровой из Кургана (Советская ул., No109). Теперь, как пишут нашему сыну, выслан из Москвы также и сын Каспаровой. От Мрачковского (Великий Устюг, Куроч-кинская, 11) до сих пор были только две телеграммы. В полученной на днях второй телеграмме Мрачковский жалуется на неполучение от меня писем, между тем, первое письмо я написал ему еще 28 февраля, т. е. больше месяца тому назад. Н. И. Муралов работает в Окрплане (город Тара, улица Фурье, 3): от него мы получили уже два письма. Было также письмо от Преображенского из Уральска (Некрасовская площадь, дом 13). Преображенский также занят на советской работе, бок о бок с членом ЦК правых эсеров Тимофеевым. Он много работает теоретически. Сейчас он, впрочем, в Москве: у него там родился сын... Смильге в Нарым я писал несколько раз; получил от него и группы находящихся вместе с ним товарищей телеграмму, но письма оттуда еще не было (Почтовое отделение Колпачево, Нарым). Была еще телеграмма от [И. Я.] Врачева из Вологды, от Юшкина и Дроздова из Андижана, с пути. Эльцин находится в Усть-Вьми (Область Коми), теперь туда попал тов. Сермуks, от которого мы на днях имели телеграмму. Вот, кажется, и все товарищи, с которыми мы установили или устанавливаем переписку - я исключаю при этом Москву. Сегодня одновременно с вашим письмом мы получили письмо от Раковского, он много работает - и в Губплане, и литературно. Для Института Маркса - Энгельса он разрабатывает тему о сенсимонизме. Кроме того, он работает над своими воспоминаниями. Вот, кажись, и все важнейшие данные, которые вкратце могу сообщить вам сейчас о наших друзьях.

Я работаю над послевоенным десятилетием. В перспективе этой работы -- обобщение опыта послевоенной международной революционной борьбы на основе оценки основных тенденций послевоенной экономики и политики. Часть материалов я привез с собой, часть книг должен привезти младший сын, которого мы ждем сюда в течение ближайших двух недель. Кроме того, перевожу с немецкого памфлет Маркса "Карл Фогт" и собираюсь переводить небольшую

книжку английского утописта Годскина - для издательства Института Маркса - Энгельса.

В смысле бытовом мы устроились достаточно благоприятно - особенно по сравнению с другими друзьями. До последней простуды здоровье мое было достаточно хорошо. Сейчас у меня бронхит после гриппа, но дело идет уже, по-видимому, на поправку. С Наталией Ивановной '[Седовой-Троцкой] менее благополучно: у нее рецидив малярии. Здесь местность исключительно малярийная, санитарные условия из рук вон плохие. Местный врач подозревает, что и у меня не только грипп, но и малярия. Мы возлагаем большие надежды на летний сезон, когда можно будет перебраться в горы, верстах в восьми отсюда: там сады я дачи, вернее, летние бараки. Климат там несравненно лучше, летом там прохладнее, и малярия туда почти не достигает. Переселяться на дачу можно в начале мая.

Посылаю вам при этом в копии "отчет" о своих охотничьих похождениях, написанный для охотников, Преображенского и Муралова, и для "кандидата" в охотники, Раковского. Сейчас-то охотничий сезон окончен, приходится ждать первого августа. В промежутке мы собираемся ловить рыбу. Отчеты об успехах и неудачах будем рассылать своевременно. Надеюсь, что и вы получите возможность пустить в дело ваши охотничьи и рыболовные инструменты.

[Л. Троцкий] 12 апреля 1928 года

МОЙ ОТВЕТ ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ [ВТОРОЕ ПИСЬМО ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ]

Письмо Ваше тоже шло примерно 22 дня. При этих условиях трудненько обмениваться мнениями по животрепещущим вопросам. А я китайский вопрос отношу к самым животрепещущим, ибо там еще идет борьба, действуют партизанские армии и вооруженное восстание поставлено в порядок дня, как, вероятно, Вам известно из резолюции последнего пленума Коминтерна.

Прежде всего отведу мелочь, но досадную. Не говорите, что напрасно я полемизирую с Вами под псевдонимом Зиновьева. Тут Вы не правы целиком. Думаю, впрочем, что недоразумение вызвано разнородием в сроках переписки. Я писал о кантонских делах в период получения знаменитого письма двух мушкетеров, причем из Москвы сообщали, что им даны секретари для обличения "троцкизма". Я не сом-

невался, что Зиновьев извлечет на свет те письма мои по китайскому вопросу, где я доказывал, что демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как особой эпохи революции, в Китае не выйдет ни в каком случае, ибо там для этого неизмеримо меньше предпосылок, чем у нас было, а известно уже из опыта, а не из теории, что у нас демократическая диктатура пролетариата и крестьянства как таковая не реализовалась. Таким образом, все мое письмо было написано под углом зрения бывших и будущих "разоблачений" со стороны Зиновьева. Когда я говорил об обвинении в игнорировании крестьянства, то я нисколько не забывал о некоторых моих спорах с Вами в Китае -- никак я не мог вкладывать в Ваши уста это шаблонное обвинение по моему адресу: Вы-то, надеюсь, признаете, что можно, нисколько не игнорируя "крестьянство", прийти к выводу о том, что единственный путь для разрешения крестьянского вопроса -- диктатура пролетариата. Так что совершенно напрасно Вы, дорогой Е. А. -- не сердитесь, пожалуйста, за охотничье сравнение -- берете на себя роль шумового русака, который решает, что ружье направлено против него, тогда как гон идет совсем по другому следу...

О том, что в Китае не выйдет никакой демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, я стал размышлять со времени образования уханского правительства, я основывался при этом именно на анализе самых основных социальных фактов, а не, их политическом преломлении, которые, как известно, бывают довольно своеобразны, ибо зависят также от фактов второго порядка, в том числе от национальной традиции. Я убедился, что основные социальные факты уже проложили себе дорогу через все своеобразие политических надстроек, когда крушение Ухана в корне разрушило легенду о левом Гоминьдане, который будто бы охватывает девять десятых всего Гоминьдана. Ведь в 1924-- 1925 годах было чуть ли не общим местом, что Гоминьдан есть рабоче-крестьянская партия. "Неожиданно" оказалось, что это партия буржуазно-капиталистическая. Тогда создана была версия о том, что это-де верхушка, но что подлинный Гоминьдан, девять десятых Гоминьдана есть революционно-крестьянская партия. "Неожиданно" опять-таки оказалось, что левый Гоминьдан полностью и целиком громил крестьянское движение, которое в Китае, как известно, имеет большие традиции, имеет свои традиционные организационные формы и которое очень широко развернулось за эти годы. Вот почему, когда вы в духе абсолютной абстракции пишете: "Нельзя сказать, выдвинет ли китайская мелкая буржуазия какие-либо партии, аналогичные нашим эсерам

или таковые создадутся из отколовшихся правых коммунистов" и т. д., то я на этот довод от "теории невероятностей" отвечаю следующее во-первых, даже если бы эсеры оказались созданы, то из этого вовсе не вышло бы никакой диктатуры пролетариата и крестьянства, как не вышло и у нас, несмотря на несравненно более благоприятные условия; во-вторых, вместо того чтобы гадать, не окажется ли мелкая буржуазия способна в будущем -- т. е. при дальнейшем обострении классовых отношений -- сыграть более или менее самостоятельную роль, не выстрелит ли палка? Лучше спросить, почему она оказалась неспособна сыграть эту роль в недавнем прошлом, когда ей были предоставлены наиболее благоприятные для этого условия: компартию загнали в Гоминьдан, объявили последний рабоче-крестьянской партией, поддерживали его всем авторитетом Коминтерна и СССР, крестьянское движение широко разворачивалось и искало выхода руководства, интеллигенция была широко мобилизована с 1919 года и пр., и пр., и пр.

Вы пишете, что Китаю "предстоит еще огромная, ожесточенная, кровавая, длительная борьба за такие элементарные вещи, как национальное объединение Китая". Правильно, но отсюда-то и вытекает невозможность мелкобуржуазного руководства и даже полупроводства революцией. Объединение Китая есть сейчас интернациональная задача, никак не менее интернациональная, чем существование СССР, разрешить эту задачу можно только путем "огромной, ожесточенной, кровавой, длительной борьбы" с мировым империализмом и его экономической и политической агентурой в Китае, буржуазией, в том числе и "национальной"

Вы пишете, что Китаю предстоит еще "колоссальная проблема аграрного буржуазно-демократического переворота" В этом был для Ленина корень вопроса.

Ленин указывал, что крестьянство еще как сословие способно сыграть революционную роль в борьбе против сословия помещного дворянства и неразрывно с ним связанной бюрократии, увенчивающейся царским самодержавием. На следующем этапе, говорил Ленин, от рабочих отделятся кулаки, отделится значительная часть середняков, но это будет уже переход к пролетарской революции как части международной революции. Как же обстоит дело в Китае? Там нет помещного дворянства Там нет крестьянского сословия, связанного единством интересов против помещиков. Аграрная революция в Китае направляется против городской и сельской буржуазии. Радек на это упирал неоднократно – теперь это наполовину понял даже Бухарин Ведь в этом же корень дела

Вы пишете "Социальное содержание первого этапа будущей третьей китайской революции может быть охарактеризовано как социалистический переворот". Но тут мы рискуем удариться в бухаринскую схоластику и вместо живой характеристики диалектического процесса заняться терминологическим расцеплением волос. Каково было содержание нашей революции с октября 1917 г. до июля 1918 г.? Мы оставляли фабрики и заводы в руках капиталистов, ограничиваясь рабочим контролем, отнимали земли у помещиков и проводили мелкобуржуазную эсеровскую программу социализации земли; мало того, мы в этот период имели соучастника во власти в лице левых эсеров. Можно с полным правом сказать, что "социальное содержание первого этапа Октябрьской революции не может быть охарактеризовано как социалистический переворот". Яковлев, кажется, и еще кое-кто из красных профессоров много мудрили над этим. Ленин сказал, что мы попутно завершили буржуазную революцию. Китайской же революции ("третьей") придется уже на своем первом этапе бить по кулаку, отнимать концессии у иностранных капиталистов – ибо без этого никакого объединения Китая, в смысле подлинного государственного суверенитета в экономике и политике, не выйдет; другими словами, уже первый этап третьей китайской революции будет иметь в себе меньше буржуазного содержания, чем первый этап Октябрьской революции

Кантонские же события (как раньше китайские и пр.) показали, что и "национальная" буржуазия, имея за своей спиной Гонконг, иностранных советников, иностранные корабли, занимает такую позицию по отношению ко всякому мало-мальски самостоятельному движению рабочих и крестьян, что контроль рабочих над производством выйдет там еще меньше, чем вышел у нас. Придется, по всей вероятности, отбирать фабрики и заводы, сколько-нибудь значительные, уже на первых порах "третьей китайской революции".

Правда, Вы пытаетесь просто отвести показания кантонского переворота. Вы говорите: так как "кантонское восстание было авантюрой, т. е. не было предприятием, вырастающим из движения масс, то каким образом такое предприятие может создать новое положение?"... Ну, знаете, это совсем уже недопустимое упрощение вопроса. Что в кантонском перевороте были элементы авантюризма, против этого я менее всего склонен спорить. Но изображать кантонские события, как карманный фокус, из которого не следует никаких выводов, это уж слишком упрощенная попытка уклониться от учета действительного содержания кантонского опыта. В чем состояла авантюра? В том, что руководство,

стремясь перекрыть себя за прошлые грехи, чудовищно форсировало ход событий и привело к выкидышу. Движение масс было налицо, но недостаточное, незрелое. Неправильно думать, будто выкидыш неспособен научить нас ничему относительно материнского организма и родового процесса. Огромное, теоретически решающее значение кантонских событий для основных вопросов китайской революции состоит именно в том, что мы здесь – "благодаря" аванюре (да, да) – получили то, что так редко бывает в истории и в политике: почти что лабораторный опыт гигантского масштаба. Мы за него дорогонько заплатили, но тем меньше у нас права отмахиваться от его уроков.

Условия опыта "мели почти "химически чистый" характер. Все предшествующие решения записали, закрепили, затвердили, как дважды два, что революция буржуазно-аграрная, что только те, которые "перепрыгивают", могут говорить о диктатуре пролетариата (опирающейся на союз его с крестьянской

беднотой, составляющей восемьдесят процентов китайского крестьянства) и пр., и пр., и пр. Предшествующий съезд китайской компартии проходит под этим знаком. На месте присутствует специальный представитель Коминтерна тов. Н. Относительно нового ЦК Кит-компартии нам сообщали, что он выше всяких подозрений. Борьба с так называемым троцкизмом разворачивается в это время самым бешеным темпом, в том числе и в Китае. Между тем у порога кантонских событий ЦК Киткомпартии выносит, по словам "Правды", резолюцию о том, что китайская революция приняла перманентный характер, причем на этой же точке зрения оказался и представитель Коминтерна тов. Н. Под "перманентным" характером революции нужно в данном случае понимать следующее: пред лицом архиважнейшей практической задачи (хотя бы и преждевременно поставленной) китайские коммунисты и даже представитель Коминтерна, учтя весь опыт прошлого и всю, так сказать, политическую наличность, пришли к выводу, что крестьян повести против аграриев (городской и сельской буржуазии) могут только рабочие, руководимые коммунистами, а из победы такой борьбы может вырасти только диктатура пролетариата, опирающаяся на союз с сотнями миллионов крестьянской бедноты. Как в Парижской коммуне, тоже заключавшей в себе элементы лабораторного опыта (ибо восстание развернулось там в изолированном от всей страны городе), прудонисты и бланкисты действовали наперекор своим доктринам и тем ярче обнаруживали – по Марксу -- действительную логику классовых отношений, так и в Кантоне руководители, напичканные по самую маковку пре-

дубеждениями против страшилища "перманентной революции", приступивши к действию, оказались с первого же шага повинны в этом самом первородном перманентном грехе. Куда же девалось драгоценное противоядие мартыновщины, прививавшееся лошадиными и ослиными порциями? Нет-с, если бы это была только авантюра, т. е. некий фокус-покус, ничего не показывающий и ничего не доказывающий, то сия авантюра совершилась бы по образу и подобию своих творцов; ан нет, авантюра-то прикоснулась к земле, напилалась соком действительных (хотя и не созревших) массовых движений и отношений, и посему сия "авантюра" взяла своих собственных творцов за мотню, невежливо приподняла, потрясла в воздухе и потом поставила на голову, пристукнувши для устойчивости черепом об камень кантонской мостовой. Как свидетельствуют последние на сию тему резолюции и статьи, эти самые "творцы" все еще стоят на головах и "перманентно" дрыгают в воздухе ногами.

Смешно и недопустимо говорить о "несвоевременности" делать выводы из живых событий, в которые должен вдуматься каждый рабочий революционер. Во время восстания Хэ Луна и Ие Тина я хотел открыто поставить вопрос о том, что после завершения гомиьдановского круга развития претендентом на власть может быть только авангард пролетариата. Это предполагает новую его установку, новую его самооценку – после переоценки объективной установки -- и тем самым исключает авантюристский подход к делу: "Мы-де подождем в каком-нибудь уголке, мужик подхватит, а там кто-нибудь и как-нибудь возьмет власть и что-нибудь сделает". Некоторые товарищи говорили мне тогда: "Несвоевременно поднимать этот вопрос по поводу Хэ Луна, который, по-видимому, уже раздавлен". Я нисколько не переоценивал восстание Хэ Луна, но тем не менее считал, что оно является последним сигналом в пользу необходимости пересмотра ориентировки в делах китайской революции. Если б тогда эти вопросы были своевременно поставлены, то, может быть, они заставили бы задуматься идейных авторов кантонской авантюры, и китайская партия не была бы так беспощадно истреблена; а если нет, то в свете нашего прогноза и нашего предупреждения кантонские события вошли бы пол-новеснейшим уроком в сознание сотен и тысяч, как например, предупреждение Радека насчет Чан Кайши накануне шанхайского переворота. Нет-с, все сроки прошли. Когда возродится китайская революция, не знаю. Но остающееся в нашем распоряжении время надо целиком использовать для подготовки, притом по свежим следам событий.

Вы пишете, что нужно изучить историю Китая, его эконо-

мику, статистику и пр. Против этого спорить нельзя (если это не довод за отложение вопроса до греческих календ). Должен, однако, в свое оправдание

сказать, что с момента своего приезда в Алма-Ату я только занимаюсь Китаем (Индией, Полинезией и пр. - для сопоставлений). Пробелов у меня, конечно, гораздо больше, чем заполненных мест, но все же должен сказать, что во всех новых (для меня) книгах, которые я продолжаю читать и сегодня, я уже не встречаю ничего принципиально нового. А главное все же - подтверждение опытом предвидения: сперва относительно Гоминьдана в целом, затем относительно левого Гоминьдана и уханского правительства и, наконец, в отношении "задатка" под третью революцию - в виде кантонского переворота. Вот почему я считаю, что откладывать нельзя.

Два последних вопроса.

Вы спрашиваете, прав ли был Ленин, когда защищал против Бухарина во время войны ту мысль, что России еще предстоит буржуазная революция? Да, прав. Бухаринская постановка была схематичной и схоластичной, т. е. представляла собою ту самую карикатуру на перманентную революцию, которую Бухарин подсовывает мне теперь. Но ведь есть другая сторона того же вопроса: прав ли был Ленин, когда против Сталина, Рыкова, Зиновьева, Каменева, Фрунзе, Калинина, Томского и пр. и пр. и пр. (я уже не говорю про всех Лядовых) выставлял свои апрельские тезисы? Прав ли он был, когда против Зиновьева, Каменева, Рыкова, Милютина и пр. и пр. он защищал захват власти пролетариатом? Вы лучше моего знаете, что если бы Ленину не удалось в апреле 1917 года прибыть в Петербург, то Октябрьской революции не было бы. До февраля 1917 года лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства был исторически прогрессивным; после февральского переворота тот же лозунг--у Сталина, Каменева и пр. стал реакционным лозунгом.

От апреля до мая 1927 года я стоял за лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства для Китая (вернее, соглашался на этот лозунг), поскольку общественные силы еще не дали своей политической проверки, хотя обстановка в Китае была неизмеримо менее благоприятна для этого лозунга, чем в России; после того, как эта проверка дана в гигантском историческом действии (опыт Ухана), лозунг демократической диктатуры стал реакционной силой и неизбежно будет вести либо к оппортунизму, либо к авантюризму.

Вы ссылаетесь далее на то, что для октябрьского прыжка мы имели февральский разгон. Это правильно. Если бы мы хотя бы к началу северного похода стали в "освобожд-

даемых" районах строить Советы (а массы к этому стремились), мы получили бы необходимый разгон, разложили бы армии врагов, получили бы свою армию и пришли бы к власти, - если не во всем Китае сразу, то в очень значительной его части. Сейчас, конечно, революция идет на снижение. Указание легкомысленных борзописцев на то, что революция у нового подъема, так как-де в Китае неисчислимы казни и жесткий торгово-промышленный кризис, есть преступное идиотство. После трех величайших поражений кризис не возбуждает, а, наоборот, угнетает пролетариат, а казни разрушают политически обособленную партию. Мы вошли в период отлива. С чего начнется новый прилив? Или иначе сказать: какие обстоятельства дадут пролетарскому авангарду во главе рабочих и крестьянских масс необходимый разгон? Этого я не знаю, окажется ли для этого достаточно только внутренних процессов или понадобится толчок извне, покажет будущее. Допускаю, что первый этап движения может в сокращенном виде повторить, в измененной форме, уже пройденные этапы революции (например, какую-нибудь новую пародию на "общенациональный фронт" против Чжан Цзолиня*); но этот первый этап будет недостаточен разве только на то, чтобы дать компартии выдвинуть и провозгласить перед 'народными массами свои "апрельские тезисы", т. е. свою программу и стратегию завоевания власти пролетариатом. Если же мы войдем и новый подъем, который будет развиваться несравненно более быстрым темпом, чем предшествующие, с запоздалой уже сегодня схемой "демократической диктатуры", то можно заранее дать голову на отсечение, что в Китае найдется очень много Лядовых, но вряд ли найдется Ленин для того, чтобы (против всех Лядовых) произвести тактическое перевооружение партии на другой день после революционного толчка. [...].

[Л. Троцкий] [Конец апреля 1928 года]

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Дорогой Е. А.

Вчера получил Ваше письмо, посланное воздушной почтой. Таким образом,

все письма дошли, причем последнее письмо шло 16 дней, т. е. на 6 дней меньше обычных писем.

* Глава мукденской (фэнтяньской) милитаристской клики в Китае, поддерживаемой Японией, генерал В 1927 г жестоко подавил восстание коммунистов, казнив через повешение 25 человек – Прим ред –сост.

Третьего дня я отправил Вам подробнейший ответ на Ваши возражения по части китайской революции. А сегодня, проснувшись, вспомнил, что не ответил Вам (как будто) на тот аргумент, который Вы считаете важнейшим, насколько я понимаю. Вы пишете:

"Ваша основная ошибка заключается в том, что Вы характер революции определяете в основе по тому, кто ее делает, какой класс, т. е. по субъекту действия, а объективному содержанию процесса придается как будто второстепенное значение".

Дальше Вы приводите в качестве примера ноябрьскую революцию в Германии, революцию 1789 года во Франции и будущую китайскую революцию.

Этот аргумент есть, в сущности, только "социологическое" (говоря высоким штилем) обобщение всех остальных Ваших конкретных экономических и исторических соображений. Но я хочу ответить на Ваши соображения и в их обобщенной социологической формулировке, ибо при этом "основная ошибка" (Ваша, а не моя) выступает наиболее явственно.

Как характеризовать революцию: по классу, который ее совершает, или по социальному содержанию, которое она в себе несет. Противопоставление одного другому в такой общей форме заключает в себе теоретическую ловушку. Якобинский период французской революции был, конечно, периодом мелкобуржуазной диктатуры, причем мелкая буржуазия – в полном соответствии со своей "социологической" природой – прокладывала пути для крупной буржуазии. Ноябрьская революция в Германии была началом пролетарской революции, но задержанная на первых же своих шагах мелкобуржуазным руководством успела только сделать кое-что из недоделанного буржуазной революцией. Как же назвать ноябрьскую революцию: буржуазной или пролетарской? И то, и другое будет неправильно. Место ноябрьской революции определится тогда, когда мы дадим и механику этой революции и определим ее результаты. Между механикой (понимая под нею, разумеется, не только движущую силу, но и руководство) и между результатами противоречия в таком случае не окажется: и механика, и результаты имеют "социологически" межеумочный характер. Но я позволю себе спросить Вас: а как Вы назовете венгерскую революцию 1919 года? Вы скажете: пролетарской. Почему: ведь "социальное-то содержание" венгерской республики оказалось капиталистическим. Вы ответите: это социальное содержание контрреволюции, а не революции. Правильно. Примените теперь это к Китаю. "Социальное содержание может

быть при диктатуре пролетариата (опирающейся на союз с крестьянством) в течение известного времени еще не социалистическим, но путь к буржуазному развитию от диктатуры пролетариата может вести только через контрреволюцию. Поэтому на счет социального содержания приходится сказать: "будем посмотреть".

В том-то и дело, что политическая механика революции, которая, конечно, в последнем счете опирается на экономическую базу (не только, однако, национальную, но и интернациональную), не может быть, однако, абстрактно-логически выведена из этой экономической базы. Во-первых, самая база очень противоречива, и "зрелость" ее не поддается голому статистическому определению; во-вторых, экономическую базу, как и политическую обстановку, надо брать не в национальных, а в интернациональных рамках, учитывая диалектическое взаимодействие национального и интернационального; в-третьих, классовая борьба и ее политическое выражение, развиваясь на экономических основах, имеют, однако, и свою собственную логику развития, очень властную, из которой нельзя выскочить. Когда Ленин говорил в апреле 1917 года, что спасти Россию от разложения и гибели может только диктатура пролетариата, то Суханов (наиболее последовательный оппонент) отвечал двумя основными доводами: 1) социальное содержание

буржуазной революции еще не осуществлено; 2) Россия экономически еще не созрела для социалистической революции. Что отвечал Ленин? Созрела или не созрела это опять-таки "будем посмотреть"; статически этого определить нельзя; это определится по ходу вещей, притом не иначе, как в международном масштабе. Но независимо от того, говорил Ленин, как это социальное содержание определится в конце концов, сейчас, сегодня, нет другого пути для спасения страны - от голода, войны и закабаления, кроме захвата власти пролетариата.

Вот это самое и приходится теперь сказать по отношению к Китаю. Неправильно, во-первых, будто аграрная революция составляет основное содержание нынешней исторической борьбы. В чем должна состоять эта аграрная революция? В черном переделе. Но таких черных переделов в китайской истории было немало. А потом развитие снова возвращалось "на круги своя". Аграрная революция есть истребление китайских землевладельцев и китайских чиновников. А национальное объединение в Китае и экономический суверенитет означают освобождение от мирового империализма, для которого Китай остается важнейшим предохранительным клапаном против крушения европейского, а завтра--американского капитализма. Аграрный переворот в

Китае без национального объединения и таможенной автономии (по существу: монополии внешней торговли) не открыл бы Китаю никакого выхода и никаких перспектив. Этим и предопределяется гигантский размах и чудовищная острота той борьбы, которая предстоит в Китае, - теперь, после опыта, уже проделанного всеми участниками. Что же в этих условиях должен сказать себе китайский коммунист? Ужели же он может рассуждать так: социальное содержание китайской революции может быть только буржуазным (сие доказано такими-то и такими-то таблицами); нельзя поэтому ставить себе задачей диктатуру пролетариата; социальное содержание предписывает в своем крайнем случае коалиционную диктатуру пролетариата и крестьянства; но для коалиции (речь идет, конечно, о политической коалиции, а не о "социологическом" союзе классов) нужен партнер; Москва меня учила, что таким партнером является Гоминьдан-- сперва весь, потом без правых, потом левый Гоминьдан; однако левого Гоминьдана не оказалось; что же тут делать? Очевидно, остается мне, китайскому коммунисту, утешаться тем соображением, что "сейчас еще ничего нельзя сказать, выдвинет ли китайская мелкая буржуазия какие-либо партии .." или не выдвинет. А может, вдруг выдвинет? Китайский коммунист, который стал бы рассуждать по этому рецепту, зарезал бы китайскую революцию. Дело идет, разумеется, меньше всего о том, чтобы призвать Киткомпартию к немедленному восстанию для захвата власти. Темп целиком зависит от обстоятельств. Задача состоит в том, чтобы компартия насквозь прониклась тем убеждением, что третья китайская революция может победоносно завершиться только диктатурой пролетариата под руководством компартии. Причем это руководство надлежит понимать не "вообще", а в смысле непосредственного обладания полной революционной властью. А каким темпом придется строить в Китае социализм, это "будем посмотреть".

[Л. Троцкий] [Конец апреля 1928 года]

ПИСЬМО КЛЕМЕНТЬЕВУ И ТАМАРКИНУ

Дорогие товарищи Клеменьев и Тамаркин!

Вот уже четвертый месяц, как мы живем в Алма-Ата. В достаточной мере здесь освоились и более или менее представляем себе завтрашний день. Сообщу Вам самое основное.

Климат здесь оказался совсем не таким южным и не таким благоприятным, как мы думали с самого начала. До сих пор весна еще никак не соберется с силами. Всего неделю тому назад выпал большой снег, который, правда, держался всего сутки. Сейчас погода перемежающаяся: два дня солнечных и теплых, два - три дня пасмурных, дождливых и холодных. Окончательного установления теплой погоды ждут только во второй половине мая.

Город весь в садах, это правда. Но в то же время он весь в пыли и в малярии, особенно средней и нижней его части. Мы живем в средней части.

Квартира наша (улица Красина, 75) помещается в одном дворе с губернским архивом. Сама по себе квартира хороша, имеется даже электричество (это

случайность, в частных домах электричества здесь почти нет), но, как уже сказано, часть города, в которой мы живем, в климатическом отношении не очень хороша. На лето, т. е. к концу мая, предполагаем выехать в более возвышенную местность. На склоне гор, верстах в 5 - 8 отсюда, имеются так называемые дачи, т. е. летние деревянные бараки. Малярия туда, как говорят, не добирается. Общие бытовые условия в городе неблагоприятны. Почти в течение всех трех месяцев, что мы здесь живем, в городе ощущался недостаток в хлебе, да и в большинстве других продуктов и промышленных товаров. Везде и всюду очереди. Цена за пуд муки доходила до 8--10 рублей*, пуд овса 4--5 рублей, сноп клевера 50 - 60 коп. В течение последних месяцев содержание лошади обходилось извозчику в месяц примерно в 100 - 120 рублей. В настоящий момент хлебный кризис обострился до последней степени. Очевидно, эти факты, поскольку они становятся известными через печать и другими путями, вызывают беспокойство товарищей относительно нашего здесь существования. Настойчиво прошу не беспокоиться, мы живем в достаточно благоприятных условиях, особенно по сравнению с другими товарищами, и имеем все необходимое.

Одновременно с этим ходят слухи о моей болезни. Я получаю запросы письмами и по телеграфу с разных сторон. Положение в этом отношении таково: в первый период после приезда я хворал; затем наступил период полного физического благополучия; сейчас наступил третий период; температура время от времени повышается, два - три дня недомогания, затем все входит в норму и снова возобновляется через несколько дней. Очевидно, это какие-то маля-

* 3 мая мука "вскочила" до 17 руб

рийные циклы. Я стал за ними следить. В общем же я вполне работоспособен. Хуже с Наталией Ивановной, у которой малярия возобновилась в довольно острых и болезненных формах.

Пользуясь работоспособностью и свободой от практических занятий, я много занимаюсь. Главная работа сосредоточивается вокруг оценки послевоенного десятилетия (международное хозяйство, международная политика, международное революционное движение). Начал я с Востока: Китай, Япония...

Вторая работа, на которую меня подбил Преображенский, - это воспоминания. Более благоприятных условий для этой работы, чем здесь, в Алма-Ата, не дождешься... Кроме того, перевожу не изданный до сих пор памфлет Маркса "Карл Фогт" с немецкого и небольшую книжку английского утописта Годскина с английского.

Книг мы сюда привезли хоть и не столько, как ввали газет, а во много раз меньше, но все же несколько ящиков. Теперь уж стали получаться книги из Москвы и даже из-за границы. Выписываем "Правду" и "Экономическую жизнь".

Из Баку, Тифлиса, Воронежа товарищи посылают местные газеты. Тов. Раковский присылает из Астрахани еженедельно пачку иностранных газет. Тов. Сосновский снабжает интересными вырезками из сибирской печати. Иностранные газеты получают также время от времени из Москвы.

Местная библиотека довольно обширна - что касается старых книг. К сожалению, они совершенно не каталогизированы и большей частью лежат хаотическими кучами. Я имею доступ к ним и извлекаю из этих куч то, что мне нужно. Конечно, для систематической научной работы здешнее книгохранилище совершенно не достаточно, тем более что, как уже сказано, новых книг здесь крайне мало.

Переписку я веду очень значительную, причем она имеет "тенденцию к быстрому возрастанию. В день первого мая мы получили здесь два десятка телеграмм, в большинстве групповых. Письма идут из Москвы 15--18 дней.

В дополнение сообщу еще, что дважды ездил на весеннюю охоту, причем мы привезли с сыном изрядное количество уток. Охотничий сезон закончился здесь первого апреля; сейчас готовимся к рыбной ловле. Вот вкратце самое существенное, что я могу сообщить о своем житье-бытье. Незачем говорить, что настроение у нас троих хорошее и бодрое. Получаемые нами в большом числе письма также дышат бодростью.

Я совершенно согласен со всем, что Вы пишете о Пята-

кове. Да, он уже года два тому назад говорил мне, что хочет отойти от политики и стать чиновником. Он не раз повторял это.

Крепко жму руки, желаю здоровья и правильного использования нынешней, "передышки" - в форме учебы.

[Л. Троцкий] Алма-Ата, 3 мая 1928 г.

ПИСЬМО МРАЧКОВСКОМУ

Дорогой Сергей Витальевич.

Получили наконец от Вас первое письмо. Оказывается, что письма не доходили по той причине, что их не писали. Я Вам послал за это время пять писем (не считая открыток): 1) 28 февраля, 2) 8 марта, 3) 12 марта (о кантонских событиях), 4) 20 марта - копия моего письма Сосновскому, 5) 12 апреля, отчет о своей охотничьей поездке. Открытки у меня не записаны -- одна или две. Получили ли Вы все это? Большинство писем, а может быть, и все, посланы заказным порядком.

Очень огорчительно, что Вы хвораете, и очень тревожит крайняя Ваша, простите, недисциплинированность по части самосохранения. Тов. Орловская * вполне права, учиняя над Вами режим медицинской диктатуры. Мы отсюда полностью и целиком к этому режиму присоединяемся; просим только о том, чтобы гайки были подвинчены потуже. Где же и ограждать сердце, как не на полном покое: полгода полежать -- означает в дальнейшем два-три годика лишних попрыгать. И в отношении охоты - при усталости сердца - необходимо наложить на себя известное ограничение. Я очень хорошо знаю, как сие трудно и заранее сочувствую полностью, тем не менее надо во что бы то ни стало укрепить себя.

Напрасно Вы, дорогой Сергей Витальевич, думаете, что Ваша телеграмма Пятакову встретила тут у нас возражения. Наоборот, мы очень весело смеялись, когда узнали о ней из Москвы, недели за две до того, как узнали от Вас, а может быть, и раньше. Такого рода телеграмма стала сейчас же известна по Москве и тем самым превратилась в полити-ческий факт из сердитой шутки. Значит, цель достигнута полностью, что и требовалось доказать.

От Уфимцева и Семашко мы получили первомайские те-

* Жена Мрачковского - Прим. ред.-сост.

леграммы из Котласа, где они находятся вместе с Познанским. Вчера же я получил впервые весть от т. Розанова. Он находится в Кустанае (ул. Калинина, д. 77). Выехал он с температурой за 38, большую часть времени проводит в постели. Переписываю дальше часть его письма:

"Сейчас становится лучше, однако работать еще не смогу, предполагаю лето использовать на укрепление здоровья. Так тянуть трудно. Но в "немошном теле" дух вполне здоровый; настроение всегда бодрое: ценности не переоцениваю, "покаянники" не раздражают, за исключением А. О. [Альский], -- уж очень согбенной и жалкой представляется мне его фигура, приложенная к его заявлению".

Получил вчера также письмо от Преображенского. Должен сказать, что в числе аккуратных корреспондентов пока значатся только Раковский, Сосновский, Муралов и Преображенский. Остальные пишут не столь аккуратно, хотя писем получается все-таки очень много. Благодаря большому числу корреспондентов и приходится пользоваться копиями писем, написанных одному для ответа другим, иначе пришлось бы весь рабочий день занимать перепиской. Преображенский сообщает, что Полина [Виноградская] меняет Москву на Казахстан. Сегодня утром получилась телеграмма от Богуславского: "Беспокоюсь отсутствием ответа моих два письма; телеграфируйте - Кузнецкая, 8, здоровье, бытие". Между тем я от Богуславского до сих пор не получил ни одной строки, хотя написал ему открытку. Вероятнее всего, письма его еще в пути. От Муралова письмо шло 33 дня (получил вчера). Николай Иванович только готовился к весенней охоте, Иртыш у него еще был покрыт льдом в момент отправки письма, а у нас здесь охота закончилась тридцать три дня тому назад. От Ищенко получилась вчера же открытка. Он жалуется на неполучение от меня ответа. Опять-таки я писал ему не меньше четырех раз, почти всегда заказным, но письма, очевидно, еще странствуют. От Григорова пришла открытка с пути, он здоров и бодр. Вчера же получил письмо от Валентинова, который, как Вы знаете, живет вместе с Ал. Георг. [Белобородовым].

Вчера пришла телеграмма от ростовцев: "Горячий привет апрельский группы ростовских большевиков Алферова, Пинега, Леснова", телеграмма из Мариинска. Вчера же опять-таки пришла телеграмма из Термеза, со значительным запозданием из-за порчи пути: "Первомайский привет Шумская, Радаевич, Микина". Из первомайских телеграмм эта по счету 22-я или 23-я, почти все групповые; есть среди них телеграммы из Москвы, Харькова, Кавказа и проч.

Такова корреспонденция за последние два дня. Правда,

не каждый день корреспонденция бывает так обильна, но так как число корреспондентов растет, то и переписка имеет тенденцию к постоянному возрастанию.

Я Вам посылал свои соображения по поводу кантонских событий. Это письмо послано было 12 марта. Надеюсь, что Вы его получили. Е. А. [Преображенский] прислал некоторые свои возражения по этому предмету; Вы, конечно, помните, что мы кое в чем расходились с ним еще прошлой осенью. Разумеется, он ни на минуту не колебался в таких вопросах, как недопустимость участия в Гоминьдане или в Уханском правительстве. Единomyслие по этим двум пунктам, плюс лозунг Советов и конфискации крупного (по китайским условиям) землевладения, решало для своего времени вопрос. Но теперь китайская революция требует пересмотра основной установки. Вернее сказать, она требует этого с осени прошлого года. Об этом я, как помните, писал настойчивые письма из Нальчика, но наткнулся на чисто центристские возражения Зиновьева и на колебания кое-кого из наших. Сейчас как по всему ходу событий в Китае, так и по ходу событий в Коминтерне (резолуция последнего Исполкома, предстоящий международный конгресс), необходимо по этому поводу занять ясную и точную позицию. Вопрос этот ни в каком случае не менее важен, чем, скажем, вопрос об отношении к кулаку или индустриализации у нас. Я Вам посылаю здесь копию своей переписки с Е. А. по китайским делам. Первого письма своего не посылаю, так как оно должно у Вас иметься.

В заключение еще несколько слов о житье-бытье. Мы ждали Сережу из Москвы в начале апреля. Он там задержался из-за экзаменов и выехал только 28 апреля, но сегодня, 8 мая, его еще здесь нет. Лева выехал его разыскивать на путях между Нишпеком и Алма-Ата. Получена как будто телеграмма, что Сергей где-то в пути. Ждем их обоих сегодня. За последние дни здесь сразу установилась очень жаркая погода, связанная с малярийным поветрием. У Наталии Ивановны малярия восстановилась полностью уже месяца полтора-два тому назад. Я до последнего времени состоял под сомнением, но вот уже недели две, как сомнения рассеялись, я так же записался в число маляриков. Местность здесь заражена малярией чрезвычайно. Я Вам, кажется, уже писал, что к весне мы собирались переселиться в так называемые сады. Это повыше, в горах, верстах в восьми от той части города, где мы живем. И это дело, к сожалению, задержалось по некоторым внешним причинам. Переезд состоится, вероятно, не раньше, как дней через 10--12.

О работе своей я Вам уже писал, хотя работаю много, но по обширности темы работа подвигается медленно. Да и мне хочется воспользоваться здешней обстановкой для более основательной работы. Вот, кажись, все важнейшее, что могу Вам сообщить на сей раз.

[Л. Троцкий] 8 мая 1928 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Чтоб не задерживать, посылаю пока это письмо. На Ваше ответу завтра-послезавтра.

Л. Троцкий

Дорогой друг.

Мы не можем вести отсюда политику "накоротке", высказываясь эпизодически по отдельным, хотя бы и существенным, вопросам. Из огромных "неудобств" нашего положения вытекает, однако, и некоторое маленькое преимущество: мы можем высказываться лишь обобщенно, обо всей ситуации в целом. Мы должны обратиться к Шестому конгрессу Коминтерна - насколько окажется возможным, коллективно - с изложением нашего отношения к нынешней международной и внутренней политике.

Смысл заявления: высказать то, что есть. Никаких преувеличений,

никакого игнорирования нынешних официальных попыток вырваться из трясины, но и никакой дипломатии, лжи, фальши, развращающего политиканства в духе Зиновьева--Каменева--Пятакова, себялюбивого, чиновничьего, насквозь безответственного, понтиепилатовского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкательства в духе Антонова-Овсеенко. Об этом, впрочем, незачем и говорить. Мы должны сказать правду, только правду, всю правду.

Внутренние вопросы необходимо поставить под международным углом зрения. Никакая внутренняя политика не поможет без правильного и выдержанного курса международной пролетарской революции. Да и немыслима правильная внутренняя политика без правильного, широко продуманного международного курса. Надо ребром поставить вопрос об убийственных ошибках начиная с 1923 года -- Болгария-- Германия--Эстония--Англия--Китай... Весь авторитет, накопленный в течение десятилетий, закрепленный Октябрем, был направлен на срыв революции: сперва - эпизодически,

по недомыслию, близорукости, короткомыслию, а в последний период - в силу новой системы, которая возвела все вышеозначенные качества в теорию.

Еще в 1851 году Энгельс писал: "Если революционная партия пропускает решительные моменты, не произнося своего слова, или если она вмешивается и не побеждает, тогда ее можно считать на некоторое время погибшей". У нас были систематические упущения революционных моментов и, что еще хуже, "вмешательства", направленные против объективной логики революционного развития. Упущенные решительные моменты: Германия, Болгария, Англия, Китай. Оппортунистические вмешательства наперекор ходу развития: Англия, Китай. Авантюристские вмешательства, вразрез с логикой движения: Эстония, Кантон. Напоминаю только наиболее грандиозные примеры. Таким путем можно, как выражается Энгельс, "погубить на некоторое время партию". Под могущественными толчками империалистской эпохи мас-са снова левеет и приливает к нам. А когда ситуация достигает решающего обострения, мы оппортунистически срываем ее, а затем пытаемся авантюристски исправить неисправимое. Получается бочка Данаид, которой нельзя заполнить никогда.

Только одна иллюстрация, зато свежая и поистине потрясающая. ЦК Киткомпартии объявлялся - против нас - безупречным. Затем, вдруг, он оказался меньшевистским. Сня-ли. Создали новый, истинно большевистский -- все это за кулисами. После Кантона новый сюрприз: безупречный ЦК второго издания оказался сторонником "перманентной революции". Калейдоскоп руководства, без правильно идейной жизни, без критики опыта, без преемственности и революционного вызревания.

Вопрос о всестороннем обсуждении и теоретической про-работке всех вопросов китайской революции никак не менее важен, чем вопрос нынешнего, внутреннего, экономического поворота. Еще раз: никакая "самая лучшая" внутренняя политика не даст победы, если революция будет срываться ложной революционной стратегией и, главное, если Интернационал не будет учиться на ошибках. А последнее невозможно, поскольку сокрытие ошибок превращается в вопрос государственного престижа и охраняется государственными средствами. Это вопрос жизни и смерти для международной пролетарской революции.

О линии в Китае по существу. Лозунг буржуазно-демократической коалиционной диктатуры рабочих и крестьян стал сейчас уже реакционным лозунгом для Китая - гораздо более явно и очевидно, чем для России после февраля

1917 года. Этот лозунг неизбежно превратится завтра снова в ловушку для Киткомпартии и прикрытия для новой гоминь-дановщины, на более высокой ступени развития революции. Не меньшее значение имеет вопрос о так называемых "рабоче-крестьянских" партиях в Индии, Японии и пр. Это все назревающие нарывы новой гоминьдановщины.

* * *

Решения по внутренним делам (в отношении кулака и проч.), как и решения последнего Исполкома, представляют собою непоследовательный, противоречивый, но все же несомненный шаг в нашу сторону, т. е. на правильный путь. Это надо сказать ясно и отчетливо. Но, во-первых, не преувеличивать размера шага -- после проделанного опыта осторожнее на поворотах - без лишних авансов,-- а

во-вторых, кратко объяснить причины, механику и идеологию поворота.

Почему это нужно? Для нас важнее всего то, что оседает в головах авангарда. Не только что делаешь, но и как понимаешь то, что делаешь. Политический эмпиризм (крохо-борчество, делячество) – смертельный враг большевизма. Никакой потачки эмпиризму. Никаких потачек эпитонству, отцеживающему комаров и проглатывающему верблюдов (партию, страну, весь мир заставляют зубрить то, что имярек сказал в 1904 году о революции и ее перманентности, а тем временем проспали гигантскую китайскую революцию 1925--1927 гг.; бывало в истории такое злокачественное эпитонство?).

Почему поворот в отношении кулака у нас, в отношении Макдональда и Персея в Англии, Блюма во Франции, Гоминьдана в Китае – так счастливо совпали во времени? Где искать возникновения объективной потребности в этом повороте: в Шанхае? в Лондоне? в Париже? Там-то объективная необходимость покончить с оппортунистической политикой была налицо давно. И тем не менее... Сия необходимость возникла в Москве. Кто ее создал? Разумеется, мы с Вами как "единственное сознательное выражение бессознательного процесса". Если б не было нас налицо, нынешние хозяйственные затруднения привели бы к гигантскому успеху устряловщины.

Почему же нас организационно разгромили? Мы уже на это отвечали. Разгром явился завершением гигантского сдвига в соотношении мировых сил за последние годы, особенно за время 1922--1928 гг.

Авангарду не раз приходилось в истории своим поражением обеспечивать продвижение вперед или хотя бы задерживать отступление или спуск. Так французская коммуна помимо своего основного значения – как веха в борьбе пролетариата за власть обеспечила республику во Франции. Московское восстание в декабре 1905 года обеспечило созыв Государственной думы. В других условиях и в другом смысле: только наша расплата тягчайшей ценой за постановку всех важнейших вопросов в масштабе всей страны и всего мира обеспечила торможение в процессе сползания и вынудила на данной стадии серьезный шаг влево. Тем меньше у нас основания игнорировать этот шаг или недооценивать его.

Мы предсказывали: хвост ударит по голове и вызовет перегруппировку сил (см., в частности, прения на февральском пленуме ЦК 1927 года).

И вот как-то нечаянно обнаружилась мелочь: хлебозаготовки в руках тех, которые хотят жить в мире со всеми классами. Откуда они взялись и как приобрели силу эти достопочтенные строители социализма в отдельной стране? Вот они-то и представляют собой правый, устряловский хвост (вернее, партийное звено этого хвоста), который бьет по центристской голове, вынуждая ее выкидывать левые антраша, не предусмотренные программой. Хвост себя еще покажет, ибо он имеет могущественное продолжение в стране и особенно за ее пределами в капиталистическом мире. Мы необходимы партии (ее пролетарски-большевистскому ядру), чтобы справиться с этим "хвостом".

С другой стороны, тот факт, что сдвиг произошел, то есть что он оказался возможен внутри ВКП и Коминтерна и способен стать – пока не более -- исходным моментом нового курса, этот факт доказывает правильность и другой нашей установки: единство партии и Коминтерна, борьба за большевистскую линию на основе действительной партийности, то есть той, которая – где нужно – не боится существо дела, поставить выше всякой формы. В этом наша правота против тенденций в сторону второй партии, как у нас внутри, так и за границей.

* * *

На теоретической (экономической, классовой) оценке наметившегося официального сдвига не останавливаюсь. В основном здесь правильно то, что сказал на этот счет тов. Преображенский; нужно только, по-моему, и в этой части как можно резче подчеркнуть, что вопрос о кулаке

ни в каком случае не разрешается группировками внутри деревни и вообще внутридеревенской политикой, -- этот вопрос непосредственно подчиняется вопросу о командных высотах хозяйства, то есть прежде всего о промышленности. Дальнозоркое управление государственным хозяйством, в том числе и прежде всего по линии его отношения к крестьянскому хозяйству, есть

вопрос всех вопросов. И при капиталистическом режиме один трест - в зависимости от организации и управления - процветает, а другой рушится. Можно погубить и трест трестов - госхозяйство -- близоруким, беспринципным, бездарным управлением. Над вопросом о кулаке стоит вопрос об индустриализации (чего Зиновьев не понимал не только в 1923-м, но и в 1927 году). Над вопросом о кулаке и индустриализации вместе - стоит вопрос о правильном руководстве Коминтерном, о воспитании кадров, способных опрокинуть мировую буржуазию.

Готовы ли мы поддержать нынешний официальный сдвиг? Безусловно. Всеми силами и средствами. Считаем ли мы, что этот сдвиг увеличивает шансы оздоровления партии без слишком больших потрясений? Считаем. Готовы ли мы содействовать этому именно пути? Всемерно и всецело.

Обвинение нас в том, что мы нарушили обещание, данное Пятнадцатому съезду, есть грубый и нелояльный вздор. Мы говорили искренне и добросовестно о нашей готовности отказаться от фракционных методов. Мы при этом твердо рассчитывали именно на то, что вышеупомянутый хвост непременно ударит по вышеупомянутой голове и вызовет в партии сдвиг, который даст возможность защищать правильную линию, без фракционных конвульсий. Но о какой же нефракционности можно говорить при исключении из партии? "Нефракционность" равносильна в этом случае отречению от партии. Только гнусный чиновник способен ставить такие требования большевику. Пятаков глубокомысленно разъясняет нам, что наше положение "противоречиво", поэтому он, видите ли, ныряет на дно. Для утопленника, что и говорить, все противоречия исчезают. Но только, как говорится у Чехова, "мертвый труп утоплого человека" - вряд ли подходящий вождь в революционной борьбе. Противоречие в нашем положении есть жизненное, историческое противоречие, которое может быть преодолено только действием, опирающимся на правильное познание объективного хода вещей.

Требуем ли мы в нашем письме в Коминтерн восстановления в партии? Безусловно, требуем. Обязуемся ли соблюдать дисциплину и не строить фракцию? Обязуемся. Сейчас, при наметившемся и нами же обусловленном официальном

сдвиге, у нас для такого обязательства гораздо больше возможностей и шансов, чем полгода или год тому назад.

Незачем говорить, что тон письма должен быть совершенно спокойный, так, чтобы ясно было видно то, что есть: именно, что политика эпигонского самодурства ни в малейшей степени не ожесточила нас - политика не знает злобы -- мы глядим повыше и подальше этого, и наше, вполне определенное, отношение к крохоборчеству, оппортунизму, нелояльности и вероломству -- нимало не затемняет нашего отношения к исторической партии большевиков, тем более к историческим задачам международного рабочего класса.

9 мая 1928 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Уважаемый товарищ,

Вы спрашиваете совета, "о чем сейчас писать", "какие темы более нужны в данное время". Мне очень трудно Вам ответить на этот вопрос уже по тому одному, что я не знаю Вас лично, не знаю круга Ваших наблюдений, объема Вашего жизненного опыта и размера Вашей писательской силы. Таких тем, которые были бы пригодны для всякого писателя, как Вы прекрасно понимаете, не существует. Да и вообще трудно, мне кажется, художнику гоняться за какой-то "наиболее нужной темой". Не правильнее было бы подойти к вопросу с другого конца, именно - взглянуться хорошенько в свой собственный жизненный опыт, начиная с раннего детства и до сегодняшнего дня, и выбрать из этого опыта наиболее значительное, яркое, убедительное, то есть прежде всего то, что лучше всего знаешь и понимаешь. Если у писателя при этом правильная общественная ориентировка и если она не сидит на нем как мундир, а вошла нераздельной частью в его творческое сознание, тогда всякая сколько-нибудь серьезная и значительная тема повернется к читателю "нужным" концом. Вот на первый раз все, что я могу Вам ответить три всей готовности на поставленные Вам, и вопросы.

С товарищеским приветом

([Л. Троцкий])

г. Алма-Ата 14 мая 1928 г.

циркулярное письмо

Как мы здесь живем?--спрашиваете Вы. На этот вопрос уже приходилось отвечать десятки раз, так как число наших "корреспондентов" очень быстро возрастает. Тем не менее признаю полную законность этого вопроса, так как и сам с наибольшим интересом читаю те письма, в которых товарищи рассказывают о себе, о своем переселении, о том, как устроились, как живут и чем занимаются.

Сообщаю вкратце: недели три прожили в гостинице, после того нам дана была возможность переселиться на квартиру, сперва занимавшую полдома, а ныне "органическим путем" захватившую весь дом. Впрочем, дом этот состоит из четырех комнат. В виде исключения, в квартире имеется электричество. Ввиду крайней слабости электростанции здесь электричество имеется лишь в учреждениях и в квартирах госслужащих. Однако вследствие той же слабости и прямо-таки негодности электростанции электрический ток, который по расписанию должен действовать примерно с семи часов вечера до двенадцати ночи, шутит каждый вечер злые шутки, давая перебои на несколько минут, иногда на полчаса и больше. Квартира остается в темноте, и обитатели оной начинают перекликаться: зажигать ли свечи и керосиновую лампу, или ждать возрождения электрического тока.

В смысле снабжения продуктами здесь также наблюдаются жестокие перебои, особенно в отношении хлеба. Вот уж месяца полтора, как город особенно тяжело страдает от недостатка хлеба: жестокие очереди, крайне ограниченное количество хлеба и в высшей степени плохое качество.

Пуд пшеничной муки был все время на вольном рынке на уровне примерно 20 рублей, а за последний месяц стал подниматься в цене и дошел до 25 рублей. Должен, однако, сказать, что мы, лично, пользуемся на этот счет всякими льготами. Был только один критический момент, когда нельзя было вовсе достать хлеба. Но как раз накануне мы совершенно неожиданно получили из Москвы по почте от П. С. Виноградской посылку прекраснейшей муки и самостоятельно изготовили из нее хлеб самого высшего качества.

Очень большие здесь затруднения также и с мясом, и со всеми вообще продуктами. Из промышленных товаров сюда засылается главным образом брак.

В книжном магазине мне не удавалось найти ни одной нужной книги. Библиотека оказалась здесь не бедной книгами, по крайней мере старыми, но они находятся в полном беспорядке, не каталогизированы, а свалены в хаотические

кучи. Я имею, однако, к ним доступ и выбираю то, что мне нужно. Новых книг, вышедших за время войны и революции, здесь очень мало, а новых иностранных книг нет совершенно. Журналы также получаются в ничтожном количестве. Все это приходится, таким образом, добывать извне.

Что касается так называемого "режима", то первоначально наблюдался избыток усердия, который привел к нескольким, очень резким конфликтам. Но сейчас это утряслось, и я по этой линии ни на что жаловаться не могу.

Представление об Алма-Ате, как об южной местности, требует очень серьезных поправок. Во всяком случае, в этом году весна очень поздняя, холодные дни выпадают редко, перемежаясь с дождливыми и даже снежными днями, последний большой снег был в конце апреля. Весь этот район, как и вся, впрочем, Средняя Азия, есть царство ужасающей пыли, особенно солончаковой. Местность малярийная, и наличие у меня малярии сейчас уже не подлежит никакому сомнению. Я аккуратно глотаю по утрам хинин, и это дает свои результаты.

Город расположен уступами, от предгорья к степи, и чем ниже часть города, тем она малярийнее.

Мы живем в средней части - следовательно, со средним коэффициентом малярийности. Летом здесь жить почти невозможно по причине жары, пыли и все той же малярии. Тогда происходит переселение в "горы", вернее, в предгорья, называемые здесь привалками. Там раскинуты самые обширные сады и понастроены деревянные "дачи": помещения барачного типа. Делаются на летнее время помещения из плетеной драпки, которая называется здесь почему-то бар-даном. Мы тоже обеспечили себя летним помещением.

Сперва предполагали выехать в начале мая, но вот сегодня уже 16-е число, а мы все еще не выезжаем как из-за необорудованности помещения, так и из-за дождей, чрезвычайно понижающих обыкновенную температуру.

Из газет мы выписываем "Правду", "Известия" и "Экономическую жизнь". До последнего времени товарищи посылали бакинские и тифлисские издания. Сосновский посылает часто интереснейшие вырезки из сибирских и иных газет. Иностранные газеты получались из Москвы, а главным образом от тов. Раковского из Астрахани. Последнее время мы стали получать иностранные газеты непосредственно из заграницы. Книги для работы я привез в некотором количестве с собой (увы, гораздо меньше, чем ввали газеты по поводу знаменитых "ящиков"). Друзья посылают книги из Москвы. Кое-какие книги стали получаться также из заграницы.

За это время я работал главным образом над Китаем, отчасти над Индией. И сейчас продолжаю заниматься главным образом Востоком. Однако я не собираюсь ограничиваться Востоком, а хочу попытаться подвести кое-какие итоги послевоенному развитию мирового хозяйства, мировой политики и мирового революционного движения. Свободные часы пишу воспоминания, на что меня подбил Е. А. Преображенский. Кроме того, перевожу кое-что для Института Маркса и Энгельса. Вот, как будто, и полный ответ на вопрос, как мы здесь живем.

Вопрос о поддержке все более требует теоретического рассмотрения, так как согласно официальной доктрине всякая критика, сопровождающая поддержку, тем самым уничтожает эту поддержку и переводит критикующего прямехонько в лагерь контрреволюции. Вопрос ставится альтернативно: или поддержка, но без критики; или критика, но с той стороны баррикады. Правильна ли такая постановка?

Возьмем отношение коммуниста к современному английскому рабочему движению и его организациям. Поддерживали ли мы всеобщую стачку и станку углекопов? Более энергично, чем кто бы то ни было. Критиковали ли мы руководство? Крайне недостаточно. Но в этом была не заслуга наша, а вина (я говорю об официальной линии). Совместима ли критика с поддержкой? Казалось бы, тут и вопроса нет. В большинстве случаев критика составляет важнейшую часть поддержки.

Можно сказать, что одно дело Генсовет, а другое дело руководство нашей страной. Но отсюда может вытекать только разница в характере критики, в глубине ее, в остроте ее. Это уже вопрос, который каждый раз должен быть рассмотрен по существу. Но вся суть в том, что у нас с 1923 года установилось два принципа, тесно друг с другом связанных: во-первых, всякая вообще критика есть "изм" - "изм" оправа и "изм" слева; во-вторых, всякая критика недочетов, промахов, а тем более ложной линии руководства помогает "буржуазии", и тем самым контрреволюционна.

Из этой незамысловатой "доктрины" (ее вернее было бы назвать глупостью) вытекают, однако, огромные практические последствия: партии Коминтерна усекаются в каждый данный момент справа и слева так, чтобы не оставить места никакой критике. В основе этой практики лежит априорное признание непогрешимости руководства. Конечно, эта "доктрина" не держалась бы и одного дня, если бы руководство было связано с государственной властью. Государственная власть в экономически отсталой стране стоит перед своими

специфическими опасностями. Эти опасности порождают сдвиги. Важнейшей гарантией против сползания является международный классовый контроль. На деле же происходит обратное: каждый новый сдвиг внутри ведет к усечению Коминтерна по новой линии.

Официальное возражение гласит, что не всякая критика контрреволюционна, а только та, которая заражена "измом". Превосходно. Но пусть нам укажут один-единственный случай критики, который не был бы подведен под "изм" и был бы признан законным. История Коминтерна за последние четыре с лишком года такого случая не знает.

[Л. Троцкий] Алма-Ата, 16 мая 1928 года

ПИСЬМО СОКОЛЬНИКОВУ

"Воспоминания" Витте я получил и сейчас читаю с интересом. Кое-что

полезное в этой книге для меня найдется. Дело в том, что помимо основной своей работы – подведение итогов мирового развития со времени империалистской войны – я работаю еще сейчас над воспоминаниями. Подбил меня на это последнее Преображенский. Воспоминания я хочу взять пошире, то есть на фоне определенной эпохи. Начинаю я "с самого начала", с деревни, затем следует Одесса, далее Николаев, тюрьма, ссылка и проч. Первая часть у меня завершается Николаевом – но до Южно-русского рабочего союза. Старые журналы, начиная с 70-х годов, я здесь разыскал в библиотеке (книг здесь довольно много, но они не каталогизированы, а свалены в кучу). Этими журналами я довольно широко уже воспользовался и впредь буду производить в них раскопки. В качестве вспомогательных источников я разыскиваю сейчас книги самого разнообразного содержания, в том числе, например, "План городов Одессы и Николаева" издания Херсонского губернского земства, народнические и народовольческие мемуары, документы первого периода марксизма, мемуары сановников, статистику развития промышленности, особенно на юге и проч., и тому (подобное... Я совсем не думаю писать "ученый труд". Но самое основное хотел бы дать, а главное, сохранить перспективу, ибо война и революция так отодвинули прошлое, так его спрессовали, что молодые поколения концов не сыщут. Это дает, в частности, возможность грубейших искажений довоенного прошлого.

Таковы общие рамки моей работы. Они и облегчают

и затрудняют ответ на вопрос, какие, собственно, книги мне нужны. Я бы многое дал за то, чтобы получить сюда одесские газеты за период 1888--1898 гг., а также николаевскую газету за 1895--1898 гг. Но это, по-видимому, неосуществимо, разве что у кого-нибудь из старых одесситов или николаевцев сохранились комплекты за старые годы; но вряд ли... Разумеется, я бы в аккуратности вернул прочитанное.

Вторая часть воспоминаний: Южно-русский рабочий союз, Николаевская тюрьма, Херсонская, Одесская, Бутырки в Москве, Александровская пересыльная, Усть-Кут и весь вообще период сибирской ссылки. По первой части у меня довольно обширные черновики написаны, а по этой, второй, части я еще к работе не приступал, но начинаю подбирать материалы. Незачем говорить, что как раз в этой второй части твое содействие могло бы иметь для меня незаменимое значение как подбором соответственных материалов, так и личными воспоминаниями. Так, в частности, я хочу восстановить картину того, что читалось нами в тюрьме и в ссылке, какие книги и вопросы волновали и проч. Не знаю, приходилось ли тебе писать воспоминания, относящиеся к тому периоду? Следовало бы. Они, конечно, могли бы быть напечатаны самостоятельно, но еще в рукописи могли бы оказать мне большую помощь в моей работе... Других, столь благоприятных, условий для писания воспоминаний, как в благословенной Алма-Ата, больше уж, пожалуй, не дождешься. Один уговор: книг ни в каком случае для этой работы не покупать, а собирать при счастливой оказии.

Что касается первой моей работы, основной, то я прилагаю при сем краткую оправку о том, какого рода книги мне нужны. Если у тебя окажутся под руками подходящие книги, то, не посылай их мне сразу, пришли мне список их, а я затем напишу, какие из них мне нужны. Таким образом будет избегнута посылка дубликатов из разных мест.

Вот, кажись, и все относительно книг.

Какие книги мне нужны для основной работы. Я работаю над послевоенным десятилетием. Поэтому мне, вообще говоря, нужны книги, относящиеся к:

- а) экономике послевоенного десятилетия (мировое хозяйство, хозяйство отдельных, наиболее выдающихся стран, в том числе и колониальных); порядок важности стран при мерно такой: Китай, Индия, Соединенные Штаты, Южная Америка, Англия, Африка и пр.;
- б) международной политике и внутренней политике отдельных стран (социальная и политическая статистика вся-

кого рода, в том числе и избирательная); порядок важности стран остается тот же;

в) рабочему движению и колониальной борьбе за тот же период 1917--1928 гг. (Профсоюзы, с.-д., компартия - отчеты к съездам и конгрессам, статистические сборники, журнальные, даже газетные статьи); (Порядок тот же.

Книги можно на русском, французском, немецком или английском языках (отчеты, сборники и пр. можно и на других языках: итальянском, испанском (для Юж[ной] Америки), а также на балканских языках).

Необходимы новейшие статистические сборники и справочники иностранных государств (за 1928 год).

Из-за границы книги можно отправлять из магазина заказной бандеролью: я уже получал здесь книги таким путем (например, немецкую книгу Фишера: "О нефтяном империализме", английский роман и пр.).

В частности, необходимы: а) с.-д брошюры и статьи, характеризующие отношения с.-д, к китайской революции, к событиям в Индии и пр.; б) из наших журналов в первую голову "Коммунистический Интернационал", "Мировое хозяйство и мировая политика" (Ком[мунистическая] академия), "Новый Восток" и пр ; в) статья Радека в "Новом Востоке" о китайской истории.

Из русских книг о Китае у меня имеются: Попов-Татива, Ходоров, Ивин, [П.] Миф (Шанхай), Аджаров, Далин, Ржа-нов, Тайгин, Сибиряков, сборники Госиздата, Профинтерна, Партдискуссии и пр.

[Л. Троцкий] [Май 1928 г.]

ПИСЬМО БЕЛОВОРОВУ

Дорогой Александр Георгиевич,

Получил вчера Ваше письмо от 19 апреля и очень ему обрадовался. Письмо заключало для меня много нового. До меня совершенно не доходили голоса насчет переоценки сползания. "Письмо", о котором Вы говорите, мне совершенно неизвестно. Свое последнее письмо (в пунктах) я писал, не зная ничего о голосах насчет переоценки оползания. Если эти голоса есть, надо с ними посчитаться как следует быть.

Вы пишете: "Наиболее смехотворно горестное покаяние о переоценке нами силы и темпа сползания. Как будто в природе имеется такой аршин, которым можно измерить сползание, а потом отпустить в надлежащей пропорции со-

ответственное количество унций отпора ему. Когда и кем такая пропорция установлена? Драться против него мы были обязаны как большевики. И оценка его целиком оправдалась на хлебозаготовках, на товарном голоде, на посевной кампании, на шахтинском деле, в Китае, на внутрипартийном положении и т. д."

Под этой общей принципиальной формулировкой я подписываюсь целиком. Но в дополнение к ней я хочу конкретно перебрать основные вопросы последнего периода, чтобы проверить, не преувеличивали ли мы разногласий, не забирали ли слишком влево, не переоценивали ли правого уклона и сползания?

1. Стачка углекопов. После срыва всеобщей стачки было совершенно очевидно, что стачка углекопов как затяжная экономическая стачка лишена перспектив. Надо было сразу поставить задачи возрождения на возможно коротком этапе всеобщей стачки против Генсовета. В этом духе был написан резкий документ, предсказывавший неизбежность поражения затяжной пассивно-экономической стачки и неизбежность укрепления на этом Генсовета. Восстал Пятаков: "Мысли мое ли дело, говорить о неизбежности поражения что скажут?., и т. д. и т. д." Как будто вопрос решается тем, что сегодня скажут, а не тем, что завтра покажут события. Но Пятакову были сделаны большие уступки, в смысле мимичности, то есть окраски цвета окружающей среды.

2. Лозунг разрыва Англо-русского комитета, тесно священный с первым вопросом, мы подняли с некоторым запозданием, преодолевая сопротивление. Здесь, как я в первом случае, была недооценка разногласия и угрожающих последствий.

В результате ошибок гигантское движение дало ничтожные политически-организационные результаты: Генсовет сидит на месте, компартия почти не выросла.

3. Китай. Мы открыто выдвинули лозунг выхода компартии из Гоминьдана года на два позже, чем это диктовалось

всей обстановкой и самыми жизненными интересами китайского пролетариата и революции. Хуже того: в заявлении 83-х было демонстративное отречение от лозунга выхода из Гоминьдана, несмотря на решительное (увы, недостаточное все же решительное) сопротивление части подписавших, в том числе мое с Вами. И здесь был страх перед тем, что скажут, а не перед тем, что покажут события. Сейчас только тупица или ренегат может не понимать или отрицать, что подчинение компартии Гоминьдану стоило китайской революции головы. Значит, и тут была ошибка вправо, а не влево.

На анализе опыта и тенденций революции 1905 года сложились окончательно большевизм и меньшевизм, левое крыло германской социал-демократии и проч. Анализ опыта Китреволюции имеет не меньшее, а большее значение для международного пролетариата.

Мы не разъяснили вслух осенью прошлого года, что лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства для китайской революции уже ликвидирован всем опытом 1925--1927 гг. и что в дальнейшем этот лозунг будет давать либо отрывку гоминьдановщины, либо авантюры. Это было ясно и точно предсказано. Но и здесь мы пошли на уступки (совершенно недопустимые) тем, которые недооценивали глубины сползания в китайском вопросе. Мы до сих пор не выступили с необходимой решительностью против насаждения так называемых рабоче-крестьянских партий в Индии, Японии и проч. Мы недооценили всей глубины сползания, выраженного еще в 1924--1925 гг. в безграмотном лозунге двухсоставных рабоче-крестьянских партий для Востока.

Мы не подняли своевременно вопроса о программе Коминтерна. На формулированные по этому вопросу тезисы Пятаков возражал: "Не стоит поднимать, скажут, что у нас есть еще и программные разногласия..." Между тем бухаринский проект есть в лучшем случае лево-социал-демократическая карикатура на коммунистическую программу. Бухарин исходит не из мирового хозяйства и его основных взаимоотношений (Европа--Америка--Восток--СССР), а из типов национального капитализма. Принятие этой или подобной программы после опыта 1923 года в Германии, после событий в Болгарии и Эстонии, наших дискуссий, в частности дискуссий об Америке и Европе, после опыта английских стачек и особенно китайской революции, означало бы идейное крушение Коминтерна как предпосылки политического и организационного крушения. Мы недооценили важности этого вопроса.

Утверждение, будто Ленин "одобрил" программу Бухарина, есть чудовищная неправда. Бухарин хотел, чтобы его проект был внесен от имени Политбюро. По инициативе Ленина ему было в этом отказано, но было разрешено внести проект от собственного имени, как отправной пункт для дискуссии. Зиновьев рассказывал мне, что, прочитав проект Бухарина, В. И. [Ленин] сказал: "могло быть хуже", или "я боялся, что будет хуже", что-то в этом роде. Бухарин очень интересовался отзывом Ленина и допрашивал Зиновьева. "Тут-то я и взял грех на душу,-- рассказывал мне Зиновьев,-- чрезвычайно смягчив отзыв Ленина".

В основных вопросах политики Коминтерна и его рожима мы до сих пор не сказали и третьей части того, что должны были сказать, то есть опять-таки повинны в грехе прямо противоположном преувеличению разногласий и переоценке оползания.

Но, может быть, мы переоценили разногласия во внут

ренных вопросах? Такие голоса были (Яковлева В. Н., Крестьянский, Антонов-Овсеенко и др.). Они рассуждали так: "Внутренние разногласия не так велики, но невыносим партрежим". На это мы им отвечали: "А) Вы не способны оценивать внутренние разногласия в масштабе мировых процессов и мировой политики, а без этого Ваша оценка имеет грубо эмпирический характер; вы видите кусочки, но не видите, куда растут явления. Б) Вы вдвойне путаете, когда осуждаете партрежим, который, по Вашему же мнению, обеспечивает правильную линию политики. Для нас партрежим не имеет самодовлекющего значения - в нем выражается лишь все остальное. Поэтому опытный и серьезный политик непременно скажет: "Если считать, что произошел глубокий классовый сдвиг официальной политики, то как же объяснить продолжающийся экспорт тех людей, которые повинны лишь в том, что раньше поняли и раньше потребовали классового сдвига?" Здесь совсем не вопрос справедливости, еще меньше вопрос "личной обиды" (взрослые люди о таких вещах вообще не разговаривают), нет, здесь безошибочный измеритель серьезности, продуманности и глубины происшедшего сдвига. Незачем говорить, что этот измеритель дает крайне неутешительные показания.

Чтоб проверить, не преувеличили ли мы опасности и не переоценили ли оползания, возьмем все тот же свежий вопрос о хлебозаготовках. В нем как нельзя лучше пересекаются все вопросы внутренней политики.

9 декабря 1926 года, обосновывая впервые наш социал-демократический уклон, Бухарин говорил на седьмом пленуме ИККИ:

"Что было сильнейшим аргументом нашей оппозиции против ЦК партии (я имею в виду осень 1925 года)? Тогда они говорили: противоречия растут неимоверно, а ЦК партии не в состоянии этого понять. Они говорили: кулаки, в руках которых сосредоточены чуть ли не все излишки хлеба, организовали против нас "хлебную стачку". Вот почему так плохо поступает хлеб. Все это слышали... Затем те же товарищи выступали впоследствии и говорили: кулак еще усилился, опасность возросла еще более. Товарищи, если бы и первое, и второе утверждения были бы правильны, у нас в этом году была бы еще более сильная "кулацкая стачка"

против пролетариата. В действительности же... цифра заготовок уже увеличилась на 35% против прошлогодней цифры, что есть несомненный успех в экономической области. А по словам оппозиции, все должно было бы быть наоборот. Оппозиция клеветает, что мы помогаем росту кулачества, что мы все время идем на уступки, что мы помогаем кулачеству организовать хлебную стачку, а действительные результаты свидетельствуют об обратном" (Стенографический отчет, т. II, стр. 118). Вот именно: об обратном. Пальцем в небо. Наш злополучный теоретик по всем без исключения вопросам свидетельствует "об обратном". И это не его вина, то есть не только его вина: политика сползания вообще не терпит теоретического обобщения. А так как Бухарин не может без этого зелья жить, то ему и приходится возглашать на всех похоронах: носить вам не переносить.

Под давлением тех, которые боялись "переоценивать" и "преувеличить", мы выступали на седьмом пленуме под сурдинкой, во всяком случае, Бухарину на его хлебозаготовительную философию не ответили, то есть не разъяснили ему, что надо не по конъюнктурным эпизодам судить обо всей основной тенденции хозяйственного развития, а, наоборот, в свете основных процессов оценивать конъюнктурные эпизоды.

10. Но, может быть, мы в этом вопросе слишком забежали вперед, тогда как другие своевременно учли "своеобразие" новой обстановки? На этот счет мы имеем неоспоримейшее и ценнейшее свидетельство Рыкова. На Моссовете 9 марта 1928 года Рыков заявил: "Несомненно, эта кампания носит все типичные черты "ударности". Если бы меня спросили, не лучше ли было бы если бы удалось более нормальным путем, т. е. не прибегая к такой ударной кампании, изжить хлебозаготовительный кризис, я откровенно сказал бы, что это было бы лучше.

Необходимо признать, что мы пропустили время, прозевали начало хлебозаготовительных затруднений, не приняли раньше целого ряда мер, которые необходимо было бы предпринять для успешного развития хлебозаготовительной кампании" ("Правда", 11 марта 1928).

Это свидетельство не требует комментариев.

11. В документе "На новом этапе", если помните, говорилось: "Мнимая борьба против двух партий прикрывает формирование двоевластия в стране и формирование буржуазной партии на правом фланге ВКП и под прикрытием ее знаменем".

Этим словам Бухарин давал на февральском пленуме Исполкома следующее толкование: "Троцкий говорит:

не мы - вторая партия, а ВКП - вторая партия. ВКП деградировала, у нас традиции, и мы - первая партия, а ВКП - вторая. Этим самым признается существование двух партий" ("Правда", 17 февраля 1928).

Таким образом, Бухарин еще в феврале этого года отождествлял переплет из бюрократов и новых собственников с ВКП. Где у нас говорилось о зародыше второй партии, о полуустряловоком штабе, прикрываемом знаменем ВКП -- благодаря борьбе налево, там Бухарин еще в феврале этого года возражал: да ведь это полуустряловский штаб и есть ВКП. А на хлебозаготовках неожиданно обнаружилось, что у нас есть многочисленные и влиятельные элементы, не признающие классов или желающие осуществить мартыновскую теорию блока четырех классов. По поводу этих элементов дня два пошумели. Но я что-то не заметил, чтобы эти элементы, в руках которых оказались хлебозаготовки не только в центре, "о и на местах, были названы по именам, осуждены и проч. Я уж не говорю о том, что ни один такой элемент в Усть-Кулом не попал.

Во всяком случае, и по линии хлебозаготовок, и по линии полуустряловского штаба, формирующегося под прикрытием ВКП, на стыке ее правого фланга с новыми собственниками, мы ничего не преувеличили, ничего не переоценили.

12. Если, таким образом, политически мы ни разу не оказались повинны в преувеличении переоценки, в чрезмерном загибе или в ультралевизне, а, наоборот, делали ошибки противоположного характера, уступая бесхарактерности, нерешительности, левому центризму или потребности в мимичности, а все это выше доказано, если это вообще нуждается в доказательствах, то не делали ли мы из наших политических оценок каких-либо преувеличенных, организационно-тактических выводов? Ни в малейшей мере. Факты свидетельствуют, что мы не давали никакой подачи тем, которые пытались, хотя <бы в четверть голоса, объявить Октябрьскую революцию ликвидированной, партию - термидорианской, советское государство -- буржуазным. Мы беспощадно разорвали с прекрасными революционерами, когда обнаружили у них зачатки курса на вторую партию. Причем замечательно, что именно Зиновьев был противником этого разрыва. Мы приняли зиновьевские "Итоги июльского пленума", отнюдь не закрывая глаз на водянистость и прямую неправильность многих формулировок. Основную мысль тезисов - против двух партий мы считали бесспорной и именно поэтому приняли тезисы, несмотря на единичные протесты товарищей, зарывавшихся тогда по этой линии "влево".

Накануне и в период Пятнадцатого съезда потребность в мимичности, то есть в покровительственной окраске, прямо-таки захлестывала нас с правого крыла. Это сказалося на ряде заявлений, бессодержательных или прямо фальшивых. С трудом и с ущербом для партии мы исправили этот загиб вправо.

13. В Европе мы также решительно вели борьбу против линии на две партии. Это, в частности, ярко выражено в "Двух документах", напечатанных в "Правде" от 15 января 1928 года, которые целиком посвящены конспективному обоснованию нашего курса за партию, через партию. В связи с имевшими недавно место событиями приведу два пункта, 8-й и 9-й, напечатанные без искажения:

Приведенные выше соображения, как и свежий опыт в Германии (Альтона), говорят против выставления самостоятельных кандидатур. Нельзя ломать всю линию из-за проблематичных мандатов.

Ошибочным является создание "союза левых коммуни

стов". Имя оппозиции достаточно популярно и имеет между народный характер. Имя "союза" ничего не прибавит, но может стать псевдонимом второй партии.

В связи с этим необходимо разъяснить эпизод с последней телеграммой тов. Радека, напечатанной в "Правде", с редакционной пометкой о том, что Троцкий отказался подписать телеграмму. На самом деле я ответил Радеку, что посылка телеграммы представляется мне излишней и нецелесообразной - тем более что заявление наше по этому самому вопросу уже напечатано и в "Правде", и в "Роте Фане", стало быть, если официальное руководство захочет в интересах дела использовать наше мнение против сторонников параллельных кандидатур, то оно имеет полную возможность сделать это. Посылать особую телеграмму только по поводу немецких выборов было тем более неправильно, что, по сообщению "Правды", Трэн и другие выставили будто параллельные кандидатуры во Франции. Если бы редакция "Правды" не сыграла на противопоставлении мне Радека, то она сыграла бы на том, что мы молчим о французских выборах или о самом существовании "Ленинбунда" и еще о тысяче и одной вещи. Словом, было абсолютно ясно, что если "Правда" напечатает нашу телеграмму, то только для внесения какой-либо дополнительной смуты. Это подтвердилось целиком. Те условия, в какие мы поставлены, исключают для нас возможность "эпизодической" политики. Для отдельных вмешательств у нас не хватает даже информации, как, например, я до сих пор не знаю, действительно ли Трэн выставлял свою кандидатуру. Вот почему, с моей

точки зрения, телеграмма тов. Радека была промахом, не бог весть каким, но все же промахом.

В связи с этим вспоминаю любопытный эпизод. Каменев, проезжая через Берлин, благословил левых на выставление параллельных кандидатур. Один из русских товарищей написал мне по этому поводу возмущенное письмо, причем высказывал то предположение, что Каменев с такой легкостью толкает левых на путь параллельных кандидатур исключительно потому, что заранее решил при первой okazji отмежеваться от них "с максимальной прибылью". Тогда эта гипотеза показалась мне неправдоподобной и даже циничной. А теперь...

14. Может быть, мы зарывались тактически, в смысле формы выступления? В этом нас обвинял Крестинский. Я ему в свое время ответил на это обстоятельным письмом (Крестинский там фигурирует как X), но у Крестинского не было понимания существа разногласия, как и у Антонова-Овсеенко, по поводу которого я писал, что в его позиции "беспомощность и обывательская путаница находят свое наиболее законченное выражение. На этой позиции нельзя держаться и трех месяцев. На каком шути разучившийся по-марксистски мыслить Овсеенко найдет выход из обывательской путаницы, покажет ближайшее будущее (23 ноября 1927 года)".

Срок в три месяца оказался для Антонова-Овсеенко роковым. Да послужит сие, как говорится в прописях, уроком и предупреждением.

Но возвращаясь к вопросу о "тактических излишествах". У нас не было другой задачи, как доведение своих взглядов до партии. Мы пользовались теми средствами, какие нам оставляла обстановка. Как свидетельствует опыт, мы слишком малое количество своих взглядов довели до слишком малого количества членов партии. Если в этом есть и наша вина, а не только вина объективных условий, то вина эта в том, что некоторые из нас в известные моменты недооценивали разногласий и их опасности и поведением своим давали повод думать, что дело идет о второстепенных и эпизодических расхождениях. В таких случаях величайшей ошибкой и опасностью является равняться по тем, которые недооценивают разногласий, не видят, куда растут процессы, и потому испытывают потребность в покровительственной окраске. В общем и целом мы правильно отстаивали правильную линию. Но отдельные срывы, и немаловажные, как показано выше, у нас бывают - и это всегда были срывы вправо, а не влево. Тактически мы пробивали себе дорогу, пока не наткнулись на капкан, подготовленный "масте-

ром" * с их дел Все наши выступления имели пропагандистский и только пропагандистский характер.

Наиболее острым было выступление 7 ноября. Наиболее острым был лозунг:

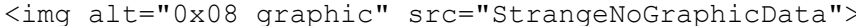
"Повернем огонь направо - против кулака, спекулянта и бюрократа", против кулака и спекулянта, срывающих хлебозаготовки, и против бюрократа -- организовавшего или проспавшего шахтинское дело. 7 ноября мы натолкнулись на очередную попытку "мастера" перевести внутрипартийную борьбу на рельсы гражданской войны. Мы отступили перед этим преступным замыслом. Таким образом, тактические зигзаги вытекали из всей обстановки, создающейся как условиями диктатуры вообще, так и специфическими ее особенностями в период сползания.

Кстати сказать, 7 ноября вечером, после демонстрации, мы по телефону вызвали Зиновьева в Москву, чтобы поставить вопрос о тактическом свертывании. Зиновьев ответил письмом с окаязией. В приложении к письму было описание событий 7 ноября в Ленинграде. А в письме Зиновьева говорилось: "Описание фотографически точное. Все сведения говорят о том, что все это безобразие принесет нашему делу большую пользу. Беспокоимся, что было у Вас. "Смычки" идут у нас очень хорошо. Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся..." и т. д.

Все это писалось, повторяю, вечером или ночью 7 ноября. Мы повторили требование о немедленном выезде Зиновьева в Москву. Что (было по приезду, то есть спустя 24 часа, достаточно хорошо известно.

Но довольно о прошлом. Я, впрочем, касался его в таких пределах, какие нам нужны для настоящего и для ближайшего будущего. Кто говорит, что мы "переоценили", кто говорит это не сторяча, не случайно, не от импульсивности (этакое со всяким бывает), а обдуманно и убежденно, про того надо сказать: на такой позиции он не удержится и трех месяцев...

Некоторые товарищи ставят вопрос иначе, а именно: оце-нивали мы все в основном правильно, выступали своевременно и ценой больших жертв добились известного поворота, когда наши предвиденья оказались подперты событиями. Этого поворота мы не должны упускать, мы должны его зарегистрировать и мы должны его использовать как некоторый шанс для более нормального и здорового разрешения партийных противоречий. Такую постановку - в этой ее общей форме -- я принимаю целиком. Надо только в алгебраическую формулу вставлять более точные арифметические ве-

* Имеется в виду Сталин - Прим ред -сост

личины. Но в том-то и суть, что эти арифметические величины, пока еще либо совершенно неизвестны, либо близки к бесконечно малым.

Что происходит: классовый поворот или бюрократический маневр? Такая постановка вопроса, на мой взгляд, слишком упрощает вопрос. В отношении "самокритики", партдемократии, китайских Советов и проч. вполне допустимо предполагать наличие желания отделаться маневрами. Ну а как же насчет хлебозаготовок, хвостов, внешних затруднений и проч.? Авторам политики, разумеется, ясно, что верхушечный маневр хлеба не даст. Между тем получить его необходимо, и это есть предпосылка всяких вообще возможных маневров в будущем. Вот здесь-то и получается завязка чего-то, куда более значительного, чем один лишь верхушечный маневр. Авторы политики уперлись в необходимость какого-то глубокого и серьезного поворота. Но по всему своему положению и по всем своим повадкам они хотели бы этот неизбежный поворот, им самим, впрочем, еще не очень ясный в конкретных своих формах, совершить методами бюрократического маневра. Можно не сомневаться (сомневаться в этом может теперь только тупица), что не будь всей нашей предшествовавшей работы -- анализ предсказания, критика, обличения, новые и новые предсказания -- под действием хлебозаготовительного кризиса произошел бы резкий поворот вправо Сокольников на это твердо рассчитывал, когда снимал свои разногласия. Мы тоже считали это вероятным. Так, в "На новом этапе" говорится о возможности довольно близкого хозяйственного сдвига вправо, под влиянием обострившихся затруднений. Оказалось, что ближайший сдвиг произошел влево. Это значит, что мы сами недостаточно оценили тот крепкий и хороший клин, который вотгнали. Да, именно наш клин сделал невозможным в данный момент искать выход из противоречий на правом пути. Это одно уже есть хоть и временное, но крупнейшее завоевание, ибо время - важный фактор политики. Мало того, предпринят ряд шагов, который пока еще в рамках бюрократического маневра намечает поворот влево. Но для оценки этого поворота и не хватает

именно основных арифметических величин. Ведь тут дело идет о классах, о взаимодействии партаппарата & и госаппарата, госаппарата и разных классов. Слишком опрометчиво утверждать, что море загорелось, раз синица обещала его зажечь. "Иди и гляди", очень уместно применяет к этой ситуации английскую формулу Христиан Георгиевич [Раковский], от которого вчера получил письмо.

Правда, в печати был сделан ряд обобщений, которые

кажутся прямо-таки плагиатом из наших документов. Но здесь еще вполне возможен отбой, и, ах, какой отбой. Думать, что правые слабы, значит ровнехонько ничего не понимать. Оппортунисты всегда слабы сами по себе в рамках массовой пролетарской партии, они сильны силой других классов. Правые в нашей партии представляют собой то кольцо, за которое держатся новые собственники, а через них и мировая буржуазия. Если это кольцо вырвать из цепи, тогда кольцу, самому по себе, -- грош цена. Но при нынешнем положении через это кольцо передается могущественнейшее давление враждебных пролетариату классов. Правые молчат, уступают, отступают без боя, они понимают, что в рамках партии рабочее ядро, даже в нынешнем его состоянии, смяло бы их в два счета. Им нельзя еще слишком открыто высовывать голову. Кроме того, они понимают необходимость маневра влево. Даже Устрялов писал по адресу спецов: "Дадим руководству кредит на маневр влево, без этого руководство не справится с супостатами". Для этих элементов дело идет только о маневрах. Они твердо рассчитывают, что поворота не выйдет, что попытка поворота расшибется о сопротивление хозяйственной материи (то есть собственника), и что тогда, после банкротства попытки поворота, наступит их, правых, очередь. Товарищ Валентинов в только что полученном от него мной письме весьма правильно выдвигает этот момент процесса.

Но если для правых и для их непартийных хозяев дело сводится только к маневру как подготовке поворота направо, то для центра и идущих за ним широких кругов партии дело сложнее. Здесь есть все оттенки - от бюрократического шукарства до искреннего стремления передвинуть всю политику на пролетарски-революционные рельсы. Вот здесь-то и надо ждать, как определятся в ходе "поворота" составные его элементы. Маленький, но в высшей степени яркий образчик мы "мели в области "самокритики". Я имею в виду дело Блескова - Затонского. Тов. Сосновский широко популяризирует "это дело", придавая ему симптоматический характер. И это, мне кажется, совершенно верно. Есть ли "самокритика" один только маневр? Заниматься на этот счет, то есть на счет намерений, догадками - дело праздное. Но факт таков, что слесарь Блесков принял это дело всерьез и энергией своего добросовестного подхода соблазнил даже невиннейшего Затонского. Затонский разбежался и напором своим распахнул дверь "Харьковского пролетария". В Москве дали сигнал в смысле закрытия двери. Будет ли при этом ущемлен нос Затонского или какая-либо другая часть почтенного "рабоче-крестьянского" тела, этого отсюда не ви-

дать. Но ясно, что тут завязался узелок, знаменующий возможность превращения маневра в поворот - при очень энергичной помощи снизу. То же самое относится ко всему новому "курсу" в целом. Если пользоваться аналогиями, не боясь того, что фокусники и мошенники захотят сфабриковать тезис о Клемансо, то можно сказать: из "весны" Свя-тополка-Мирского вышла настоящая весна 1905 года, но никуда не годился тот революционер, который бы норовил уцепиться за хвост первой бюрократической ласточки, считая что сим разрешается проблема весны. Конечно, у нас дело идет не о революции, а о реформе в партии и через это - в государстве. Но в соотношении указанных выше элементов есть аналогия. Все вместе, как видите, представляет собой материал для "тезиса о Святополке-Мирском".

Каков же вывод? Тут я процитирую письмо тов. Валентинова:

"Вывод 1: больше выдержки. Вывод 2: держись по-прежнему политики дальнего прицела. Вывод 3: наблюдай за тем, что делается в верхушке, но еще внимательнее следи за тем, что делается в массах, ибо здесь источник силы обороны революции и отпора термидору". Практический же вывод для ближайшего дня сделан мной в прошлом письме, где я говорю об обращении к Шестому конгрессу Коминтерна.

Однако же пора кончать. Письмо мое и так перешло далеко за намеченные раньше пределы.

{Л. Троцкий} 23 мая 1928 г., Алма-Ата

ПИСЬМО ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Дорогой Евгений Алексеевич,

Книги я от Вас с великой благодарностью получил - и "Очерки советской экономики" и "Очерки средневековой Европы". От П. С. * получил за последних два месяца изрядное количество книг и брошюр, все мне очень нужных. В довершение всего П. С. прислала нам по почте две посылки со всякой снедью, одна из них с мукой. По какому-то таинственному стечению обстоятельств мука получилась "как раз в тот день, когда в Алма-Ате совершенно прекратили выдачу хлеба. Но надеюсь все же, что П. С. дальнейшие такого рода посылки прекратит, так как это баловство совершенно излишнее, а для нее отяготительное. Впрочем,

* Виноградская - Ред.-сост.

она, наверное, уже выехала или выезжает из Москвы. А хлеб в Алма-Ате снова начали выдавать.

С собачьим вопросом дело обстоит менее благополучно. Сергей не привез Алы. Все уже было готово, как явился к нему Янушевский и стал уговаривать его не брать с собой собаки: очень-де трудно везти, существо нежное, да еще с будущими щенками и проч. и проч. Сергей оставил Алу в Москве, на квартире невестки, которая пишет отчаянные письма, не зная, что делать с собакой. Подозреваю, что здесь коварный охотничий умысел со стороны шайки Янушевского, желающего поживиться первоклассными щенками. Не могу не признать, что я этой шайке вполне в ее желаниях сочувствую. Но как же все-таки быть дальше? Имеете ли Вы связь с Янушевским, или еще лучше с Лукичом? Самое лучшее было бы отправить Алу до Фрунзе с проводником, дав мне на этот счет телеграмму. Во Фрунзе собаку приняли бы с поезда по моему указанию и переправили бы мне сюда с оказией. На щенков я, так и быть, не претендую, но в качестве гонорара за таковых настаиваю на отправке собаки.

Теперь от муки и собак к политике. Получив Ваши тезисы, я никому о них решительно не писал ни единого слова. Своё предложение (точнее сказать, контрпредложение) я послал Вам первому. Не знаю, получили ли Вы. Я всех адресатов просил меня уведомить о получении по телеграфу. Ни одной телеграммы пока еще на этот счет не получил. Третьего дня я получил из Колпашева следующую телеграмму: "Предложения-оценку Евгения решительно отвергаем, ответьте немедленно. Смилга, Альский, Нечаев". Вчера получил телеграмму из Усть-Кулома: "Предложения Евгения считаем неправильными. Белобородов". От Христиана Георгиевича * получил вчера письмо, в котором он свое отношение к "текущему моменту" выражает английской формулой: "Жди и бди".

Вчера же получил письма от Белобородова и Валентинова. Оба они крайне встревожены каким-то письмом, посланным с северо-востока на запад и проникнутым прокисшими настроениями. Они рвут и мечут. Если они верно передают содержание письма, то я с ними в этом вопросе солидаризуюсь полностью и целиком и потачки импрессионистам давать никому не порекомендую.

Со времени возвращения с охоты, то есть с последних дней марта, сижу безвыездно и безвыходно дома, все за книгой или с пером, примерно, с 7--8 утра до Ю вечера. Соби-

* Раковский - Ред.-сост.

раюсь сделать перерыв в несколько дней: поедem с Наталией Ивановной и Сережей в Илийск на рыбную ловлю, на реке Или. Отчет об этом деле будет Вам представлен своевременно.

Поняли ли Вы, что произошло во Франции с выборами? Я не понял пока ничего. "Правда" не дала даже цифр общего количества участников, сравнительно с прошлыми выборами, так что неизвестно, повысился ли процент коммунистов или понизился. Я собираюсь, впрочем, проштудировать этот вопрос по иностранным газетам и тогда напишу. Если у Вас есть на этот счет

какие-либо или общие соображения, сообщите.

В курсе ли Вы любопытного эпизода Блесков--Затонский? Мне Сосновский прислал на этот счет вырезки и интереснейшие комментарии. Блесков, слесарь одного из украинских заводов, беспартийный, принял "самокритику" всерьез и написал Затонскому письмо, которое кажется при чтении выпиской из целого ряда наших документов. Затонский в силу свойственной ему душевной чистоты, а также и некоторого духовного ожирения не уразумел сути вещей и "своеобразия" текущего момента.

В силу вышеозначенных обстоятельств, то есть, главным образом, в силу духовного ожирения, Затонский брякнул в колокола, не поглядев в последние святцы: он потребовал напечатания скромного письма Блескова в постном харьковском "Пролетарии". Редакция, решивши, что все совершается по святцам, требование выполнила, сопроводив письмо Блескова минимумом официозно-мечтательного бляения (на всякий случай). Но как только глагол Затонского коснулся до слуха чуткого редакции "Рабочей газеты", так оный Затонский немедленно же был сопричислен к нытикам и маловерам. Соль этого замечательного эпизода в том, что Затонский, прошедший, казалось, через огонь, воду и трубы всевозможных диаметров, признал публично, в печати, письмо Блескова "замечательным", "истинно пролетарским", "глубоко искренним", "заслуживающим полного внимания" и проч. и проч. А в "Рабочей газете" нашли письмо Затонского самым доподлинным документом мелкобуржуазного уклона. Такое замешательство вызвано чрезвычайным усложнением административных веяний. Затонский лишь первая жертва усложнений. А блесковых, пожалуй, появится немалое число.

Вот пока и все.

[Л. Троцкий] 24 мая 1928 года

ПИСЬМО ЧЕЧЕЛАШВИЛИ

Дорогой товарищ Чечелашвили.

Вот уж не ожидал я, что Вы в такой короткий срок окажетесь нашим соседом, хотя и на довольно все же приличном расстоянии. Карточку Вашу и Аракела я получил вместе с Вашим письмом и был очень обрадован Вашей дружеской памятью. В день получения карточки я телеграфировал Вам об этом в Тифлис и написал Вам туда письмо. Очевидно, не только письмо, но и телеграмма уже не застала Вас в Тифлисе. Вы пишете, что братья [М. С. и Н. С.] Окуджава, старший и младший, находятся вместе с Вами. Очевидно, речь идет не о Михаиле Окуджава, который выехал, по-видимому, в Крым вместе с Кате [Котэ] Цинцадзе. Я получил от них телеграмму с пути из Баку и телеграфировал им в Новороссийск до востребования. Не знаю, получили ли они мою телеграмму. Еще совсем недавно я переписывался в Тифлисе с товарищем Вирап[ом]. Он выслал нам сюда прекрасную аптечку, снабженную всеми необходимыми материалами и медикаментами. Аптечка шла очень долго, так что получили мы ее дней десять тому назад. Я известил тов. Вирапа о получении аптечки телеграммой. Но телеграмма не застигла его уже в Тифлисе, так как его еще в конце апреля отправили в Ирбит. Оказывается, что люди передвигаются гораздо быстрее, чем их посылки, письма и даже телеграммы.

Я очень рад был прочитать в Вашей открытке о Вашем бодром настроении. Каков для Вас климат Самарканда? Можете ли рассчитывать там на получение какой-либо работы? Имеются ли у Вас необходимые книжки? Получаете ли тифлиссские газеты? Я получаю аккуратно - "Зарю Востока" так же, как и бакинские издания.

Каспарова, :как Вы, вероятно, знаете, находится в Кургане. Ее молодого сына отправили из Москвы на Кавказ. До нее дошел слух, будто ее тоже собираются переправить на Кавказ к сыну. Но до сих пор это, очевидно, не подтвердилось, иначе она меня известила бы по телеграфу о перемене места. Настроена т. Каспарова прекрасно, много занимается и читает, хотя северный климат для нее, как для южанки, вреден.

Что касается здешних условий в Алма-Ата, то можно было бы не жаловаться, если бы не малярийный климат и не чрезвычайная удаленность от железной дороги.

Т. Раковский проживает в Астрахани, много работает и над практическими задачами, и над теоретическими вопросами, но, к сожалению, за последнее время схватил там

малярию, как я здесь. Преображенский ведет большую теоретическую работу в Уральске. По-видимому, к нему скоро прибудет туда семья, так как жене его также предложено покинуть Москву. От Н. И. Муралова правильно получаем письма из Тары | (Сибирь). Он работает там в Окружной плановой комиссии. Настроен, разумеется, твердо и бодро и об Антоновых--Овсеенко пишет в тоне нравственной брезгливости и политического презрения.

Позвольте этим на первый раз ограничиться.

[Л. Троцкий] 26 мая 1928 г.

ПИСЬМО БРОВЕРУ

Очень рад был получить письмо от Вас и карточки. Знаете ли Вы уже сейчас адрес тов. Владимиров? С Альским и Валентиновым я связан, с Валентиновым довольно часто переписываемся. Адрес его: Усть-Кулом, область Коми. За последнее время он получил там должность заведующего метеорологическим пунктом. Шутя он пишет, что если революция сделала его редактором газеты, то термидор обещает превратить его в метеоролога. Адрес Альского: село Колпа-шево, Нарым. С товарищем Альским вместе живет еще целый ряд товарищей, в том числе Смилга, который, правда, получил разрешение переехать в Минусинск. Вместе с Валентиновым в Усть-Куломе проживает Белобородов. Усть-Кулом страшная дыра, много хуже Вашего Ирбита, там даже керосин трудно достать.

В Алма-Ата, кроме нашей семьи, никто из Москвы или других пунктов еще не появлялся. Мы живем здесь уже пятый месяц, так что можем считать себя старожилами. Главное неудобство Алма-Аты - это малярийный характер местности, с одной стороны, и оторванность от железной дороги, с другой. За все время здесь проездом был один только товарищ: жена товарища Лангера, которая ехала из Москвы к мужу в Джаркент. Это отсюда верст около 300-х на северо-восток, у самой китайской границы. Вообще же в центральной Азии рассеяно очень большое количество товарищей, почти везде уже имеются группы, с которыми мы в большинстве находимся в переписке. Я за последнее время "акклиматизировался" в том смысле, что стал маляриком и живу на хинной диете. Пока не могу, однако, жаловаться на то, что малярия лишила меня работоспособности. Я получаю в достаточном количестве книги и газеты, русские и ино-

странные, и это дает мне возможность следить за экономической и политической жизнью. Так как здесь никакая текущая практическая работа не мешает, то я пытаюсь подвести кое-какие итоги экономическому и политическому развитию капиталистического мира за последнее, то есть послевоенное, десятилетие, разумеется, под углом зрения основных задач международного пролетариата. Я начал эту работу с Китая, Индии, вообще с Востока, которым мне в прошлом меньше всего приходилось заниматься и с которым я поэтому был меньше знаком. Более серьезное знакомство с историей Китая и его хозяйства убедило меня в том, что мы не только были безусловно правы в основных вопросах китайской революции, но что мы недостаточно решительно, недостаточно рано поставили эти вопросы ребром. Что касается Индии, то там грозят те же самые опасности, которые свернули голову китайской революции 1925--1927 гг. ...

В свободные часы я пишу воспоминания, подбил меня "а это тов. Преображенский, живущий в Уральске (мы с ним находимся в самой живой переписке). Цель этих воспоминаний - дать младшим революционным поколениям картину идейного развития старшего поколения на фоне основных материальных и идейных процессов развития страны. Обе намеченные мной работы находятся, разумеется, в самом начале, так как за эти четыре месяца я больше читал, чем писал. Но торопиться нет основания, так как я не думаю, что "новый курс" знаменует собой близкое изменение в нашем положении, если не будет каких-либо непредвиденных обстоятельств. Поскольку новый курс намечает задачи, он несомненно приближается по ряду вопросов (далеко не по всем) к нашей постановке. В политике решает, однако, не только что, но и как.

Между тем "новый курс" делает попытку разрешить новые задачи (как не половинчато поставленные) старыми приемами и методами, несостоятельность которых совершенно очевидна. Здесь Вы совершенно правы, когда говорите о

невозможности проводить новые задачи через тех людей, которые нового курса не хотят и будут в лучшем случае действовать не за совесть, а за страх. Тем не менее новый курс вызовет крупнейшие последствия. Он снова ставит, независимо от желания авторов нового курса, перед партийной массой ребром все основные вопросы. Нельзя, конечно, надеяться на то, что проработка этих вопросов пойдет очень быстрым темпом, но она пойдет. Мы всегда считали, и не раз это говорили (например, на февральском пленуме 1927 года), что процесс сползания никак нельзя себе представлять в виде сплошной линии, спускающейся вниз. И сползание

происходит ведь не в безвоздушном пространстве, а в классовом обществе с глубокими внутренними трениями. Основная партийная масса совсем не монолитна, она просто представляет собой в огромнейшей степени политическое сырье. В ней неизбежны процессы внутреннего оформления и дифференциации под давлением классовых толчков как справа, так и слева. Мы входим сейчас в глубоко критический период партийного развития. Те острые события, которые имели место за последний период, и последствия, которые мы с Вами несем, являются только увертюрой к дальнейшему развитию событий. Как оперная увертюра предвосхищает музыкальные темы всей оперы и придает им острое и сжатое выражение, так и наша политическая увертюра только предвосхищала те мелодия, которые в дальнейшем будут развиваться в полном объеме, то есть при участии медных труб, контрабасов, барабанов и других инструментов серьезной классовой музыки. Развитие событий с абсолютной бесспорностью подтверждает, что мы были и остаемся правы не только против шатунов и сум переметных, то есть Зиновьевых, Каменевых, Пятаковых, Антоновых-Овсеенок и ему подобных Смердяковых, но и против дорогих друзей "слева", то есть демократических централистов, поскольку они склонны были увертюру принимать за оперу, то есть считать, что все основные процессы в партии и государстве уже завершились... Нет, мы партии еще очень и очень понадобится. Не нервничать по поводу того, что "все сделается без нас", не теребить зря себя и других, учиться, ждать, зорко глядеть и не позволять своей политической линии покрываться ржавчиной личного раздражения на клеветников и пакостников -- вот каково должно быть наше поведение. Из Вашего письма совершенно ясно, что Вы и не нуждаетесь в этом совете.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

[Л. Троцкий] 26 мая 1928 г.

ИЗ ПИСЬМА ЮДИНУ

Дорогой т. Юдин!

Письмо Ваше от 11 мая я получил вчера, 25 мая: это очень короткий, прямо-таки исключительный срок. Сегодня я Вам ответил телеграммой, в которой обещал написать Настоящее свое обещание выполняю.

Письмо Ваше я читал с большим интересом, так как оно

дорисовало мне фигуру Сафарова наиболее свеженькими, еще, так сказать, непросохшими черточками. Сафаров теперь рвет и мечет против иностранной левой, в рядах которой есть и будет еще много путаницы, преувеличений, отступлений и всякой вообще кружковой чепухи; людей, которые могли бы плыть против течения, не сбиваясь с основного пути, там не так уж много. Но любопытно, что именно Сафаров в ноябре прошлого года дал за границей бешеный толчок в сторону ультралевизны. Сафаров из Константинополя приехал в Берлин в тот период, когда в Москве производился разгром нашей группы. На берлинских совещаниях Сафаров провозгласил наступление термидора. Его формула была: "Без пяти минут двенадцать", то есть пять минут остается еще до полного государственного переворота, - и эти пять минут надо (Использовать для бешеной кампании. Товарищ, прибывший из Берлина, рассказывал мне, как там наши ближайшие друзья были поражены ультралевой, архидецист-ской постановкой вопроса со стороны Сафарова. Но так как он был там из русских самым авторитетным, то от него и был воспринят иностранцами ультралевый заряд. Те два документа - инструкции за границу, которые были напечатаны в "Правде" 15 января, имели своей задачей выровнять линию, вывихнутую Сафаровым.

Из Берлина Сафаров прибыл в Москву и попал прямо с поезда на наше

совещание с Зиновьевым и другими. Прослушав тогдашнюю осторожно капитулянтскую речь Зиновьева, Сафаров обрушился на него с бешенством. В его речи было все: и "без пяти минут двенадцать" (эта формула повторялась из пятого слова в десятое) и прямое обвинение Зиновьева в том, что осторожным выдвиганием "отрыжек троцкизма" Зиновьев хочет вернуть себе партбилет. "Мне на таких условиях партбилета не надо", -- истошно вопил Сафаров.

[...]

Наша публика была очень довольна выступлением Сафарова. Но так как я лично к нему присматривался не раз, то я предупреждал товарищей: погодите, мол, он еще не был в обработке... И действительно, на другой день его нельзя было узнать... Владимир Ильич, когда выдвигалась кем-либо кандидатура Сафарова для какого-нибудь ответственного поручения, говаривал: "Сафарчик налевит, Сафарчик наглупит". Это у него было вроде прибаутки. Но у людей, которые любят левить, в известном возрасте наступает перелом и они правят с такой же слепой односторонностью, как раньше ле-вили. Сафаров есть карикатурная разновидность бухаринского типа, который сам по себе достаточно карикатурен.

Что касается политической философии Сафарова, то, как

Вы сами правильно указываете, она не стоит выеденного яйца. По существу вся его установка есть спекуляция на хозяйственные и международные затруднения, то есть та самая спекуляция, в которой эта публика так облыжно обвиняла нас с 1923 года ("пораженчество"). Противопоставление сталинского центра правому крылу не Сафаров выдумал. Мы предсказывали, что группировка может пойти по этой линии по мере того, как у центристской головы будет образовываться не только и не столько в партии, а главным образом за ее пределами устряловский хвост. Мы говорили о том, что этот хвост ударит по голове и что это вызовет большие перегруппировки в партии.

Если б не было предшествующей работы критики и предупреждения, ныне проверенных фактами, то удар хвоста по голове - хлебозаготовки и проч. и проч.-- вызвал бы неизбежный сдвиг вправо. Очень дорогой ценой мы предотвратили это. Надолго ли? Совсем неизвестно. Главное затруднение - и внутреннее, и международное - впереди. Но тут уж Сафаров предлагает возлагать все упования на "революционность нашего рабочего класса", это самое спокойное, что и говорить. Революционный рабочий класс будет сам по себе, а руководить хлебозаготовками и многим другим будут люди, "не видящие классов", -- сами по себе. А Сафаров будет утешаться революционностью рабочего класса и ждать главную опасность в том, что Троцкий, осуждая ошибки Суварина, не считает его окончательно погибшим для коммунизма. Просто ему надо как-нибудь отпихнуться от своего вчерашнего дня, -- он готов отпихнуться и от соломинки. Это нисколько не мешает ему утонуть: с комфортом или без комфорта, затрудняюсь сказать, скорее без комфорта.

Нынешний "новый курс", к которому надо присматриваться очень внимательно, делает попытку разрешить важнейшие задачи, нами гораздо раньше и гораздо принципиальнее поставленные, старыми приемами и методами, несостоятельность которых совершенно очевидна. Чтобы осуществить новые задачи, нужно, во-первых, ясно и отчетливо формулировать их, беспощадно осудив старую установку; нужно, во-вторых, обеспечить подбор людей, которые понимают эти новые задачи и хотят их разрешить не за страх, а за совесть. В "Правде" от 16 мая напечатана совершенно поразительная статья А. Яковлева "К урокам Смоленска". Из этой статьи я приведу только один, напечатанный жирным шрифтом вывод Яковлева, одного из руководителей ЦКК: "Мы должны решительно изменить свое отношение к тем членам партии и сознательным рабочим, которые знают о безобразиях и молчат .." Ведь одна эта фраза стоит десят-

ка ультралевых и левейших платформ. Изменить - "изменить" -- из-ме-нить - отношение к тем, которые знают о безобразиях и молчат. То есть до сих пор их хвалили и поощряли, а теперь будем их клеймить. Кто же их жалел и поощрял? И можно ли, и думать, что те, которые поощряли умолчание о безобразиях, и поощряли не случайно, а были, очевидно, в этом заинтересованы, вдруг начнут после фельетона Яковлева не поощрять, а клеймить и преследовать? Вот это есть серьезный ответ Сафарову, на его

фаталистически меньшевистскую ссылку на имманентную революционность рабочего класса, при наличии которой совершенно безразлично - поощряется ли или преследуется умолчание о безобразиях. . [...]

[Л. Троцкий] [26 мая 1928 г.]

ПИСЬМО Д. РЯЗАНОВУ Директору Института Маркса и Энгельса
Дорогой Давид Борисович.

Во-первых, позвольте изложить состояние, пока еще очень скромное, моих работ для Института. Из "Карла Фогта" мной переведено примерно три русских печатных листа. Они еще нуждаются в доработке, особенно по части многоязычных цитат. Мне сообщают, что Вы на этом переводе не настаиваете. Во всяком случае, было бы жаль оставлять без употребления уже переведенную часть. Я намерен ее поэтому переработать и, по получении от Вас ответа, выслать Вам. Я не отказываюсь, однако, и от полного перевода всей книги, если только Вы не настаиваете на срочности.

Что касается Годскина, то в месяц - полтора я его закончу. У него есть цитаты из Рикардо, Мак-Куллоха и Мил-ля. Самый перевод их не представляет никаких затруднений, но, насколько помню, Вы издаете или уже издали Ри-кардо. Может быть, в интересах единства физиономии научного издательства следовало бы привести цитаты по тексту Вашего издания. Для этого я должен был бы получить Ри-кардо.

Сегодня я получил том 1 сочинений Маркса и Энгельса. Издание производит, уже по одному внешнему виду, поистине превосходное впечатление. Сегодня же я принимаюсь за внимательное чтение книги. Насколько понимаю, задача моя сводится к чисто литературной шлифовке текста, то есть к устранению явно неправильных выражений или к замене ме-

нее удачных более удачными. Так ли я понимаю? Что касается тех мест, самый смысл которых мне покажется сомнительным, то, не имея оригинала в своем распоряжении, я смогу лишь обратить на эти места внимание редакции.

Вот как будто и все вопросы, связанные с выполняемыми мною для института работами.

Сын говорил мне, что Вы проявили интерес к вопросу о моих расчетах и вообще взаимоотношениях с Госиздатом. На этот счет дело обстоит так. По инициативе Госиздата, после больших настояний Мещерякова и др., я согласился на издание собрания своих сочинений. Моим секретариатом был от моего лица заключен с Госиздатом договор. По этому договору Госиздат обязывался оплатить, при нормальных условиях, работу редакторов, авторов примечаний, переписчиц и пр. Что касается меня, то я отказался от гонорара * с тем, чтобы он пошел на удешевление издания. Это оговорено в договоре особым пунктом.

Госиздат прекратил издание по соображениям не делового, а политического характера; задолго до того, как издание было прекращено, принимались все меры к тому, чтобы сделать подписку на издание крайне затрудненной; розница была совсем, кажется, ликвидирована и пр., пр. Формально Госиздат при прекращении издания сослался на то, что в договоре общий объем издания указан в 500 печатных листов, между тем фактически издание уже перешло будто бы за эти пределы. Возможно. Но когда писался договор, то эти 500 печатных листов ни в каком случае не имели ограничительного смысла: просто нужно было наметить на глаз примерное число томов и общую цену издания. Работа над изданием велась все время, в зависимости от наличного материала, а никак не в зависимости от указанного выше, примерно, общего числа листов. Лучшим доказательством является то, что важнейшие тома, которым и редакторы моих книг и редакция Госиздата придавали более серьезное значение, оставались до конца ненапечатанными (над ними производилась более тщательная, детальная работа). Таков, например, Коминтерновский том, в который должны были войти многочисленные документы самого Коминтерна, писавшиеся в свое время мною. Издание было пресечено на ходу под указанным выше ложным предлогом. Несколько томов, совершенно готовых, снабженных примечаниями, лежат в моем архиве. Работники оказались либо совсем не оплачены, либо полуоплачены. Точного счета я Вам сообщить не могу, так как этим делом ведал тов. Познанский. Он, помнится,

* В тексте "гонораров".-- Прим. ред.-сост.

говорил мне, что в частном порядке представители Госиздата ссылались на свое противоречивое положение: издание, мол" могло бы дать Госиздату большой доход, но Госиздат сам вынужден вести политику в сторону дефицита, а дефицит ему невыгоден экономически и пр., и пр. Так или иначе, но роль Госиздата в этом деле как по отношению ко мне, так и по отношению к моим сотрудникам была по меньшей мере неблагоприятной.

В заключение позвольте поблагодарить Вас, весьма и весьма, за присланные Институтом книги и выразить нескромную надежду на получение их и в дальнейшем. Список полученных книг я представлю отдельно. Книги заказной бандеролью доходят хорошо, хотя первый том Маркса и Энгельса несколько помялся в дороге.

С добрым марксистским и коммунистическим приветом

Л. Троцкий

P. S. В каком виде предоставить Вам литературные замечания к тексту сочинений Маркса--Энгельса: на полях самой книги или же особой запиской, с указанием на страницы? Если предпочтителен первый путь, то - простите -- мне понадобится еще один экземпляр сочинений, иначе я останусь без них.

[Май 1928 г.]

циркулярное письмо

Дорогой товарищ,

За последнее время я получил от целого ряда товарищей письма, заключающие в себе жалобы на то, что от меня нет ответа. В том же обвиняют и сына. Все эти обвинения основаны на почтовых недоразумениях. Не было ни одного письма, ни одной открытки, ни одной телеграммы, на которые мы не ответили бы немедленно или, в крайнем случае, на следующий день. По многим и многим адресам мы пишем,, не дожидаясь вести, на основании первого сообщения об адресе вновь прибывшего. Поэтому если кто-либо из товарищей не получает ответа на свое письмо, то это означает лишь, что либо мы не получали этого письма, либо же наш ответ не дошел до адресата. Для характеристики почтовых сношений достаточно сказать, что я вчера, то есть 1 июня, получил из Москвы письмо от дочери, посланное ею 20 марта. Замечательно, что из некоторых пунктов письма доходят довольно правильно, например, от Раковского из Астрахани,

от Преображенского из Уральска, от Сосновского из Барнаула. Зато есть пункты, откуда письма либо совсем не доходят, либо доходят с Огромным запозданием и притом не все Так, например, я не получил до сих пор ни одного письма от тов Радека. От Врачева получил вчера первое письмо от 12 мая; между тем он сообщает, что написал мне уже два письма заказным порядком с оплаченным обратным уведомлением о получении Этих двух писем я не получал. Тов. Врачев, таким образом, вправе востребовать с почты штрафные суммы за утрату заказной корреспонденции. И другим товарищам следовало бы систематически прибегать к этому же способу

Почти все полученные за последние дни письма касаются: а) событий в Германии; б) "левого курса" у нас; в) телеграммы Радека в "Правду"; г) неизбежной темы о здоровье.

Относительно событий в Германии я могу судить только на основании газет, следовательно, на весьма шатком "основании". Что касается выборов в Германии, как и во Франции, то над ними придется еще более детально поработать, когда получатся соответственные номера иностранных газет. Статьи нашей печати об этих событиях ниже всякой критики: нет и намека на конкретный марксистский анализ социальных и политических передвижек в стране; все это заменяется самым вульгарным агитаторством, "выводы" которого забываются на другой же день не только читателями, но и авторами Об истории с Ленинбундом я знаю только то, что было напечатано в "Правде", то есть почти ничего, или даже менее того, поскольку отрицательная величина меньше нуля. Во всяком случае даже из самой "Правды" явствует, что 80 тысяч голосов, зачисленных корреспондентом "Правды" Ковровым в троцкисты, суть на самом деле сторонники Корша и ему подобных. Это полуанархистские элементы, столь же далекие от нас - поскольку дело касается идеологии, -- как и презренный либеральный мазилка Ковров, который всю жизнь потрафлял под

редакцию той газеты, в которой сотрудничал, все равно были бы это право-либеральные "Русские Ведомости" или "Правда". Величайшим скандалом уже является один тот факт, что из Германии основным информатором русских рабочих является этот жалкий, невежественный и глупый Тряпичкин. Самый, однако, факт, что в Германии нашлось 80 тысяч рабочих, голосовавших уже после опыта так называемой коммунистической рабочей партии за Корша и компанию, имеет глубоко симптоматическое значение. Анархизм всегда был и будет наказанием за грехи оппортунизма. Полевение в немецком рабочем классе только

начинается. Социал-демократия от него выиграла пока еще. значительно больше, чем коммунисты. Это показывает, что пока еще идет очень бесформенное общее движение влево. Его дифференциация неизбежна. Неправильная политика может чрезвычайно усилить группу 80 тысяч. Тот же либеральный Тряпичкин-Ковров называет зульского Гейма "троцкистом" Насколько я припоминаю, семья Геймов - это местная правящая династия, руководившая зульской организацией и при социал-демократии, и при компартии. Под давлением зульских рабочих Геймы шли на сделку с оппозицией, чтобы не терять насиженных мест, а теперь, если верить Коврову, переходят к социал-демократии, а от социал-демократии - к коммунистам, с постоянной готовностью вернуться опять в либеральное стойло. Раскол Ленинбунда есть жестокий урок для немецкой левой, прошедшей - не нужно этого забывать -- зиновьевскую школу верхоглядства. Мы уже достаточно хорошо знаем из опыта последних лет, что основная "диспропорция" в Европе состоит в несоответствии между степенью зрелости пролетарского авангарда и зрелостью всей революционной обстановки. Эта "диспропорция" распространяется, разумеется, целиком и на оппозицию, которая делает в сущности первые серьезные попытки самостоятельно разобраться в обстановке, а не просто брать под козырек перед каждым дежурным вождем. Руководящие группы вырабатываются медленно, а особенно в нынешней, совершенно исключительной обстановке Шатаний, колебаний, перебежек, расколов будет еще немало впереди, как внутри официальных компартий, так и в тех группах, которые на данном этапе вытеснены из их состава. На этот счет не нужно делать себе никаких иллюзий. Люди учатся ходить только на собственных ногах, причем неизбежно набивают себе шишки на лбу и в других местах.

Телеграмма Радека в "Правде" есть результат некоторой излишней импульсивности, вряд ли много более того. Некоторые товарищи (особенно тов. Абрамский из Харькова) ссылаются на какое-то совершенно неизвестное мне письмо Радека, в котором он будто бы солидаризуется с резолюцией ИККИ по китайскому вопросу. Думаю, что здесь какое-то недоразумение. Если другие резолюции (по английскому, по французскому вопросам) представляют собой крайне угловатый и непродуманный поворот влево и тем самым начало движения в нашу сторону, то резолюция по китайскому вопросу ложна с начала и до конца и является прямым продолжением, развитием и углублением политики блока четырех классов, подчинения компартии Гоминьдану, спекуляции на левый Гоминьдан, с неизбежными дополнениями этой оппор-

тунистической политики в духе кантонского путча. На этом вопросе я здесь не останавливаюсь, так как очень подробно высказался на эту тему в своей переписке с Преображенским. Я считаю этот вопрос прямо-таки решающим для всей нашей международной ориентировки. Дело идет о направлении революции в стране с 400-миллионным населением. Нынешняя резолюция ИККИ с такой же неизбежностью подготавливает крушение будущей третьей китайской революции, с какой гоминьдановский курс обеспечил крушение второй китайской революции 1925--1928 гг. Мало того, дело идет о революции в Индии, с одной стороны, о революции в Японии, с другой. Эти вопросы необходимо продумать до конца.

Что касается "левого курса", то одну часть своей исторической миссии он уже выполнил, ибо помог естественному самоопределению зиновьевской группы. Сафаров был в оппозиции Зиновьеву и Каменеву слева. Но эта сафаровская левизна имеет лишь одно историческое назначение: показать господам положение, что он, Сафаров, готов грызть нас куда более решительно, чем "оппортунисты" Зиновьев и Каменев. Игрушечного дела людишки, как говаривал

Салтыков, захотели поиграть в оппозицию, пошались с аппаратом диктатуры и против собственного желания попали в большой водоворот. Немудрено, если они пускают теперь теоретические пузыри и судорожно работают всеми плавниками, руководимые одним-единственным желанием: удержаться на поверхности, а по возможности даже и вновь процвести. Начали они с того, что нужно идти на Брестский мир, то есть обмануть партию. А тут на счастье подвернулся левый курс: "Ну вот видите, -- говорят игрушечного дела людишки, -- мы давно это говорили", хотя говорили они прямо противоположное, то есть не о левом курсе, а о Брестском мире, примерно, на три месяца, максимум на шесть.

Мы потеряли Пятакова, Антонова-Овсеенко, Крестинского, людей, давно подгнивших. Зиновьевская верхушка была сановной фрондой, которая под давлением питерских рабочих и под нажимом с нашей стороны зашла много дальше, чем хотела. Теперь она возвратилась к покинутым яслям. Но сотни питерских рабочих не пошли за своими бывшими руководителями, а остались с нами. В этом полное оправдание блока--и заключения его, и разрыва.

В существо вопроса о "левом курсе" я на этот раз не вхожу, так как очень подробно писал об этом в нескольких письмах ряду товарищей. Здесь прибавлю только, что в тех моих письмах я совершенно недостаточно останавливался на вопросе о методах руководства - партией, государством, профсоюзом. На это совершенно справедливо указывает Хри-

стиан Георгиевич в полученном мной вчера письме, которое является изложением, крайне сокращенным, его письма к А. Г. Белобородову. Тов. Раковский выдвигает на первое место ту мысль, что правильная политическая линия немыслима без правильных методов ее выработки и ее осуществления. Если в том или другом вопросе, под действием тех или других толчков аппаратное руководство даже и нападет на след правильной линии, то нет никаких гарантий того, что эта линия будет действительно проводиться. "При условиях диктатуры партии, -- пишет тов. Раковский, -- в руках руководства сосредоточивается такая гигантская власть, какой не знала ни одна политическая организация в истории, и поэтому соблюдение коммунистических и пролетарских методов руководства является еще более необходимым, так как всякое отклонение в этом смысле, всякая фальшь отдадутся на всем рабочем классе и на всей революции. Отрицательное отношение пролетарской диктатуры к буржуазной псевдодемократии руководство постепенно приучилось распространять на те элементарные гарантии сознательной демократии, на которых зиждется партия и при помощи которых только и можно руководить рабочим классом и государством.

Наоборот, при пролетарской диктатуре, когда, как упомянуто выше, сосредоточена неслыханно большая власть в руках руководства, верхушки, нарушение этого демократизма есть величайшее и тягчайшее зло. Ленин уже предостерегал, что наше рабочее государство заражено "бюрократическим извращением". Опасность заражения им и партии беспокоила его все время, вплоть до последних минут его жизни. Неоднократно он говорил о том, каковы должны быть отношения руководства партии к профсоюзам и трудящимся вообще ("передаточные колеса", "привода"). Вспомним его горячие протесты против некоторых грубостей ("рукоприкладство" и проч.), против отдельных недостатков руководителей - на внешний взгляд незначительных и даже трудно объясняющих негодование Ленина, если упустить, что он имел в виду именно сохранение внутри партии совсем иных способов руководства. В этой же связи надо понимать его горячую проповедь культуры (борьба с азиатскими нравами) и, наконец, его замысел при создании ЦКК. "При жизни Ленина, -- пишет далее т. Раковский, партаппарат не имел еще и десятой доли того могущества, которым пользуется теперь, а потому и все то, чего так опасался Ленин, стало теперь в десятки раз опаснее. Партийный аппарат заразился бюрократическими извращениями госаппарата, прибавив к этому все те извращения, которые выработала фальшивая

буржуазная парламентарная демократия. В результате сложилось руководство, которое вместо сознательной партийной демократии дало: 1) подтасовки теорий ленинизма, приспособленные для укрепления партийной бюрократии; 2) злоупотребление властью, которое - по отношению к коммунистам и рабочим - при условии диктатуры не может не принимать

чудовищных размеров; 3) подтасовку всей партийной выборной механики; 4) применение в дискуссии методов, которыми могла бы гордиться буржуазно-фашистская власть, но никак не пролетарская партия (особые отряды, свистки, сбрасывание с трибуны и проч.); 5) отсутствие товарищеской спайки и добросовестности в отношениях и проч. и проч.". Отсюда Христиан Георгиевич выводит все те чудовищные процессы, которые за последние месяцы прорвались наконец наружу (Шахтинское дело, Артемовское, Смоленское и другие). Всегда и неизбежно будут ошибаться те, которые берут отдельные экономические мероприятия вне политического процесса и политической деятельности в целом. Т. Раковский крайне уместно напоминает, что политика есть сконцентрированная экономика.

Вы, конечно, обратили внимание на то, что наша печать совершенно или почти совершенно не дает отголосков европейской и американской печати на события внутри нашей партии. Уже это одно заставляло думать, что эти отголоски не подходят к стилю нового курса. Теперь у меня есть на этот счет уже не голая догадка, а в высшей степени яркое печатное свидетельство. Один товарищ прислал мне страницу, вырванную из февральского номера американского журнала "Нейшен" ("Нация"). Изложив кратко последние наши события, виднейший лево-демократический журнал говорит:

"Все это выдвигает на первое место вопрос: кто представляет продолжение большевистской программы в России и кто - неизбежную реакцию против нее. Американский читатель всегда считал, что Ленин и Троцкий представляют то же самое дело, и консервативная пресса и государственные люди пришли к тому же самому заключению. Так, нью-йоркский "Таймс" нашел главную причину для радости в день Нового года в успешном устранении Троцкого из коммунистической партии, заявляя при этом напрямик, что "изгнанная оппозиция стояла за увековечение тех идей и условий, которые отрезали Россию от западной цивилизации". Большинство больших европейских газет писали подобным же образом. Сэр Остин Чемберлен во время женеvской конференции сказал, как сообщают, что Англия не может войти в переговоры с Россией по той простой причине, что "Троцкий еще не расстрелян у стенки до сих пор". Чемберлен должен

быть теперь удовлетворен изгнанием Троцкого. Во всяком случае, представители реакции в Европе единодушно в своем заключении, что Троцкий, а не Сталин, является их главным коммунистическим врагом".

Сама газета, как мы видели, считает реакцию против большевизма или термидор (статья так и называется "Термидор в России?") неизбежными. В заключение она прямо пишет:

"Нет никакого сомнения в том, что сталинская тенденция отхода от сурового большевизма может быть обоснована как уступка воле большинства народа".

"Правда" иногда пытается (пыталась раньше) сослаться на отдельные голоса социал-демократической печати, подхватывающие нашу критику, как они теперь подхватывают так называемую "самокритику", по признанию той же "Правды". Как будто бы подлинные классовые линии определяются интрижками социал-демократической печати, пытающейся зайти то с одного, то с другого конца, чтоб погреть руки на наших разногласиях. Основная линия социал-демократии определяется основными интересами буржуазного общества. Но социал-демократия потому и может играть роль последней опоры буржуазного режима, что она отнюдь не тождественна с фашизмом, как у нас походя пишут, а наоборот, пользуется во всех неосновных вопросах возможностью играть всеми цветами радуги, рычать против реакции, хлопать подлинных революционеров (пока они в маленьком меньшинстве) одобрительно по плечу, глотать шпаги и горящую паклю, словом, выполнять свое назначение крайнего левого фланга буржуазного общества. Вот почему надо уметь читать социал-демократическую печать. Надо уметь отличать основную линию (основную - для буржуазии) от всего того словесно-политического шарлатанства, которое является основным для самой социал-демократии, ибо она этим живет. Что касается солидной капиталистической печати, то в вопросах, касающихся коммунистов и пролетариата, у нее нет основания играть в жмурки. Вот почему статья "Нейшен" имеет для нас интерес не столько сама по себе, сколько теми отголосками из мира империалистской политики, которые она приводит. Вот это

серьезная, не случайная, не эпизодическая проверка классово-линейной линии. Не случайная тем более, что больше года тому назад издание Совета съезда тяжелой французской промышленности совершенно таким же образом оценивало внутренние процессы в нашей партии и стране – притом не в газете, а в Бюллетене, предназначенном для узкого, сравнительно, круга посвященных.

Вот на сей раз и все по вопросам политики. Несколько слов о здоровье. В общем оно удовлетворительно, несмотря на привязавшуюся малярию, которая Наталию Ивановну [Седову-Троцкую] осаждает гораздо более жестоко, чем меня. Надеемся от нее избавиться путем переселения выше, в горы. Собирались переселиться в начале мая, но не было помещения, да и май был почти на всем своем протяжении дождливым и холодным. (Сейчас установились уже летние жары и необходимо как можно скорее бежать в горы). Завтра надеемся уже переехать окончательно, то есть на летний сезон, так как барачные помещения в горах не приспособлены для зимнего жилья. Младший сын живет здесь уже около месяца (старший, Лев, приехал вместе с нами). Сегодня ждем также и невестку, которая собирается провести здесь свой отпуск. Из Москвы очень тяжкие вести о здоровье дочери (Нины). Это от нее письмо шло два с половиной месяца из Москвы. Газеты и письма получаю во все возрастающем количестве. Работаю много и с интересом. В конце марта совершил крупную охотничью поездку. В конце мая -- крупную рыболовную поездку. Рыбы мы привезли с Наталией Ивановной и сыном Сергеем около семи пудов, чем значительно повысили продовольственный уровень Алма-Аты. Вот, кажись, и все по части житейской и бытовой.

Сейчас мы уже переселились в горы, что в восьми верстах от центра города. Здесь много садов и прохладнее, чем внизу. Младший сын живет с нами свыше месяца. Невестка (жена старшего сына) прибыла из Москвы свыше недели тому назад, так что семья наша очень возросла.

К несчастью, в семье у нас неблагополучно. Одна из двух дочерей моих, Нина, тяжело заболела скоротечной чахоткой. Я телеграфировал профессору Гетье и получил несколько дней тому назад ответ: "Скоротечная форма, помочь невозможно". Дочери 26 лет, у нее двое малюток, муж ее, Не-вельсон, в ссылке. Из больницы дочь написала мне 20 марта письмо о том, что она хочет "ликвидировать" свою болезнь, чтоб вернуться к работе, между тем температура у нее была 38. Если бы я получил это письмо своевременно, я бы телеграфировал ей и друзьям, чтоб она не покидала больницы. Но письмо ее, посланное 20 марта, получил только 3 июня, оно было в пути 73 дня, т. е. больше двух месяцев пролежало в кармане у какого-нибудь Дерибаса, Агранова или еще у кого-нибудь из этих развращенных безнаказанностью прощелыг. Старшая дочь, Зина, -- ей 27 лет, тоже "температурит" вот уже два-три года. Я очень хочу заполучить ее сюда, но сейчас она ухаживает за сестрой. Обе дочери, конечно, исключены из партии и сняты с работы, хотя старшая

дочь, заведовавшая раньше в Крыму партшколой, была уже год тому назад переведена на чисто техническую работу. Словом, эти господа плотно принялись за мою семью после того, как они разгромили мой секретариат.

Вы, вероятно, помните, что моего лучшего сотрудника Глазмана, прекрасного партийца, подлыми преследованиями довели до самоубийства еще в 1924 г. Преступление осталось, конечно, безнаказанным. Теперь жестоко преследуют трех остальных моих сотрудников, продолжавших со мной – как и Глазман – всю гражданскую войну. Сермукс и Познанский решили на собственный риск отправиться в Среднюю Азию, чтоб быть вместе со мной. Сермукса арестовали здесь на второй день после приезда, держали в подвале около недели, выдавая в сутки по 25 коп. из его же собственных денег, а затем отправили в Москву, откуда выслали в область Коми. Познанский был арестован в Ташкенте, сослан в Котлас. Бутов сидит в тюрьме и по сей день...

Крепко жму руку.

Р. С. Проработал проект программы ИК [Коминтерна]. Плачевный документ -- ни цельности мысли, ни прочности построения, зияющие ревизионистские щели во всех стенах... Печальное здание! И в то же время оно подмазано и подкрашено "веселенькой" революционной краской – все наши замечания приняты во внимание, но не по существу, а для маскировки.

Первый бухаринский проект отброшен именно за его национально

ограниченное построение (см. наши документы в "Правде" 15 января 1928 г.). Теперь "Правда" хвалится, что новое построение строго интернациональное, "не как с.-д.", исходим из мирового хозяйства, а не национального. И здесь подделка под наши указания. Но, по существу, заплата на заплате. Пишу для Шестого конгресса подробную критику, делаю попытку удержать от принятия этого и подобного документа.

[Л. Троцкий] Алма-Ата, 2 июня 1928 г.

циркулярное письмо

Дорогой друг!

Я получил три письма с "новостями", отчасти со "слухами", бродящими по Москве. Два из трех корреспондентов утверждают, что все - истинная правда. Сообщаю выдержки из трех писем без изменений. Ответственности на себя не беру. Но многое очень вероподобно.

1-е письмо.

Сообщали как факт больше месяца тому назад, что Каганович прислал в Москву (кому неизвестно) письмо, в котором ругал Сталина и показал себя ярым рыковцем. Говорили, что после этого Сталин хотел его снять, но это ему не удалось.

От очень многих слышал, что вышел 1-й рыковский подпольный документ. Содержание его никто толком не знает, но факт его существования считают бесспорным.

Говорят, что, когда у Сталина было несколько делегатов Профинтерна, то на вопрос, а что же будет дальше с оппозицией, Сталин сначала притворился, что не понимает, о чем с ним говорят, а потом заявил, что никакой оппозиции нет, Зиновьев, Каменев, Пятаков, дескать, отошли, а здесь, в столе, у меня лежат заявления Преображенского, Радека, Ив Ник Смирнова, Белобородова и еще кого-то.

Общее снижение зарплаты по Московской губернии равняется что-то около 25%, по некоторым отраслям достигает 50%. Сведения эти почерпнуты из сводки МГСПС.

Говорят, что Сталин предложил Каменеву и Зиновьеву "блок", но они заявили, что ни о каком блоке не может быть и речи, пока не будут возвращены все ссыльные, в частности, Троцкий. (Гм... гм...). На это Сталин ответил, что может документами доказать, что он на Политбюро голосовал против высылки Троцкого, а когда высылали, так его даже в Москве не было (был в Сибири).

На пленуме ЦК Сталин внес предложение о передаче ВТУЗов в ведение ВСНХ (это предложение он внес в связи с Шахтинским делом). Рыков был против этого предложения. Голоса раскололись примерно так: ²/з за Рыкова, часть воздержалась и 1/4 или 1/5 за Сталина. Существует предположение, что некоторые сталинцы не поняли, что это голосование есть, так сказать, проба пера и голосовали "не за страх, а за совесть".

Когда Сталин предложил первый раз на Политбюро снять Сырцова, то голосование не состоялось, т. к. у Бухарина заболел живот; во второй раз, т. е. когда голосование состоялось, Сталин оказался только вдвоем с Молотовым (за снятие).

Когда Сталин ездил в Сибирь, то он привез оттуда с собой Сырцова и заставил его в Москве просить о своем снятии. Вопрос снова был поставлен в Политбюро, и Сталин снова провалился. Правда, он сменил у Сырцова весь аппарат.

Перед пленумом происходил так называемый актив, состоящий из членов и кандидатов Политбюро и некоторых

членов ЦК. Там происходили длительные дебаты, там вырабатывались резолюции, которые потом были приняты "единогласно" на пленуме. На этом же самом активе Сталин предложил поставить на пленуме вопрос о восстановлении в партии Зиновьева и Каменева. Подавляющим большинством этот вопрос был снят. Причем мне передавали в качестве факта, что Рыков заявил, что если ставить вопрос, то уж о настоящей оппозиции, а не о прохвостах.

Передают также, что сталинцы и рыковцы говорят друг с другом в невероятном тоне.

В качестве контроля над Бухариным и М И [Ульяновой] в "Правде" сидит

Ярославский. В Политбюро теперь, по слухам, существуют три группы. Третью олицетворяет собой Бухарин.

Рыковцы распространяют слух, что Рыков плакал, когда Троцкого исключали из партии.

2-е письмо.

[...] 10 июня созывается экстренный пленум ЦК, на котором будет обсуждаться программа К[оммунистического] И[нтернационала]. На этом же пленуме возможно выступление Бухарина о новой "троцкистской" опасности в лице Сталина.

Срок созыва VI Конгресса КИ еще не установлен, так как хотят, во-первых, иметь реальные результаты выборов в Германии и Франции, а, во-вторых, не распределены между Сталиным и Рыковым роли докладчиков на Конгрессе.

Рыков требует для себя доклада "10 лет Советской власти". Сталин на это не идет, так как боится отдать этим докладом Конгресс в руки Рыкова.

Полагают, что Конгресс будет носить характер расширенного пленума, так как рассматривать будет только накопившиеся текущие дела. (Неверно: на Конгрессе стоит программный вопрос.-- Л. Т.).

В Ленинграде недели три тому назад был созван узкий фракционный актив, на котором выступил командированный Бухариным Слепков. Слепков от имени Бухарина заявил, что Сталин левым курсом ведет партию и страну к гибели, что новая политика Сталина есть не что иное, как "троцкизм", и что необходимо сейчас же вооружиться и повести со Сталиным самую жестокую борьбу. Выступление Слепкова было поддержано и членом ЦК Стецким. Среди присутствовавших нашелся "осведомитель" - сообщил Кирову, а тот уж донес по начальству. Через пару дней уже последовали по отношению к Слепкову "оргвыводы" - он снят

из "Большевика" и "Правды" и ссылается зав. агитпропом в какой-то отдаленный пункт Якутии.

Участь Стецкого, как члена ЦК, будет зависеть от соотношения сил на созываемом 10 июня пленуме.

Такая быстрая расправа со Слепковым объясняется тем, что Сталин, благодаря болезни Рыкова и освобождению на время выработки программы КИ Бухарина, оказался в "большинстве".

Фракция Рыкова явно оформляется не только в Москве, но и по периферии.

Последнее время Сталин старается "расчистить" Московскую организацию, которая вся во главе с Углановым, за исключением Рютина, оказалась рыковской. Так уже снят из МК Бауман. После письма к друзьям Кагановича, в котором тот писал, что ЦК под руководством Сталина привел к печальным результатам хлебозаготовок, что в дальнейшем партия должна ориентироваться на Рыкова, как единственно талантливого вождя, Сталин хотел снять Кагановича и метил на Украину Угланова, чтоб очистить Москву. Ему заявили, что это не пройдет, и Сталин, видно, смирился.

Соотношение сил в случае дискуссии будет, по общему мнению, не в пользу Сталина. Подтвердило это и голосование на апрельском пленуме ЦК по поводу втузов.

Разногласия в Политбюро не являются больше секретом ни для кого, да и обе стороны не очень их скрывают. Так, на апрельском пленуме ЦК было подано в президиум за подписями восьми членов ЦК с мест заявление с запросом по поводу розни в Политбюро. Они просили выступить по этому вопросу как Сталина, так и Рыкова, для того, мол, чтобы "спор" по примеру прошлых лет не свалился "как снег на голову". Заявление это было обойдено полным молчанием, и о поступлении этого заявления узнавали только со слов подавших.

На докладе Сталина о пленуме на Московском активе в числе прочих записок была подана записка Сталину с запросом: "Правда ли, что он в последнее время находится в Политбюро в меньшинстве?". На это Сталин ответил буквально, [что] "быть в меньшинстве не зазорно, и В. И. [Ленин] бывал часто в меньшинстве", но что он благодарит авторов за сочувствие.

3-е письмо.

[...] Настроение в массах в связи с колдоговорной кампанией явно оппозиционное, но у них есть боязнь идти с

оформленной оппозицией, так как боятся, что их требования будут отведены под флагом борьбы с оппозицией. К профсоюзным организациям отношение рабочих презрительно-враждебное; по всем вопросам, даже самым мелким, рабочие идут прямо к секретарю ячейки, говоря, что хотят иметь дело непосредственно с "хозяином, а не с приказчиком". Рабочие очень интересуются оппозицией... Отходов среди рабочих почти совсем нет, во всей Моск. орг. едва насчитываются десятка три подавших заявления.

Интересный случай был на Богородской мануфактуре на юбилейном по случаю 10-летия Красной армии собрании: приехавший из Москвы докладчик после сухого доклада предложил казенную резолюцию одобрения, приветствий ЦК и "вождю" Ворошилову и т. д. Секретарь ячейки имел глупость запросить собрание, не желает ли кто высказаться. Тогда встал рабочий-оппозиционер, исключенный из партии, старый партизан, пользующийся большим авторитетом среди рабочих, и попросил слова. Прежде всего он предложил собранию включить в резолюцию посылку приветственной телеграммы вождю Красной армии Троцкому, а в приветственную телеграмму включить наказ вернуть Троцкого на руководящую работу в Красную армию. Докладчик вскочил на стол и истерически завопил, что это, мол, явная "контрреволюция" и потребовал, чтобы оно не ставилось даже на голосование. Президиум собрания вместе с секретарем ячейки растерялись, а рабочий обратился непосредственно к собранию и попросил тех рабочих, которые участвовали в гражданской войне, поднять руки и задал им вопрос: "Кто был вождем Красной армии и чьи приказы они знали и выполняли на фронте?" Все ответили: Троцкий. В ответ на это докладчик пытался "доказать", что руководителем Красной армии был ЦК и... Ворошилов. Его встретили смехом, и голосование дало две с лишним тысячи за добавление при двухстах против и воздержавшихся. На другой день был снят секретарь ячейки и назначены пере выборы бюро.

...Говорят, что после объявления "левого" курса Каменев и Зиновьев в бытность в Москве ходили к Бухарину с предложениями поддержать всячески этот курс, на что им Бухарин ответил, чтоб они, мол, сидели и не рыпались - "без вас пока обойдемся".

"Интересную" характеристику дал Зиновьев в беседе с... "троцкистской" оппозиции: троцкистская оппозиция состоит, мол, из трех составных частей: 1) старые исконные большевики, как Пятаков, Преображенский, И. Н. Смирнов, Серебряков; 2) очень талантливые индивидуалы, воспитанные в духе западной социал-демократии, в прошлом хоро-

шие революционеры, не имевшие ничего общего с нашей партией, -- Троцкий, Радек и Раковский; 3) основная масса, вузовцы, в большинстве своем мелкобуржуазный элемент, так, мол, третью группу мы вернем в партию, первая группа уже целиком отошла и останутся в одиночестве "индивидуалы". [...]

На последнем Конгрессе Профинтерна перед вынесением резолюции на Конгресс таковая обсуждалась в русской делегации. После оглашения резолюции Лозовским выступил Томский, очень резко раскритиковал резолюцию (а резолюция вырабатывалась в Политбюро) и стал вносить в нее добавления и "поправки" в явно правом духе, совершенно сводившие на "нет" резолюцию. Делегация (была склонна эти поправки принять. Тогда взял слово Лозовский и заявил, что если будет принята хоть одна из поправок Томского, он сейчас же уйдет из Профинтерна и вообще со всякой работы. Дело передали на новое рассмотрение Политбюро, куда вызывали каждого из русской делегации в отдельности с наказом не "бузить", и, таким образом, прошла резолюция Лозовского.

[...] Во время пребывания падишаха афганского Аманул-ла-Хана в Москве падишах в числе прочих мест посетил и новое здание Армии и Флота. Встречал его, говорят, Постников, который давал падишаху объяснения к висящим в залах портретам вождей Красной армии, это, мол, "спаситель" в гражданской войне, это "самый главный руководитель гражданской войны" и т. д. Прослушав эти объяснения и просмотрев портреты, падишах задал коварный вопрос: "А почему нет портрета Троцкого? Разве он не является участником гражданской войны?" Постников немного смешался и пробормотал, что "это" будет в следующих залах и отрядил коменданта здания за телефонными директивами к Ворошилову. Последний распорядился повесить портрет, и падишах был удовлетворен. Очевидцы говорят, что портрет висел "целых полчаса".

[...] На открытии комсомольского съезда в Большом театре оппозиционерами-комсомольцами было сброшено с четвертого яруса около двух тысяч экземпляров открытого письма к съезду (комсомольцев-оппозиционеров). Съезд был ошарашен. Кто сдал листовки в президиум съезда, а кто и не сдал. Настроение на съезде было не из "спокойных". Тем более, что случился еще один казус: социал-демократический союз молодежи прислал свое приглашение на предстоящий съезд и ЦК его приняло. Передают, что Чаплин и Шацкий подали по этому поводу протест в президиум, который остался неотглашенным.

Последнее время ГПУ произвело среди комсомольцев-оппозиционеров много арестов.

В Москве теперь есть еще один "битый" - Агафонов; его побил публично в кинематографе оппозиционер тов. Заге, который был тут же арестован.

Вот и все. За что купил, за то и продаю.

Очень похоже на правду, если не все, то почти все.

Крепко жму руку.

Ваш Л. Троцкий [После 10 июня 1928 г.]

ИЗ ПИСЬМА ЛЕЙТМАНУ

Дорогой тов. Лейтман. Описываемая Вами история есть предел гнусности. Когда я говорил о том, что озлобление не есть политическое чувство, я отнюдь не хотел этим сказать, что нужно благодушно относиться ко всем этим мерзостям и подставлять левую щеку, когда бьют по правой. Нет, мы не толстовцы. Кудымкорскую историю нужно довести до сведения всей партии, всего рабочего класса. Каждый из нас обязан сделать в этом направлении все, что только возможно. Вы спрашиваете: действуют ли "кудымкор-ские власти по собственной инициативе или под указку центра. И то и другое. Сверху приказали, снизу перестарались. Грубость и нелояльность стали

основными чертами аппарата, и в ссылке эти черты дают наиболее яркие и гнусные плоды. Кудымкорская история свидетельствует о том, какая нужна гигантская работа чистки и перевоспитания, чтобы добраться до честного партийного режима. Тем более выдержки, твердости и верности своим взглядам требуется с нашей стороны.

Безмерная гнусность кудымкорских властей позволяет думать, что там дело не чисто: особую ревность в борьбе с оппозицией проявляют, как известно, казнокрады, насильники, словом, люди, у которых рыльце в пушку и которые пытаются отыгаться на оппозиции. [...]

21 июня 1928 года

ЗАЯВЛЕНИЕ* Шестому конгрессу Коммунистического Интернационала

Конгресс Коминтерна собирается после более чем четырехлетнего перерыва, исполненного величайших международных событий и жестоких ошибок руководства. Оппозиция большевиков-ленинцев, к которой нижеподписавшийся принадлежит, давала этим событиям и ошибкам неоднократную оценку в ряде документов, статей и речей. Во всем основном и существенном точка зрения оппозиции уже нашла или все более находит подтверждение в ходе событий (оценка германского поражения 1923 года и перспектив стабилизации; оценка "демократически-пацифистской эры", эволюции фашизма и социал-демократии, взаимоотношений Америки и Европы; лозунг Соединенных Советских Штатов Европы; стратегические проблемы китайской революции и англо-русского комитета; вопросы хозяйственного развития СССР; вопрос о построении социализма в отдельной стране и пр.).

Возвращаясь к этим достаточно освещенным нами вопросам в рамках настоящего Заявления не представляется ни возможным, ни необходимым. Достаточно повторить, что все принципиальные ошибки руководства вытекали из сползания с марксистской, большевистской линии на центристскую, которая до самого последнего времени все более уклонялась вправо.

Неправильный курс, упорно применявшийся в течение нескольких лет, начиная с 1923 г., неразрывно связан с ап-паратно-бюрократическим перерождением партийного режима в Коминтерне и в ряде его секций, особенно в ВКП. Бюрократизация приняла за этот период совершенно неслыханные размеры и формы, угрожающие самим основам партии международного пролетариата. Одним из

явных и неоспоримых проявлений бюрократизма и аппаратного самоуправления является тот факт, что руководство величайшими мировыми событиями обходилось в течение четырех с лишним лет без Конгрессов Коминтерна, причем выбранный на Пятом конгрессе Исполком подвергся, помимо всяких Конгрессов, полной внутренней перестройке, с устранением из него руководящего ядра, выбранного Пятым конгрессом.

Результатом ошибочной линии и вытекавших из нее тягчайших поражений явились: задержка роста и влияния Коминтерна, ослабление международного положения СССР

* Посылаю копию моего "Заявления", посланного Конгрессу 12 июля Кроме этого формального "Заявления", я послал обширный комментарий к нему под заглавием "Что же дальше?" Еще раньше я послал критику проекта программы Л Тр [Приписка Троцкого]

и замедление темпа хозяйственного развития и социалистического строительства первого рабочего государства.

Начинающееся в Европе 'полевение масс, проходящее пока через первые свои этапы, ставит перед Коминтерном величайшие задачи, требующие коренного изменения курса и внутренней перегруппировки сил. Не менее остро предъявляет такого же рода требования к ВКП хозяйственное и политическое состояние Советской республики.

Шестой конгресс собирается в момент, когда под напором событий надлом руководящей линии последних лет уже налицо, и сдвиг влево намечен как в ряде решений и практических шагов ЦК ВКП, так и в некоторых постановлениях февральского пленума ИККИ.

Элементы этого противоречивого сдвига влево нашли отражение в представленном Шестому конгрессу проекте программы, который именно по этой причине носит крайне эклектический характер и ни в какой мере и степени не способен служить руководством международному пролетарскому авангарду.

Попытка дать оценку проекта программы в связи с изменениями международного политического положения (особенно за последнее пятилетие), а также оценку последнего сдвига ЦК ВКП и февральского пленума ИККИ в связи с положением в СССР и в Коминтерне, сделана нижеподписавшимся в двух обширных работах, написанных для Шестого конгресса, из коих одна уже послана, а другая посылается Конгрессу одновременно с настоящим Заявлением.

Цель этого Заявления - поставить перед высшим учреждением Коммунистического Интернационала вопрос о восстановлении большевиков-ленинцев (оппозиции) в партии на основе ясного и точного изложения наших взглядов на создавшееся положение и на задачи Коммунистического Интернационала.

Насильственная изоляция сторонников "платформы большевиков-ленинцев" (оппозиции) на многие сотни и тысячи непроезжих километров (Сибирь, Центральная Азия и проч.) от центра и друг от друга исключает возможность выработки коллективного заявления. Письма к сосланным оппозиционерам, в том

числе и заказные, доходят скорее в виде исключения, чем правила - одно письмо из трех-четырех, с промежутками в месяц, два и три. При таких условиях я вынужден своим лишь именем подписать настоящее заявление Шестому конгрессу Коминтерна. Весьма вероятно и даже несомненно, что при коллективном обсуждении в текст были бы внесены существенные изменения. Но даже и нынешняя урезанная и придушенная переписка с едино-

мысленниками позволяет мне с полной уверенностью утверждать, что в основном и главном настоящее письмо выражает взгляды если не всех, то подавляющего большинства сторонников оппозиционной платформы и, прежде всего, многих сотен ссыльных.

Правильная внутренняя политика в СССР немыслима без правильной политики Коминтерна. Поэтому вопросы линии Коминтерна, то есть стратегической линии международной революции, стоят для нас над всеми остальными вопросами. Но

положение исторически сложилось так, что ключом к политике Коминтерна является политика ВКП.

Здесь незачем говорить о тех условиях и причинах, которые по праву отвели ВКП роль ведущей партии Коминтерна. Только благодаря руководству ВКП Коминтерн в первые годы своего существования сделал поистине гигантские завоевания. Но дальнейшая ошибочная политика руководства ВКП и бюрократизация ее режима привели к тому, что плодотворное идейно-политическое влияние большевизма на Коминтерн все больше стало подменяться и оттесняться административно-аппаратным комбинаторством.

Этим объясняется как факт несозыва Конгресса в течение четырех лет, так и тот факт, что последний (февральский) пленум ИККИ счел возможным проголосовать за резолюцию, гласящую, что оппозиция ВКП "ставит ставку на падение советской власти" - утверждение, которое компрометирует тех, кто его подsunул Исполкому, и тех, которые подняли за него руку, но ни в какой мере и ни в малейшей степени не налагает пятна на революционную честь большевиков-ленинцев (оппозицию).

Задача состоит в том, чтобы, сохраняя, вернее, возрождая определяющее влияние идей и политики большевизма на более молодые партии Коммунистического Интернационала, в то же время раскрепостить их от бюрократического командования. Эта задача неразрывно сливается с задачей изменения курса и режима в самой ВКП (б).

Исходя, таким образом, из интернациональной перспективы и основных интересов Коммунистического Интернационала, мы сосредоточиваем в настоящем Заявлении наше внимание на кризисе ВКП, на ее внутренних группировках и на тех обязательствах, которые отсюда вытекают, на наш взгляд, для оппозиции.

* * *

Было бы легкомысленным не видеть величайших объективных трудностей, которые стоят и стояли бы перед вся-

ким руководством ВКП в сегодняшнем положении. Трудности эти вытекают прежде всего из основных причин: мелкобуржуазного характера страны и капиталистического окружения. А кроме того, ошибки руководства в течение пяти лет означали систематическую утерю темпа, которая, накапливаясь, создала новые дополнительные трудности. Ошибки можно осудить, но это не устранило их результатов, которые превратились в объективное условие. Всякому руководству пришлось бы исходить из трудного объективного положения, до последней степени осложненного упорным нагромождением ошибок.

Это значит, что простого и короткого выхода нет. Можно даже в известном смысле признать, что решительный правый выход - расширение рамок нэпа

и сужение рамок монополии внешней торговли - дал бы более скорые и непосредственные результаты, чем левый курс; только результаты эти вели бы совсем на другой путь. Широкий ввоз иностранных товаров и капиталов как результат отмены или "ограничения" монополии, снижение промышленных цен, повышение экспорта и пр., все это означало бы на ближайший период смягчение диспропорции и сжатие ножиц, некоторое упорядочение рынка, "обогащение" деревни, то есть ее верхов, даже временное уменьшение безработицы. Но это были бы успехи на капиталистическом пути, который через несколько коротких этапов включил бы СССР в империалистскую цепь, и в этой цепи "Россия No 2" снова оказалась бы слабейшим звеном с вытекающими отсюда последствиями полукOLONиального существования. Прежде, однако, чем обнаружилось бы, что правый путь есть путь отсталого кабального капитализма, ужасающей эксплуатации трудящихся и новых войн на службе мировых империалистских владык, ближайшие результаты правой политики могли бы быть восприняты на время значительными массами не только деревенского, но и городского населения как некоторый выход из нынешнего экономического тупика с его бестоварьем, хлебными хвостами и растущей безработицей. В том и состоит политическая опасность правого курса, что после тяжкого опыта центристской политики он может дать обманно-"заманчивые" результаты на первом этапе пути, ведущего прямехонько к пропасти капитализма.

Никакого простого левого рецепта для единовременного выхода из затруднений на социалистическом пути нет и быть не может. Преодолеть

же

полностью в национальных рамках затруднения, вытекающие из задержки мировой революции, вообще невозможно. Об этом надо сказать ясно, твердо, честно, по-марксистски, по-ленински. Из нерасторжи-

мой зависимости социалистического строительства от международной революции так же мало, однако, вытекают "пессимистические" выводы для СССР, как мало они вытекают для германской революции из того факта, что она непосредственно зависит от успехов диктатуры в СССР. Самая мысль о том, что из признания международной обусловленности нашего социалистического строительства должен вытекать пессимизм, просто постыдна для марксиста.

Но международная обусловленность революции не освобождает партию каждой страны от обязанности давать во всех направлениях свой максимум. Наоборот, эта обязанность только возрастает, ибо внутренние хозяйственные ошибки в СССР не просто замедляют построение социализма в нашей стране, но самым непосредственным образом бьют по мировой революции.

Если бы своевременно, то есть с Двенадцатого съезда, взята была твердая хозяйственная установка на преодоление диспропорции путем правильной политики распределения народного дохода и усиленной индустриализации, положение наше было бы сейчас неизмеримо благоприятнее. И в этом случае основные трудности стояли бы, разумеется, перед нами. Но в той мировой борьбе, которую мы ведем, решают темп и сроки. При более быстром темпе

хозяйственного развития, а значит, и при более благоприятном внутреннем соотношении классовых сил мы гораздо увереннее шли бы навстречу победам пролетариата в передовых странах.

Левый курс не может обещать самостоятельного построения "полного социализма". Он не может даже обещать преодолеть полностью внутренние противоречия. Доколе существуют противоречия мировые. Но он может постепенно установить более правильное - под углом зрения строящегося социализма -- регулирование внутренних классовых противоречий, ускорить темп роста путем правильной политики распределения народного дохода; достигнуть более серьезного и систематического укрепления командных высот пролетариата, укрепить более ясную и твердую классовую линию в политике, выработать более глубокую связь с работой Коминтерна и, наконец, обеспечить марксистское предвидение и руководство в основных проблемах революции международного пролетариата. В совокупности своей это и есть то, что нужно для победы в международном масштабе.

Левый курс предполагает глубоко продуманный большой и смелый хозяйственный замысел на ряд лет - замысел, который не перегибался бы из стороны в сторону под ударами конъюнктурного маневрирования, совершенно необходимого, но не решающего. Левый курс предполагает величайшую

выдержку руководства, способного плыть против течения; держаться генеральной стратегической линии через все ее тактические изгибы. А для этого требуется подлинный оптимизм в вопросах международной пролетарской революции и - на этой несокрушимой основе - глубокая вера в возможность победоносного социалистического строительства в нашей стране.

По циркуляру возможен лишь левый зигзаг. Но проводить по циркуляру левый курс нельзя. Для осуществления левого, пролетарского, ленинского курса необходима нашей партии снизу доверху новая ориентировка и новая перегруппировка сил. Это процессы - всерьез и надолго. Необходимо вернуть партии ее свободную коллективную мысль, ее упругую волю. Необходимо, чтобы партия перестала бояться аппарата. Необходимо добиться, чтобы аппарат не мог и не смел запугивать партию. Необходимо, чтобы партия стала снова партией.

Правая политика возможна с явными и сравнительно быстрыми "успехами" -- для капитализма. Левая политика возможна как систематическая политика пролетарской диктатуры, социалистического строительства и международной революции. Но что невозможно как длительная и успешная политика, тем более как большевистская политика - это "левый" курс методами центристского комбинаторства, при зажиме партии и продолжающемся разгроме левого крыла. Такого рода левоцентристский зигзаг, если партия не заставит его "перерасти"

в левый курс, неизбежно сорвется и притом задолго до того, как успеет обнаружить сколько-нибудь серьезные результаты на практике И тогда все карты могут оказаться в руках у правых, которые немедленно же пополнятся за счет нынешнего центра, пожалуй, получат из его состава и своих вождей

В корне ошибаются те, которые думают, что нынешний левоаппаратный поворот свел правую опасность на нет Наоборот, никогда она не была так

велика, так остра, так непосредственна, как сейчас На очень крутом подъеме самое опасное положение для телеги, это когда два передних колеса на перевале, а вся телега с тяжелым грузом и пассажирами еще на склоне Здесь-то и нужно высшее напряжение и кучера и лошадей, а главное, самим "пассажирам" необходимо подхватить телегу за спицы из всех сил Горе, если пассажиры дремлют или неуверенно жмутся, а кучер, повернув голову назад, кнутом 58-й статьи отгоняет тех, которые голыми руками ворочают на гору спицы и подставляют сзади свои спины вместо тормозов Вот в такой-то момент телега и может обрушиться всем весом назад, с кру-

чи вниз... Никогда правая опасность не была так велика, так остра, так непосредственна, как сейчас.

Что означает в данный период правая опасность? Не столько опасность открытой и полной буржуазной контрреволюции, сколько опасность термидора, то

есть такого частичного контрреволюционного переворота или сдвига, который именно вследствие своей частичности может еще довольно долго прикрываться революционными формами; но который по существу имеет уже решающий буржуазный характер, так что возвращение от термидора к диктатуре пролетариата могло бы произойти не иначе, как путем новой революции

Мы многократно утверждали, в частности на февральском пленуме ЦК 1927 года, что центристское руководство, бьющее влево, неизбежно тянет за собой все более длинный правый хвост в партии и далеко за ее пределами, заканчивающийся сознательными и боевыми термидорианцами. Мы предсказывали, что этот тяжеловесный хвост неизбежно ударит по голове и что этот удар может стать исходным моментом для глубокой перегруппировки в партии, то есть для более наглого самоопределения правого крыла, для более резкого и смелого сдвига налево пролетарского ядра партии и для более судорожных метаний слабеющей аппаратно-центристской фракции. Бескровное кулацкое восстание 1927--28 гг при содействии членов партии, желающих жить "в мире со всеми классами", и есть один из таких ударов хвоста по голове.

Что в нашей партии имеется влиятельное термидорианское или полутермидорианское крыло, это теперь признано официально в "Правде" (передовица 15 февраля), и никакие позднейшие оговорки этого не замажут: ибо какой же может быть другой термидорианец в пролетарской партии, как не тот, который во всякое время готов громить оппозицию, но зато хочет жить в мире с кулаком, ведущим за собой середняка против советской власти? Этим мы совсем не хотим сказать, что каждый, проводящий эту политику, ведет сознательную линию на термидор. Нет, термидорианцы, тем более полутермидорианцы, вообще не отличаются широкой исторической сознательностью; только это и позволяет многим из них выполнять их роль на службе другого класса.

Удар хвоста по голове - серьезный, но пока еще все же только сигнальный, предупредительный - произошел Перегруппировки в партии, пока еще очень неоформленные, очень недостаточные, начались Одним из выражений этого процесса является перерастание верхушечного левого маневра в серьезный левый зигзаг, в результате чего два передние ко-

леса партии, а может быть, только одно, уже как бы на перевале, но вся телега с тяжелым грузом еще на подъеме, который может стать для нее и грозным спуском

* * *

Какова сейчас, в этой исключительно критической обстановке, обязанность оппозиции по отношению к своей партии? Мы, конечно, говорим о действительно ленинской оппозиции, а не о случайных попутчиках, всегда готовых, если их крепко попросить, отказаться от своих взглядов в пользу других мыслей, менее

для них обременительных.

Чтоб яснее ответить на вопрос об обязанностях оппозиции, надо начать с худшего варианта, именно с предположения, что, пользуясь из года в год ошибками руководства, затяжным расстройством рынка, дороговизной, безработицей, дерганьем сверху и пр., термидорианский кулацко-буржуазно-бюрократический "хвост" попытается на одном из дальнейших перевалов - в случае еще больших затруднений-- всерьез ударить по голове, то есть попытается перейти от нынешних своих полулегальных форм капиталистического саботажа на путь прямой гражданской войны. Исключено это? Нет, к несчастью, не исключено, особенно при международных осложнениях. Кто сказал бы, что исключено, тот предательски усыплял бы партию.

Можно ли опасаться, что довольно большой процент смоленских, артемовоких, шахтинских, да и ленинградских, да и московских столпов фальшивой монолитности в трудную минуту колебнется, отойдет к стороне или прямо изменит? Не только можно, но и должно. Нынешние разоблачения приподнимают только краешек бюрократической завесы. Партия должна ждать по этой линии больших опасностей.

Можно ли, с другой стороны, представить себе оппозиционера, который говорит: "Они своей политикой довели до этого, пускай сами выбираются"? Нет, такого оппозиционера представить себе нельзя - если это не белогвардейский агент, не провокатор, проникший в ряды оппозиции с целью вредительства. За партию, за диктатуру, за Октябрьскую революцию оппозиционеры будут сражаться как надлежит беззаветным революционерам, какими они показали себя, отстаивая в тягчайшей исторической обстановке знамя большевизма под градом травли и преследований. Оппозиционные кадры проверены. Если бы бюрократическая тупость аппарата помешала оппозиционерам даже в минуту высшей опасности занять места в регулярных рядах, они сражались бы с классовым врагом как партизаны, ибо революционер защищает революцию не только по приказу. Обо всем этом

можно было бы и не говорить, если бы не злобно-кликушеские крики о "пораженчестве" оппозиции и об ее "ставке на падение советской власти"

Попытки изобразить дело так, что падение оппозиционеров не имеет значения для защиты диктатуры ввиду их "слабости", теперь особенно несостоятельны. Если оппозиция так слаба, то почему же главным занятием аппарата, печати, официальных ораторов, преподавателей партшкол и проч. в течение пяти лет, а ГПУ - за весь последний период - является борьба с оппозицией? Почему все речи, статьи, циркуляры, книги исходят из борьбы с оппозицией и к ней возвращаются? Но каково бы ни было влияние оппозиции, явное и потенциальное, сегодняшнее и завтрашнее, одно несомненно: на этот свой отряд партия пролетарской диктатуры может при всяких условиях полагаться полностью и целиком

Более актуальный вопрос, однако, такой что оппозиция может и должна делать сейчас, в нынешний переломно-критический период? И здесь мы хотим все вопросы поставить ребром, чтобы не оставить места никаким неясностям и недоразумениям.

Может ли оппозиция поддержать правых против стоящих формально у власти центристов, чтобы помочь опрокинуть последних, чтобы "отомстить" им за

безобразную травлю, за грубость и нелояльность, за врангелевского офицера, за 58-ю статью и прочие заведомо темные дела? Такие комбинации левых с правыми бывали в революциях, и такие комбинации губили революцию. Правые представляют то звено внутри нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр делает в данный момент попытку отпора или полуетпора. Ясно: оппозиция не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр.

Оппозиция поддерживает каждый, хотя бы колеблющийся шаг в сторону пролетарской линии, каждую, хотя бы и нерешительную попытку отпора термидорианским элементам. Оппозиция это делает и будет делать, совершенно независимо от того, хочет этого опирающийся на правых центр или не хочет. Оппозиция не обуславливает этого, разумеется, никакими "соглашениями", "уступками" и пр. Она считается только с тем, что нынешний тактический зигзаг

центра идет на известном расстоянии, параллельно стратегической линии большевистской политики.

Что оппозиция, хотя бы и стоящая вне партии, не освобождает себя от партийных обязанностей и от ответственно-

сти перед страной за партию в целом, об этом мы говорили в последний раз на Пятнадцатом съезде в заявлении, оглашенном тов Смилгой, и здесь можем только сказанное там полностью повторить. Это значит, в частности, что несмотря на травлю, исключения, 58-ю статью и пр., каждый оппозиционер по-прежнему готов выполнять поручения партии, независимо от своего отношения к нынешнему руководству и проводимому им режиму партии.

Может ли, однако, оппозиция взять на себя политическую ответственность перед партией за нынешний поворот как за правильный ленинский курс? Нет, не может. Поддержка со стороны оппозиции всякого, хотя бы частичного, движения в сторону пролетарской линии никогда не будет яртий-но-обывательским поддакиванием центризму, хотя бы и левому, умолчанием о его половинчатости, противоречивости, о продолжающихся его ошибках или лицемерным закрыванием глаз на его ревизионистские теории, подготавливающие новые еще горшие ошибки на завтрашний день. Поддерживая против правых каждый шаг правящего центра влево, оппозиция должна и будет критиковать полную недостаточность этих шагов и необеспеченность всего поворота, поскольку он сохраняет приказный, а не подлинно партийный характер. Оппозиция будет непримиримо вскрывать перед партией огромные опасности, коренящиеся в непоследовательности, теоретической непродуманности и политической противоречивости нынешнего курса, целиком опирающегося по-прежнему на блок центра с правыми против левого крыла. Может ли оппозиция в этих условиях отказаться от своей платформы? Сейчас менее, чем когда-либо. Отказаться от платформы значило бы

отказаться от продуманного, обобщенного и систематического обоснования левого курса и тем оказать лучшую услугу правым, все ожидания и расчеты коих на победу только и могут быть основаны на зигза-гообразности и непоследовательности центристского курса. Дальнейшая борьба за идеи и предложения платформы есть единственно правильная серьезная и честная поддержка всем сколько-нибудь прогрессивным шагам центра. Только при этом условии и можно питать серьезную надежду на то, что партии удастся методами партийной реформы превратить левоцентристский зигзаг руководства в действительный ленинский курс

Совместима ли борьба за оппозиционную платформу с единством партии? При бюрократическом, т.е. неправильном и нездоровом режиме, может временно оказаться несовместимой, как показало исключение оппозиции из партии. Но циркуляр ЦК от 3 июня есть прежде всего открытое,

хотя и вынужденное, признание нездоровым и невыносимым того режима, который сложился у нас в партии за последнее пятилетие и который еще только подлежит коренному изменению. При здоровом режиме самая жестокая критика принципиальных ошибок ЦК вполне совместима с единством партии и с железной дисциплиной действия. Самые разногласия, после уже происшедшей гигантской проверки их событиями, были бы сравнительно легко ликвидированы партией, если бы она вернула себе свои элементарные права. К этому сейчас и сходятся все вопросы.

Совместима ли борьба за взгляды, изложенные в платформе большевиков-ленинцев (оппозиции), с отказом от фракционных методов отстаивания этих взглядов? При режиме, который, даже по выражению циркуляра 3 июня, поражен "злейшим бюрократизмом", каждая критика взглядов ЦК, губкома, райкома, секретаря ячейки клеймилась как фракционность и нередко насильственно загонялась на путь фракционности. При режиме, который действительно был основан на "самокритике" или, правильнее сказать, на партийной демократии, борьба за взгляды платформы вполне возможна без фракционности. Оппозиция полностью и целиком готова отстаивать свои взгляды лишь строго нормальными партийными путями, на точном основании взаимно связанных решений Десятого съезда о партийной демократии и запрещении фракционности.

Однако и сейчас, после последних манифестов и циркуляров, оппозиция не делает себе иллюзий относительно партийного режима. Блаженная доверчивость, принимающая слова за дела и противоречивые манифесты за последовательный и обеспеченный левый курс, никогда не была и не будет качеством пролетарского революционера, особенно проделавшего на опыте и серьезно продумавшего историю последнего пятилетия.

Никогда еще фракционность не разъедала партию так, как теперь, после попытки механического отсечения оппозиции. Правые; буфер; центр; две "раскаившиеся" половины верхушки ленинградской оппозиции; большевики-ленинцы (оппозиция) -- вот сейчас основные группировки в партии, не считая подфракций. Центризм руководящей фракции, вследствие своей идейно-политической неоформленности и противоречивости, является поистине питательным бульоном для всей фракционности, правой и левой. Внешними мерами - манифесты плюс аресты - из такого положения выбраться нельзя. Только правильный курс, вырабатываемый и проводимый всей партией, может одержать верх над разъедающей партию фракционностью.

Правильный курс может быть достигнут только метода-ми партийной критики основных сдвигов линии и пороков режима за последние пять лет. Надо осудить ложный курс, чтоб проложить дорогу правильному. "Самокритика" же, провозглашенная в манифестах и статьях, сводится пока к попытке дать недовольству низов выход в обличении второстепенных ошибок и в сотне-другой искупительных бюрократических жертв. Критика исполнения объявлена доброй, здоровой, "деловой" критикой. Критика руководства объявлена разрушительной, губительной, "оппозиционной" критикой. Если бы "самокритика" оставалась в этих границах, весь левоцентристский зигзаг оказался бы болезненным выкидышем и только.

Вывести бюрократически легализованную "самокритику" из тупика на путь партийной демократии есть дело самой партии. От того, в какой мере оно удастся, зависит успех той глубокой реформы, без которой партия не выведет революцию из кризиса. Чтоб разрешить эту двойную проблему - оздоровления собственных рядов и советского государства - партии прежде всего и больше всего нужна идейная ясность.

Оппозиция обязана поэтому поднять свой голос в той "самокритике", на которую очень влиятельные центристы-бюрократы смотрят как на отдушину для накопившегося недовольства, но которая в действительности должна стать постоянной составной частью режима партийной демократии. Оппозиция должна прежде всего помочь партийной массе не только ВКП, но и всего Коминтерна дать отпор бюрократическому стремлению оградить от "самокритики" основные проблемы политической линии и партийного руководства. Опыт хозяйственного руководства в СССР, опыт германского революционного движения 1923--28 годов, опыт китайской революции и англо-русского комитета должен быть проверен, освещен и изучен со всех сторон. Без этого нет дороги вперед.

Вместе с тем оппозиция обязана бдительно следить за тем, чтобы "самокритика", которая в случае дальнейшего своего развития будет неизбежно все больше наталкиваться на бюрократические преграды, не пошла по антипартийному руслу и не стала лить воду на анархо-меньшевистские мельницы. Оппортунистическая политика и бюрократический режим неизбежно порождают такого рода злокачественную реакцию в самих рабочих массах. Оградить от нее партию или, по крайней мере, свести эту реакцию к минимуму может только оппозиция, возрождающая и укрепляющая доверие рабочих к партии беспощадным отметанием

всякого влияния и аппаратного приспособленчества, открытой борьбой за свои неурезанные лозунги, словом, твердым и непреклонным проведением ленинской линии

Наша принципиальная установка избавляет нас от необходимости снова опровергать подкидываемую нам мысль, будто наша партия стала термидорианской и будто термидор, т е контрреволюционный переворот, уже совершился. Совершенно кликушеская назойливость, с какой пропагандируется эта "идея", не имеющая ничего общего с нашей позицией и выгодная исключительно классовым врагам, свидетельствует только о полном бессилии наших противников в идейной

борьбе, которое вытекает из общего центристского бессилия уловить и понять живую диалектику исторического процесса

На том же самом уровне стоят попытки навязать нам взгляд, будто Коминтерн перестал быть авангардом мирового пролетариата и нуждается в замене его каким-то новым международным объединением

Мы заявляли и повторяем, что не можем нести и тени ответственности за тех, которые считают, что несомненный за последние годы процесс сползания с классовой линии руководства ВКП и Коминтерна есть бесповоротный и непоправимый процесс, которые не видят или отрицают революционные тенденции и силы внутри ВКП и Коминтерна и потому прямо или косвенно поворачиваются к этим организациям спиной

Тем самым мы отстраняем от себя ответственность за политику выставления параллельных оппозиционных кандидатур, которую мы заранее осуждали и против которой мы предупреждали в письме за границу Так как письмо это было напечатано в "Правде" (15 января 1928 г), то продолжающиеся утверждения относительно солидарности нашей с политикой параллельных кандидатур являются одной из многочисленных попыток грубо обмануть собственную партию, чтоб хоть как-нибудь оправдать применение репрессий

Мы строим все свои расчеты на том, что внутри ВКП, Коминтерна и СССР имеются огромные революционные силы, придавленные ложным руководством и тяжким режимом, но вполне способные, под воздействием опыта, критики и хода классовой борьбы во всем мире, выправить линию руководства и обеспечить правильный пролетарский курс. Нынешние попытки руководства вырваться из последствий собственной политики не на правом, а на левом пути, частично повторяя и используя идеи и лозунги оппозиции, делаются под не оформленным еще давлением пролетарского ядра партии и представляют одно из доказательств пра-

вильности нашей общей оценки и наших расчетов

Мы будем всеми силами содействовать тому, чтобы внутренние силы партии и класса привели к выпрямлению политики с наименьшими потрясениями для ВКП, для рабочего государства и для Интернационала.

Мы начисто отвергаем обвинения нас в том, что заявления, делавшиеся нами ранее о прекращении фракционной борьбы, были неискренними Эти заявления всегда предполагали минимум доброй воли со стороны официального большинства, чтоб обеспечить в партии такой режим, при котором возможно было бы отстаивание своих взглядов нормальными методами, выработанными всей предшествующей историей партии. Бюрократически всемогущий партийный аппарат всегда имеет возможность в борьбе за свою неприкосновенность и несменяемость механически запереть перед партийцами все пути, кроме фракционных. Наши заявления о полной готовности отказаться от фракционных методов мы всегда сопровождали ссылкой на учение Ленина о пролетарской партии и о коренных условиях ее здоровья. Мы ссылались, в частности, на резолюцию 5 декабря 1923 года, гласящую, что бюрократизм толкает лучших партийцев на путь замкнутости и фракционности. Это заявление было и остается для нас не голой формальностью, оно выражает самое существо дела.

Тем более неуместными и недостойными являются обвинения оппозиции в том, что и после Пятнадцатого съезда она, несмотря на свое заявление съезду о готовности подчиниться решениям партии и прекратить фракционную работу, продолжает на самом деле эту последнюю Обязательство, дававшееся нами съезду, предполагало сохранение нас в партии и, следовательно, возможность бороться за свои взгляды в ее рядах В противном случае это обязательство означало бы отказ от политической деятельности вообще, то есть от служения партии и международной революции. Требовать от революционеров такого отказа могло только вконец развращенное чиновничество Давать такого рода обязательство могли бы только презренные ренегаты

Исходя из этих принципиальных позиций, мы не можем, следовательно, иметь ничего общего с политикой тех якобы ленинцев, которые хитрят с партией, дипломатничают с классовой борьбой, играют с историей в жмурки, признают для видимости свои ошибки, проповедают втихомолку свою правоту, создают миф "троцкизма", ликвидируют его и пытаются затем воссоздать снова, словом, ведут с партией политику "брестского мира", то есть временной и неискренней капитуляции в расчете на реванш - политику, допустимую в от-

ношении к классовому врагу, но насквозь авантюристскую по отношению к собственной партии.

Мы гнушаемся той византийской философией покаяния, которая говорит, что признание единства партии предполагает будто бы в эпоху пролетарской диктатуры отказ от тех взглядов или отказ от защиты тех принципиальных взглядов, которые сегодняшнее руководство, оберегая свой "престиж", признает недопустимыми и даже решается преследовать государственными средствами. Мы считали бы себя преступниками, если бы суровая внутривнутрипартийная борьба наша в течение последних пяти лет велась нами во имя таких дешевых взглядов, от которых можно отказаться по команде или под страхом исключения из партии. Служение партии неотделимо от борьбы за правильную политическую линию. Презретен тот лжепартиец, который опасность временной утраты партбилета -- утраты, бесспорно, очень тяжелой - ставит выше обязанности бороться за основные традиции партии и за ее будущее.

Насквозь фальшивы речи о том, что нынешнее положение оппозиции, остающейся верной своим взглядам и продолжающей борьбу за них, несовместимо с ее заявлениями об единстве партии. Если бы мы считали, что круг партийного развития завершился Пятнадцатым съездом, тогда не было бы другого исторического выхода как создание второй партии. Но мы уже сказали, что не имеем ничего общего с такой оценкой. Если по поводу хлебозаготовок попутно, как бы случайно; обнаружилось, что в партии имеется влиятельная и сильная фракция, желающая жить "в мире со всеми классами"; если в короткий срок всплывает шахтинское дело, артемовское, смоленское и много других, то это одно уже свидетельствует о том, что неизбежный процесс дифференциации в партии, ее самоуяснения и самоочистки еще впереди и что подлинное пролетарское ядро партии будет иметь достаточно случаев убедиться в том, что наша оценка политики партии, состава партии, общих тенденций ее развития подтверждается фактами решающего значения. Оставаясь, вследствие ложного и болезненного режима, в течение известного времени вне партии, мы живем с партией и работаем для ее будущего. Правильность нашей линии и нашего прогноза, подлинная партийность наших методов борьбы за ленинские взгляды не позволят никакой силе в мире оторвать нас от партии и противопоставить международному пролетарскому авангарду и коммунистической революции. Менее всего может этого достигнуть применение 58-й статьи, порочащей только тех, которые против нас к ней прибегают. То противоречие, которое вынуждает нас из-за формаль-

ных пределов партии бороться за партию против тех, которые дезорганизуют и подрывают ее изнутри, есть жизненно сложившееся, историческое противоречие. Юридическими софизмами из него можно выскочить только на один плацдарм, на презренный плацдарм идейного ренегатства. Противоречие, в которое мы поставлены в отношении партии, есть частное проявление более общих и глубоких противоречий и может быть по-настоящему преодолено только методами ленинского разрешения основных проблем Коминтерна и ВКП. До тех пор вопрос о положении оппозиций остается пробным камнем для линии и режима партии.

Расправа над оппозицией за критику ЦК, вполне подтверждающаяся фактами и ныне невольно подкрепляемая последними частичными решениями и шагами самого ЦК, является наиболее вопиющим выражением худших методов аппаратного режима и худших сторон партийного руководства. Новые исключения и ссылки большевиков-оппозиционеров продолжают и сегодня терроризировать партию, несмотря на все ободряющие циркуляры. Вопрос о восстановлении оппозиционеров в партии, о возвращении ссыльных и освобождении арестованных становится главным испытанием, безошибочной проверкой, важнейшим показателем серьезности и глубины всех последних шагов влево. Партий и рабочий класс будут судить не по словам, а по делам. Этому учил Маркс, этому учил Ленин, этому учит оппозиция.

Шестой конгресс Коминтерна может в высокой мере облегчить восстановление единства партии, подав твердый совет центральным учреждениям ВКП (б) немедленно отменить применение к оппозиции 58-й статьи, основанное на грубой политической нелояльности, на вероломном злоупотреблении властью.

Восстановление большевиков-ленинцев (оппозиции) в партии является необходимым и неизбежным условием действительного поворота на ленинский путь. Это относится, разумеется, не только к ВКП (б), но и ко всем остальным секциям Коминтерна.

Каждый оппозиционер, занявший принадлежащее ему по праву место в своей партии, от которой - повторим снова - его не оторвет никакая сила и никакое постановление, сделает все, чтобы облегчить партии выход из нынешнего кризиса и ликвидацию фракционности. Не может быть никаких сомнений в том, что такое обязательство встретит единодушную поддержку всех большевиков-ленинцев (оппозиции).

Л. Троцкий Алма-Ата, 12 июля 1928 г..

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Дорогие друзья, благодаря левому курсу колонии большевиков-ленинцев так разрастаются, что создается все большая возможность перехода от индивидуальной переписки к коллективной. И здесь, стало быть, перевес социалистического начала полностью обеспечен.

Из нескольких писем я вижу, что спешный набросок тезисов обращения к Конгрессу вызвал некоторые недоразумения. Ряду товарищей заключительная часть моих тезисов показалась слишком мягкой и примиренческой. Главной причиной этого недоразумения (в основном это только недоразумение) коренится, по-видимому, в том, что я послал свои бегло написанные тезисы отдельно от своего письма товарищу Белобородову, тогда как они написаны одновременно и составляют единое целое. Надеюсь, впрочем, что теперь, с рассылкой заявления, посланного мною Конгрессу, недоразумение рассеется. Оно рассеялось бы еще скорее, если бы я имел возможность разослать товарищам две работы, посланные мною Конгрессу и составляющие в совокупности книгу, примерно 300 печатных страниц. В этих двух работах, составляющих в сущности одно целое, я сделал попытку подвести итоги послеленинскому пятилетию как во внутренней, так и [в] международной политике. В одной работе я за точку исхода взял новый, насквозь эклектический проект программы; в другой работе я исхожу из нынешнего левого курса. При сем прилагаю оглавление обеих работ, дающее хоть некоторое представление об их содержании. По существу дела, я подытожил в этих двух документах коллективную работу оппозиции за последнее пятилетие. Работы имеют больше итоговый, чем перспективный характер. Но нельзя идти вперед, не расчистив дороги. Сейчас, однако, необходимо от итогов переходить к более серьезной, глубокой разработке перспектив по трем основным линиям: внутренние силы и тенденции в СССР; Америка и Европа; Восток. Сейчас предполагаю в первую голову заняться или, вернее, продолжить свои занятия Востоком. Я получил на днях довольно хорошую библиотечку по вопросам Востока, главным образом Индии.

Признаться, когда я писал черновой конспект обращения к Конгрессу, больше всего опасался чрезмерно упрощенного, нигилистического отношения к левому курсу. Оснований для недоверия слишком достаточно. Но политически задача состоит не в том, чтобы авансом выразить голое недоверие, а в том, чтобы помочь партии кое-чему научиться на этом новом зигзаге. Центризм ведь сделан из весьма гибкой и но-

вой материи. Возьмите Зиновьева с Каменевым: прирожденные центристы; когда обстоятельства нажали на них как следует быть, они свой левый зигзаг растянули на два года и качнулись влево вплоть до подписания платформ и проведения кампании смычек с заключительным звеном 7 ноября. А потом под действием нового толчка справа дали рикошет, и совсем сие неизвестно, на какой точке они остановятся. Конечно, опыт с Зиновьевым и Каменевым есть малый лабораторный опыт по сравнению с нынешним левым сдвигом. Но на лабораторных опытах можно и должно учиться. Мы использовали "колебнутых", как выразился Владимир Ильич про левых эсеров, ленинградской верхушки и вынудили ее дать свой максимум. Достигли мы этого не тем, что шли ей навстречу, а тем, что критиковали ее и требовали признания нашей правоты в 1928 г. К сожалению, мы не были достаточно последовательны и тверды в этом направлении. Срывы у нас были не влево, а вправо. Соглашательские грешки имелись, хотя и второстепенного характера. По отношению к нынешнему левому

сдвигу мелким соглашательством, т. е., второстепенными уступками, ничего достигнуть нельзя. Нужно либо ложиться на брюхо и дать аппаратной колеснице раздробить себе позвоночник, либо же сохранить самостоятельность своей позиции до конца, т. е. до выхода партии на большую дорогу большевизма, В чем же состоит поддержка левому сдвигу? Во-первых, в том, что мы его констатируем как факт. Мы до сих пор говорили о сползании центризма вправо, и это было правильно. Сейчас мы констатируем, что центризм приостановился в своем движении вправо и делает ряд противоречивых, несогласованных и решительных шагов влево. Одно это признание задержки сползания есть огромная поддержка сдвигу влево. Поддержка не центризму, сдвигающемуся в данный момент влево, а только его левым шагам. Это совсем не одно и то же. Мы обязаны поддержать левые шаги центризма против правого крыла, противодействующего этим шагам. Но мы не можем поддерживать и укреплять авторитет и влияние центристов, хотя бы и левеющих в данный момент. Нам надо думать о завтрашнем дне. Наша поддержка левым или полулевым шагам центристов состоит в том, что мы опальные большевики-ленинцы, исключаем самую мысль о каком-либо блоке с правыми против общего противника. Если вдуматься в обстановку, то это совсем не шуточка. Кстати, когда однажды И. Н. Смирнов заплакал на груди у Зиновьева (в кулуарах одного из пленумов 1927 г.), то Зиновьев, со свойственным ему левоцентристским авантюризмом, загорелся мыслью о расширении

базы блока. В те же времена он стремился захватить и ультралевых. Он говорил тогда нам не раз "Смотрите на Сталина, он объединяет всех, кого может, в своем лагере, а мы отпугиваем..." - на что мы ему указывали, что Сталин объединяет чиновников на должности и на жаловании, а мы объединяем пока что ядро пропагандистов марксизма на теории и на программе. Все необходимое о том, как надлежит понимать поддержку левоцентристских шагов со стороны оппозиции, сказано в Заявлении Может быть, в первые моменты и было чисто "отзовистское" отношение к левому сдвигу со стороны некоторой части оппозиции. По полученным мною письмам я такого отношения установить не могу. Но тенденция соглашательского характера несомненно налицо, хотя касается скорее индивидуальных исключений.

Я получил от одного молодого оппозиционера обстоятельное письмо, в котором развивается в корне ложная точка зрения, продиктованная опасением: а как бы вся каша не сварилась без нас. Исходная психологическая, а не политическая позиция автора такова: "Скучно здесь, очень скучно сидеть и бездельничать". Поэтому мой корреспондент ставит такой вопрос: "Что нужно сейчас делать оппозиции, как выйти из создавшегося положения - вот вопрос, который должен быть сейчас разрешен". Автор не согласен "ждать", он иронически говорит о тех товарищах, которые считают, что нужно ждать, когда придет час оппозиции. "Таким политикам ждать придется очень и очень долго, и бедняги вряд ли дождутся". Почему? "Сейчас, да и во все ближайшее время вряд ли наступит момент, благодаря которому теперешние вожди вынуждены будут поставить на повестку дня вопрос о пересмотре их решений об оппозиции. Они сейчас не чувствуют в этом никакой необходимости. Наоборот, их положение, по-моему, укрепляется в связи с их последним маневром.. Почва для дальнейшего активного существования оппозиции сейчас выбита, и она при продолжении своего существования должна неминуемо превратиться в касту (секту?)".

В сущности, мы имеем здесь налицо все политические предпосылки капитулянтства. Правда, автор в дальнейшем делает всякие оговорки, но они звучат крайне неубедительно. Он издевается над теми, которые не соглашаются считать нынешний курс левым только потому, видите ли, что по-прежнему высылаются новые партии оппозиционеров. "Конечно, -- говорит он, -- мероприятия ЦК не совсем достаточны. . но я совершенно не согласен с товарищами оппозиционерами, которые предлагают оставаться сидеть в ссылке и ждать, ждать..." Конечно, цитированное письмо представ-

ляет собою наиболее крайнее выражение капитулянтских настроений, но оно интересно тем, что обнажает грубо оппортунистический, чисто верхушечный подход ко всем вопросам. Замечательно прежде всего это примиренческое

отношение к фактам ссылки. Левый курс с неприятной подробностью, только и всего. Такого рода соглашатель, в сущности, относится к центристам хуже, чем мы. Для них ссылка большевиков-ленинцев есть только беспринципное, но частное нарушение левого курса. Другими словами, они считают, что центристы, по сути своей политики, могли бы не сослать оппозиционеров, а если ссылают, то по беспринципным соображениям конкурентного характера. Но если ценить центристов так низко, то где же вообще гарантии и от прямого предательства по соображениям конкурентного или вообще низкопробного характера? Нет, аресты и высылки производятся по политическим причинам. Только сегодня я получил телеграмму от 16 вновь высланных оппозиционеров из Тифлиса. Последние статьи и речи Сталина являются комментарием к этим высылкам. Нужно твердо понять, что высылки не случайность или неприятная техническая подробность левого курса, а коренной политической факт, основной масштаб для измерения расстояния, отделяющего центристов от большевиков-ленинцев. Дело идет о борьбе двух исторических, т. е. классовых тенденций при помощи государственных средств, а вовсе не о конкурентной борьбе двух кружков при любезном содействии Дерибаса.

Неправда, что мы только ждем. В последней статье Сталина, т. е. в новом свидетельстве политического и теоретического убожества, сообщается мимоходом, что оппозиция поднимает шум, будто самокритика перехвачена у нее. Все товарищи эту статью, конечно, читали, так как она в принудительном порядке напечатана всей нашей злополучной прессой. Значит, "оппозиция поднимает шум"... Где? Каки-ми путями? По-видимому, во многих местах и, по-видимому, нашла пути. Сообщают, что в Смоленске на одном из партийных собраний, где новые власти хвалились великими успехами (выгнали после нескольких лет нескольких мерзавцев из партии Ленина), партийцы-рабочие сказали: "Поверим вам тогда, когда вернете сосланных за самокритику". Вот это серьезный критерий, безошибочный, а гадания насчет намерений и планов центристских вождей не стоят выеденного яйца. Намерение у них одно: как-нибудь выкарабкаться из затруднений, призвав на помощь партию, но не меняя основного взаимоотношения между аппаратом и партией. Не отрицать надо левые шаги, а констатировать, сверять с платформой, критиковать и кнутом критики гнать

центристов вперед. Других методов революционная политика до сих пор не выдумала. Неправда, что мы только "ждем". Во-первых, мы учимся, мы единственная часть партии, которая по-настоящему учится марксизму. Во-вторых, факт нашей ссылки является политическим фактом международного значения: есть группа, не сдающая марксистского знамени под бешеным натиском борющегося за свое существование жестоко раненного капитализма, который неистовую свою борьбу через ряд передаточных механизмов сосредоточил именно на международном марксистском ядре, на оппозиции. В-третьих, как мы слышали от Сталина, "оппозиция поднимает шум". Значит, не только ждет. Есть революционное нетерпение, вполне законное в период, когда революционная ситуация может быть упущена. Но есть нетерпение совсем иное, индивидуалистическое, деляческое, интеллигентски-оппортунистическое: ах, как бы там вся левая каша без меня не сварилась. Не беспокойся, дружище, настоящей левой каши без тебя никак не сварят. Мы сейчас центральное международное ядро пропагандистов большевизма. Конечно, неприятно после всяких великих событий, больших драк и побед, организации Коминтерна и пр. превращаться опять в пропагандистов марксизма, т. е. опять - на новой исторической стадии - "терпеливо разяснять". Терпеливо, терпеливо, терпеливо. А у кого не хватает терпения - ступай к Слепкову, скатертью дорога. Ядро пропагандистов берет не количеством, а качеством. Качество же состоит в правильном предвиденье Масса придет. Прежде всего придет партийная масса. Товарищ Малюта совершенно правильно пишет из Мезени: "При изменении условий, при нарастающей активности и сопротивляемости наша временная, физическая, "территориальная" оторванность должна исчезнуть, и никакие ухищрения отдельных лиц и групп не смогут этому противодействовать". И дальше по поводу нашей нынешней "пассивности" Малюта пишет: "Мы, как высшая скорость машины, пассивны, пока двигает машину низшая скорость; но происходит включение, и машина работает с такой скоростью, которой не достигнет она никогда при передаче энергии всеми взятыми вместе низшими

скоростями". Вот именно.

Товарищи из Колпашева прислали свои замечания на тезисы т. Преображенского и на мой конспект заявления Конгрессу. Я надеюсь, что недоразумение, вызванное обещанием поддерживать изо всех сил левый сдвиг, теперь для колпа-шевских товарищей, как и других, совершенно устранено. И в Заявлении, и в двух других основных документах, и в настоящем письме выяснено, что большевик может и должен

понимать под поддержкой, когда дело идет о сдвиге центризма влево. Колпашевские товарищи решительно не согласны с политическими выводами Преображенского. И они в этом отношении совершенно правы. Но они напрасно, думается мне, приписывают Преображенскому теоретическую ошибку, которой у него нет. Преображенский исходит, по их мнению, "из оценки кризиса как исключительно социального, вытекающего из законов, имманентно присущих советскому хозяйству. Такая трактовка идет навстречу официальной..." Здесь явное недоразумение. Разумеется, во всех наших кризисах, прежде всего в кризисах диспропорции, есть известная основа, данная нам извне (прошлым и т. д.). Но вопрос идет не о самой диспропорции, а об ее сверхсметном обострении. Преображенский нисколько не оспаривает, что это последнее есть продукт центристской политики.

Тут я хотел бы привести место из возражений тов. Белобородова Преображенскому. Белобородов пишет:

"(16 июня) Преображенскому. Вы пишете: "В истории бывало, что необходимые и назревшие мероприятия революционные партии проводили без всякого марксистского предвиденья событий" и когда даже марксистов не было еще. В домарксовы времена это, конечно, бывало, и теперь капиталистические классы в своей политике руководятся не Марксовой теорией и иногда побеждают. А для рабочего класса отступление от Марксовой теории - прямой путь к поражению. Примеры--Китай, Англия и пр. Ведь по-вашему выходит, что правильную политику можно делать, руководясь и Марксом, и Лениным, и... Бухариным, а события, классовая борьба сами собой дело поправят... Насилие над теорией - не только теоретический, но и политический грех, а для правящей партии, как ВКП, это и прямой путь к поражению. Драться с завязанными глазами (т. е. на основе неправильной теории) значит подставлять себя под удары врага.

По-моему, неправильно Ваше утверждение, что "центристы вынуждены проводить программу оппозиции". Наша "программа" состоит не из одних практических предложений, но из защиты марксистско-ленинской теории. Одно от другого не оторвешь. А по части теории центристы пока держатся крепко. Устами Е. Ярославского "идейное разрушение" подтверждено в качестве основы любой капитуляции или полукapитyляции сафаровского типа. "Никаких компромиссов - это ясно"

Целиком присоединяюсь к этим словам, которые бьют в самую точку вопроса. Если б дело шло о каком-нибудь единовременном акте (заключении мира, сдаче концессий и пр.), тут решающее значение имеет практическая позиция,

а не ее теоретические предпосылки. Но ведь дело идет не об отдельном акте, а о политической линии, которую можно вырабатывать только путем коллективного применения теоретически правильных методов.

А вот другое, прямо противоположное отношение.

"...Но факт остается фактом. Курс резко изменен. Движение влево на тормозах (оговорочки), но ведь это же в конце концов не основное, пускай с тормозами, но факт налицо.. Я считаю, что так маневрировать нельзя. Этот маневр был бы слишком рискованным. Ведь новый курс - левый курс, он принят не в рамках какого-нибудь округа, а в мировом масштабе - Англия, Франция, Германия, Китай. Не так ли? А политика в деревне? Последнюю, может быть, и не совсем умелой, но в основном разве нельзя признать правильной? Я думаю, безусловно, можно и надо.

Теперь скажи, разве можно все это повернуть вспять? Таких смельчаков рулевых нет, на такой шаг могут пойти идиоты или авантюристы... Признаюсь, меня не удивляет это (репрессия). Мы к этому, казалось бы, давно должны

привыкнуть. Чем больше вынуждены проводить предлагаемое оппозицией, тем больше пены злости обрушивается на последних.

С большим удовлетворением прочитал обращение ЦК, в особенности потому, что, [как] я тебе писал, рассматриваю новый курс решительным сдвигом".

К сожалению, эти неожиданные мысли высказывает не молодой студент, а товарищ Теплов. Эти рассуждения ошибочны с начала до конца. То, что сам Теплов находится в Ишиме, -- "не основное", а основное -- это то, что кулака принудили 107-й статьей давать нужный до зарезу хлеб. То, что марксистская литература в Советской республике состо-ит под запретом, а продолжатели ленинской линии объявляются контрреволюционерами, -- это "не основное". А основное -- это то, что ЦК выпустил либеральный манифест о самокритике. Но ведь в этом манифесте критика разделялась на "деловую" и неделовую. Сталин разъяснил, что деловая критика должна направляться только на исполнение; критика же, направленная на руководство, есть разрушительная и гибельная критика. Против нее, говорит Сталин, будем бороться "всеми силами и всеми средствами". А т. Теплов читает это с большим удовлетворением. Стать на точку зрения Теплова -- значило бы помочь Сталину проделать расширенное повторение опыта 5 декабря 1923 года. Задача оппозиции совсем иная. Надо вскрыть аппаратную механику манифеста, дополненного речью Сталина. Надо вывести самокритику из предписанных ей бюрократических границ.

А для этого надо самому уметь читать манифест с полным неудовлетворением. Считает ли т. Теплов, что новый курс в Англии, Франции, Германии и Китае правилен? Я этого не считаю. В отношении Англии, Франции, Германии сделана попытка поворота, которая пока что имеет лишь симптоматическое значение. А тот факт, что не осуждено прошлое, исключает и сколько-нибудь систематическое проведение и этой новой половинчатой резолюции. По французской и английской революции необходимо, впрочем, написать особо. Что касается китайской революции, то она ложна с начала до конца. Об этом я подробно написал в особой главе, посвященной проекту программы. Считаю этот вопрос самым коренным для судьбы Интернационала, ибо дело идет о революциях в Китае, Индии, Японии, т. е. дело идет о судьбе половины человеческого рода. В полученном мною на днях письме от Белобородова он приводит замечательную цитату из Ленина, которой не было у меня, к сожалению, под руками, когда я работал над китайской главой. Вот что пишет Белобородов:

"Не теряю надежды кружным путем получить Ваше китайское письмо, которое до меня не дошло. У Ленина, в его полемике против Каменева, есть такое место: "Кто руководится в своей деятельности только простой формулой "Буржуазно-демократическая революция не закончена", тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантии за то, что мелкая буржуазия, наверное, способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милости мелкой буржуазии" (т. XIV, ч. 1, стр. 35)". Это не в бровь, а в глаз, как говорится, теперешним "теоретикам". Сначала они гарантировали революционность Чан Кайши, а теперь независимость мелкой буржуазии от

крупной. Вообще теоретические накопления сталинско-бухаринской школы -- это такие авгиевы конюшни, расчистка которых потребует ряда лет".

По вопросу о Китае я постараюсь разослать главу из своей критики проекта программы. Пока же прошу товарищей ознакомиться с моей перепиской с Преображенским по этому вопросу. Кроме того, я разошлю прекрасные тезисы одного ленинградского товарища, полученные мною еще до выезда из Москвы. Если мы "запустим" китайский вопрос, то он может тяжело обрушиться затем на нас самих. С такими глыбами шутить нельзя.

Возвращаюсь, однако, ко внутренним делам. Один товарищ пишет мне: "Поддерживать левый курс следовало бы лишь после того, как С[талин] покажет свою последовательность и непримиримость по отношению к политике Р[ыко-

ва]". Это неправильная постановка. Дело вовсе не идет о поддержке С[талинина], т. е. о премировании его будущей "последовательности". Дело идет о том, чтоб развивать максимальный нажим в направлении левого курса, разоблачая непоследовательность С[талинина]. Товарищ Киевленко ставит в письме

ряд вопросов, на большинство которых ответ дан предшествующим изложением. Но один вопрос надо выделить: "Можно ли на основании опыта прошлого и анализа современного дать оценку нынешней политике ЦК, как очередного зигзага влево. Не более?" В таких архиконкретных вопросах угадать заранее, как пойдет равнодействующая всех сил и в какую сторону загнетса в ближайшее время данный зигзаг, почти так же трудно, как предсказать в середине игры, как развернется данная шахматная партия; нет, пожалуй, еще труднее. Надо еще определить содержание самого левого зигзага. В своей критике проекта программы [Коммунистического Интернационала] я доказываю, что мы имели в 1924--1925 гг. ультралевый зигзаг, весь построенный на правых теоретических предпосылках и пользовавшийся правыми костылями для ультралевых авантюристских прыжков. Откровенно правая политика 1926--1927 гг. получила готовенькими из рук ультралевой 'политики все свои основные элементы, после того как авантюризм расшиб себе лоб о стабилизационный процесс. И в нынешней левизне сохранились все правые теоретические предпосылки и уже торчит ультралевизна. У порога нынешнего поворота стоит авантюра кантонского восстания, повторяющая эстонские и болгарские авантюры 1924 года. В левых резолюциях по международным вопросам дело рисуется так, что социал-демократия будет только праветь по мере того, как массы будут леветь. Это тоже грубейший ультралевый схематизм, повторяющий сделанное на Шестом конгрессе отождествление социал-демократии и фашизма. Когда же окажется, что на следующем этапе полевения масс социал-демократия окажется вынужденной сделать левый зигзаг (прежде чем окончательно рвануться вправо), компартии от неожиданности растеряются, и начнется опять полоса брандлерьянского соглашательства или европейской гоминьдановщины. Это совсем не исключено. Для того чтобы левый зигзаг перевести в левый курс, нужны благоприятные условия, с одной стороны, и гигантская работа марксистской пропаганды, с нашей стороны, и всевозрастающая активность масс. Помимо всего прочего за эти пять лет произведен страшный вывих мозгов - в международном масштабе. Вот почему так опасен дутый оптимизм, принимающий противоречивые симптомы за совершившиеся факты.

Товарищ Ищенко обращает внимание на письмо трех коммунистов по поводу безобразий Кузнецкого окркома. Тов. Ищенко пишет: "Три коммуниста стоворились выступить против всей верхушки партийной организации - а ведь так недавно еще такой случай был бы редкостным явлением". И далее: "Когда, наконец, тройками, десятками и сотнями партийцы поставят вопрос о главном виновнике, а не о стрелочниках? Симптомы говорят за то, что могут поставить вопрос и так".

Я думаю, что это совершенно правильно. Партийцы могут поставить вопрос и так, если мы им крепко в этом поможем. Какое влияние должен оказать левый сдвиг на мыслящую часть партии? Он должен заставить ее усомниться, поколебаться, задуматься. В этом главное объективное значение сдвига, и вот почему нельзя просто поворачиваться к нему спиной, как склонны делать два товарища демократических централиста, от которых я получил на днях письмо. Но не менее губительно усыплять снова чуть пробуждающуюся партию успокоительным оптимизмом, в духе т. Теп-лова Центр чувствует сейчас, что авторитет его непогрешимости сильно поколеблен. Вот почему центр требует от оппозиционера прежде всего: "Признай, что я прав". Центру это нужно для того, чтобы сказать задумавшейся и усомнившейся партии: "Смотри, ты сомневаешься, а даже Пятаков признает, что я, центр, прав!" Вот почему так гнусна и подла пятаковщина и всякая вообще политическая смердяков-щина. Оппозиционные Смердяковы используют приобретенный ими за счет оппозиции авторитет для того, чтобы перекинуть его на противоположную чашку весов и тем помешать партии снова стать партией.

Должен, однако, сказать, что у меня нет полной уверенности в том, что три кузнецких товарища действуют самостоятельно. Весьма возможно, что они выполняют чье-либо поручение по низвержению Кузнецкого окркома. На первой своей стадии самокритика может играть роль орудия в борьбе разных лиц и аппаратных фракций и подфракций через подставных лиц и при демократической маскировке. Тут тоже нужно побольше недоверия, это во всяком случае не повредит.

В письме к Конгрессу "Что же дальше?" я выдвигаю, в качестве примера и

иллюстрации, два требования, выполнение которых было бы действительно серьезным шагом на пути партийной демократии. Никак нельзя сказать, что Пятнадцатый съезд был созван в атмосфере самокритики. Надо отказаться от узурпаторской мысли созыва съезда раз в два года (в эпоху бурь, потрясений и крутых поворотов!),

назначить Шестнадцатый съезд еще в течение текущего года и обставить всеми необходимыми и гласно объявленными гарантиями предсъездовскую "самокритику", т. е. дискуссию. Это первое требование. Второе требование: опубликовать все скрываемые от партии речи, статьи и письма Ленина. Я перечислил семь таких важнейших документов, а их имеются десятки. Режим самокритики предполагает, что партия сама разберется - разумеется, при просвещенном содействии центра, -- вреден ей Ленин или не вреден. Таково второе требование. Конечно, это не все, но кое-что. Жалею, что не выставил третье требование: сокращение бюджета партии, примерно в 20 раз, т. е. до пяти миллионов. Это условие "самокритики" и партийной демократии вообще есть важнейшее. Чудовищный бюджет есть база аппаратного всемогущества и основное орудие ужасающей коррупции. Партии нужен чисто партийный бюджет, строго сверяемый и публикуемый во всеобщее сведение. Конспиративные статьи могут и должны быть выделены особо и каждый год проверяться через особую комиссию съезда. Эти три требования могут внести в "самокритику" живительную струю. Боевым лозунгом при этом остается требование вернуть тех, которые для самокритики не дожидались циркуляров. Ведь говорит же Сталин, что самокритика порождена "самой природой большевизма". Раз природа, зачем же дожидаться циркуляра? Если мы, не давая авансом никакого доверия, будем в то же время каждый действительный шаг или шагочек влево поддерживать, но поддерживать так, как марксисты поддерживают движение центриста влево, тогда мы очень и очень приблизим тот момент, когда самокритика со стрелочников передвинется на более ответственных руководителей движения. Что и требовалось доказать. На этом кончаю свое затянувшееся письмо. Сердечный привет и лучшие пожелания.

15 июля 1928 г.

ПО ПОВОДУ ТЕЗИСОВ ТОВ, РАДЕКА

Проект тезисов тов. Радека, разосланный восьми товарищам, я получил третьего дня. Сейчас эти тезисы, вероятно, уже посланы Конгрессу, так что непосредственная практическая цель этих замечаний отпадает. Но так как ясность нам необходима и на будущее время, то я считаю необходимым высказаться по поводу этих тезисов.

Во-первых, тезисы говорят: "Несколько месяцев антикулацкой агитации, это факт громадного политического зна-

чения, который не видеть бы было полной политической слепотой".

В этих словах полемическое острие направлено не в ту сторону. Надо было (бы, по-моему, сказать так: "Несколько месяцев антикулацкой агитации, если они не приведут к радикальной перемене линии, отбросят партию неизбежно далеко назад и подорвут последнее доверие низов ко всяким лозунгам и ко всяким кампаниям".

По поводу капитальных затрат говорится: "Вместо того, чтоб вкладывать основной капитал в ряд предприятий той же самой отрасли промышленности, которые дадут эффект через несколько лет, нужна концентрация средств для того, чтоб добиться товарного эффекта в более короткий срок", это туманное положение имеет, по-видимому, тот смысл, что нужно перенести средства из тяжелой промышленности в легкую. Это есть часть программы правого крыла. Не вижу основания нам становиться на этот путь. Если это чисто практическое предложение, тогда надо его обосновать цифрами, т. е. доказать, что при распределении средств не соблюдается необходимой пропорции между тяжелой и легкой промышленностью. Если же производить такую передвижку средств только по конъюнктурным соображениям, то это значит готовить через два-три года еще боль

ший кризис. Импровизация в таком вопросе совсем недопустима и, как оказано, льет только, воду на мельницу правых. Для нас достаточно требования о передвижке средств в пользу как тяжелой, так и легкой промышленности.

По поводу сталинского довода, что нельзя-де бороться против кулака, пока не завоеван середняк, тезисы говорят: "И теперь мы еще не завоевали в достаточной степени середняка". Это есть подкрашивание действительности. Своей политикой мы утратили середняка, которого повел кулак, что признано февральской статьей "Правды".

Выступая против взгляда на левый сдвиг как на голый маневр, тезисы говорят: "Будет ли эта борьба доведена до конца, это зависит от силы и решительности, с которой рабочая масса будет настаивать на развертывании этой борьбы". Это, конечно, правильно, но слишком обще. Выходит так: ЦК сделал, что мог, теперь задача за массами.

На самом деле надо бы сказать: "Меры, предпринятые сверху, закончатся неизбежным фиаско, если оппозиция -- вопреки рогаткам бюрократического централизма -- не научит массы и не поможет им довести эту борьбу до конца".

5. "Центр партии, -- говорят тезисы, -- скрывая существование этой группы (правой), только ослабляет шансы борьбы на выпрямление партийной линии". Очень нежно сказа-

но. Борьба против кулака означает в партии борьбу против правых. Проводя "кампанию" против кулака, центр в партии прикрывает правое крыло и остается с ним в блоке. Тезисы с укоризной замечают, что это "только ослабляет шансы борьбы". Нет, это обрекает борьбу на неизбежное поражение, если оппозиция не раскроет партии глаза на всю эту механику.

6 Странно звучит характеристика Шварца как "чуткого, связанного с пролетарскими массами товарища". Разве он где-нибудь протестовал против подлых высылки по 58-й статье? А мне казалось, что он "чутко" голосовал за эти высылки.

По поводу самокритики тезисы клянутся: это "не обман и не маневр, ибо из выступления ряда партийных руководителей кричит глубочайшая тревога за судьбы партии и революции" Не имеются ли здесь в виду последние выступления мастера с градом ругательств по адресу оппозиции и с разъяснением, что критика исполнения очень полезна, а критика руководства -- гибельна? Я бы сказал так:

"Если в вопросе о кулаке чисто комбинаторский маневр составляет 10--20%, а вынужденные хлебным голодом реальные меры составляют 80--90% данного зигзага, то в вопросе о самокритике аппаратно-маневренные фокусы составляют даже и в данный момент не менее 51%, а 49% это накладные расходы маневра: искупительные жертвы, козлы отпущения и пр., и пр. Вряд ли есть основание так уж крепко клясться, что тут не маневр и не обман".

Тезисы ссылаются на речь Сталина вузовцам, не упоминая, что она есть и по вопросу о кулаке полное отречение от февральской статьи в "Правде" и может знаменовать собою потухание левого зигзага и в этом важном, но частном вопросе. Кстати, речь эта поражает своей безграмотностью в экономических вопросах.

Дальше идет объяснение, почему центр, в отличие от правых, был против внутрипартийной демократии. Потому, видите ли, что наша партия не на сто процентов пролетарская (Сталин). Тезисы берут это объяснение за чистую монету, повторяют и развивают его. Выходит так: центристы боялись, что их истину пролетарской политики не поймет недостаточно пролетарская партия. Это уже недопустимая апологетика. Центристы чувствовали, что их чанкайшистская, перселевская и кулацкая политика не будет принята

пролетарским ядром партии. Вот почему они душили и душат демократию.

10. "Обеспечение внутрипартийной демократии только в пробуждении партийной массы. Если она не возьмет в свои

руки дело самокритики..." и т. д. Опять-таки слишком обще. Чтоб масса по-настоящему вступилась в дело, надо, чтоб она не позволила центристам убаюкать себя. Средств для этого у центристов и сегодня еще немало. Им не хватает только блаженного доверия с нашей стороны. Пятаковщина, сафаровщина это сейчас наиболее действительный "опиум" для народа. Тем чище должно быть противоядие с нашей стороны.

Выводы тезисов в отношении самокритики таковы:

а) дальнейшее развертывание самокритики; б) сокращение партаппарата; в) орабочение аппаратов; г) процессы против тех, кто душит демократию на фабрике; д) чистка партии от мещанских и бюрократических элементов. Все это слишком обще и повторяется в каждой передовице, не давая никаких гарантий. Уже без пункта сказано: "Наконец, нужно возвращение оппозиции в партию". Вот это правильно. А вместо других пунктов, слишком общих, надо бы сказать поконкретнее: а) назначить созыв XVI съезда еще в течение 1928 года и обставить подготовку съезда всеми гарантиями подлинной самокритики; б) опубликовать немедленно все скрываемые от партии статьи, речи и письма Ленина (я называл семь групп таких документов в своем письме Конгрессу); в) немедленно сократить бюджет партии в 20 раз, т. е. до пяти-шести миллионов, ибо нынешний бюджет есть финансовая основа аппаратного самодержавия и бюрократической коррупции. Эти требования еще, конечно, не исчерпывают вопросов режима. Но они вполне конкретны и означают шаг вперед.

Еще хуже обстоит дело с вопросами Коминтерна.

Оценка февральского пленума как крупного, в своем роде решающего поворота на путь марксистской политики в корне неверна.

Симптоматическое значение февральского пленума очень велико: он показал, что правоцентристская политика окончательно зашла в тупик и что руководство пытается найти выход не вправо, а влево. Но и только. В левизне февральского пленума нет никакой объединяющей мысли. Эта левизна очень напоминает левизну 5-го Конгресса. Из величайшего поражения китайской революции не сделано настоящих выводов, место их занимает бахвальство насчет надвигающейся так называемой новой волны, со ссылками на крестьянские движения - после того, как разгромлен пролетариат. Вся перспектива перекошена, и вся установка освящает авантюры. Оговорочки насчет путчей -- это для самооправдания в будущем, не больше. Если новая волна, то восстания по провинциям - не путчи. А на деле идет истреб-

ление остатков пролетарского авангарда. Теоретически - меньшевистская резолюция по китайскому вопросу, хотя и написанная поддельной большевистской терминологией, стратегически должна добить китайскую компартию. Английская и французская резолюции замечают следы вчерашнего дня, сочетая в себе элементы ультралевизны с правыми предпосылками. И здесь очень много сходства с 5-м Конгрессом, который стремился ультралевым нахрапом отодвинуть вопрос о германском поражении 1923 года.

В конце тезисы говорят, что в Коминтерн должны быть возвращены те, "которые хотят искренне и честно бороться за цели, поставленные Коминтерном, методами, провозглашенными последним пленумом ИККИ". Читая, не веришь глазам. "Методы" февральского пленума ИККИ стоят прежде всего в одобрении 58-й статьи и в утверждении, что большевики-ленинцы "ставят ставку на падение советской власти". Неужели же резолюция об оппозиции

имеет меньшее историческое значение, чем резолюция о перебаллотировках во Франции или двусмысленная размазня о том, входить или не входить британской компартии в рабочую партию? Как же можно об этом забыть? Могу ли я быть принят в Коминтерн, если я глубоко убежден, что голосованием за китайскую резолюцию февральский пленум наносит новый гибельный удар китайскому пролетариату, а голосованием за резолюцию об оппозиции дает наилучшее, наиболее реакционное и унижительное для себя выражение вероломно-бюрократическим методам "управления" партией. Тезисы ставят вопрос о "временных соглашениях с либералами в колониальных странах" слово в слово так, как ставит их проект программы, а проект программы, под мниморадикальной формой, освящает гомильдановщину. О теории стадий, о теории двух составных партий, о теории социализма в отдельной стране тезисы говорят, что это "хвосты", которые надо ликвидировать. Выходит так, что из центристской обезьяны уже родился полностью марксистский человек с одним лишь только органом - "хвостом". Добрый воспитатель и наставник внушает: убери, пожалуйста, хвост - и все будет в порядке. Но ведь это же вопиющее подкрашивание того, что есть.

Общая оценка проекта программы в тезисах неправоильная, т. е. чрезмерно добродушная. Противоречивый, эклектический, схоластический, весь из заплат проект программы совершенно не годен.

Совершенно правильны общие принципиальные указания тезисов по вопросу о частичных или переходных требованиях. Пора уже, однако, перевести эти общие соображе-

ния на более конкретный язык, т. е. попытаться самим набросать схему переходных требований применительно к странам разного типа.

По вопросу о термидоре тезисы совершенно неожиданно говорят: "Я не буду разбирать здесь вопроса о применимости и совпадении аналогий французской и русской революций". Что сие означает? Вопрос о термидоре мы формулировали совместно при участии автора тезисов. Аналогии надо брать в строгих пределах тех целей, ради которых аналогии берутся. Ленин сравнивал Брест-Литовский мир с Тильзитским. Марецкий мог бы разъяснить Ленину, что классовые условия Тильзитского мира были совсем иные, как он нам разъяснял различие между классовой природой французской и нашей революциями. Мы назвали тогда Марецкого соответственным именем. Мы взяли термидор как классический образец частичного контрреволюционного переворота, который совершается еще полностью под революционным знаменем, но имеет уже, по существу, решающий характер. Более ясной, яркой и поучительной исторической аналогии для выяснения опасности сползания ни кто не называл и не предлагал. Вокруг запроса о термидоре шла и идет гигантская международная полемика. Какой же политический смысл имеет приведенное выше неожиданное сомнение в применимости аналогий французской и русской революции. Разве мы сидим в обществе историков-марксистов и рассуждаем об исторических аналогиях вообще? Нет, мы ведем политическую борьбу, в которой сотни раз пользовались аналогией с термидором в определенных, точно нами указанных пределах.

"Если история докажет, -- говорят тезисы, -- что ряд партийных вождей, с которыми мы вчера скрещивали шпаги, лучше, чем их теории, которые они вчера защищали, ни кто не будет этому более рад, чем мы". Это звучит ужасно

по-рыцарски: благородные вожди сперва скрещивают шпаги, а затем плачут друг у друга на груди слезами примирения. Но вот в чем беда: как это вожди пролетариата могут быть лучше, чем их теории? Ведь мы, марксисты, привыкли вождей оценивать именно теорией, через теорию, через способность вождей теорию понимать и теорию применять. Теперь оказывается, что могут быть превосходные вожди, случайно вооруженные реакционными теориями чуть ли не по всем основным вопросам.

20. "Наша поддержка начавшегося сдвига, -- говорят тезисы, -- должна состоять в самой беспощадной борьбе... против тех зол, против которых объявлена теперь в партии мобилизация". Не только в этом. Беспощадное вскрывание

на каждом практическом деле или теоретическом вопросе половинчатости и путаницы центризма составляет важнейшую часть нашей поддержки всех сколько-нибудь прогрессивных шагов центризма.

21. Не останавливаюсь на ряде более мелких и частных замечаний. Ограничиваюсь еще только указанием на приложение к тезисам, посвященное китайской революции. Это приложение написано так, как если бы мы впервые подходили к вопросу, как если бы, в частности, не было нашей переписки с Преображенским: ни на одно из моих соображений тезисы не отвечают ни единым словом. Но это бы еще полбеда. Гораздо хуже, что тезисы написаны так, как если бы на свете не было китайской революции 1925-- 1927 годов. Все соображения тов. Радека могли быть с успехом сформулированы в начале 1924 года: буржуазно-демократическая революция не закончена, впереди предстоят еще демократические этапы, а затем пойдет перерастание. Ну, а правый и левый Гоминьдан, кантонский период, северный поход, шанхайский переворот, уханский период -- это что же все, не демократические этапы? Или так как Мартынов тут напутал, то мы можем просто не принимать этого в счет? Тезисы видят впереди то, что оставлено позади. Или, может быть, тезисы надеются получить "настоящую" демократию? Пускай укажут нам ее адрес. Суть в том, что все те условия, которые аграрную революцию соединили у нас с пролетарской, в Китае выражены еще резче, еще повелительнее. Тезисы требуют "выждать" перерастания демократической революции в социалистическую. Здесь соединены вместе два вопроса. В известном смысле демократическая революция переросла у нас в социалистическую только в середине 1918 г. Власть же была в руках пролетариата с ноября 1917 года. Особенно странно звучит приведенный довод в устах тов. Радека, который решительно доказывал, что в Китае нет феодализма, нет сословия помещиков и потому аграрная революция есть не антипомещичья, а антибуржуазная революция. Крепостнические пережитки в Китае очень сильны, но они неразрывно связаны с буржуазной собственностью. Как же теперь тов. Радек отмахивается от этого тем соображением, что "буржуазно-демократическая революция не завершена", повторяя здесь ошибку Бухарина, который повторяет ошибку Каменева в 1917 году. Не могу не привести здесь снова слова Ленина против Каменева, на которые недавно обратил мое внимание Белобородов:

"Кто руководится в своей деятельности только простой формулой "буржуазно-демократическая революция не закончена", тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантий

за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии" (Ленин. Сочинения, т. 14, часть I, стр. 35).

Вот что я могу сказать по поводу тезисов тов. Радека. Думаю, что в интересах ясности это необходимо сказать, не пугаясь попыток "монолитного" противника использовать наши разногласия.

Л. Троцкий Алма-Ата, 17 июля 1928 г.

циркулярное письмо

Дорогие товарищи, это письмо представляет собою ответ на ряд писем, полученных за последние недели из разных мест. Запоздание вызвано тем, что я в течение последних недель был занят работой в связи с Конгрессом Коминтерна. Работу удалось закончить к сроку. Всего я послал Конгрессу

четыре документа: во-первых, критику проекта программы Коминтерна - около одиннадцати печатных листов; во-вторых, письмо "Что же дальше?", представляющее оценку нынешнего левого сдвига в свете политики последних лет; третье, приложение к этому письму - документальная справка о происхождении, вернее, о фабрикации легенды о троцкизме; четвертое, "Заявление" в собственном смысле слова.

Последний документ сравнительно краткий (меньше печатного листа), представляет собою формальный документ, требующий восстановления оппозиции в партии. Текст "Заявления" я довольно широко разослал товарищам на адрес президиума Конгресса. Раньше еще я разослал черновик будущего "Заявления". Окончательный текст яснее, точнее, резче, но принципиально не отличается от черновика. Прилагаю при сем оглавление двух больших работ, посланных Конгрессу. Работа имела, по необходимости, крайне спешный характер. Вероятно, есть упущения. Но так как писать пришлось о вопросах, которые мы неоднократно обсуждали и продумывали, совместно и в одиночку, то в общем у меня такое представление, что посланные Конгрессу работы представляют достаточно полное изложение всех воззрений оппозиции по основным вопросам международного и внутреннего характера.

Я уже писал некоторым товарищам, что отход Зиновьева пришелся, в смысле срока, как нельзя более кстати. Если бы

у него хватило выдержки подождать еще несколько месяцев, он бы мог капитулировать с соблюдением некоторого внешнего "приличия", ухватившись за "левый курс", с одной стороны, и порвав с нами на оценке Пятого конгресса и режима Коминтерна, с другой стороны. Своим приходом к нам он нанес непоправимый удар легенде троцкизма, раскрыв кое-какие тайны мадридского двора ("семерки"), а обоим крайне своевременным отходом от нас он развязал нам руки для необходимой критики Пятого конгресса и политики 1924--1925 годов, которая сочетала правые предпосылки с ультралевым авантюризмом.

Я постараюсь, хотя бы по частям, разослать товарищам наиболее существенные части критики проекта программы и письма "Что же дальше?". В это письмо вошла подробная характеристика партийного режима и методов руководства, на чем справедливо настаивали Х. Г. Раковский и И. Н. Смирнов. В качестве практических и существенных предложений по линии самокритики и партийной демократии я внес, помимо возвращения и восстановления оппозиции, два требования: во-первых, созыв XVI съезда в течение 1928 года с твердо обеспеченными заранее гарантиями дискуссии и правильности выборов; во-вторых, немедленное опубликование всех скрываемых от партии статей, речей и писем Ленина (я насчитал семь групп такого рода документов).

К сожалению, я упустил прибавить еще одно требование, которое неизбежно будет в дальнейшем играть большую роль в жизни партии: именно, сокращение партбюджета примерно в 20 раз, т. е. до пяти-шести миллионов рублей. Партбюджет есть главное орудие ужасающей коррупции и база аппаратного всемогущества. Нам нужен открытый, подконтрольный и подлинно партийный бюджет. Конспиративные расходы могут быть выделены особо и представляться на рассмотрение особой комиссии съезда каждый год. Разумеется, эти три требования не заменяют нашей платформы в вопросах партийного режима. Но они дают серьезную проверку и искренности, и честности шагов руководства в сторону партийной демократии.

По вопросу о проекте программы я получил очень ценные замечания от тт. Раковского и Розенгауза. К сожалению, оба письма пришли слишком поздно, так что я не мог использовать ряда замечаний. Но в общем критика названных товарищей вполне совпадает с моей постановкой вопросов программы. В этом нет ничего удивительного, так как мне приходилось, главным образом, только подытоживать нашу коллективную работу.

Вопрос о китайской революции вошел не в "Заявление" и не в письмо "Что же дальше?", а в критику проекта программы, где Китаю отведена одна глава из трех. Глава эта направлена, главным образом, против в корне ложной и реакционной резолюции февральского пленума по китайскому вопросу.

Чего можно ждать от Конгресса? Тов. Розанов (Куста-най) совершенно правильно пишет, что Конгресс сделает, вероятно, попытку накрыть нас самой

тяжелой и самой авторитетной могильной плитой – "чтоб встать он из гроба не мог"... Посланные мною документы могут, разумеется, только усугубить такого рода благочестивое желание. К счастью, оно маловыполнимо: "в 12 часов по ночам" – а равно и в разные другие часы – марксизм будет подниматься из бумажного гроба и, в качестве неумолимого барабанщика, бить тревогу.

В вопросах международных Конгресс будет, по всей вероятности, попыткой распространить левый зигзаг на другие проблемы и страны. Суть, однако, в том, что в этом левом курсе, как и на Пятом конгрессе, сочетаются правые предпосылки с элементами ультралевой схоластики и авантюры. Там не хотели понять поражение 1923 года и неизбежность отлива. Здесь не хотят признать всей глубины поражения в Китае и неизбежности длительного периода собирания сил и подготовки. Там был эстонский путч, здесь кантонский. Там был роман с Радичем и Лафоллетом, здесь – продолжение линии двух составных партий.

Разумеется, симптоматическое значение февральского пленума велико, это есть признание того, что правоцентристский курс уперся в тупик. Но отсюда до марксистской линии еще очень далеко. Во всяком случае, левый курс, украшенный 58-й статьей, очень похож на вполне здорового человека, у которого "почему-то" провалился нос.

Сообщают, что Рут Фишер принята в партию, вопрос же о Маслове отложен до рассмотрения его поведения на суде. Один из товарищей делает отсюда то заключение, что начинается новый курс по отношению к левой. Нет, это не так. Принятие немецких и даже французских оппозиционеров в партию было бы в данной обстановке только военным шагом на пути дальнейшего окружения и "дальнейшей изоляции" нашей группы, которая представляет собою основное ядро международного марксизма и большевизма в настоящее время. Мастер и подмастерья в своей глубокой беспринципности завтра же пойдут на то, чтобы пожертвовать Тельманом в пользу Маслова, если этой ценой смогут нанести нам новый организационный удар.

Нужно всегда иметь в виду, что европейская оппозиция, как и официальный коммунизм, не имеет еще необходимых теоретически подготовленных и политически закаленных кадров. Здесь могут (быть еще и передвижки, и перебежки, и всякие вообще "неожиданности". Пугаться их было бы просто смешно и недостойно. Пять лет официальное руководство, вооруженное колоссальным авторитетом традиции и неисчерпаемыми ресурсами, уродовало марксизм и вывихивало мозги. Создалось целое ревизионистское поколение, соединяющее в своем сознании массу теоретически реакционной дряни с бюрократическим авантюризмом. Через эту школу прошли и многие европейские оппозиционеры, и еще далеко не освободились от нее. Надо все поле перепахивать глубоким плугом марксизма. Вот почему малейшее теоретическое примиренчество с нашей стороны означало бы политическое самоубийство.

Сдвиг в политике ВКП и Коминтерна будет иметь крупнейшее значение, может стать даже исторической вехой. Но почему? Потому что правоцентристская политика зашла в тупик, откровенно правая политика затруднена (не невозможна, а затруднена) всей предшествующей работой оппозиции; выход же влево мыслим только путем явных, хотя бы частичных позаимствований у нашей платформы. Партия этого не может не видеть. В ней не может не начаться, вернее, не углубиться процесс критики и размышления. Другими словами, почва будет становиться все более восприимчивой к нашим семенам. Вот почему недопустим формально отрицательный подход к левому сдвигу: многое говорит за то, что накопившееся количество готовится перейти в некоторое новое качество.

Конечно, в этом процессе будут еще свои подъемы и спуски. Но ясно одно: даже и немногочисленные кадры, если они вооружены ясным пониманием обстановки в целом, если они насквозь проникнуты пониманием своей исторической миссии и если они в то же время умеют или учатся идти в ногу с прогрессивными движениями в партийной массе и в рабочем классе – такие кадры могут сыграть при неизбежных дальнейших переломах обстановки решающую роль. Во всяком случае, могильной плитой их не прикроешь, шалишь...

В заключение о делах личных, своих и чужих. Товарищ Дроздов (г. Ош, Киргизия) пишет о слухах, будто я заведу в Алма-Ате комунхозом и даже ездил "на какое-то совещание к Зеленскому". Слухи о столь быстром ходе моей карьеры явно преувеличены. Но столь же преувеличено и беспокойство ряда

товарищей о моем здоровье. Со вре-

мени нашего переселения в "сады" малярия почти совсем покинула нас: лихорадило только один раз. Летняя обстановка здесь достаточно благоприятна в климатическом отношении. Мы пережили здесь, правда, тревожную эпидемию собачьего бешенства - в амбулаторию являлось 50--60 человек, искусанных в день; но сейчас и это уже осталась позади. На работоспособность пожаловаться ни в каком случае не могу. Из Москвы получил довольно серьезный запас книг, особенно насчет Индии. Правильно получаю русские газеты и журналы, в том числе провинциальные. Получаю довольно много иностранных газет. Приходят книги непосредственно от заграничных друзей. Словом, работать можно.

С разных сторон идут сообщения о чрезвычайных бесчинствах по отношению ко многим ссыльным со стороны местной администрации. Всем товарищам, вероятно, известна кудымкорская история (т.т. Вязниковцев и др.), кустанай-ская история (Тер-Оганесов и др.) и т. д., и т. д., и т. д. без конца. Издевательства и физические насилия имеют нередко из ряда вон выходящий, по бесстыдству своему, характер. Мне думается, следовало бы обо всех такого рода фактах сообщать Шестому конгрессу, требуя, чтоб он назначил особую комиссию для обследования этих дел.

В общем, насколько можно судить по переписке, настроение подавляющего большинства товарищей вполне бодрое и твердое. А это самое главное.

Крепко жму всем руки и желаю всего хорошего.

Ваш Л. Троцкий

Алма-Ата

17 июля 1928 года

ИЮЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ И ПРАВАЯ ОПАСНОСТЬ

(Послесловие к письму "Что же дальше?")

Доклад Рыкова об итогах июльского пленума ЦК на московском активе 13 июля представляет собою факт крупнейшего политического значения. Это программное выступление самого авторитетного представителя правого крыла если не с развернутым, то с полуразвернутым знаменем.

Рыков совершенно не останавливался в своем докладе на программе Коминтерна - даже не упомянул о ней. Он посвятил свой доклад исключительно вопросу о хлебозаготовках. По тону доклад Рыкова есть доклад победителя. И не зря: из первой схватки с центром, через 4--5 месяцев

после начала "левой" политики, правые вышли вполне победоносно. Июльский пленум ЦК знаменует первую открытую победу Рыкова над Сталиным, правда, при помощи самого же Сталина. Суть рыковского доклада в том, что февральский сдвиг влево был эпизодом, вызванным чрезвычайными обстоятельствами; что на этом эпизоде надо поставить крест; что сдать в архив надо не только 107-ю статью, но и февральскую статью "Правды"; что от старого курса надо загибать не влево, а вправо, и чем круче, тем лучше. Чтоб расчистить себе дорогу, Рыков признается - как не признаться перед уличающими фактами? - в трех своих маленьких ошибочках:

"Во-первых, я в момент обнаружения кризиса считал его менее глубоким, чем оказалось в действительности;

во-вторых, я думал, что при помощи чрезвычайных мер мы совершенно ликвидируем кризис хлебоснабжения. Этого мы не добились;

в-третьих, я надеялся, что вся кампания по хлебозаготовкам пройдет при опоре на бедняка и полной устойчивой связи с середняцкими массами. В этом отношении я также ошибся"

А между тем весь хлебозаготовительный кризис, со всеми сопутствующими ему политическими явлениями, был предсказан оппозицией в ее контртезисах, указывающих Рыкову совершенно точно, чего он не понимает и чего не предвидит. Именно для того, чтобы избежать запоздалых, торопливых, несогласованных, преувеличенных административных мероприятий, оппозиция заблаговременно предлагала принудительный хлебный заем у деревенской верхушки. Конечно, и эта мера являлась чрезвычайной. Но предшествующая политика сделала ее неизбежной. А если бы заем был проведен своевременно и планомерно, он бы свел к минимуму те административные излишества, которые означали чересчур дорогую политическую плату за очень скромные материальные

достижения.

Меры административного нахрапа сами по себе не имеют ничего общего с правильным курсом. Это есть расплата за неправильный курс Попытка Рыкова приписать оппозиции стремление увековечить рыковские меры из арсеналов военного коммунизма злобно нелепа В обходах дворов, возрождении заградительных отрядов и пр. оппозиция с первых же дней видела не начало нового курса, а только банкротство старого. 107-я хлебозаготовительная статья не есть орудие ленинского курса, а костыль рыковской политики. Пытаясь подкинуть оппозиции в качестве "программы" те меры административной дезорганизации хозяйства, за которые он

сам целиком отвечает, Рыков поступает как все мелкобуржуазные политики, которые всегда в таких случаях натравливают мужика на коммуниста как на "грабителя" и "экспроприатора".

Что означал февральский сдвиг? Признание отставания промышленности, угрожающей дифференциации деревни и грозной опасности со стороны кулака. Что отсюда вытекало в качестве новой линии? Перераспределение народного дохода от кулака в сторону промышленности, от капитализма к социализму, ускорение развития промышленности как легкой, так и тяжелой.

В противовес февральской статье "Правды", которая только повторяла в этом вопросе оппозицию, Рыков видит причину хлебозаготовительного кризиса не в отставании промышленности, а, наоборот, в отставании сельского хозяйства. Такое "объяснение" есть издевательство над партией и рабочим классом, обман партии и рабочего класса, чтоб обосновать поворот направо. Это старая установка устря-ловских профессоров.

Что сельское хозяйство наше раздроблено, распылено, отстало, имеет варварский характер; что отсталость сельского хозяйства является основной причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно Но требовать на этом основании, как делает Рыков, передвижки средств от промышленности в сторону индивидуального крестьянского хозяйства - значит выбирать не просто буржуазный, а аграрно-буржуазный, реакционно-буржуазный путь, изображая из себя советскую карикатуру на "антикапиталистических" земских народолюбцев 80-х годов.

Поднять сельское хозяйство вверх можно только через промышленность Других рычагов нет. Между тем промышленность наша ужасающе отстает по отношению к данному распыленному, отсталому, варварскому крестьянскому хозяйству - отстает не только по отношению к его общим историческим потребностям, но и по отношению к его платежеспособному спросу. Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни - значит сдавать гегемонию города над деревней.

По типу своему наше сельское хозяйство бесконечно отстало даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью Но сделать отсюда тот вывод, что этот вековой результат закона неравномерного развития разных частей хозяйства может быть устранен или хотя бы смягчен путем сокращения и без того недостаточных средств на индустриализацию, совершенно то же самое, что предлагать бороться

с безграмотностью путем закрытия высших учебных заведений. Это означает подсекать самый ствол исторического прогресса. Несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных ее потребностей, задерживая тем самым ее развитие. Именно отсюда и вырос хлебозаготовительный кризис, а вовсе не из общей исторической отсталости деревни и не из мнимого забегания промышленности вперед.

15 февраля "Правда" учила, что три урожая "-не прошли даром", что разбогатела деревня, т. е. прежде всего кулак, и что при отставании промышленности это неизбежно привело к хлебозаготовительному кризису. В полном противоречии с этим объяснением Рыков считает, что ошибка руководства за последние годы состояла, наоборот, в чрезмерном форсировании

индустриализации; что нужно замедлить ее темп; что нужно уменьшить долю индустриализации в общенародном доходе; что "освободившиеся" таким путем средства нужно направить на поддержку сельского хозяйства, прежде всего в его индивидуальной форме как господствующей. Такими путями Рыков рассчитывает "в очень короткий срок удвоить урожай с десятины". Но Рыков молчит насчет того, как же этот удвоенный урожай будет реализоваться на рынке, т. е. обмениваться на продукты промышленности при еще более задержанном темпе развития этой последней?

Рыков не может не ставить перед собой этого вопроса. Удвоенный урожай означал бы упятеренную или удесятеренную товарность сельского хозяйства, а значит, и во много раз возросший промышленно-товарный дефицит. Рыков не может не понимать этого простейшего соотношения вещей. Почему же он не раскрывает нам секрета будущих своих побед над должествующей чудовищно возрасти диспропорцией? Потому что еще время не пришло. Для правых политиков разговор есть серебро, а молчание - золото. Рыков и так израсходовал в своем докладе слишком много серебра. Но не трудно догадаться и о рыковском золоте. Возросшая сельскохозяйственная товарность при замедленном темпе промышленного развития означает не что иное, как возрастающий ввоз иностранных товаров. Для деревни, да и для города. Никакого другого пути нет и быть не может. Зато этот единственный путь обнаружится так неотразимо, давление возросшей диспропорции будет так грозно, что Рыков

решится разменять свое резервное золото и вслух потребует отмены или равносильного ей ограничения монополии внешней торговли. Это и есть тот самый правый план, о котором наша платформа говорила в порядке предвиденья и который теперь еще не целиком, но уже в виде солидной порции вынесен на открытую трибуну.

Задатком под этот план является, как вытекает из всей речи Рыкова, повышение хлебных цен. Это премия в первую голову кулаку. Она даст ему возможность еще увереннее вести за собой середняка, которому кулак объяснит: "Вот видишь, я заставил себя с лихвой заплатить за убытки по 107-й статье. В борьбе обретаем мы право свое, как говорят наши учителя-эсеры". Дельцы-чиновники, надо думать, утешают политиков тем соображением, что переплату на зерне можно будет наверстать на других видах крестьянского сырья, так что общий баланс города и деревни не изменится в ущерб городу. Но такие соображения имеют явно шарлатанский характер. Во-первых, рабочий потребляет хлеб, а не техническое сырье, значит, по рабочему бюджету повышение хлебных цен ударит неизбежно. И, во-вторых, и на других крестьянских продуктах не удастся отыгаться, раз принято решение загладить рублем последствия левого зигзага. Маневры отступления вообще совершаются чаще с ущербом, чем с прибылью, тем более такое беспорядочное отступление, каким являются июльские решения по сравнению с февральскими.

Даже в качестве меры исключительной, чрезвычайной, вроде 107-й статьи наизнанку, повышение хлебных цен таит в себе огромную опасность, ибо усугубляет те самые противоречия, из которых вырос хлебозаготовительный кризис. Повышение хлебных цен - не только удар по потребителю, то есть по рабочему и прикупающему хлеб бедняку; не только премия кулаку и зажиточному, но и усугубление диспропорции. Если промышленных товаров не хватало при старых ценах на хлеб, тем более их не хватит при более высоких ценах и возросшем количестве этого хлеба. Это означает новый рост промышленно-товарного голода и дальнейший рост дифференциации деревни. Борьба с хлебозаготовительным кризисом путем повышения хлебных цен -- значит становиться обеими ногами на путь обесценения червонца, т. е. другими словами, утолять жажду соленой водой, подбавляя к ней соли. Так обстояло бы дело даже если бы речь шла об изолированной, исключительной мере. Но повышение хлебных цен у Рыкова совсем не исключительная, не чрезвычайная мера. Повышение хлебных цен входит попросту необходимой частью в рыковскую политику сползания к капитализму.

му. Инфляция на этом пути есть только техническая "подробность".

По поводу инфляционной опасности Рыков многозначительно говорит: "Покупательная способность рубля держится пока что прочно". Что значит "пока

что"? Это значит до реализации нового урожая по повышенным ценам и при нехватке промышленных товаров. Когда же ударит инфляция, Рыков скажет рабочим, реальная плата которых неизбежно при таком положении поползет вниз: "Я же говорил вам, пока что". И тогда начнет разворачивать те части своей программы, о которых молчит теперь. Без удара по монополии внешней торговли нельзя выйти на дорогу неонэпа

Одновременно с победителем Рыковым и по тем же вопросам выступал в Ленинграде побежденный Сталин. В своей совершенно беспомощной речи - ее прямо неловко читать-- Сталин изображает инфляционную премию верхам деревни за счет рабочих и бедноты как новое укрепление смычки (которое по счету?) Сталин и не пытается указать, как он думает выбраться из противоречий, выдернув хвост 107-й статьи и тут же увязив нос в трясине повышения цен. Сталин просто повторяет набившие оскомину общие фразы о смычке, как будто проблема смычки решается фразой, формулой, клятвой; как будто кто-нибудь "роме послушных чиновников может поверить тому, что четвертый хороший урожай способен каким-то чудом выровнять ту диспропорцию, которую обострили три предшествующих урожая. Сталин боится правого рыковского ответа, но не решается и на ленинский. Сталин выжидает. Сталин отсиживается, занимаясь аппаратными передвижками. Сталин теряет время, думая, что выигрывает его. После судорожной февральской встряски перед нами снова хвостизм во всей своей жалкой беспомощности

Совсем по-иному звучит речь Рыкова. Если Сталин отмалчивается, потому что ему нечего сказать, что Рыков кое о чем помалкивает, чтобы не сказать слишком много. Политика повышения хлебных цен, да еще с рыковским обоснованием ликвидации весеннего левого загиба, означает, не может не означать начало глубокого, может быть, решающего поворота вправо. Такие юридические барьеры, как ограничения аренды и найма рабочей силы, даже как монополия внешней торговли, будут бюрократическим росчерком сняты с пути, если правые не напорятся раньше грудью на стальной барьер пролетарского авангарда. Логика правого курса может в короткий срок стать несокрушимой. Какие бы то ни было иллюзии, фальшивые надежды на "партийность" правых, всякие вообще расчеты на авось, упущение времени, за-

тушевывание противоречий, недомолвки, дипломатничанье означают усыпление рабочих, прямую поддержку врагу, сознательную или бессознательную помощь термидору. Речью Рыкова, комментирующей постановления июльского пленума, правые бросили перчатку Октябрьской революции. Надо понять это. Надо поднять перчатку. И надо сейчас же, немедленно, со всего размаху ударить правых по рукам.

Правые бросили перчатку, наметив заранее стратегию. Им не пришлось при этом открывать Америку. В основе левоцентристских попыток Сталина лежит, по утверждению Рыкова, "троцкистское неверие в строительство социализма на началах нэпа и беспросветная паника перед мужиком". Борьба с "троцкизмом" есть неразменный рубль всех сползающих. Но если доводы такого типа были достаточно нелепы в устах Сталина, то в жалкую карикатуру они превращаются в устах Рыкова. Вот где бы ему вспомнить, что молчание - золото.

Действительная паника перед мужиком - у тех, которые боялись завоевания власти пролетариатом в крестьянской России. Эти подлинные паникеры оказались по ту сторону октябрьской баррикады. В их числе был Рыков. Мы же были с Лениным и с пролетариатом - ибо ни на минуту не сомневались в способности пролетариата повести за собой крестьянство.

Рыковская политика 1917 года была только концентрированным предвосхищением его нынешней экономики. Сейчас он предлагает уже завоеванные экономические высоты диктатуры сдавать по частям стихии первоначального капиталистического накопления. Только в силу вошедшей за последние годы в нравы фальсификации Рыков неукротимую борьбу оппозиции за социалистическую диктатуру осмеливается называть "паникой", пытаясь в то же время выдать за большевистское мужество свою готовность с открытыми глазами капитулировать перед капитализмом.

Реакционную демагогию, целиком рассчитанную на психологию богатееющего

мелкого собственника, Рыков направляет сейчас уже не столько против оппозиции, сколько против Сталина и тянущих влево центристов вообще. Как Сталин в свое время спустил с цепи против Зиновьева всю зи-новьевскую аргументацию против "троцкизма", так Рыков готовится теперь повторить ту же операцию против Сталина. От твоя твоих тебе приносяще. С политическими идеями играть нельзя, они опаснее огня Мифы, легенды, фальшивые лозунги мнимого "троцкизма" не прилипали к самой оппозиции, но зацепились за классы и получили свое самостоятельное бытие. Чтобы захватить шире и глубже, Стали-

ну пришлось агитировать в десять раз грубее Зиновьева. Теперь очередь за Рыковым. Можно себе представить ту разнузданную травлю, которую развернут в открытой борьбе правые в своей игре на собственнических инстинктах кулачья. Не надо забывать, что если рыковцы были хвостом центристов, то у рыковцев есть свой собственный куда более тяжеловесный хвост. Непосредственно за Рыковым стоят те, которые, как признала уже однажды "Правда", хотят жить в мире со всеми классами, т. е. хотят заново приучать рабочего, батрака и бедняка мирно подчиняться "хозяину". Дальше, в следующем ряду, стоит уже отъевшийся "хозяйчик", жадный, нетерпеливый, мстительный, с засученными рукавами и с ножом за голенищем. А за хозяйчиком, по ту сторону границы, стоит "настоящий" хозяин, с дредноутами, авионами и фогенном "Не надо никакой паники, будем строить, как строили", -- проповедуют нам правые Иудушки, усыпляя рабочих и мобилизуя собственников, т. е. готова термидор. Вот какова сейчас расстановка фигур, вот какова подлинная классовая механика!

Рыков, как сказано, обманывает партию, рассказывая ей, будто оппозиция хочет увековечения тех исключительных мер, до которых на одиннадцатом году диктатуры довела нас, к стыду нашему, послеленинская политика. Чего хочет оппозиция, ясно сказано в документах ее, представленных Конгрессу. Но Рыков полностью прав, когда говорит: "Главная задача троцкистов заключается в том, чтобы не дать этому правому крылу победить". Именно так. Правильно. Победа правого крыла была бы последней ступенькой термидора. От победы правого крыла вверх, к диктатуре, уже нельзя было бы подняться одними лишь методами партийной реформы. Правое крыло есть тот крюк, за который тянут враждебные классы Победа правого крыла была бы лишь временно замаскированной победой буржуазии над пролетариатом. Рыков прав: главная задача наша заключается сейчас в том, чтобы не дать правому крылу победить А для этого надо не убаюкивать партию, как делают Зиновьевы, Пятаковы и им подобные, а наоборот: с удесятеренной силой бить тревогу по всей линии.

Мы говорим нашей партии, и мы говорим Коммунистическому Интернационалу: Рыков открыто приступает к сдаче Октябрьской революции враждебным классам. Сталин переминается с ноги на ногу, отступает перед Рыковым и бьет по левым. Бухарин запутывает сознание партии паутиной реакционной схоластики Партия должна поднять свой голос. Пролетарский авангард должен сам взять в руки свою судьбу. Партии нужно широкое обсуждение всех трех линий:

правой, центристской и ленинской. Партии нужно возвращение оппозиции в ее ряды. Партии нужен честно подготовленный и честно созданный партийный съезд.

Л. Троцкий

Алма-Ата, 22 июля 1928 г.

ПИСЬМО С. А. [АШКИНАЗИ] *

Дорогая С. А.

По-видимому, одно мое письмо к Вам пропало. Незачем говорить, что меня очень обрадовало Ваше присоединение к нашему заявлению. Надеюсь, что до Вас дошел уже оконча-тельный текст заявления, а также копии других документов, посланных Конгрессу, в частности, и "Послесловие", посвященное июльскому пленуму. Разумеется, коллективный характер имеет только заявление. Остальные документы посланы за личной ответственностью.

Уже с месяц тому назад я получил из Москвы коллективную телеграмму от неизвестной мне группы лиц насчет того, что мое отношение к левому курсу снимает разногласие. С другой стороны, я слышу с разных сторон, что Влад. Мих. Смирнов и др. ведут жестокую критику нашего капитулянтства. Пока дело

касалось обсуждения, поругаться не грех. Но документы теперь налицо, и по отношению к ним надо занять ясную и определенную позицию.

После июльского пленума некоторые товарищи заявляют: "Ну, вот видите, ничего не вышло". Эти товарищи правы, поскольку критикуют вульгарно-примиренческие тенденции в нашей среде и иллюзии насчет способности центристов выйти на марксистскую дорогу. И примиренчество, и легковерие жестоко наказаны. Но эти товарищи не правы, поскольку они думали (если думают), что июльский пленум подводит последнюю черту под взаимоотношениями центра и правой. Нет. Главные трения еще впереди, и они должны прорваться наружу. Закон зигзагов вправо и влево остается в силе, но темп зигзагов, скорее, должен ускориться, чем замедлиться. Нам надо стоять без каких бы то ни было шор на глазах и зорко вглядываться во все изгибы обстановки. Партия должна по-прежнему знать, что мы готовы поддержать всякий хотя бы и не решительный, половинчатый шаг

* "Карл Иванович", о котором речь в конце письма, есть старый латышский большевик, каторжанин Грюнштейн Жена его, "Р. А.", тоже, помнится, бывшая каторжанка "С А", которой адресовано письмо, есть сестра жены Грюнштейна Л Троицкий].

в сторону пролетарской линии, разумеется, при сохранении полной нашей идейной самостоятельности и критической беспощадности по отношению ко всякой половинчатости, дряблости, не говоря уже об аппаратно-бюрократическом шукарстве.

На Конгрессе наши документы читали по делегациям, читали, как сообщают, с очень большим вниманием. Читаются они и в стране. Я уже из ряда городов (Москва, Воронеж, Одесса, Херсон и пр.) получил телеграммы, извещающие о присоединении единомышленников к нашим документам. При выработке этих последних большое значение имела активная наша переписка, которая дала мне возможность быть в курсе взглядов и настроений многих десятков товарищей, не говоря уже о том, что эта переписка ставила передо мной ряд вопросов, мимо которых я мог бы иначе пройти...

Вопрос о воз-вращении нашего места в партии сейчас стал неотделимым от вопроса о восстановлении правильной линии самой партии. Думать, что можно дипломатически пробраться в партию, а затем уж вести политическую борьбу за ее оздоровление, наивно, чтобы не сказать крепче. Опыт Зиновьева, Пятакова и др. слишком красноречив. Эти люди сейчас гораздо менее в партии, чем за неделю до своего исключения. Тогда они высказывались, часть партии их выслушивала. Теперь они вынуждены молчать. Они не только не могут выступать с критикой, но даже и с похвалой. Статей Зиновьева не печатают. Центристы особенно грубо нажимают на зиновьевскую группу, требуя, чтобы она молчала и не компрометировала их. В чем же выражается пребывание этих раскаявшихся господ в партии? Не в том ли, что пред ними раскрыты двери госбанка и Центросоюза? Но для того, чтобы служить в Центросоюзе, поистине не было надобности сперва подписывать платформу, а затем отречься от нее.

По существу дела, в партии сейчас наша группа, а зиновьевская - вне партии. Сафаровы, Вардины могут оказаться в "партии", лишь поскольку начнут нас прорабатывать. Эти опустошенные субъекты так и рвутся в бой. Да, как бы и им еще не сказали центристы: "Не компрометируйте нас, пожалуйста, избытком рвения".

О Конгрессе напишу, когда он закончится, вернее сказать, когда дойдут до Алма-Аты отчеты и необходимые материалы. Общее впечатление тяжело. Даже Бухарин жаловался в заключительном слове, что выступающие ораторы по основному докладу говорили, так сказать, по своим специфическим национальным делам и потребностям, или, как сказано у Глеба Успенского, "производили по своему делу

шум", а общих проблем пролетарской революции почти не касались. Получалось впечатление речей не делегатов международной пролетарской партии, а национальных ходоков или ходатаев. Систематическое обезглавление всех секций Коминтерна не прошло бесследно. Но и доклад самого Бухарина лишен какой бы то ни было объединяющей идеи. Весь доклад из кусочков, точно сума

нищего. Тягостное впечатление. Но об этом еще речь впереди

Я имел на днях письмо от Ваших из Чердыни. Лето там убийственное, и здоровье Р. А плоховато Духом они с Карлом Ивановичем, разумеется, крепки, как всегда. Мы с Натальей Ивановной тоже проходим через стадию малярийного и всякого другого неблагополучия. Очевидно, дает себя знать надвигающаяся осень. Очень не хочется возвращаться в насквозь зараженный город Поэтому постараемся оставаться как можно дольше на своей дачной квартире, хотя малярия, как оказывается, знает доступ и сюда.

На этом пока кончаю Крепко жму руки Вам и всей Вашей колонии, которую Вы, надеюсь, познакомите с этим письмом.

Ваш [Л. Троцкий]

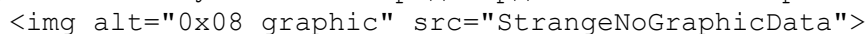
20 августа 1928 г Алма-Ата

ПИСЬМО В. Д. [ЭЛЬЦИНУ]*

Дорогой друг В. Д.

Письмо Ваше с выдержками из писем Карла [Радека], Ивана Никитича [Смирнова] и других получил вчера. Большое спасибо и за Ваше письмо, и за выдержки из других писем. По-видимому, ряд из моих писем до Вас не дошел, в частности, то письмо, в котором я ругательски ругал нашего общего друга Теплова за сентиментализм, маниловщину и проч. nepотpeбные качества Сейчас-то у меня сердце отошло, так как фронт мы выровняли вполне благополучно даже сверх ожиданий Ну, да и то сказать, центристы, как всегда, помогли.

Незачем говорить, что я полностью согласен с Вами насчет необходимости серьезной внутренней дискуссии по основным вопросам Кроме пользы от этого ничего не будет. И "молодые" уже довольно широко пользуются этим правом дискуссии. Я получил от них ряд сердитых писем за чрез-

* Может быть, старику Эльцину? В письме говорится о "сыне" (сын, Борис Эльцин, тоже находится в ссылке). Л. Тр.

мерную уступчивость по адресу Преображенского. И в основном они правы. Я передипломатничал, стараясь избежать в острый момент по острому вопросу внутренней дискуссии под стеклянным колпаком Но я с Вами вполне согласен, что по отношению к Карлу молодые далеко хватили через край.

Должен, однако, сказать, что Карл сделал все, чтобы взбудоражить публику Рассылая письма с рядом ответственных формулировок, он ни слова не написал ни Раковскому, ни мне, ни ряду других товарищей. Я стал со всех сторон получать протесты против писем Карла и должен был на них отвечать, что ничего об этих письмах не знаю. Это еще больше увеличило настороженность молодых. Письмо к Вардину, к агенту Ярославского, не могло не добавить масла в огонь К тому же многие из этих молодых даже в своих преувеличениях многому учились у Карла, который во всех этих вопросах занимал в конце прошлого года самую крайнюю позицию и более чем неодобрительно отзывался о некоторых из нынешних своих ближайших союзниках. Незачем говорить, что я делал и делаю что можно, чтобы смирить расходившиеся волны, ибо значение для нас Карла не требует пояснений. Да и молодежи это понятно.

Кроме критики программы [Коминтерна], письма "Что же дальше?", Заявления и справки о "троцкизме", я успел еще послать Конгрессу "Послесловие", в котором подвожу итоги июльскому пленуму Надеюсь, что и это дополнение дойдет до Вас.

Из всего этого серьезного и значительного эпизода в развитии партии и революции - я имею в виду последний левый зигзаг - наиболее скомпрометированным вышло вульгарное и безыдейное примиренчество Всякому мыслящему человеку ясно, что в партии находятся сейчас не Зиновьев, Каменев, Пятаков и компания, а мы с Вами. Мы активно участвуем в партийной жизни. Наши документы читаются делегациями Конгресса Несколько сот подписей под нашим Заявлением есть крупнейший политический факт. А бывший председатель Коминтерна и вся его злополучная группа политически не существуют Сам Зиновьев вынужден заявлять, что теперь остается только молчать и ждать. Эти люди вернулись не в партию, а в Центросоюз Мы же с Вами, несмотря на все грозные отлучения, и не думали уходить из партии. Сидим в ней прочнее, чем в прошлом году, и думаю, что через несколько месяцев это станет ясно всем.

Весьма скомпрометированным вышел и центризм. Кое-кто из молодых

преувеличивает, рассматривая повышение хлебных цен как последнее слово центризма Нет, конфлик-

ты еще предстоят впереди. Аппарат еще у центристов. Наше заявление, что мы поддержим всякий даже и половинчатый шаг влево, остается в силе. Партия должна это знать. Но это не имеет ничего общего с иллюзиями насчет центристов, с вульгарным примиренчеством и со стремлением смазать разногласие По этой линии никакой пощады. Мой общий вывод: мы выдержали на четыре с плюсом серьезный экзамен и перешли в старший класс. После этого полагаются каникулы. Не знаю, выйдут ли они у нас По части здоровья не вполне благополучно. И у Натальи Ивановны и у меня малярия возобновилась полностью, а усиленная хинизация подорвала устойчивость кишечника, и пошла писать губерния.

Присоединение к нашему Заявлению идет я там, в России. Я получал телеграммы на этот счет из Москвы, Воронежа, Одессы, Херсона и др. пунктов. При составлении всех документов мне оч[ень] много помогли многочисленные письма, тезисы и проч., получавшиеся мною. Надеюсь получать письма и впредь -- конечно, и от Вас, В. Д. Какие вести от Вашего сына? Как его здоровье? О себе лично Вы тоже в последнем письме ничего не говорите.

С большим интересом слежу за Конгрессом. Убийственное впечатление произвел на меня основной доклад о меж-дународном положении и пр. Ни одной цельной мысли. Осколочки, отрывочки, окурочки, и только. В голодные года, кормят окот сечкой из сухой и прелой соломы. Она только колет рот, но питания не дает. Вот такое впечатление производит доклад... Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш [Л. Троцкий]

30 августа 1928 г. г. Алма-Ата

ПИСЬМО ПАЛАТНИКОВУ

Дорогой товарищ Палатников.

Очень хорошо, что Вы отыскались, хотя бы и на очень восточном меридиане. Не пойму, почему Вы только написали 1 августа, почему не откликнулись? Ну, да так и быть, старого вспоминать не буду. Хорошо, что нашлись, хорошо, что бодры, хорошо, что собираетесь работать Больше ничего, по-моему, человеку и не нужно. Вы пишете, что из красных профессоров мы лишились только одного - Кагановича Это не совсем так Вы забыли про Айзенберга и, по-видимому,

не знаете о Павлове. От Лившица я получил письмо, от Владимирова и Краснова - телеграммы о присоединении к заявлению. Надеюсь, что до Вас тем временем дошли уже документы, посланные мною Конгрессу. Этих документов -- пять: во-первых, критика проекта программы; во-вторых - заявление; в-третьих - письмо "Что же дальше?" (комментарии к заявлению); в-четвертых -- оправка о "троцкизме"; в-пятых, Послесловие (по поводу июльского пленума). В общем, должно быть около 20 печатных листов

Выполняя эту работу, я не раз плакался по поводу отсутствия дружной московской группы красных профессоров. Но я совершенно согласен с Вами, что сотрудничество можно наладить и здесь. Ваши экономические замечания, как и замечания по поводу Конгресса, я считаю бесспорными. С большим интересом буду ждать Вашего более пространныго письма по части внутренних хозяйственных процессов у нас. Я нынче занимаюсь сейчас больше мировой экономикой и политикой, чем внутренней Вот и основа для разделения труда. Охотно вышлю Вам необходимые материалы или постараюсь получить из Москвы (это вполне осуществимо), если Вы напишете, что у Вас есть или лучше - что Вы хотели бы иметь. Я правильно получаю только "Экономическую жизнь" и "Плановое хозяйство" Другие издания получаю лишь случайно. Итак, жду от Вас более точной по этому вопросу справки

Ваше замечание, что "административный произвол, почему-то называющийся методом военного коммунизма, поднял против себя все слои деревни", совершенно правильно. Так как Рыков в своем московском докладе сделал попытку подкинуть нам этот самый "военный коммунизм", то свое Послесловие я посвятил главным образом разъяснению той мысли, что так называемые чрезвычайные мероприятия являются костылями правоцентристского курса, но

никак не здоровыми мерами ленинской политики.

Было бы, однако, слишком поспешно думать, что июльский пленум ликвидировал центристов в политическом смысле. Нет, в половинчатости (с точки зрения правого курса) июльских решений заложена новая схватка или ряд новых схваток между центристами и правыми. Новым толчком явится несостоятельность июльских решений, как только она обнаружится на практике. А до этого – рукой подать. Наше заявление о готовности нашей поддержать -- нашими методами – всякий, даже колеблющийся, половинчатый шаг влево остается в силе. Это заявление рассчитано на то пролетарское ядро партии, которое будет сдвигаться влево на первых порах колеблющимися шагами. Разумеется, наша посто-

янная готовность поддержать такие шали пролетарского ядра партии не имеет ничего общего с идейным примиренчеством, смазыванием разногласий или иллюзиями насчет чудотворной силы циркуляров и манифестов.

По вопросу о Конгрессе напишу недельки через две, когда до меня дойдут более или менее полные отчеты, и прежде всего основные резолюции, а также новый текст программы. Предварительное впечатление вполне совпадает с Вашим, "малоотрадное зрелище".

Много ли времени отнимает у Вас работа в конторе "Союзхлеба"? Думаю, что Вы там полезнее, чем Зиновьев в Центросоюзе. Во всяком случае, для вступления в "Союзхлеб" Вам не пришлось отречься от права на мысль и на слово. Между тем Зиновьеву такое отречение не принесло ничего, кроме стула в Центросоюзе. Доказательство (дополнительное), что наш путь правильнее. Я уже писал некоторым товарищам, что мы сейчас неизмеримо больше в партии, чем Зиновьев и компания, которые для того, чтобы существовать в партии, вынуждены вести себя так, как если бы их вообще не существовало в природе. Это трансцендентная партийность. Наша – куда реальнее. Кстати, нет худа без добра: если бы блок наш сохранялся до сего дня, мы были бы лишены возможности сказать Конгрессу всю правду о политике Коминтерна начиная с 1923 года. А это было бы совершенно необходимо и для нас самих, и особенно для заграницы.

Получаете ли письма "с родины"? Какие вести до Вас доходят? Какие вести получают другими актюбинцами которым прошу передать самый мой сердечный привет. Даже, и самые мелкие на первый взгляд незначительные сведения "с родины" имеют свой интерес, ибо позволяют следить за динамикой процесса и за их бытовой оболочкой, что совершенно необходимо, чтобы не попасться в плен настроениям "эмигрантщины".

Вот пока и все.

30 августа 1928 г. Алма-Ата

ПИСЬМО СМЛГЕ

Дорогой друг Ивар Тенисович.

С огромнейшим запозданием получил Ваше письмо от 26 июля. Телеграммы Ваши насчет отправки заявления и присоединения к моему заявлению получил своевременно. Ужасно обидно, что почта так плохо справляется с отде-

ляющим нас расстоянием. Отсюда-то и вытекает большинство недоразумений. На Вас с разных сторон сыпалось немало нареканий за подачу сепаратного заявления. В этом духе писали и из Москвы. Я разъяснил им историю дела, т. е. старался растолковать, что Ваша роль в основном была прямо противоположна той, какую Вам приписывают на основании некоторых внешних признаков. Думаю, что по всем внутренним вопросам у нас с Вами полное единомыслие. Что касается вопросов международных, то остается только подождать получения Вами моей критики программы [Коммунистического Интернационала], притом всех трех глав, а также письма "Что же дальше?". Тогда видно будет – имеются ли разногласия в этой области. В первом Вашем письме ко мне соображения Ваши по китайскому вопросу давали мне право думать, что наши взгляды очень сблизились. О демократической диктатуре Вы говорили в том письме крайне

условно и допускали ее возможность лишь в качестве эпизода. При случае я соответствующую цитату из Вашего письма воспроизведу. Но Е. А. [Преображенский] зачисляет Вас в свой стан. Остается, повторяю, выждать ознакомления с основными документами. Сейчас я снова пишу о Китае (наряду с другими работами). Вопрос стоит о нашей тактике и о стратегии в первой столыпинско-чаякайшистской передышке между двумя революциями. Жду тезисов Конгресса. Опасаюсь, что весь этот период, когда мы загнаны "в хлев" го-миньдановского режима, Бухарин думает перекрыть все тем же универсальным лозунгам демократической диктатуры. Между тем нам необходимы переходные лозунги, и прежде всего лозунг "Китайского Учредительного собрания, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права". Так как сейчас на Конгрессе взят "двухсоставный курс" - сочетания правого централизма с ультралевизной, -- то можно почти не сомневаться, что лозунг Учредительного собрания для Китая будет объявлен оппортунистическим. Люди забыли, что мы еще после февраля требовали скорейшего созыва Учредительного собрания, держа в то же время курс на диктатуру пролетариата. Учредилка в Китае противопоставляется сейчас военной диктатуре гоминьдановских верхов, которая из всех государств мира сейчас ближе всего подходит к итальянскому фашизму. Из борьбы за учредилку, из возможной революционно-парламентской борьбы внутри учредилки никакой демократической диктатуры не выйдет. Если революция развернется, если своевременно подопрем парламентскую фракцию Советами и пр., и пр., то придем к диктатуре пролетариата, ведущего за собой деревенскую бедноту Но перекрыть период консолидации буржуазных

сил и отлива революции абстракцией демократической диктатуры - дело совершенно безнадежное. Нужны переходные требования. На первом месте Учредительное собрание. Этот лозунг может внести раскол между буржуазными верхами и даже городской мелкобуржуазной массой. Может - не сразу, конечно, -- позволить Компартии высунуться из подполья и начать новую кампанию мобилизации рабочих масс. Разумеется, наряду с этим необходим лозунг 8-часового рабочего дня, конфискации земельной собственности, ликвидации неравноправных договоров и проч. Разумеется, какие-либо неожиданные события могут изменить весь "маршрут". Но если таких неожиданных событий не окажется, то именно на этом пути китайская компартия будет выбираться из того тупика, в который ее загнал сталинско-мартыновский курс. Пишу здесь очень бегло, но надеюсь, что мысль моя ясная. Очень интересуюсь Вашим мнением, как и мнением других товарищей, которым посылаю сегодня же копию этого письма. Очень прошу откликнуться немедленно, если возможно, даже по телеграфу. Дело идет в данном случае не об основном споре по вопросу о стратегической перспективе, дело идет о тактических лозунгах на ближайший политический интервал. Читали ли в "Правде" от 19 августа (№ 101) речь индонезийского делегата Альфонсо [a]? Она напечатана под скромным редакционным заголовком "Принципиальные возражения". Вот что говорит Альфонсо*: Во-первых, "блок между пролетарской компартией Китая и мелкобуржуазным Гоминьданом в конечном счете пошел на пользу именно Гоминьдану; во-вторых, я считаю, что мы должны бороться за гегемонию пролетариата не после предательства буржуазии, а еще до него"; в-третьих, "было бы утопией считать, что мелкая или крупная буржуазия колониальных или полуколониальных стран способна провести хотя бы буржуазно-демократическую революцию"; в-четвертых, "необходимо образовать Советы во время всей борьбы пролетариата с капиталистами, для того чтобы приучить рабочих к образованию Советов и руководства их борьбой"; в-пятых, "всюду, где проект говорит о гегемонии пролетариата, нужно добавлять: "для захвата государственной власти", и, наконец, в-шестых, что "предложенный проект программы не проникнут коммунистической мыслью и не может способствовать усилению пролетарского движения". Хотя отчет, несомненно, скомкан, но, как видите из этих шести цитат, речь отличается исключительной продуманностью и точностью

* Делегат Индонезии на Шестом конгрессе Коминтерна.-- Прим ред -сост.

формулировки и в то же время выражает полностью нашу позицию. Это не случайно. Индонезийская компартия имеет очень богатую историю, не

уступающую китайской. Значит, все-таки на Конгрессе наш голос раздался, хотя и далеким рикошетом от Индонезии. Зато уж доклады Куусинена и Маяуильского поистине увенчали здание. Ну да об этом будет еще особая речь.

Мне пишут с 'большой похвалой' о Ваших, И. Т., тезисах насчет июльского пленума. Я их не получал. Посылали Вы их мне? Необходимо, на этот счет поддерживать со всяческой заботливостью правильную связь, иначе накладные расходы недоразумений будут неизбежны. Получили ли Вы мое "Пос-слесловие", посланное Конгрессу и также посвященное июльскому пленуму, точнее сказать, докладу Рыкова о июльском пленуме? Об Е. А. [Преображенском] пишут мне из Москвы, что он там виделся с Ярославским и вел с ним будто бы большие политические беседы. По возвращении из Москвы он ничего мне не писал. Не знаю, сообщал ли он кому-нибудь о своих беседах с Ярославским. Вот что значит запутаться. С другой стороны, сообщают, что Е. А. подписал и Ваше заявление, и мое. Словом, понять ничего невозможно. Боюсь все же, что кончится это плохо, ибо такого состояния внутренней качки ни один политический организм долго выдержать не может. Какие у Вас на сей счет последние бюллетени? Прислали мне за последние дни из разных мест копии писем В. М. Смирнова и его ближайших единомышленников. Нечто уму непостижимое. Особенно поразило меня письмо Смирнова. Дочитать его я, правда, был не в силах: до такой степени оно надумано, придирчиво и фальшиво-кляузно. На основании конспективного майского наброска, рассчитанного на ближайших друзей, которые понимают друг друга с полуслова, Смирнов делает вывод, что я обеляю политику руководства ссылкой на объективные международные процессы и пр. Трудно придумать что-нибудь более нелепое. С. А. Ашкинази из группы Смирнова подписала наше заявление. Из Москвы я имел от какой-то группы д[емократического] ц[ентрализма] коллективную телеграмму о том, что наше заявление снимает разногласие. Думаю, что под влиянием таких фактов Смирнов и решил взять самую визгливую ноту, какая имеется в его регистре. Все это было, правда, до выработки наших документов. Остается ждать, как он "самоопределится" теперь по отношению к этим документам.

Я сейчас отвечаю одному доброжелателю из большинства, который написал мне дружеское увещание: пора-де кончать, пора идти с большинством и быть как все, пора стано-

виться на работу. Я ему подробно и популярно разъясняю, что мы себя безработными не чувствуем, что и сейчас мы сидим в партии гораздо глубже, чем он, обыватель, и десятки тысяч ему подобных, и что курс наш отнюдь не на переход из партии в Центросоюз. Н. И. Муралов пишет мне, что когда он прочитал о назначении нашего бывшего союзника в Центросоюз, то хохотал в полном одиночестве полчаса, так что привел в смущение своего квартирного хозяина. Наталья Ивановна [Седова-Троцкая] призналась, что после назначения ей даже стало жалко Зиновьева. Из испытаний последних месяцев наиболее побитым, измятым и скомпрометированным вышло примиренчество. Наиболее последовательно в формалистическом духе и поэтому наиболее нелепо сформулированное в заявлении Пятакова. Если наши, к счастью, единичные примиренцы второго призыва и теперь не поймут, куда сей путь ведет, то они погибли безвозвратно. Ищенко сейчас в Москве. Из Каинска он перед отъездом писал мне, требуя чего-то вроде заявления о нашем признании программы и о нашем подчинении всем решениям Конгресса. Из Москвы он прислал мне телеграмму в том духе, что оба эти предложения снимает. Не знаю, что повлияло на него в Москве, но, вообще говоря, я склонен московскую телеграмму истолковать в хорошем смысле. Огромный плюс последнего периода тот, что в обсуждение всех вопросов нашей политики втянуты сейчас полностью сотни наших единомышленников, в том числе и молодых. Эта школа совершенно незаменимая. В результате наша группа в целом выросла на целую голову. Вы пишете, что Сталин на июльском пленуме понес серьезное поражение. Я с этим согласен, если рассматривать июльское поражение как крупное тактическое, а не стратегическое поражение. В общем, конечно, он сильно ослабел. Но и поражение правых нелепое. Аппарат, по-видимому, все же в руках у центристов довольно крепко. Еще зигзаги будут, возможно даже, что линия зигзагов уже в ближайший период получит форму малярной кривой. Это требует от нас очень пристального, детального, конкретного анализа меняющейся

экономической и политической обстановки. Русская экономика ложится, очевидно, на Вас. В этой области работает и Палатников. Я сейчас больше занят международными вопросами, которые отнимут у меня ближайший месяц, а может, и два.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

[Троцкий] Алма-Ата, 4 сентября 1928 г.

циркулярное письмо

Дорогой товарищ.

Вы спрашиваете моего мнения насчет Конгресса. Я не имею пока ни окончательного текста программы, ни резолюций Конгресса, за исключением тактической резолюции по докладу Бухарина, полученной вчера. Проекты резолюций не печатались, как известно, чтобы не дать "посторонним" сравнить их с окончательным текстом. Поэтому значительная часть прений звучала для читателей "намекami на то, чего не ведает никто". Окончательное суждение можно будет вынести после получения всех решений. Пока ограничиваюсь предварительными замечаниями.

1. Пытаюсь открыть новую полосу, Конгресс не завершил старой. Одна полоса вклинивается в другую механически. По многим вопросам оппортунистические, ревизионистские предпосылки сочетаются то с оппортунистическими, то с ультралевыми выводами. Конгресс лиял даже в течение месяца своих заседаний, лиял скорее "влево". Наиболее оппортунистическое истолкование стабилизации дано в первом докладе Бухарина. Но уже в самом хвосте тезисов по его докладу прибавлены слова "о возможности крутых исторических переломов", заимствованные дословно из наших документов, но совершенно не мотивированные характеристики империалистской эпохи.

Несмотря на прилив новых колониальных и вообще заокеанских элементов, несмотря на живые струйки, пробивающиеся в речах и предложениях многих и многих делегатов - общий дух руководства Конгресса и его решений есть дух эклектики и эпигонства.

2. Хотя, как сказано, окончательного текста программы нет, но ясно, что дальше маскировки наиболее обнаженных мест дело не пошло. Программа есть убийственное закрепление эклектики, и потому станет идейным источником самых различных оппортунистических, ревизионистских и ультралевых нагноений. Программа, как и все вообще решения Шестого конгресса, открывают эпоху глубокой дифференциации внутри Конгресса.

3. Конгресс работал все время, озираясь на оппозицию. Конгресс шел под знаком обороны - обороны от нас. Это придавало ему особенную неуверенность и сбивчивость. Он страховался оговорками по каждому вопросу. Кто захочет, возьмет тезис; кто не захочет, воспользуется оговоркой. Во всяком случае, оппозиция занимала один из важнейших "секторов" в зале заседания, хотя ее представителей там, по-видимому, не было. Только по вопросу о программе резко

в нашем духе высказался представитель Индонезии Альфонсо (Правда, No 191).

Вопрос о стабилизации решался по-разному в разные моменты Конгресса, опять-таки под большим влиянием нашей постановки вопроса. Для Европы и Америки стабилизация превращена в "органическую", а не "случайную" (Бухарин). Из этого нелепого противопоставления могут быть легко сделаны выводы, порывающие со всей ленинской оценкой империалистической эпохи (см. 2-ю главу моей критики проекта программы). В то же самое время для Китая - "революция продолжается". Кто считает, что Китай после поражений вступил в довольно длительный межреволюционный

период, тот ликвидатор.

На период "органической" стабилизации совершенно не дано программы переходных боевых требований, кроме лозунга борьбы с войной.

Лозунг борьбы с войной поставлен изолированно, механически, по-бухарински, и партиям предложено на этой борьбе "сосредоточить все свои силы". Как будто есть особый секрет борьбы с войной, помимо правильной революционной политики борьбы с буржуазией и ее государством.

Совершенно так же поставлен Бухариным вопрос о борьбе с социал-демократией. "Мы, мол, всему научились, а вот бороться с социал-демократией еще не научились". Как будто борьба с социал-демократией есть особое "искусство", независимое от правильной революционной линии.

Но если не дана программа переходных требований, то и борьба за власть отодвинута в неопределенную даль.

Одной из важнейших задач европейских компартий указана борьба за... китайскую революцию. Но в Китае сейчас революции нет и есть контрреволюция. Когда возродится в Китае революция - неизвестно. Перспектива же революции в самой Европе практически совершенно снята.

Прямо-таки постыдный характер имел доклад Куусинена о колониальных и полуколониальных странах. Бедняга попросту отрыгнул в неперевааренном виде весь меньшевизм. Мартынов имел удовольствие слушать себя снова таким, каким он был двадцать лет тому назад. То обстоятельство, что Конгресс не смел Куусинена с трибуны грязной метлой, само собой представляется угрожающим.

Вопрос о "крестьянских" и "рабоче-крестьянских" партиях остался открытым. К Крестинтерну не решились прикоснуться. Раздавались решительные голоса за создание крестьянских и рабоче-крестьянских партий и за вхождение в них компартий. Возражения имели не принципиальный, а трусливо ограничительный характер. Нашел ли этот вопрос

какое-либо отражение в резолюциях, еще не знаю. Между тем это вопрос жизни и смерти для колониальных компартий, да и для всего Коминтерна.

Лозунг демократической рабоче-крестьянской диктатуры окончательно превращен в надысторическую абстракцию для четырех пятых человечества (Азия, Африка, Южная Америка...). Дебаты на Конгрессе, даже сквозь подчищенные, приглаженные и подмалеванные отчеты "Правды", свидетельствуют с полной несомненностью, что "демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" означает путь гоминьдановщины во всех возможных ее исторических вариациях.

Считаю необходимым привести здесь на эту тему по истине освещающие слова Мартынова:

"По мнению тов. Бензета, мы в Индии находимся накануне этапа превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Но ведь это то же самое, что Радек говорил о Китае. Где же остается борьба против империализма, борьба за Национальное освобождение, этап антиимпериалистической демократической диктатуры рабочих и крестьян? Они исчезают".

Борьба против империализма "исчезает", если она ведется при диктатуре пролетариата. Так у нас "исчезла" аграрная революция, которая совершилась только после октябрьского переворота.

"Антиимпериалистская лига" оставлена как некий сверхгоминьдан, как арена, на которой авантюристы и карьеристы колониальных и империалистских стран будут освежать свою репутацию за счет угнетенных народов и особенно их пролетариата. Достаточно сказать, что председателем этой маскарадно-шарлатанской лиги является один из английских полуперселей Макстон, которому наш ТАСС делает

рекламу, как в свое время Перселю.

Так как китайская революция объявлена попросту "продолжающейся", то это избавило руководителей, от обязанности дать Киткомпартии программу действий для того столыпинско-чанкайшистского периода, в который вступил Китай. Не выдвинуты необходимейшие переходные лозунги: учредилка на основе четыреххвостки, экспроприация "помещичьих" земель, восьмичасовой рабочий день, ликвидация неравных договоров. Борьба за эти лозунги, в том числе и парламентская борьба, если осуществится парламент, при первом же подъеме революции должна привести к созданию Советов и к борьбе за диктатуру пролетариата, ведущего за собою деревенскую и городскую бедноту. Между тем наши горе-стратеги "перескакивают" через наступивший ныне ре-

акционный период в развитии Китая и пытаются все дыры заткнуть универсальным лозунгом демократической диктатуры, который для Китая имеет заведомо реакционное гоминь-дановское значение.

Доклад Мануильского замечателен только личностью докладчика. Далеко же зашло дело, если этого шута городского, которого никто не берет всерьез, и меньше всего те, которые дают ему поручения, пришлось выставить в качестве генерал-прокурора и охранителя доктрины марксизма и заветов большевизма. Здесь борьба против оппозиции переведена на язык сборника анекдотов из национального и иного быта. Неосторожный шаг! Группировка, которая выставляет Мануильского своим идейным знаменосцем, тем самым свидетельствует, что она дошла до какой-то роковой черты. Доклад Варги есть осторожно уклончивая сервировка материалов под углом зрения социализма в отдельной стране, но так, чтобы и не нести за эту теорию полной ответственности. Варга слишком теоретически грамотен, чтобы не понимать жалкой несостоятельности теории социализма в отдельной стране В бытность мою в Берлине (весною 1926 года) Варга, в присутствии Лапинского и Крестинского, говорил мне буквально следующее:

"Разумеется, теория эта неверна, но она дает перспективу русскому рабочему и поддерживает его дух; если бы русский рабочий был настолько развит, чтобы вдохновляться международной перспективой, не было бы необходимости в теории социализма в отдельной стране"

Словом, поповская "ложь во спасение". Варга является в Коминтерне теоретическим Полонием (из "Гамлета"). Он готов представить теоретические доказательства тому, что облако на горизонте похоже на верблюда, впрочем, и на рыбу, а если принцу угодно (т. е. дежурному вождю), то и на социализм в отдельной стране и на всякую вообще самобытную яичницу. При Коминтерне действует уже целый корпус таких Полониев разных родов оружия.

16. Тезисы констатируют "большевизацию и консолидацию" партий Коминтерна и "преодоление внутренней борьбы". Между тем съезд, даже пропущенный сквозь игольное ушко редакционной цензуры, дает картину прямо противоположного характера. Ожесточенная глухая борьба шла по всей линии. Фракционные группировки большей или меньшей оформленности обнаружили себя на Конгрессе в делегациях Германии, Англии, Польши, Соединенных Штатов, Румынии, Югославии и пр и пр. Делегация СССР, конечно, не составляла исключения, а, наоборот, сама вносила раскол в другие партии. В бесчисленных речах раздавались жало-

бы на ожесточенную фракционную борьбу, "не оправдываемую сколько нибудь крупными политическими разногласиями"

Никто не дал себе, однако, труда поставить вопрос, почему же фракционная борьба разъедает "внутренне консо-

лидируемый" Коминтерн Ответ между тем ясен Нынешний Коминтерн основан на блоке правоцентристской или прямо оппортунистической фракции с левоцентристской и неоформленно пролетарской Положение в СССР и режим Коминтерна удерживают противоречия этих группировок в неразвитом, придушенном виде, между тем давление классовой борьбы делает блок тянущих в разные стороны сил совершенно невыносимым Отсюда жестокая фракционная борьба при видимом отсутствии "крупных политических разномыслий"

На Конгрессе не раз говорилось о сращивании социал-демократии с капиталистическим государством Несомненно, что положение мелкобуржуазного средостения между империализмом и пролетариатом вынуждает социал-демократическую и профсоюзную бюрократию брать на себя во все критические моменты по всем основным вопросам прямую ответственность за буржуазное государство Но этим самым социал-демократическая бюрократия очищает место для нового мелкобуржуазного средостения Это место занимает отчасти левая социал-демократия, в большей мере - правое крыло Коминтерна В Китае и Англии это обнаружилось в классически законченной форме Но те же тенденции имеются во всех странах Основой же является ВКП

В левоцентристских группировках Коминтерна мы видим нередко искаженное преломление пролетарской тенденции, которая при нынешнем режиме и при механическом разгроме оппозиции не находит себе легального членораздельного выражения

Дифференциация пролетарских и мелкобуржуазных тенденций в Коминтерне абсолютно неизбежна и вся еще впереди

С этим связана похвальба тезисов насчет "преодоления троцкистской оппозиции" Выше уже сказано, что весь Конгресс шел под знаком обороны от нас Мы уже перешли в идейное наступление по всей линии международного фронта Только безнадежные тупицы могут думать (а лицемерные бюрократы утверждать), что резолюция Шестого конгресса, одобряющая решение Пятнадцатого съезда ВКП, означает "конец оппозиции" Нет, до конца далеко Это только начало

Резолюция делает жалкую попытку подкинуть нам

группу злых авантюристов, которые вместе со сбитыми с толку рабочими из оппозиции перешли к социал-демократам Не стану разъяснять, что общая вина за то, что подчас хорошие революционные рабочие загоняются во всякие тупики, из которых собственными силами не способны выбраться, лежит на руководстве Коминтерна Разумеется, косвенно известная вина лежит и на нас мы не сумели до сих пор достаточно ясно, достаточно решительно, достаточно конкретно изложить свои взгляды применительно к обстановке каждой отдельной стороны Но ясно одно за то, что известная группа, временно примыкавшая к нам через наших бывших союзников по блоку (Зиновьев и К^о), отошла к социал-демократам, мы отвечаем никак не в большей мере, чем руководители нынешнего режима отвечают за возникшие и укрепившиеся под их руководством смоленские, артемовские, шахтинские и другие "монолитные" дела Если мы отвечаем за группу злых перебежчиков, то наши обвинители отвечают за фракцию малаховцев

21 Конгресс снова показал иллюзорность вульгарного примиренчества Смазыванием разногласий и вкрадчивостью тона можно проникнуть в Центросоюз, но не в Коминтерн Восстановлению единства Коминтерна должно предшествовать глубокая внутренняя в нем размежевание Нынешнее руководство будет не руководителем этого размежевания, а станет одной из его первых жертв

Три дополнительных замечания

Теоретически исследовательскую работу лучше всего приурочить к тексту программы Коминтерна с целью выработки к Седьмому конгрессу действительно марксистского

проекта программы Об этом я пишу в письме к нескольким товарищам

Число членов всего Коминтерна - без ВКП - показано в докладе Пятницкого в 583 000 человек Цифра поражающе малая Но и она оказывается грубо преувеличенной Выясняется, что сюда включено 100 000 членов китайской компартии Между тем из прений на Конгрессе видно, что Кит компартия растеряла своих рабочих и что "100000" - это крестьяне, зачислившиеся в партию во время аграрных движений Если Киткомпартия сохранила к сегодняшнему дню четвертую часть своего состава, то это очень хорошо Есть несомненные преувеличения и в показаниях других партий Можно думать, что общая численность членов компартий всего мира (кроме ВКП) вряд ли превышает 400 000 человек

Лозунг восстановления единства Коминтерна и ВКП

через генеральное размежевание требует краткого пояснения. Об этом старом лозунге очень своевременно напомнил мне в письме тов. Палатников. Идеей этого лозунга проникнуты, по существу, все документы оппозиции. Но сейчас надо освежить его старую формулировку. Та стадия, когда мы, сидя в ЦК, еще уговаривали центристов и правых "переменить образ жизни", безвозвратно отошла в прошлое. Мы давно уже имеем своей задачей не убедить руководство, а разъяснить партии, что это не руководство, а банкротство. Мы не забываем, что в партийном аппарате есть много ценных элементов, которые партии понадобятся. Но бороться за влияние на них можно только беспощадным и непримиримым противопоставлением ленинско-пролетарского ядра партии оппортунистически-центристскому руководству. Внимание к борьбе правых и центра не должно застилать от нас тот факт, что правые живут и укрепляются только милостью центристов. Полупризнанная "Правдой" в момент озарения сознания (15 февраля) мысль о том, что внутри ВКП имеются две потенциальные партии, одна буржуазно-соглашательская, которая все выше поднимает голову, и другая пролетарская, -- мысль эта должна стать основой политики генерального размежевания. Союз двух классов, понимаемый по-ленински, не только не требует, но и не допускает превращения ВКП в двухсоставную партию, развивающуюся в го-миньдановском направлении.

Нам нужна односоставная партия. Достигнуть ее можно сейчас уже не иначе, как путем генерального внутреннего размежевания - не по той линии, по которой провел между аппарат под давлением бюрократии и новой буржуазии, а по классовой линии, которую теоретически наметила и политически должна реализовать оппозиция, опираясь на пролетарское ядро партии и рабочего класса в целом. Это относится не только к ВКП, но и к Коминтерну. Она это слишком ясно осознает, и потому наивные примиренцы ничего, кроме туманов и синяков, не получают. Никаких уступок вульгарному примиренчеству. Противопоставление ему непримиримой борьбы за восстановление революционного единства Коминтерна на основе принципиального размежевания.

Глубокие противоречия, раздирающие Коминтерн и отразившиеся даже на поверхности цензурированных отчетов Шестого конгресса, свидетельствуют о том, что об нашей изоляции не может быть и речи. Нынешняя глухая фракционная борьба во всех партиях под толчками событий и нашей критики развернется в борьбу отчетливых линий. Пролетарская линия примет нашу установку как единственно возможную.

* * *

Вот самые беглые и предварительные впечатления при чтении отчетов "Правды". Крепко жму руку

Ваш Л. Троцкий Алма-Ата, 9 сентября 1928 г.

ПИСЬМО Н. И. МУРАЛОВУ*

Дорогой Николай Иванович!

Вы меня спрашиваете о Максе Истмене, которого в качестве пугала время от времени выдвигает наша печать, изображая его чуть ли не наемником

буржуазии, продающим ей государственные секреты СССР. Это бесстыдная ложь. Макс Истмен революционный американец, типа Джона Рида, один из верных друзей Октябрьской революции. Поэт, писатель, журналист, он прибыл в советскую республику в первые трудные годы ее существования, выучился здесь русскому языку, вошел близко в нашу внутреннюю жизнь чтобы увереннее и лучше защищать советскую республику перед народными массами Америки.

Макс Истмен стал в 1923 г. на сторону оппозиции и открыто защищал ее от политических обвинений и особенно инсинуаций и клевет. Я не буду говорить здесь о тех теоретических (разногласиях, которые отделяют Истмена от марксистов. (Политически он считает себя коммунистом и по революционной преданности коммунизму стоит нескольких) Но Истмен совершенно безупречный революционер, доказавший всем своим поведением свою идейность и свое политическое бескорыстие. Он стоит в этом отношении несколькими головами выше многих из тех чиновников, которые его травят. Истмен считал, что оппозиция ведет недостаточно энергичную борьбу и поднял за границей кампанию за собственный страх и риск.

Не имея доступа в официальную коммунистическую печать и желая во что бы то ни стало опубликовать во всеобщее сведение Завещание Ленина, Истмен передал его американской буржуазной газете. Каждому из нас не раз приходилось пользоваться и раньше, и в эпоху советской власти иностранными буржуазными газетами 'для того, чтобы

* Печатается по черновику. Фразы в скобках в тексте письма вычеркнуты Троцким.-- Прим. ред.-сост.

пустить ту или другую информацию в широкие круги, недоступные нам другими путями Ленин не раз давал такую информацию в форме интервью иностранным журналистам. К этому надо прибавить, что американские рабочие, за совершенно незначительными исключениями, читают только буржуазную печать (Завещание Ленина он продал одной буржуазной газете, а полученный от нее гонорар он передал Суварину на опубликование документов оппозиции)

Завещание Ленина не является государственной или партийной тайной Опубликование его не есть преступление. Наоборот, преступлением является сокрытие его от партии и рабочего класса Сейчас сотнями печатаются мелкие и случайные заметки Ленина, писавшиеся им заведомо только для себя самого (например, на полях книг), если эти заметки можно хоть косвенно использовать против оппозиции Но скрываются многие сотни статей и речей, писем, телеграмм и заметок Ленина, поскольку они прямо или косвенно направлены против нынешних руководителей или за нынешнюю оппозицию Более грубого и нелояльного обращения с идейным наследством Ленина нельзя себе и представить Если бы Завещание было своевременно опубликовано в партийной печати, его свободно могла бы перепечатать каждая буржуазная газета (Если Истмен решил взять за Завещание гонорар, то не для себя, не в своих интересах, а исключительно для пропаганды тех взглядов, которые он считает взглядами Октябрьской революции) А так как сталинская цензура наложила на Завещание Ленина, как и на сотни других его произведений, запрет, то Истмен обратился к буржуазной печати В таком использовании Истменом буржуазной газеты с информативными целями не было ровно ничего предосудительного Даже на страницах буржуазной газеты Завещание Ленина остается Завещанием Ленина

- Но, -- говорят клеветники, -- Истмен "продал" это Завещание

Да, буржуазная газета заплатила за доставленный ей документ гонорар Но разве Истмен присвоил этот гонорар себе, использовал его в личных целях? Нет, он отдал его целиком на дело французской оппозиции, на опубликование того же ленинского Завещания и других документов, позорно скрываемых от партии и пролетариата Налагает ли этот поступок какую либо тень на репутацию Истмена? Ни малейшей Наоборот, все поведение Истмена свидетельствует, что им руководили исключительно идейные мотивы

В то время, когда оппозиция еще рассчитывала выправить партийную линию чисто внутренними путями, не выно-

ся разногласий наружу, мы все, и я в том числе, были против шагов, предпринятых Максом Истменом в защиту оппозиции Осенью 1925 года большинство

Политбюро навязало мне заявление, им самим средактированное, с резким осуждением Макса Истмена. Поскольку вся руководящая группа оппозиции считала нецелесообразным в то время поднимать открытую политическую борьбу и шла

на ряд уступок, она, естественно, не могла поднимать и разворачивать борьбу из-за частного вопроса об Истмене, выступившем, как сказано, за собственный страх и риск. Вот почему по решению руководящей группы оппозиции я подписал заявление о Максе Истмене, навязанное мне большинством Политбюро под угрозой ультиматума: либо подписать заявление, как оно есть, либо вступить по этому поводу в открытую борьбу.

Входить здесь в обсуждение вопроса о том, правильна ли была общая политика оппозиции в 1925 году, нет основания. Я и сейчас считаю, что других путей в тот период не было. Во всяком случае мое тогдашнее заявление об Истмене может быть понятно только как составная часть тогдашней нашей линии на соглашение и на умиротворение. Так оно и было понято всеми сколько-нибудь осведомленными и мыслящими членами партии. Никакой тени - ни личной, ни политической - это заявление на Истмена не бросает.

Поскольку до меня доходили за последний год слухи об Истмене, он и сейчас остается тем же, чем был другом Октябрьской революции и сторонником взглядов оппозиции.

С большевистским приветом,

Л Троцкий Алма-Ата, 11 сентября 1928 г

БЕСЕДА НАЧИСТОТУ С ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫМ ПАРТИЙЦЕМ

Уважаемый товарищ

Ваше письмо из Запорожья (от 6 августа), где Вы временно пребываете, я получил. Не имею основания сомневаться в том, что оно продиктовано добрыми намерениями. Еще меньше основания сомневаться, что этими самыми намерениями вымощены мостовые, прямехонько ведущие к термидору. Над улучшением термидорианских путей ведется сейчас куда более энергичная работа, чем над нашими российскими проселками.

Вы меня хотите убедить во вреде оппозиции вообще, "сверхиндустриализации" в частности, и пользуетесь для это-

го наглядным уроком Днепростроя на месте которого Вы теперь находитесь. Вы пишете:

"Ярким доказательством этому (т е вредности чрезмерной индустриализации) может служить осуществляемое сейчас ваше решение форсировать Днепрострой, пока еще надолго ненужный и при этом строящийся по абсолютно неграмотному проекту."

Дальше Вы развиваете множество других соображений, валя одно на другое и придавая тем всему письму - позвольте сказать откровенно - довольно-таки сумбурный ха-рактер. Но каждый раз Вы возвращается к тому же Днепро-строю, который, по Вашим словам, оказывается "лакмусовой бумажкой", "средством для безошибочного анализа того, что Вы (т е я) предлагаете делать".

Я отвечаю на Ваше письмо потому, что оно показалось мне в высшей степени типичным продуктом нынешнего партийно-обывательского мышления, характеризующегося двумя чертами: неспособностью теоретически сводить концы с концами и вытекающей отсюда небрежностью к фактам.

Марксистское мышление очень строго и требовательно, оно не допускает пробелов, провалов, грубой пригонки частей. Поэтому оно так внимательно к фактам, не полагается на слух, на память, а проверяет по первоисточникам. Обывательское же мышление, пошловатое, приблизительное, бредущее ощупью, не заглядывающее вперед, естественно, не нуждается в большой фактической точности, особенно в политике, тем более во фракционной. Если поймут с поличным, всегда можно сослаться на кума, от которого слышал собственными ушами. Ваше письмо - увы - относится к этой последней категории.

Все, что Вы говорите о Днепрострое, Вы явно слышали от кума, человека не солидного. Осуществляется, пишете Вы, мое "решение форсировать Днепрострой". Какое это мое решение? В каком качестве и какую власть мог я выносить решение форсировать Днепрострой? Да еще в 1925 году, когда все решения выносились фракционной семеркой за моей спиной и затем лишь для формы проводились через Политбюро.

Послушайте, как было дело. Летом 1925 года состоялось без какого бы то

ни было моего участия постановление СТО, которым была назначена комиссия по Днепрострою под моим председательством Принципиальный вопрос о постройке гидроэлектрической станции на порогах Днепра был решен года за два или за три до того Соответственная организация производила большие измерительные и подготовительные работы и предоставила готовый проект Ко всему

этому я отношения не имел Задачей моей комиссии, согласно постановлению СТО, было проверить в течение двух-трех месяцев проект и расчеты так, чтобы в смету 1925/26 года можно было уже внести первое ассигнование на строительство В этом случае, как и в других, я отстаивал ту точку зрения, что нам, при бедности нашей, лучше два лишних года рассчитывать и проверять, чем два лишних месяца строить Именно поэтому я исхлопотал продление срока работ комиссии еще на один год Это, как видите, не похоже на "форсированье" Для проверки проекта привлечены были лучшие внутренние и международные силы В печати был открыт широкий обмен мнений между техниками и экономистами Никакого давления ни на комиссию, в которой представлены были все хозяйственные ведомства, ни тем более на печать я не оказывал, да и по всему положению дел на партийно-советских верхах оказать не мог дело ведь происходило в 1925--1926 гг, история партии и Октябрьской революции была уже переписана заново; Молотов стал теоретиком, а Каганович управлял Украиной

Правда, я выступал и в печати, и на заседаниях Центрального комитета против общих рассуждений от чистого обывательского разума на тему о том, что нам Днепрострой вообще не по плечу Такими доводами замшелые народоло-бы возражали одно время против постройки сибирской железной дороги, которая, к слову сказать, для тогдашней России была куда более трудным предприятием, чем Днепрострой - для нас Сам по себе, однако, общий вопрос о темпе индустриализации совершенно не решал частного вопроса, когда и в каком масштабе и нужно ли вообще строить Днепрострой Руководимая мною комиссия должна была только подготовить элементы для решения этого вопроса Но дело не дошло и до этого Борьба против "троцкизма" превратилась одним своим ответвлением в борьбу против Днепростроя Руководители ведомств, прежде всего железнодорожного, о котором Вы столь непохвально отзываетесь, считали своим долгом всеми путями саботировать работу комиссии Единственное руководящее правило иных государственных мудрецов состоит - как известно, надо думать, и Вам - в том, что если я сказал "стрижено", то надо гово-рять "брито" А так как по вопросу о проекте и сроках постройки Днепростроя окончательного мнения я не высказывал, ввиду незавершенности работ комиссии, то ведомства просто тянули, срывали, саботировали и пускали "слухи" Я кончил тем, что попросил освободить меня от обязанностей председателя комиссии Это было уважено После этого комиссия в какой-то баснословно короткий срок, буквально в несколь-

ко недель, произвела все работы, вынесла свое заключение и провела его через СТО. Очень может быть, что комиссией руководило благородное желание показать, что мы и сами с усами. Вероятно, ей сверху сказали живительное слово. Дело действительно пошло форсированным темпом. Но никакого отношения к окончательной проверке цифр и планов, тем более к назначению сроков, я не имел.

В бытность мою председателем комиссии Сталин, а значит, и Молотов, выступали решительными противниками Днепростроя. В стиле "крестьянских философов" Сталин пускал изречения такого рода, что нам строить Днепрострой то же, что бедному мужику покупать граммофон. Когда же после выхода моего в отставку был произведен поворот на 180 и я выразил по этому поводу свое недоумение на заседании ЦК, Сталин объяснил, что раньше-де речь шла о полумиллиарде, а теперь всего лишь о цифре в 140 миллионов. Все это записано в протоколы одного из пленумов. Этим Сталин показал только, что о вопросе, по существу, он не имел никакого понятия и что интерес его к Днепрострою исчерпывался персонально комбинаторскими соображениями О полумиллиарде говорилось в связи с новыми заводами, которые должны были стать потребителями энергии Днепрострое. Их стоимость огулом определяли тогда в 250-- 300 миллионов. Вместе с Днепростроем это и давало около полумиллиарда

Но эти заводы сами по себе входили в строительные планы собственных отраслей промышленности. Не они нужны были для Днепростроя, наоборот, Днепрострой нужен был для них. Решающее слово насчет новых заводов принадлежало химической промышленности, главметаллу и пр. При мне комиссия только приступила к проверке этого вопроса. После ухода моего он был решен в два счета: кто-то, видимо, sprysнул комиссию живой водой. Из этого краткого отчета - его не трудно проверить по документам - ясно, сколь легкомысленно Вы стали на путь мифотворчества.

Особенно конфузиться, однако, Вам нет основания. Не Вы первый, не Вы последний. Есть десятки и сотни других .. мифотворцев. Очень ярким, можно сказать классическим, образцом их продукции является миф о Путиловском заводе. Почти все просвещенное человечество знает ныне, что я хотел "закрыть" в 1923 году Путиловский завод. По видимости своей это преступление имеет характер противоположный тому, какое Вы приписываете мне: на Днестре я "решил" строить то, что нам не нужно, а на Неве я "решил" закрыть то, что нам необходимо. Вам, надо думать, известно, что вопрос о Путиловском заводе играл огромную роль во всей так

называемой борьбе против троцкизма, особенно в первой ее стадии. Ссылка на этот случай вошла во многие доклады и резолюции не только наших съездов и конференций, но и Коминтерна. На Пятом конгрессе французская делегация, явившись ко мне для беседы, допрашивала меня, почему это я хотел закрыть одну из металлических твердых диктатуры пролетариата? Даже в резолюции Пятнадцатого съезда снова упомянут Путиловский завод.

На самом же деле было вот что. Рыков, который был в 1923 году вновь назначен председателем ВСНХ, -- Рыков, а не я - вошел в Политбюро с предложением о закрытии Путиловского завода, так как, по исчислению ВСНХ, завод этот не понадобится в течение ближайшего десятилетия и ляжет, следовательно, непосильным бременем на нашу металлопромышленность. Политбюро голосовало за закрытие завода, и я в том числе. Никакого отношения ни к ВСНХ, ни к Госплану, ни к ленинградской промышленности я не имел. Никакого самостоятельного предложения по этому вопросу не вносил. Как член Политбюро я вынужден был решать вопрос на основании доклада Рыкова. Общий вопрос об индустриализации отнюдь не решает сам по себе частного вопроса о Путиловском заводе, как и о Днепрострое. За закрытие Путиловского завода, по докладу Рыкова, голосовал и Сталин. Затем по протесту Зиновьева вопрос был перерешен - за пределами Политбюро - фракционным путем. Во всяком случае, на одном из позднейших заседаний Политбюро Рыков обвинял Сталина в том, что тот пошел на сделку с Зиновьевым отнюдь не по деловым соображениям. Вот как обстояло дело о моем покушении на Путиловский завод. Самое замечательное, что резолюция последнего, Пятнадцатого съезда, повторяющая путиловскую легенду, вынесена была по докладу Рыкова. Между тем все преступление мое состояло в том, что я голосовал за его, Рыкова, предложение. Невероятно? Пустяки: то ли еще бывало.

Уже в то время, когда я писал это письмо, я случайно раскрыл изданную ГИЗом брошюру некоего Шестакова "Крестьянам о решении XV съезда" и в этой брошюре, на стр. 49, нашел ссылку на то, что Троцкий "подавал в свое время в Центральный комитет партии заявление, требуя закрытия громаднейших Путиловского и Брянского заводов". Почему требовал, не сказано. А самый факт приводится для разоблачения мнимого "рабочелюбия" оппозиции. Таковы, мол, они, сверхиндустриализаторы: чтобы сделать рабочим вред, требуют закрытия "громаднейших Путиловского и Брянского заводов". Насчет Путиловского завода что знал, то выше рассказал А насчет Брянского, за неосведомленно-

стью, сообщить ничего не могу. Возможно, что он просто приобщен для комплекта. Вообще трудно себе представить более наглую и разнузданную книжонку, чем эта официозная брошюра о решениях Пятнадцатого съезда. Литературных прощелыг, готовых на все, расплодилось ныне очень много. В 1882 г. Энгельс писал Бернштейну:

"Таковы наши господа литераторы. Совершенно как буржуазные литераторы они считают, что им принадлежит привилегия ничего не изучать и обо всем рассуждать. Они создали нам такую литературу, которая по экономическому

невежеству, вновь испеченному утопизму и нахальству не имеет себе равной".

Ужасно звучит современно. Только Шестаковы далеко оставили позади тогдашних литераторов - и по невежеству, и по казенному утопизму, и, главное, по нахальству. В минуту опасности эти господа без чести, без совести будут предавать первыми, а в случае поражения пролетариата тем же казеннокоштным штилем писать хвалу победителям.

* * *

Выступая против больших мероприятий и широкого размаха - "наше время не время великих задач", -- Вы иронически пишете:

"Большие реформы идут только на транспорте, где мы этими реформами добились путь, добываем паровозы и поставили на очередь добить вагоны... Все это называется обезличенной ездой, централизацией мастерских и проч."

Из текста Вашего письма можно сделать вывод, будто и здесь виновата. . оппозиция. Помните, как в старой песне: "Кто виноват? Паулина" Хорошо. За закрытие или почти закрытие Путиловского и даже Брянского заводов отвечаем. За открытие или почти открытие Днепростроя тоже несем ответ. Но в каком же все-таки смысле за обезличенную езду Рудзутака? Нельзя ли и тут найти какую-нибудь родословную связь с приказом № 1042, о котором Ленин и Дзержинский в свое время говорили, что он спас паровозы и вагоны, но который в 1924 году, т. е. спустя четыре года, провозглашен причиной чуть ли не гибели транспорта? Нельзя ли доказать, что я "увлек" неискушенного Рудзутака на путь "обезличенной езды" (взад и вперед). Если собственных Ваших ресурсов для разрешения этой историко-философской задачи не хватает, обратитесь к Ярославскому, Гусеву и другим хранителям заветов; они сразу установят все, что требуется, и даже более того

Так как Вы пытаетесь подходить к общим экономическим

вопросам от частных случаев - против такого подхода в принципе я не возражаю, -- то я предлагаю Вам остановить Ваше внимание еще на одном примере. Индустриализация тесно связана с концессионной политикой. Ленин придавал этой последней: огромное значение. На самом деле, результаты получились более чем скромные. Тому есть, разумеется, объективные причины. Но не малую, пожалуй, не меньшую роль играют в этой области методы руководства. Я приведу пример, который советую Вам как следует разобрать (лучше, чем Вы разобрали вопрос о Днепрострое) и, использовав эру самокритики, вывести этот случай на суд партии. Да поторопитесь; самокритика уже на ладан дышит.

Я имею в виду наше марганцевое дело. Важнейшие наши залежи марганца в Чиатурах сданы, как известно, в концессию американцу Гарриману. Никопольские залежи разрабатываем мы сами. Как человек, имеющий отношение к металлургии, Вы, вероятно, знаете, что марганец имеет очень одностороннее применение и что по самой сути дела рынок его строго ограничен. Никопольский марганец гораздо хуже по качеству, труднее в разработке и вызывает большие расходы по перевозке. По приблизительным исчислениям, делавшимся мною в свое время при участии лучших знатоков вопроса, дифференциальная рента на тонну чиатурского марганца составляет около 8--10 рублей. Это значит, что при тех условиях, когда чиатурская тонна дает 4--5 рублей прибыли, никопольская тонна приносит около 4--5 руб. убытку. По концессионному договору мы с каждой проданной концессионерам тонны получаем определенную плату. С каждой проданной нами никопольской тонны мы получаем убыток. Если государство считает нужным марганцевое дело сохранить полностью в своих руках, не сдавая в концессию (на такой позиции стоял покойный Красин, и возможно, что он был прав), тогда нужно свернуть никопольское производство до минимума и развернуть максимально Чиатуры. Тогда нам обеспечены крупные прибыли. Мы же поступили наоборот: сдав Чиатуры в концессию, стали разворачивать Никополь, вкладывая в него миллионы, которых у нас, как известно, куры не клюют. Этим мы достигаем двойной цели: торгуем никопольским марганцем в убыток и, вытесняя этим убыточным экспортом с рынка чиатурский марганец, урезаем свою потонную прибыль с концессии. Словом, ценою убытка в Никополе причиняем себе убытки в Чиатурах.

Откуда же взялась эта комбинированная система самовредительства? У нас много говорят в таких случаях о просчетах, причем всегда оказывается виноват какой-нибудь дальний родственник, по возможности худородный. Но тут

просчета не было. Все расчеты были сделаны заранее. Все учреждения были предупреждены. Соответственные документы с точными выкладками, и имеются в надлежащих архивах. Роковую роль сыграл советский "феодализм", который, как нас учат в отношении Китая – неизбежно сращивается с бюрократизмом, с мандаринством, а иногда из этого последнего ведет свое происхождение. Чубарь и прочие украинские мандарины разворачивали никопольский марганец под "собственным" углом зрения. Харьковский угол зрения пришел в противоречие с общегосударственным. При режиме централизованной пролетарской диктатуры вопрос можно было бы сравнительно легко разрешить к выгоде для всего Союза, а значит, и для Украины. Но при методах бюрократического феодализма все опрокидывается на голову. По соображениям совершенно не марганцевого порядка оказалось совершенно невозможным причинять огорчение Чубарю, иначе могло бы получиться изменение "соотношения сил". Здесь был не экономический просчет, а политический расчет, только в корне гнилой.

Никаких данных о работе Никополя в данное время и о взаимоотношениях его с Чиатурами у меня нет. Но общее положение мирового рынка, насколько могу понять, вряд ли принесло Никополю те чудеса, на которые харьковское руководство, вопреки здравому смыслу, рассчитывало: а это не может не означать миллионных убытков. Таково мое предположение. Может быть, Вы его проверите и опубликуете результаты? Если окажется, что я ошибаюсь, я первый буду рад.

Но вернемся к Днепрострою.

При Вашем неряшливом подходе к фактам у меня нет никакого основания верить Вам, что Днепрострой оказался преждевременным. Гораздо вероятнее второе Ваше уверение, что строится он плохо. Но я-то тут причем? Не предвосхищайте Гусевых, Куусиненов, Мануильюких, Лепперов, Лядовых и прочих политических приживальщиков, которые будут доказывать, что я несу ответственность за грехи не только Днепрострою, но и Турксиба, с которым живу сейчас по соседству.

* * *

"Подумайте об этом, -- не унимаетесь Вы, -- вдумайтесь в Днепрострой и пересмотрите свою программу индустриализации, в которую Вы, к сожалению, партию увлекли".

"Увлечен"? Как же это так? Сверхиндустриализация осуждена на всех собраниях. Партия высказалась против нее со

всею необходимой монолитностью. Литературные приживальщики написали на эту тему не одну сотню брошюр. Горы шпаргалок распространены по всей стране и, можно сказать, по всему миру. И все на тему о том, что "троцкизм" означает ограбление мужика для сверхиндустриализации. А теперь вдруг оказывается, что в эту преступную программу Троцкий, "ж сожалению", вовлек партию. Позвольте Вас спросить: во что же вы, противники оппозиции, ставите партию и прежде всего ее руководство? Как можете вы вотировать доверие такому руководству?

"С крестьянином, -- пишете Вы далее, -- попробовали поговорить на вашем языке. Что вышло? Смычка нарушена на годы, а армия мужицкая, страна мужицкая, коллективизация -- ширма для получения ссуд, на индустриализацию уйдет столетие".

В этих немногих откровенных строках – целая программа, более того -- целое мирозерцание. Только... какая нелегкая занесла Вас с этим мирозерцанием в партию Маркса и Ленина? Впрочем, успокойтесь: Вы – почти герой нашего времени. У Вас на пере то самое, что у десятков тысяч верхнего слоя на душе.

В партии Маркса и Ленина произошел большой сдвиг, и Ваше реакционно-обывательское письмо – лишь одно из его бесчисленных выражений.

"С крестьянином попробовали говорить на вашем языке". Кто пробовал? ЦК. Зачем же, позвольте опросить, он "пробовал"? Осудил, отверг, изгнал, сослал, а потом догадался: дай-ка попробую. Во что же, позвольте спросить, Вы ставите ЦК? Как Вы оцениваете его политику, его политическую мораль? Нехорошо у Вас выходит. Или это у ЦК нехорошо выходит? Но ведь это самое мы и говорим.

"С крестьянином попробовали говорить на вашем языке. Что вышло? -- спрашиваете Вы.-- Смычка нарушена на годы". Но, позвольте, ведь именно по вопросу о смычке и шел весь спор. Ведь это оппозиция "не хочет смычки с крестьянством". Всякий Мануильский это умеет доказать. И вдруг оказывается, что руководство нарушило смычку на годы только потому, что захотело полакомиться "троцкизмом". Что за сумбур.

Беда Ваша в том, что постоянные, повторные, надоедливые и в самой основе своей беспринципные проработки совершенно разучили вас от вдумчивости, от точности, от добросовестности суждения. Как фордовский конвейер разрушает нервную систему, так шпартгалочный конвейер разлагает центры мышления. Сумбур политики Вы дополняете галиматъей комментариев. Ведь как ни как оппозиция опубли-

ковала платформу, опубликовала контртезисы к XV съезду. Там все эти вопросы очень ясно, со всей конкретностью, какая только допустима в платформе, разобраны. А Вы приписываете нам в качестве программы те "панические мероприятия" и сопровождавшей их административный восторг, которые были вызваны неправильностью всего предшествующего курса. Или может быть, не так? Тогда чем же другим они были вызваны? Если признать, что в результате пра-вильного социалистического курса пришлось к десятилетию Октября прибегать к разрушительному самоуправству (почему-то называемому "военным коммунизмом"), то это означало бы, что вывода нет вообще. Тогда это осуждение диктатуры пролетариата в целом и социалистических методов хозяйствования. Тогда это - передача карт в руки меньшевиков и буржуазной челяди вообще. К этому и приходит, против своих намерений, весь корпус идеологических приживальщиков. У них все идет хорошо и отлично вплоть до момента, когда сразу становится не хорошо. Почему из хорошего столь внезапно вытекает нехорошее и почему из систематически укрепляющейся смычки вырастают мероприятия, которые смычку подрывают на годы,-- этот вопрос приживальщиков не заботит. А ведь именно этот вопрос решает судьбу социализма.

Вздор Вы говорите, сударь, будто с крестьянином попробовали поговорить на нашем языке. Меры отчаяния вытекали не из нашей платформы, а из того, что

своевременно не послушались ее. И находятся еще словоблуды и пакостники, рассказывающие рабочим, что хлебозаготовкам "помешала оппозиция", что "отвлекла". От чего отвлекла? От хлебозаготовок. Да ведь она же о них и говорила, а вы отвлекали партию в сторону врангелевского офицера. Как бы, глядите, завтра вам не пришлось этот маневр повторить в расширенном масштабе...

"Армия мужицкая, страна мужицкая, коллективизация - ширма для получения ссуд; на индустриализацию уйдет столетие".

В этих словах вся подоплека так и лезет наружу. Что же Вы не договариваете? Вывод должен быть такой: рано, рановато, раненько затеяли вы Октябрьскую революцию. Надо бы еще со столетие подождать. Создавать советскую власть только для того, чтобы в мужицкой стране содержать мужицкую армию и чтобы коллективизация была только ширмой для получения ссуд--нет, для такого результата издержки непомерно велики. Поспешили, ах, поспешили с Октябрем. Вот что из Вас выпирает, когда Вы сбрасываете с себя труху шпартгалок и начинаете говорить из нутра.

В соответствии со всем ходом Ваших мыслей Вы тут же присовокупляете, "что в Китае есть уже предпосылки для советской власти, в этом, я думаю, Вы уже сомневаетесь".

Одно могу на это сказать: обыватель осмелел и публично чешет брюхо. Конечно, обывательщина сидела невытравленной во многих не только послеоктябрьских, но и дооктябрьских революционерах. Только раньше она пряталась, а теперь прет наружу, не только в интеллигентах, но и во многих бывших рабочих, которые поднялись над массой, получили чин, звание и возможность глядеть на массу сверху вниз, на русскую и на китайскую. С нашим народом да разве можно иначе... Да какая тут с мужиком индустриализация? Да по рылу ли китайцу советская власть? Съел реакционный обыватель революционера - у одного остались рожки да ножи, а у другого и этого не

видать.

Вы повторяете, почтеннейший, те премудрости, какие нам тысячи и тысячи раз преподносились филистерами всех мастей-- и до Октябрьской революции, не только за 10-- 12 лет до нее, когда мы утверждали, что в царской, рабской, мужицкой, отсталой России революция может привести пролетариат к власти раньше, чем в самых передовых капиталистических государствах, но и в 1917 году после Февраля, и накануне Октября, и во время Октября, и в первые наиболее тяжкие годы после Октября. Прикиньте-ка по пальцам: девять десятых нынешних руководящих "оптимистов" и строителей полного социализма не верили в возможность диктатуры пролетариата в России и ссылались в доказательство своего неверия на темноту мужика, точь-в-точь как Вы в отношении индустриализации и Советов в Китае.

Знаете, как это называется, так, чтобы одним словом? Перерождение.

А

для других, для многих это - возрождение, возвращение к своему мелкобуржуазному натуральному естеству, временно помятому молотом октябрьского переворота.

Без мифа, без легенды даже без сплетни мелкий буржуа политики вести не может. Факты поворачиваются к нему всегда с неожиданной и неприятной стороны, больших идей он органически не вмещает, выдержки у него нет, вот он и затыкает прорехи домыслами, вымыслами и мифами. Сползание с пролетарской линии на мелкобуржуазную делает мифотворчество еще более необходимым, ибо тут приходится заниматься непрерывной маскировкой; связывать на живую нитку вчерашний день с сегодняшним; попирая традиции, делая вид, что охраняешь их. В такие периоды создаются теории личной компрометации идейных противников

и вместе с тем выдвигаются и мастера своего дела. Пышным цветом расцветает вера в политическое всемогущество кляузы. Сплетня размножается, детализируется, классифицируется, канонизируется. Создается корпус шпартгальщиков, сильных верою в собственную безответственность. Внешним образом все это дает прямо-таки чудотворные результаты. На самом же деле результаты эти порождает давление других классов, передаваемое через аппаратных "мастеров", кляузников и шпартгальщиков, которые мутят сознание собственного класса и тем ослабляют силу его сопротивления.

Случайно я наткнулся как-то на строки, написанные мною почти двадцать лет тому назад (1909 г.):

"Когда кривая исторического развития поднимается вверх, общественная мысль становится пронизательнее, смелее, умнее. Она научается сразу отличать главное от незначительного и на глазом оценивать пропорции действительности. Она ловит факты на лету и на лету же связывает их нитью обобщения... Когда же политическая кривая опускается вниз, в общественной мысли воцаряется глупость. Правда, как отголоски прокатившихся событий, в обиходе живут обрывки обобщающих фраз... Но внутренне содержание этих фраз выветрилось, драгоценный талант политического обобщения куда-то бесследно исчез. Глупость нагнет и, оскалив гнилые зубы, глумится над всякой попыткой серьезного обобщения. Чувствуя, что поле за ней, она начинает орудовать своими средствами" (Л. Троцкий. Сочинения, т. XX, Культура старого мира, с. 310, 311).

Не взъщите, если письмо Ваше вызвало эту ассоциацию. Но слова из песни не выкинешь.

Мелкому буржуа для объяснения его путаницы, промахов и ошибок необходимы не только мифы вообще, но и постоянный источник нечистой силы. Вам, вероятно, известно, что нечистая сила есть мифологическое воплощение собственной человеческой слабости. А кто же идейно слабее в нынешней мировой обстановке, чем мелкий буржуа? Где и в чем последний видит нечистую силу -- это зависит от национальных условий, от исторического прошлого, от места, на которое судьба поставила мелкого буржуа. В случае, если это, так сказать, бесприметный буржуа, источником зла для него является коммунист, желающий грабить крестьян - и вообще честных тружеников. Если это демократический филистер, то универсальным злом для него является фашизм. В третьем случае -- это боши (немцы), иностранцы, метеки, как говорят во Франции. В четвертом -- евреи и пр. и пр. без конца. У нас для среднего аппаратчика, для мелкого буржуа с портфелем таким универсальным источником

зла является "троцкизм". И Вы лично представляете лишь "благожелательную" разновидность этого типа. Если плохо строят Днепрострой, если Рудзутак увлекается "обезличенной ездой", если, выправляя впопыхах 107-й статьей ошибки ряда лет, натворили немало опасной чепухи, то во всем этом виноват "троцкизм". Кто же еще? Энгельс когда-то писал, что антисемитизм есть социализм дураков. Применительно к нашим условиям: антитроцкизм есть коммунизм... не очень пронизательных людей. Т. е. авторы антитроцкистской мифологии сами-то знают, где раки зимуют, но рассчитывают они на простаков, которым можно отвести глаза от ошибок руководства на универсальный источник мирового зла, т. е. на троцкизм. Какое место Вы лично занимаете в этой механике обманывающих и обманываемых? Вы стоите где-то посередине между ними в качестве передаточного звена. Вы пишете:

"И как друг, горячо призываю Вас кончать. Не будьте умнее партии. Ошибайтесь с ее большинством, вот с этим самым чиновническим, аппаратческим, обывательским большинством, разложившимся и перерожденным, которое, если оно действительно переродилось и разложилось, Вы все равно не переделаете и никем не замените".

Это изумительные строки. Лучше этого не выдумать. А ведь Вы и не выдумывали. У Вас это просто сказалось от партийно-обывательского нутра.

Позвольте же Вам напомнить: революционная коллективность -- это одно, а обывательская стадность -- другое. Коллективность каждый раз заново завоевывается, а стадность берется готовой у вчерашнего дня. Вы, конечно, слышали разговорчики об "индивидуализме", "аристократизме" и прочем? Так в этих разговорчиках и находит свое злобно-сплетническое выражение обывательская стадность -- с одной стороны, чиновничье кумовство -- с другой.

Партии прежде всего нужна правильная линия. Такую линию надо уметь и сметь отстаивать и против большинства партии, даже против действительного большинства, и тем облегчить этому большинству исправление ошибки. Но и ошибаться с большинством, на худой конец, не так уж поносно, если это большинство самостоятельно ошибается, проверяет себя на опыте и учится. Но ведь этого-то нет и в помине. Давно уже аппарат ошибается за большинство и не позволяет большинству себя поправить. В этом квинтэссенция нынешнего "руководства", в этом душа сталинизма. Если бы партия была исполнена этого духа, разве могла бы она совершить Октябрьскую революцию? Разве могла бы помыслить о ней? Но "дух" этот есть продукт последнего

пятилетия. До октябрьского переворота стихия примиренчества, приспособленчества, соглашательства, дрябленького и дрянненького мешанства прилипла к другим силам: к либеральному культурничеству, к легальному просветительству, к патриотизму эпохи войны, к февральскому революционному оборончеству. А ныне все это выпирает под знаменем аппаратного "большевизма", оплачивается и натаскивается на травлю оппозиции, т. е. большевизма пролетарского.

Подсчитайте, сколько нынешних маститых защитников Октября от "антисоветской оппозиции" находилось в октябрьский период по ту сторону баррикады, а затем в годы гражданской войны -- в безвестной отлучке. Оппортунизм всегда стремится прислониться к уже установленной силе. Советская власть есть сила. Каждого оппортуниста, мешанина, обывателя тянет прислониться к ней не столько потому, что она советская, сколько потому, что она власть. Лжереволюционеры разных мастей, бывшие революционеры, съеденные внутренним обывателем, бывшие рабочие, раздувшиеся в чванных сановников, бывшие и сущие Мартыновы и Куусинены имеют возможность, держась за существующее, как оно есть, выступать и даже чувствовать себя прямыми наследниками Октября.

Среди всех "бывших" особо видное место занимают сейчас бывшие большевики. Хорошо бы произвести им однодневную перепись. Это те самые, что в качестве революционных демократов примкнули вокруг 1905 года к большевизму, с контрреволюцией отошли от партии, пытались, и не без успеха, устроиться в режиме 8-го июня, становились большими инженерами, врачами,

воротилами, кумились и роднились с буржуазией, вместе с нею патриотами вступали в империалистскую войну, на волнах военных поражений вошли в Февральскую революцию, пытались найти себе место пошире в режиме "демократии", оскаливали челюсти на большевиков, мешающих установиться "порядку", были злыми врагами Октября, надеялись на учредилку, а когда, наперекор всему, стал складываться большевистский порядок, они сразу вспомнили о 1905 годе, восстановили свой "стаж", взяли на себя защиту нового порядка и старых традиций и поносят сейчас оппозицию теми самыми словами, какими в 1917 году поносили большевиков. Много их таких. Загляните хотя бы в общество старых большевиков: оно на добрую половину, если не больше, состоит из таких непреклонных "партийцев" с легким буржуазным перерывом эдак в 8--10 или 12 лет.

Чего все эти осевшие, отяжелевшие и малость отупевшие бюрократы не выносят, так это идеи "перманентной револю-

ции". Речь идет для них, конечно, не о 1905 годе, не об искусственном оживлении давно сданных в архив фракционных споров. Что им Гекуба? Речь идет о нашей эпохе, о сегодняшнем дне, о том, чтобы выключиться из цепи мировых потрясений, застраховать себя "мудрой политикой" извне и строить то, что строится, и называть это социализмом в отдельной стране. Обыватель хочет порядка, спокойствия, темпа поумереннее и в экономике, и в политике. Потиху, полегче, не зарывайтесь, поспеем. Не перескакивайте через этапы. Страна мужицкая. И в Китае 400 миллионов "темного" крестьянства. На индустриализацию нужно столетие. Стоит ли тут ломать себе голову над платформами? Живи и жить давай другим. Вот подоплека ненависти к "перманентной революции". Когда Сталин сказал, что у нас девять десятых социализма уже построено, он дал этим высшее удовлетворение ограниченной самодовольной бюрократии: девять десятых построили, одну десятую уж наверняка достроим.

Чего больше всего боялся Ленин в последние годы своей жизни, так это круговой поруки таких аппаратчиков и чиновников, вооруженных всеми ресурсами правящей партии и государственного аппарата.

И Вы призываете нас сдаваться стихии обывательщины, этой гигантской исторической отрыжке, в результате плохо еще переваренной Октябрьской революции? Нет. Совсем Вы не по тому адресу обратились. "Передумайте". Передумали. Письмо Ваше только лишний раз вскрывает несравненные исторические преимущества нескольких тысяч гонимых большевиков-ленинцев над рыхлой, бесформенной, безыдейной массой чиновников, службистов и просто приживальщиков. Если бы мы пришли к Вашему выводу, что "переделать нельзя", мы не смутились бы, а стали бы строить заново, т. е. выбирать из старых стен здоровые кирпичи, обжигать новые кирпичи и создавать из них на новом месте новое здание. Но, к счастью для революции, так далеко ваши успехи еще не зашли. С пролетарским ядром партии, с рабочим классом мы смычку найдем, сколько бы нас ни травили и как бы нас ни огораживали. Ни большевистской традиции. ни пролетарских кадров большевизма мы вам не отдадим.

* * *

Кстати. За день, за два до отъезда моего из Москвы посетил меня один из сановных обывателей, чтобы выразить мне, так сказать, свое сочувствие и соболезнование, а вернее, чтобы дать какой-нибудь выход своей обывательско-си-

ротливой неловкости и беспомощности перед лицом грозных процессов, совершающихся в партии и стране. Этот сановный партиец сказал мне в прощальной беседе, что всю политику ЦК считает правильной, но вот партийный режим не без грехов. Это, мол, верно. А высылка и вовсе возмутительна. Так примерно и сказал: очень храбрый сановник. И то сказать: свидетелей не было. А на вопрос, как же хорошая политика привела к плохому режиму, мой гость ответил, что тут-де отдельные промахи и что "мы" это дело поправим. "Все,

решительно все, с кем мне приходилось говорить, -- откровенничал сановник, -- хоть и осуждают оппозицию, но возмущены высылками. Мы добьемся их отмены". Я посмеялся "ад своим гостем и, кажись, сказал ему несколько жестких слов, в том же духе, в каком Вы вынудили меня разговаривать с Вами. "Ничего вы не добьетесь, а завтра будете подпевать ссылкам, ибо ничего у вас за душой не осталось". Так оно, разумеется, и вышло.

А от другого "сановника", поменьше, я получил недавно письмо. И этот другой сановник, поменьше, жалуется, видите ли, что я не поддерживаю с ним дружественной переписки; хоть он, мол, со мною и "не согласен", но это, мол, не причина. И тут же переводит речь на то, какие у него перемены по службе, и что Иван Кириллович потолстел и играет на скрипке.

А то еще одна благосклонная сановница передавала с оказией свой совет: люди живут-де один раз, и не нужно всякими оппозициями доводить себя до высылки. Жены бывших якобинцев эпохи Директории рассуждали - больше, правда, бедрами, чем головою, -- точь-в-точь таким же образом. А скажите вы этой сановнице, которая живет "один раз", что от нее воняет термидором, она вам закатит такую цитату из сочинений Врецкого или Брежневского, что сам Ярославский придет в умиление.

А теперь еще Вы вот появились, наиболее в своем роде "идейный" и тоже напористый: так сразу и хотите меня исправить Днепростроем. И все вы - имя вам легион--как будто совсем забываете, что это вы, именно вы, отправили меня и многие сотни моих единомышленников в тюрьмы и ссылку. Скажи вам это в упор, вы сделаете большие глаза. Да, конечно, что-то такое там голосовали; конечно, не протестовали. Но чтобы мы выслали! Нет, это преувеличение. Партийный обыватель предпочитает в таких делах роль Понтия Пилата, благожелательно ковыряющего пальцем в носу. Если сотни превосходных революционеров, идейных, твердых, выдержанных, в большинстве героев гражданской войны, посидели за это время в общих камерах с каз-

нокрадами, спекулянтами и со всякой вообще темной сволочью, а сейчас обогревают старые места царской ссылки, так это так, по-вашему, печальное обстоятельство, несовершенство механики, недоразумение, перегиб исполнителей. Нет, шалите, голубчики. Вы за это отвечаете. И еще ответите.

Мы, оппозиция, формируем сейчас новый исторический призыв подлинных большевиков. А вы бесчестной клеветой и репрессиями подвергаете их испытанию, помогая нам производить отбор. Есть такие, что пугаются общей камеры с казнокрадами и спекулянтами. Те "каются", признают свои ошибки, и тем привратники открывают дверь. Что же, это лучший элемент? Это революционеры? Это большевики? А между тем они идут на заполнение тех мест, с которых были сорваны подлинные революционеры. В партии все больше идет отбор приспособляющихся. От оппозиции отходят опустошенные скептики, малoverы, дешевые диплома-ты или просто придавленные семьей люди. Они увеличивают число лицемеров и циников, которые думают одно, а вслух говорят другое. Одни оправдывают это "государственной необходимостью". Другие просто тянут ляжку, навсегда отравленные невозможностью высказаться в собственной партии. Тем временем ярославские и прочие могильщики ведут статистику "большевизации". А подлинная рабочая масса, в партии и за ее пределами, духовно отодвигается от аппарата, замыкается в себе, ожесточается. Сталинская фракция сейчас больше всего работает на меньшевиков и анархо-синдикалистов, подготавливая для них почву в пролетариате. Безнадежным делом являются попытки удержать рабочих за аппаратом приемами самокритики раз в год по чайной ложечке. Только оппозиция, смертельно враждебная не только меньшевизму и анархо-синдикализму - об этом нечего и говорить, -- но и сталинскому центризму и аппаратной казенщине, способна дать большевистское выражение потребностям и настроениям лучшей части рабочего класса и удержать ее под знаменем Ленина.

* * *

Вы, конечно, знаете о деле Малахова, члена ЦКК, который в течение нескольких лет занимался хищениями и взяточничеством на широкую ногу. В семье не без урода, скажете Вы. Это что и говорить. Резонерствующий обыватель всегда в затруднительных случаях прикрывается пословицами. Смею, однако, думать, что ЦКК по замыслу слишком уж высокая семья, чтобы так легко объяснять пребывание

в ней в течение столь продолжительного времени столь исключительного "урода". Но дело не только в этом. Ведь вся Кардолента, по крайней мере верхушка ее, знала про художества Малахова. Знали и те, кто связан был с ним по быту. Неужели же так-таки и не было у него ни друзей, ни знакомых, ни приятелей в ЦКК? Как же он попал в это высокое учреждение: не с неба же свалился? Значит, кое-кто знал и молчал. И таких было немало. Молчали сослуживцы и подчиненные; одни пользовались, другие боялись. Вдвойне боялись, ибо ведь Малахов член ЦКК. Он вяжет и решает. Малахов имел, следовательно, возможность столь долго, разнообразно и успешно воровать именно потому, что он член высшего трибунала партийных нравов. Вот она диалектика бюрократизма.

А ведь, знаете ли, этот самый Малахов нас, оппозиционеров, судил и исключал. Между многотысячной взяткой и разнузданной попойкой в обществе спекулянтов он участвовал в суде над Раковским, И. Н. Смирновым, Преображенским, Мрачковским, Серебряковым, Мураловым, Сосновским, Белобородовым, Радеком, Грюнштейном и многими другими и признавал их "изменниками делу пролетариата". Малахов же исключал Зиновьева и Каменева, а после их покаяния миловал их и направлял в Центросоюз. Вот она какая выходит "диалектика".

Почти не сомневаюсь, что когда судили Раковского или Мрачковского как изменников пролетариата, то Малахов подавал наиболее кровавые реплики. Еще на Пятнадцатом съезде, сидя в президиуме и наблюдая впервые Мои-сеенку, который вместе с несколькими другими украинскими чревоушниками был посажен на переднюю скамью, чтобы рычанием срывать тогдашних ленинградских оппозиционеров, я высказал моему соседу, Калинину, такое предположение: "Что-то этот (Моисеенко) очень уж старается, боюсь, что у него под носом не чисто". Тогда это было лишь несколько рискованное предположение, так сказать, "рабочая гипотеза", а потом на поверку оказалось, что действительно так и есть - Моисеенко, обогативший протоколы конференций и пленумов заборными изречениями по адресу оппозиции, принадлежит к тому же малаховскому вероисповеданию. И не раз мне доводилось за последние годы, руководствуясь вышеуказанной психологической догадкой, добираться до корня вещей. Если уж слишком нагло аппаратчик орет, лжет, клеветает и размахивает кулаками по адресу оппозиции, то в девяти случаях из десяти это малаховец, который производит по своему делу шум. Вот она такая "диалектика"...

Вы осмеливаетесь утверждать, что все это как есть, так и будет. Не нами, мол, заведено, не с нами и кончится. Нет-с. Это нами заведено. Точнее сказать: вами, т. е. тем партийным режимом, который вы поддерживаете.

Это режим самодовлеющего бюрократизма, грубого и нелояльного. Вы помните, от кого исходит это определение? Не от какого-либо бессильного моралиста, нет -- от величайшего революционера нашего столетия. Нелояльный режим - вот

опаснейшая из всех опасностей. Каких-нибудь извне навязанных или неизменных норм нравственности, мы, конечно, не знаем. Цель оправдывает средства. Но цель должна быть классовой, революционно-исторической, тогда и средства не могут быть нелояльными, бесчестными, гнусными. Ибо нелояльность, недобросовестность, бесчестность, может давать временно весьма "полезные" эффекты, но на значительном протяжении времени она разъедает самую основу революционной силы класса, внутреннее доверие его авангарда. От фальшивых цитат и сокрытия подлинных документов - к врангелевскому офицеру и к 58-й статье. Тут, конечно, дело идет еще о политике - прежде всего о спасении политического "престижа", подкопанного рядом оппортунистических банкротств. А в Кардоленте - ставка поменьше и средства другие, применительно к цели. Но Малахов из Кардоленты страшит себя тем, что ест глазами начальство: я, мол, жизни за тебя не пощажу, но уж и ты меня прикрой. Семена грубости и нелояльности, если их столь систематически разбрасывать, дадут всходы. Посеешь врангелевского офицера, а взойдет Малахов. Да, если бы один. А то урожай сам-сто и сам-тысяча.

Вот когда Вы все это обдумаете и поймете, тогда и разговор у нас будет другой.

* * *

После того как Вы обнаружили столь живой интерес к моему партийному положению, позвольте немножко поинтересоваться Вашим. Вы говорите все время о партии, об ее большинстве. Но ведь мысли, которые Вы сами излагаете, являются мыслями подпольной фракции. Вы обвиняете Центральный комитет в том, что он повел индустриализацию по троцкистскому пути. Это голос правой, рыковской, фракции. Вы утверждаете, что в деревенской политике Центральный комитет заговорил в начале этого года языком оппозиции. Это доподлинные слова Рыкова. Вы считаете, что такие затеи, как Днепрострой, являются "преступным уничтожением народных средств". Но ведь за эти затеи отвечает ЦК, т. е. его большинство. Чрезвычайные меры по отношению к

деревне подорвали, по Вашим словам, смычку на ряд лет. Значит, никуда не годится политика нынешнего большинства ЦК. Другими словами, Вы ведете прямой подкоп под партийное руководство. Только подкоп Ваш ведется справа,

в духе тех политиков, которых Сталин стал туманно именовать "крестьянскими философами". Я не знаю, входите ли Вы официально в эту фракцию. Но что Ваше письмо насквозь проникнуто ее взглядами, настроениями и является насквозь оппозиционным, т. е. правооппозиционным, в этом для взрослого человека

сомнения быть не может. Вы - ры-ковец. В качестве рыковца Вы нападаете на оппозицию, а метите в Сталина. По пословице: кошку бьют, а невестке повестку дают.

Как же Вы, однако, представляете себе дальнейшее развитие отношений между рыковской фракцией "крестьянских философов", имеющей крепкие корни в стране, и сталинской фракцией золотой середины, которая держит в своих руках аппарат? Подпольная полемика Сталина с Фрумкиным есть подражание первым шагам борьбы между левым крылом и правоцентристским блоком. Конечно, официально царит полное единодушие. Сообщают, будто в доказательство такового даже раздавалось по делегациям Конгресса особое оповещение о том, что слухи о разногласиях внутри Политбюро... выдуманы троцкистами. Но и это лишь ученическое подражание великим образцам. В апреле 1925 года ЦК разослал по всем организациям партии циркуляр, извещающий, что слухи о разногласиях по крестьянскому вопросу в "ядре ленинцев" пускаются в обиход все теми же троцкистами. Между тем большинство оппозиционеров только из этого циркуляра и поняло, что существуют какие-то серьезные разногласия, раз приходится их опровергать циркулярами. Автором циркуляра был, конечно, Зиновьев, которому уже несколько месяцев спустя пришлось подписывать совсем другие документы. Не думаете ли Вы, что и тут история может немножечко повториться? Некий умный человек сказал, однако, что когда история дает себе труд повторяться, она обычно драму заменяет фарсом или, по крайней мере, вносит в драму элементы фарса. И надо сказать, что при всей драматичности общей обстановки нынешние подогретые заверения насчет монолитности звучат довольно-таки жалкой комедией, которой никто не верит, ни исполнители, ни зрители. Тем более что и развязка должна прийти в течение не столь уж многих месяцев.

Фракция "крестьянских философов" сильна в стране, но боится партии, ее пролетарского ядра. Полным голосом она пока не говорит, по крайней мере публично. Эту вольность

термидорианцы позволяют себе в частных беседах, письмах, вот как Вы, например. Но завтра они осмелеют. Не знаю, прорвется ли бой наружу уже в ближайшее время, или будет пока разыгрываться монолитно-подколенно-бюрократическим порядком. Поэтому и не берусь гадать, какое на ближайшем этапе сложится "большинство". Но Вы-то обязуетесь ли заранее равняться по всякому "большинству", хотя бы это и подрывало смычку на годы, или уже собираетесь всерьез повести борьбу против сверхиндустриализации даже с риском крутой перемены собственного Вашего местожительства? Ибо ярославские бодрствуют. В их руках большие ресурсы, не идейные, конечно, но в своем роде тоже действительные... до поры до времени.

Они Вас пытаются душить, проводя, по существу, Вашу же политику, только с рассрочкой платежа. И на этом пути их против Вас или их вместе с Вами ожидал бы полный успех, если бы не было на свете оппозиции. Но она существует, и Вы в этом будете иметь не мало случаев убедиться.

Вы спросите: а выводы-то каковы? Основные выводы изложены у нас в других местах, повторять их здесь не стану. Но несколько частных выводов сделаю тут же.

Партийный режим последних лет перевел, можно сказать, всю партию на нелегальное положение. Самые важные партийные дела сталинская фракция вершит подпольно. И ваша фракция, рыковская, действует такими же нелегальными методами. Об оппозиции нечего и говорить - на то она и оппозиция. Единственные праведники, какие остались сейчас по части партийной легальности, -- это, должно быть, Зиновьев с Сафаровым... А уж если праведники таковы, то каковы же грешники? Так вот: не перевести ли нам общими силами правящую партию на легальное положение? Вы спросите как? Очень просто: вернуть партии ее права.

Начать надо с резкого - раз в двадцать - сокращения партийного бюджета, который вырос чудовищно и стал финансовой базой бюрократического самоуправления над партией. Надо, чтобы у партии был партийный бюджет, строго подотчетный и подконтрольный. Революционно-конспиративные расходы должны проверяться ежегодно особой комиссией съезда.

Надо подготовить XVI съезд, так чтобы он, в отличие от XV, XIV и XIII, был бы съездом партии, а не фракционного аппарата. Перед съездом партия должна выслушать все наличные фракции, на которые ее раздробил режим последних лет. Свистунов, громил, фашистов, с общего согласия, отправлять на работу на новых советских хозяйствах, без применения к ним 58-й статьи.

А так как до настоящего раскрепощения партии надо еще пройти немалый путь, то ввести тайное голосование при всех выборах на XVI съезд.

Вот строго практические предложения. На почве этих предложений мы были бы согласны даже и с правыми договориться, ибо осуществление этих элементарных предпосылок партийности дало бы пролетарскому ядру возможность по-настоящему призвать правых к ответу, и не только правых, но и центристов, т. е. главную опору и защиту оппортунизма в партии.

Вот какие выводы вытекают из... Днепростроя.

Л. Троцкий

Алма-Ата,

12 сентября 1928 г.

ЕЩЕ О ШЕСТОМ КОНГРЕССЕ

Дорогой друг.

Почти все газетные отчеты о Конгрессе получены. Не хватает еще тезисов по гнилому докладу гнилого Куусинена. По-видимому, над этими тезисами все еще мудрят, чтобы придать им "бодрый" вид. Общая картина Конгресса все более выясняется, но от того не становится утешительнее. Гвоздем Конгресса является, конечно, не эклектическая, наспех сработанная программа, которую придется радикально переделать, а резолюция по поводу оппозиции. Ничего другого мы и не ждали. Для нас было ясно, что руководство попытается перекрыть дела рук своих самой тяжелой "могильной плитой". Теперь эта попытка совершена. Предвидение стало фактом. Надо делать выводы.

Некоторые общие замечания по поводу Конгресса я сделал в 'предшествующем письме. Сейчас хочу их пополнить. Речь, конечно, не идет здесь о подведении полных итогов. Эта работа потребует от всех нас. значительного времени, ибо нужно будет сказать все, чего требуют интересы коммунистического движения и чего Конгресс не сказал. Здесь я хочу ограничиться некоторыми бесспорными, как мне кажется, соображениями, вытекающими из центральной резолюции Конгресса об оппозиции.

Каков был расчет руководства в отношении оппозиции накануне "эры" репрессий? Ликвидировать оппозицию коротким ударом. "Головку--100 человек -- исключим, 20 вышлем и конец". Ошибка для бюрократов типическая: переоценка силы аппаратного воздействия.

Дополнительный расчет при этом был сознательно провокационного

характера: "Довести" репрессией и клеветой голову оппозиции до таких действий или заявлений, которые, хотя бы задним числом, оправдывали расправу над ней в глазах рабочих масс и пролагали бы непроходимую грань между оппозицией и рабочим ядром партии.

Обе части расчета не оправдались. Тысячи исключений, сотни арестов и высылки. Конца, однако, не видно, ибо оппозиция продолжает выступать устно и печатно. Капитуляции имеют индивидуальный характер. Снизу есть приток свежих элементов. С другой стороны, и провокация не подействовала. Оппозиция не сдвинулась на путь "ультиматизма", по отношению к партии, не повернулась к ней спиной, а когда наметился "левый" сдвиг, сказала: готовы по-честному помочь партии, т. е. пролетарскому ядру, превратить левый сдвиг в правильный большевистский курс.

Тем временем последовал июльский поворот вправо, который обнаружил полную беспочвенность примиренчества и сделал совершенно безнадежной перспективу разбить ряды оппозиции и изолировать руководящую голову.

В этих условиях собрался Конгресс. В активе ИККИ были: жесточайшие мировые поражения, грубейшие просчеты, вытекающие из ложной линии, необходимость накануне Конгресса судорожно менять политику во Франции и Англии в сторону оппозиции, двойной зигзаг во внутренней политике -- точно на заказ -- как раз накануне съезда. (Этот февральско-июльский зигзаг ужасно похож на показательную диаграмму к платформе оппозиции.) Положение для ЦК ВКП создавалось архинеблагоприятное. Пойти на попятный, т. е. открыть оппозиции двери и тем исправить ошибку XV съезда, давшего совсем не те результаты, какие ожидались, могло бы только сильное и авторитетное руководство, способное думать о завтрашнем дне. Но слабый ЦК, политически скомпрометированный, лишенный морального авторитета, нуждался в "сильных" средствах. То, что сильные средства вымогались у Конгресса, Бухариным, Куусиненом и Мануильским, т. е. тройкой, олицетворяющей всякую слабость, имело в своем роде символический характер. Азартная -- резолюция по поводу оппозиции -- ва-банк -- является наиболее ярким выражением слабости и идейной опустошенности руководства.

Было и еще обстоятельство, требовавшее "бесповоротного" решения. В партии и рабочем классе нарастает сильный протест против ссылок, превращающих пресловутую "самокритику" в полукомедию, полупровокацию; лишенное авторитета руководство хочет заранее спрятаться от нарастаю-

щей волны протеста за решение Конгресса. "До следующего Конгресса ничего, мол, сделать не можем". Хотя всем известно из опыта этих четырех лет, что, когда нужно, решения Конгресса отменяются легче, чем решения губисполкома.

Остается вопрос: как пошел на такое решение Конгресс? А этот вопрос имеет две стороны: а) состав и уровень Конгресса, б) положение, в которое он поставлен.

Конгрессу говорят: судьба Коминтерна зависит от судьбы СССР, судьба СССР связана с руководством правящей партии. Поддержите это руководство до конца, закройте глаза и голосуйте.

Если бы VI Конгресс был на высоте своих задач и учел бы опыт V Конгресса, когда группа Зиновьева уже проделала над Коминтерном такого рода эксперимент, Конгресс понял бы, что задача состоит не в спасении "престижа" данного руководства, а в том, чтобы помочь правящей партии восстановить руководство, способное справиться с историческими задачами. Но здесь и встает вопрос о самом Коминтерне и об уровне VI Конгресса, каким он вышел из правоцентристской лаборатории последнего пятилетия.

Из доклада Пятницкого мы узнали наконец, что в Коминтерне числится четыре миллиона членов. Из них в партиях -- один и три четверти миллиона, в комсомоле -- два с половиной миллиона. Цифры эти на первый взгляд кажутся не столь уж обескураживающими. Но тут же выясняется, что из общего числа членов партии на СССР приходится 1,2 миллиона, а на все остальные партии мира менее 600 тысяч. На комсомол СССР приходится свыше 2 миллионов, а на комсомол всех остальных стран мира менее 200 тысяч. Таким образом, все партии капиталистического мира составляют около одной третьей части Коминтерна, а две третьих составляет ВКП. Мировой комсомол, кроме СССР, составляет около одной двенадцатой части КИМа. Последняя цифра имеет совершенно убийственный

характер; 'прогресс движения, прогресс революционной идеи всегда характеризуется притоком молодежи. Ибо, не в обиду бюрократам и филистерам будь сказано, молодежь есть барометр своего класса. Если принять во внимание названные, наконец, во всеуслышание размеры Коминтерна и КИМа, а также степень их всесторонней зависимости от ВКП, то нетрудно понять, насколько затруднена Коминтерну, в нынешнем его состоянии, самостоятельная позиция по отношению к каждому очередному руководству ВКП.

Факт таков, что по отношению к ленинскому руководству первые конгрессы были неизмеримо самостоятельнее, чем Пятый конгресс - по отношению к зиновьевскому руковод-

ству и Шестой - по отношению к Бухарину и Мануильско-му. Достаточно напомнить, что во время Третьего конгресса Ленин со всей тревогой обсуждал со мной (во "фракционном" порядке) вопрос о том, какой тактики нам держаться в случае, если мы окажемся на Конгрессе в меньшинстве по основному стратегическому вопросу момента. А эта опасность нам грозила. Мануильский ныне отнюдь не рискует остаться в меньшинстве. Для того чтобы достигнуть такого счастливого результата, пришлось в течение пяти лет систематически дезорганизовать руководства компартий и обезглавливать их.

В Германии отстранен от работы ЦК Брандлера. Затем исключен ЦК Маслова-Рут Фишер. Оба эти ЦК были далеко не безупречны. Руководство могло выработаться из них только в процессе большого опыта. Но каждый из них был головой выше ЦК Тельмана.

Во Франции исключили центральные группы нескольких ЦК: Лорио, Суварин, Росмер, Монатт, Трэн, Сюзан, Жиро и др. Опять-таки во Франции ЦК мог бы сложиться только в результате серьезного партийного отбора на основе собственного опыта партии при осторожном и вдумчивом содействии Коминтерна. Нынешний же ЦК с Семаром во главе несравненно ниже тех, которым он пришел на смену.

В Бельгии произведен был накануне Шестого конгресса прямой партийный переворот, изгнавший из партии основную группу Оверстратена, вокруг которой партия создавалась. Вуйович мне рассказывал, что накануне Пятого конгресса сделано было все возможное, чтобы опрокинуть группу Оверстратена. Но она так срослась с партией, что переворот не удался даже зиновьевскому руководству. Теперь бельгийскую партию разбили, заменив Оверстратена Жак Моттом, недавним выходцем из социал-демократии.

В Италии единственное серьезное руководство представлено было группой Бордиги, фактического создателя партии. Сколько раз слышал я от многих нынешних Полониев отзыв о Бордиге как о подлинном вожде. Теперь "бордигианство" объявлено "преодоленным", т. е. партия снижена на голову, если не более. В Италии, как и везде, ставка поставлена на послушного, а следовательно, посредственного чиновника. Но посредственный чиновник не завоеует мира. Слишком часто он и заботится не столько о завоевании мира, сколько о том, чтобы не потерять места.

И подумать только, что Бухарин имел неосторожность по частному поводу приводить на этом Конгрессе цитату из неопубликованного письма, в котором Ленин предупреждал Зиновьева и Бухарина, что если они будут исключать

умных, но непослушных, заменяя их "послушными дураками", то погубят Коминтерн наверняка. Но ведь та программа, которую Ленин изображал в этом письме как довод от абсурда, ныне осуществлена на три четверти.

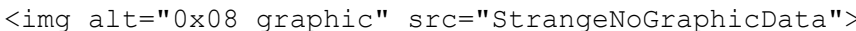
Сейчас Шмераль является одной из руководящих фигур Коминтерна. Каково шмералевское руководство чехословацкой компартией показал убийственный опыт "Красного дня". Что привело к нам этого человека?--спрашивал меня Ленин о Шмерале, имея в виду мое близкое знакомство с внутренними делами старой австрийской социал-демократии (я прожил в Австрии 1907--1914 гг.). "Шмераль потому только оказался коммунистом,-- отвечал я,-- что во время войны ставил, вместе с Реннером, ставку на габсбургскую монархию, а не на чешскую республику. Когда последняя тем не менее создалась, он оказался перед лицом национального "общественного мнения" в безвыходном положении и купил железнодорожный билет на Москву". "Это очень, очень вероятно",-- повторял Ленин в ответ на мое объяснение. Шмераль терпели как временную зацепку.

Теперь он – вождь Коминтерна, исключает Раковского, Радека и других. А сам он остался тем же Шмералем, и события это покажут.

Провинциальный социал-демократ Куусинен, зарезавший финскую революцию 1918 года и ничему из этого опыта не научившийся; Рафес, бывший петлюровский министр, он же руководитель китайской революции; Мартынов, который не нуждается в рекомендациях – вот постоянные, коренные работники и повседневные вдохновители Коминтерна. Политика сползания связана со ставкой на снижение.

Тельманы, Семары, Жак Мотты, Шмерали, Эрколи * и др., конечно, чувствуют свою слабость, знают, что – под давлением борьбы за самосохранение руководства ВКП – более сильные группы во всех партиях отброшены от руководства, даже выброшены из Коминтерна. Вожди по назначению понимают, что могут держаться только нагромождением исключительных мер. Вот почему они сами "заинтересованы" в таких режимах, которые им кажутся "бесповоротными". Их внутренняя слабость приходит тут на помощь слабости нынешнего руководства ВКП. И результат налицо: слабость, помноженная на слабость, дала на Шестом конгрессе ложную видимость "железной силы".

На Конгрессе много говорилось о диспропорции между политическим влиянием компартий и числом их членов. Поскольку такая диспропорция существует (а ее очень преувеличивают, чтобы прикрасить ужасающую малочисленность

 * Псевдоним Пальмиро Тольятти.-- Прим. ред.-сост.

компартий), она сама требует объяснения. На самом же деле основная диспропорция имеется между задачами и возможностями Коминтерна, с одной стороны, и характером его руководства – с другой. Коминтерн живет капиталом Октябрьской революции. Тяга масс к коммунизму велика (хотя вовсе не непрерывно возрастает, как изображают это казенные оптимисты). Объективные противоречия толкают массы к коммунизму. Но ложный курс, негодный режим, казенное бахвальство, нежелание и неспособность чиновников учиться, замена идейной жизни приказом – вот 'причина застоя и даже прямого упадка числа членов партии, а во многих случаях и политического влияния их.

Слишком хорошо известно, с каким трудом создаются кадры подлинных руководителей. Буржуазное общество спаслось после империалистской войны сперва потому, что революционному движению не хватило компартий, затем потому, что компартиям не хватило зрелого руководства. Насквозь фальшивы и просто глупы ходячие теперь фразы насчет того, что дело не в руководстве, а в массах, что мы ставим ставку на "коллективы" и пр. Самое это противопоставление не имеет ничего общего с марксизмом. Пролетариату нужны были и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Никакие чиновничьи коллективы их заменить не могли бы. Второй Интернационал не в неделю и не в год выдвинул таких вождей, как Бебель, Жорес, Виктор Адлер и др. Не случайно во время империалистской войны, отчасти уже до войны, выдвинулись такие люди, как Лорио, Монатт, Росмер, Суварин, Брандлер, Бордига, Оверстратен и др. Загнать их в тупик и довести до ошибок – можно. Заменить их через орготдел Пятницкого – задача неосуществимая. Ведь подавляющее большинство делегатов Шестого конгресса, т. е. отборные из отборных, пришли к коммунизму (в значительной своей части из социал-демократии) после Октябрьской революции, многие – в самые последние годы. Большинство делегатов, 278 чел., впервые присутствуют на коммунистическом Конгрессе. Ставка на чиновника дополняется ставкой на неопытность, неподготовленность, незрелость, блаженную доверчивость. Все это выдается за "коллективность". А над такой разрыхленной коллективностью неизбежно выдвигается единоличие, опирающееся не на представительство правильной линии, а на аппарат.

Своей политикой и своим режимом Коминтерн за последние годы систематически расчищал почву для социал-демократии, помогал ей упрочиться, оказал неизмеримые услуги Генсовету и Амстердаму. Когда мы на это указываем, виновники этого исторического преступления осмеливаются го-

ворить о нашем "социал-демократическом уклоне". Лучших помощников, чем

имеющееся руководство, социал-демократия вообще не может себе желать. На этом пути выхода нет. А исключение оппозиции закрепляет этот путь

"Бесповоротное" решение Шестого конгресса показывает, как далеко зашло дело, как глубоко увязла телега и какие глубокие нужны процессы снизу для того, чтобы в открытой, систематической, непримиримой борьбе с официальным руководством вытащить телегу Коминтерна из болота на дорогу.

В трудных условиях нет ничего опаснее иллюзий, при-украшивания обстановки, дешевого примиренчества, усыпляющего расчета на объективный ход вещей. Если бы оппозиция не оказала теперь этому объективному ходу вещей всей необходимой помощи, со всей энергией, с полным сознанием падающей на нее ответственности, она сама оказалась бы только жалким предохранительным клапаном при центристских бюрократах, губящих Коминтерн и Октябрьскую революцию.

* * *

Процесс полевения рабочих масс в Европе может получить решающее значение для темпа наших успехов внутри СССР, а если взять более широко -- для всей судьбы пролетарской диктатуры. Мы ждали внутреннего сдвига вправо непосредственно после Пятнадцатого съезда (см. "На новом этапе"). В этом была наша частная ошибка, совершенно второстепенного характера, при правильности общего предвидения. После съезда наступил, наоборот, левый зигзаг, занявший около полугода, а по международной линии не завершившийся и сейчас. Высшим моментом "левизны" был, пожалуй, февраль -- не только февральская передовица "Правды", но и решения февральского пленума ИККИ. Между тем и другим -- самая непосредственная связь. Уже первый этап полевения рабочих в Европе сделал для компартии окончательно невозможной сталинско-мартыновскую политику "единого фронта". Систематические хвалы со

стороны социал-демократии и буржуазии сталинскому "реализму" затрудняли положение официального коммунизма. Необходимо было показать, что оппозицию ссылают не за левизну. Эта фракционно-кружковая потребность совпала с обострением хлебозаготовительного кризиса. Выхода из этого последнего можно было сразу же искать вправо, т. е. открыть "июль" уже в феврале. Этого, как сказано, мы и ждали, недооценив до некоторой степени те затруднения, какие

мы сами создали правому повороту, и не приняв достаточно во внимание конъюнктурные "международные" потребности правящего централизма, крайне обострившиеся под влиянием полевения европейских рабочих, да еще накануне Конгресса.

Февральский внутренний и международный курс руководства был однородным, именно левоцентристским. В июле произошло раздвоение: внутренний курс завернул вправо, а международный, коминтерновский, остался левоцентристским, сочетая в себе, как полагается, все оттенки, от открыто оппортунистического до ультралевого. Такова и программа. Связью внутреннего и международного курса осталась смертельная вражда к левому подлинно большевистскому крылу, нашедшая свое выражение в наиболее, по существу, важных резолюциях Конгресса, посвященных оппозиции.

Шестой конгресс, несмотря на всю работу подготовки, отбора и маскировки, несмотря на обязательное единогласие, обнаружил глубоко зашедший процесс дифференциации в его правящем слое. Этот процесс будет в ближайший период углубляться в связи с общим ходом классовой борьбы и полевением рабочих масс. "Июльская" двойственность в отношении внутреннего и международного курса будет выпирать, обостряться, лезть в глаза. Фракционные группировки в Коминтерне не ослабнут, а усилятся. Все это создаст большую восприимчивость пролетарского авангарда к нашим идеям и лозунгам. Шестой конгресс не завершает историю оппозиции, а открывает в ней новую более значительную главу.

* * *

Первейшей обязанностью нашей является понять, что мы представляем собою международное течение и только в качестве такового имеем право на существование и твердые расчеты на победу. В связи с этим приходится, как это ни досадно, остановиться на новейших откровениях ультралевого теоретика

В. Смирнова. Ходящее по рукам письмо его, полученное мною несколько дней тому назад, до такой степени пахнет разухабистой сафаровщиной, что вызывает естественное желание - пройти мимо. Но в этом письме есть принципиальные ноты, глубоко враждебные марксизму и требующие разъяснения в интересах тех немногочисленных, но хороших рабочих-революционеров, которые еще идут за Смирновым.

Смирнов пытается в своем письме издеваться над моим утверждением, что поражение немецкой революции, всеобщей стачки в Англии, китайской революции и пр. "прямо и непосредственно" - как он пишет - отражается на нашем

пролетариате, усиливая в нем центробежные тенденции. Как? Каким образом?--недоуменно спрашивает ультралевоый критик. Казалось бы, для каждого мыслящего революционера, тем более марксиста, тут и вопроса нет. Наша партия долго приучала рабочих рассматривать Октябрьскую революцию как часть мировой и рассчитывать на близкую помощь немцев, англичан с более высокой техникой и культурой. "Перетерпеть", "продержаться" - таковы были лозунги первых лет. 1923 год, особенно во второй половине, прошел в напряженном ожидании революционной развязки в Германии. Наши газеты, наши ораторы только об этом и говори-ли. Думать, что ожидание немецкой революции не захватило все передовое и мыслящее в рабочем классе за живое - значит глядеть на массу высокомерными глазами старого радикального студента, который в глубине души думает, что рабочего интересует только колдоговор. Но ведь и вопрос об улучшении колдоговора рабочих в 1923 году связывал с победой немецкого пролетариата. Крушение немецкой революции было жесточайшим ударом по нашим рабочим, придавило их, отодвинуло надежды на изменение судьбы в более отдаленное будущее, усилило цеховщину, разобщенность, пассивность, дало отрывку шовинизма, черносотенства и пр. А как ответ на это (не только на это, разумеется) сверху пришла теория социализма в отдельной стране.

Блок с Генсоветом долго рекламировали как орудие спасения. Перселя выбирали почетным слесарем и всем прочим. Всеобщая стачка в Англии опять "подняла надежды рабочих и опять обманула их. Все это удары по революционному сознанию массы, самые прямые и непосредственные. Глубокая психическая реакция, охватывающая массы, становится политическим фактором огромного значения. Внутренние неудачи - уровень жизни, режим, нарастание двоевластия - дополняются ударами международного характера и снижают классовое самочувствие пролетариата.

Китайская революция, насколько можно судить, своей массовидностью, размахом, длительностью захватила наши массы снова самым напряженным образом. Ужасающее ее крушение было хоть и невидимой на 'поверхностный взгляд, но не менее от этого действительной внутренней катастрофой для нашего пролетариата. Как же этого не понимать? Как же этого не видеть? Какое же мыслимо революционное руководство, если не отдавать себе отчета в глубоких молекулярных процессах, которые происходили в самой массе?

Может быть, однако, выяснением этих процессов оправдывается гнилое руководство? Так мог бы рассуждать фаталист-метафизик, который думает, что руководство только

"отражает" процессы, происходящие в массах. Диалектик знает, что руководство - в очень широких, но, конечно, не безграничных пределах -- воздействует на эти процессы, ускоряет, замедляет и отклоняет их. Лучше всего это видно уже из того одного, что ведь самые поражения в Англии, Германии и Китае явились непосредственным результатом оппортунистического руководства. Усилившиеся вследствие этого центробежные процессы в рабочей массе ни в малейшей степени не смягчают ответственности руководства и ни в какой мере не освобождают нас, оппозиционеров, от необходимости активного противодействия враждебным традициям, т. е. от обязанности "плыть против течения". Однако только эти процессы объясняют временные, но довольно все же длительные "успехи" правоцентристского, национально-ограниченного руководства и самую возможность "победоносных" организационных разгромов оппозиции. Как, с другой стороны, ясное понимание развития объективных процессов в международном масштабе (а последствия поражений в сознании рабочих масс становятся сами по себе "объективным" фактором) только и может

создать необходимую ориентировку для победы над центризмом и для скорейшего 'преодоления нынешних глубоко зашедших центробежных тенденций в рабочем классе СССР.

Разумеется, вопрос никоим образом не сводится к одним лишь воздействиям поражений иностранного пролетариата, причинно связанных, как сказано, с нашим внутренним руководством. Наша платформа и ряд других документов оппозиции дали картину внутренних социальных и политических сдвигов в СССР, являющихся в одно и то же время и причиной, и последствием правящей политики. С этим связана та проблема, которую я условно, для краткости, обозначил как политическую мобилизацию правоцентристской "головой" мелкобуржуазно-бюрократически-новособственнического "хвоста" (особенно в борьбе с оппозицией), с неизбежно вытекающими отсюда все более тяжеловесными ударами буржуазного "хвоста" по аппаратно-центристской "голове". С этим связана, в частности, проблема советского бюрократизма. В. Смирнов и тут совершенно по-сафаровски или слепковски пытается открыть у нас желание "за образом" (голова-хвост), т. е. кратким, своего рода мнемоническим обозначением классовых отношений, уже проанализированных нами, открыть попытку нашу... отойти от классового анализа. Разве это не граничит с шутовством? Или, может быть, сам В. Смирнов хоть что-нибудь прибавил к анализу, данному оппозицией, кроме своего возрастающего "отвлечения от международного фактора"?

Вопросу о специальной механике перерождения и методах руководства при диктатуре, т. е. о внутренних "надстроечных", но непосредственно решающих факторах, посвящено исключительно интересное и значительное письмо тов. Раковского к тов. Валентинову от 2 августа 1928 года. Это письмо, к слову сказать, намечает для исследования темы исключительной важности.

Суть, однако, в том, что внутренние процессы, со времени окончания гражданской войны, имеют у нас "эволюционный" характер. Накопления и изменения происходят сравнительно незаметно. Мировые потрясения являются теми толчками, которые, с одной стороны, "сразу" обнаруживают или вскрывают происшедшие изменения, в том числе и идеологические, с другой - чрезвычайно ускоряют или замедляют их темп. Достаточно представить себе, какое влияние произвела бы на внутренние наши отношения война, какие она вскрыла бы сдвиги, какую вызвала бы перегруппировку сил - чтобы понять диалектическое взаимодействие "внутренних" и "внешних" факторов.

В истории группы ДЦ, состоящей в большинстве своем из стойких революционеров, есть своя "диалектика". Отделившись от оппозиции, и вынужденная в силу недостаточности руководящих своих сил идейно свернуться, она стала поворачиваться спиной к международным вопросам. Отдельные ее представители прямо обвиняли нас в том, что мы "отвлекаем" внимание от внутренних процессов к китайским. Так, впадая в замкнутость и сектантство, теоретики группы из собственной беды пытаются, по немецкому выражению, сделать добродетель. Теперь В. Смирнов дошел до того, что отказывается понимать, как и каким образом поражения международного пролетариата могут оказывать воздействие на наш пролетариат, т. е. он отказывается понимать, почему большие революционные, как и контрреволюционные, успехи, всегда развивают могучую международную экспансию, почему победа революции в одной стране вызывает революции в других странах и - наоборот. Дальше идти некуда по линии ультралевой национальной ограниченности. Загнав себя в тупик, Смирнов в довершение утратил духовное равновесие и в марксистском объяснении процессов, происходящих в пролетариате, он выискивает "оправдание" централизма или прокладывает пути к капитулянтству. Это уже чистейшая сафаровщина, хоть и вывороченная наизнанку. Но ведь мы видели Сафарова и с лица, и с изнанки и ничего хорошего не нашли.

* * *

Вернемся, однако, к более значительным вопросам.

В результате четырех лет борьбы мы вынудили ИККИ в самый последний момент, прямо перед поднятием занавеса, переделать наспех весь проект программы - с национального типа на интернациональный. Бухарин объяснял на Конгрессе эту катастрофическую (хотя чисто внешнюю) капитуляцию перед оппозицией тем обстоятельством, что те-перь-де впервые, мол, приехали на

Конгресс делегаты Африки и Южной Америки, что это-де не шуточки, что сообразно с этим надо и программе придать африканско-американский размах. Выходит, что от приезжих делегатов Бухарин впервые узнал, что в эпоху империализма меньше, чем когда-либо, допустимо "отвлекаться от международного фактора". Мировую гегемонию Соединенных Штатов тоже "заметили" с запозданием на несколько лет и механически включили в программу. Все это, как и история всех внутренних вопросов, свидетельствует о том, что инициатива в исследовании процессов мирового хозяйства и мировой политики и взаимодействия этих процессов с социальными и политическими сдвигами в СССР будет и впредь лежать на оппозиции.

Надо, значит, браться за серьезную работу. Надо провести правильное разделение труда - в смысле изучения детального, конкретного, повседневного всех основных сторон нашей внутренней жизни, жизни отдельных капиталистических стран, колониальных стран, экономики, политики, профессионального движения, национальной борьбы, милитаризма и пр. Надо как следует использовать время для подготовки квалифицированных кадров ВКП и Коминтерна. Правильная, хорошо поставленная переписка с местами, правильное чтение газет, в том числе и провинциальных, с целью подбора материалов по определенным вопросам и под определенным углом зрения, все это принесет свои неопределимые плоды. Товарищам, у которых есть для этого предрасположение или соответствующие данные, необходимо приналечь на иностранные языки. Разумеется, это разделение труда должно получить международный характер. Надо со всех "вышек" внимательно следить за совершающимися процессами и своевременно перекликаться.

Работа эта, конечно, должна иметь даже и в ссылке не архивный, не академический характер, а тесно примыкать к деятельности коммунистических партий и к борьбе рабочих масс. Нужно по каждому крупному вопросу оставлять в сознании рабочих-передовиков большевистскую крепкую зарубку. Кое-что по этой части, разумеется, уже сделано --

в связи с вопросами об индустриализации, кулаке и хлебозаготовках, аппаратном режиме, событиях в Германии, Англии, Китае и пр. Но жизнь не останавливается. Нельзя жить процентами с капитала, как живет нынешнее руководство Коминтерна, расточая основной капитал большевистской партии. Нужна напряженная, систематическая, коллективная работа. Революционная выдержка должна сейчас проявиться именно в такого рода работе, несмотря на неблагоприятные условия. Без правильной ориентировки нет правильной политической линии. Между тем только правильная линия позволит большевикам-ленинцам по каждому крупному вопросу, захватывающему массы, оставлять все более глубокие зарубки в сознании все более широких кругов передовых рабочих.

Эта работа получает таким образом, с одной стороны, теоретически исследовательский характер в самом широком смысле слова, т. е. доступный, в тех или других пределах, самому молодому и мало подготовленному оппозиционеру; с другой стороны - эта работа приобретает пропагандистский характер опять-таки в самом широком смысле этого понятия, включающем и боевые агитационные выступления. На известном этапе теоретически-исследовательская и пропагандистская работа должна полностью перейти в политически действенную, т. е. массовую работу, иначе сказать, слиться с партией и рабочим классом. Когда и на каком этапе? Этого, конечно, не предскажешь. В разных странах на разных этапах. Наша эпоха является эпохой крутых поворотов. Это относится и к рабочему движению в целом, следовательно, и к оппозиции, к ней - в особенности. Для того чтобы не упустить момента смычки наших идей с массовым сдвигом в Коминтерне и рабочем классе, нужно соблюдать основное правило всякой политики, тем более революционной: наш голос должен раздаваться по всякому вопросу, затрагивающему непосредственные или обобщенно-исторические интересы рабочего класса

Бухарин в заключительной речи на Конгрессе заявил, что резолюция об оппозиции обозначает для нас "политическую смерть" Храбрые эти слова -- продукт трусости, слабости и потребности в самоутешении. Никто никогда Бухарина политически не брал (всерьез, сам себя он не брал и не берет

всерьез; меньше всего всерьез можно взять эти его "ужасительные" слова Недаром же Зиновьев с большой меткостью - надо отдать ему эту справедливость - именовал Бухарина кликушей и утверждал, что от него можно всего ждать, вплоть до пострижения в монахи.

В начале лета 1917 года, когда Церетели громил кронш-

тадтцев, я предупредил его, что когда белый генерал станет намыливать веревку, приспособленную для его, Церетели, шеи, то он призовет кронштадтцев-матросов на помощь. Во время восстания Корнилова, как известно, это осуществилось с гораздо большей точностью, чем мы тогда могли предполагать.

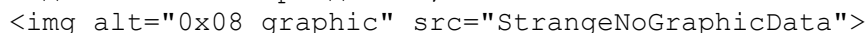
Политика нынешнего руководства готовит большие осложнения. Буржуазно-устрашловская петля неумолимо плетется для шеи пролетарской диктатуры. Когда дело дойдет до серьезного - боюсь, что это может оказаться ближе, чем кажется, -- лучшим элементам нынешнего аппарата придется звать нас на помощь Это мы им предсказываем. Нечего говорить, что мы найдем дорогу и без их зова. Нужно только, чтобы пролетарский авангард изо дня в день слышал наш голос и знал бы, что вопреки кликушеским взываниям мы живы больше, чем когда-либо. Нужно в то же время, чтобы в любой момент, без всяких перебоев, точно мы и не отлучались ни на час от центров рабочего движения, мы могли включиться в жизнь и борьбу революционного авангарда. А для этого нужна систематическая непрерывная работа над собой и для других на основе правильного разделения труда и крепкой идейной спайки

Крепко жму руку.

Ваш Л. Троцкий Алма-Ата, 18 сентября 1928 г
ИЗ ОТКРЫТКИ И Н. СМИРНОВУ

Дорогой Иван Никитич, получил только что Вашу открытку от 5 сентября, всего 13 дней Прямо конвейер. Беспокойство Ваше насчет "полемики" вполне понимаю. Отношение мое к нему* Вы знаете и понимаете, что полемика дается нелегко Но его московское письмо совершенно невероятно по содержанию и тону: угроза агитировать против подписания заявления, что "старые большевики за Вами не пойдут" (буквально)--и и качестве последнего аргумента: "две партии" и "троцкизм".. Да-да, дело дошло до этого Угрозу агитировать против подписания я не мог рассматривать как блеф, я отнесся к ней серьезно и ответил контрагитацией

Задачи слишком грандиозны, ответственность слишком

 src="StrangeNoGraphicData">

* Так в тексте - Прим ред -сост

велика, чтобы допускать какие-либо "сантиментальности"-- незачем говорить, что при единстве линии я готов на всем этом поставить крест сегодня же, и не только в формальном смысле, но "внутренно". Здоровье шаткое и валкое, но работать можно Насчет Гагр, думаю, враки. [. .]

18 сентября 1928 г

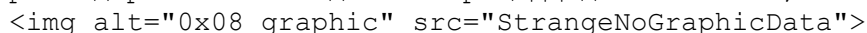
циркулярное письмо

Дорогой товарищ.

Вы снова поднимаете в общем виде вопрос о нашем отношении к д[емократическим] ц[ентралистам]. Вопрос, по-видимому, действительно назревает. Я лично надеялся и надеюсь, что вопрос разрешится путем всасывания в общие наши ряды всех жизнеспособных элементов группы ДЦ, а у ней есть, несомненно, очень хорошие и ценные элементы. Процесс идет медленно в этом направлении. За последние полтора года мы идем рука об руку, без малейшего остатка старых "оттенков", с такими выдающимися работниками, принадлежащими к группе ДЦ, как Рафаил, В. Косиор, Дробнис, Богуславский, Николаев, Харламов. За самое последнее время наблюдается явное сближение с работниками ДЦ. Под нашим заявлением подписались С. Ашкинази, подписались и другие товарищи из группы ДЦ. Я получил из Москвы коллективную телеграмму, извещавшую о том, что данная группа ДЦ считает разногласия с нами ликвидированными. Все это явления в высшей степени положительные, и, что касается нас, то мы, разумеется, пойдем именно по этому пути. В. Смирнов является, очевидно, окончательно закостенелым представителем кружкового благочестия. Перечисленные выше факты, несомненно, далеко не все, совершенно

выбивают В. Смирнова из колеи, и чем меньше у него есть возможности выдвинуть какую-либо самостоятельную линию, тем более ненавистнический и склочный характер приобретают его писания, судя по последнему его письму, дошедшему до меня на днях. Я думаю, что распространение смирновского письма мы должны взять на себя, так как никто лучше самого Смирнова не покажет идейному и сознательному децисту, что на путях Смирнова искать нечего. Отвечать склокой на склоку было бы, разумеется, нелепо. Мы предъявили Конгрессу документы по всем основным вопросам. Разумеется, эти документы были бы лучше, полнее, точнее, если бы [мы] имели возможность коллективно обсудить их. Но как свидетельствуют письма товарищей,

и в нынешнем своем виде наши документы представляют в основном взгляды оппозиции в целом. Этим документам В Смирнов противопоставляет личные взгляды и грубейшие теоретические ошибки в основных вопросах марксизма. Его полное непонимание международной взаимозависимости национальных частей рабочего класса разобрано у меня во втором письме, посвященном Шестому конгрессу. Остается еще обвинение по нашему адресу, что мы ограничиваемся "поправочками", которым он, В. Смирнов, противопоставляет некую радикальную линию. По существу же дела платформа ДЦ является выражением предшествующей коллективной работы, и после прекращения этой коллективной работы мы со стороны руководителей ДЦ не видим никаких документов, которые представляли бы какую-либо теоретическую и политическую ценность. Пережевывается старое и дополняется кляззой против нас. Идеиная жизнь политического кружка, утратившего права и самостоятельное существование, непременно получает паразитный характер. Как понимать ту мысль, что мы ограничиваемся "поправочками"? Содержание наших "поправочек" изложено в наших документах; если у В. Смирнова есть серьезные поправки к нашим "поправочкам", пусть он их изложит, и мы их внимательнейшим образом обсудим. По вопросу о двух партиях и Четвертом Интернационале руководители ДЦ как будто солидаризировались с нами. Мы же сегодня, как и вчера, считаем, что восстановление единства ВКП, как и единства Коминтерна, мыслимо и остается нашей задачей, но не в форме верхушечного комбинаторства, идейного отречения и всяких видов прямого или замаскированного капитулянтства, а только путем предварительного генерального размежевания внутри ВКП и Коминтерна на основе противопоставления пролетарского их ядра оппортунистическому и центристскому руководству. Если эту позицию называть "поправочками", тогда надо ей противопоставить знамя второй партии Четвертого Интернационала *. Словом, надо противопоставить нам что-нибудь по существу, притом глубокое, коренное, чтобы оправдать отдельное, сепаратное существование кружка. Одной кляззой недостаточно. Было бы, однако, неправильно переносить наше отношение к историческим писаниям Смирнова и двух-трех других руководителей на всех товарищей, принадлежавших к этой группе. Разумеется, кто захочет солидаризироваться с письмом Смирнова -- скатертью дорога. Но каждый товарищ ДЦ должен знать,

* В документе ошибочно написано "Четвертого Коминтерна" - Прим ред -сост

что мы искренне дорожим совместной работой и готовы самым внимательным образом отнестись ко всякой добросовестной критике, поскольку это может облегчить вступление товарищей в общие ряды. Вот и все, что я могу сказать по этому поводу. Крепко жму руку.

Ваш Л. Троцкий

22 сентября 1928 года г. Алма-Ата.

О КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКЕ МАРКСИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА

(Письмо к товарищам по ссылке)

Дорогой друг, за последнее время по рукам ходит или начинает ходить ряд документов, которые, в совокупности своей, могут, как мне кажется, послужить основой для более систематической и планомерной разработки основных вопросов путем разделения труда. Кроме документов, посланных мною Шестому конгрессу и в копиях разосланных ряду товарищей для дальнейшей пересылки, я имею в виду еще письмо т. Раковского т. Валентинову по вопросу о внутренних процессах в

рабочем классе и в партии после Октября, и работу т. Лапина, посвященную критике проекта программы. Письмо т. Раковского уже известно ряду товарищей, отнесшихся к нему по справедливости с исключительным интересом и вниманием. Я просил сына разослать это письмо дополнительно по ряду адресов. Точно то же мы сейчас делаем со статьей т. Лапина о программе Коминтерна. Это очень серьезная и ценная работа, захватывающая программу главным образом с тех сторон, которые почти не подвергнуты анализу в моей критике.

Думаю, что всю нашу теоретически-исследовательскую работу, или, по крайней мере, основную ее часть, мы могли бы сосредоточить вокруг критики, иллюстрации, дополнения или изменения текста принятой программы. "Конечной целью" этой коллективной работы должна явиться, на мой взгляд, выработка нового, подлинно марксистского проекта программы для своевременного представления его Седьмому конгрессу Коминтерна. Конкретная фактическая разработка отдельных составных положений программы должна получить характер серьезного научного комментария [к] этой последней. Перечисленные выше работы (документы, посланные Конгрессу, письмо Раковского, статья Лапина) могут,

как мне кажется, послужить исходными позициями для всей этой работы.

Архитектурное построение программы, принятой Конгрессом, крайне несовершенно. Но условно можно принять его как леса для нашей постройки. Вопросами архитектоники можно будет заняться в последнюю очередь, когда вполне определится материальное содержание программного текста. Каждый вопрос, даже и наиболее частный, такой, который в самой программе формулируется в нескольких словах, должен найти в нашей работе серьезно документированное обоснование.

Разумеется, я совсем не имею в виду ограничить нашу работу рамками программы, хотя рамки эти, по существу, универсальны. Отдельные, особенно боевые и актуальные вопросы, могут рассматриваться сами по себе, хотя и здесь будет небесполезно каждый раз проверять их на тексте программы или, вернее, проверять текст программы на этих вопросах. Думаю, что такой метод подхода обеспечит нашей работе наибольшую плодотворность.

Отмечу тут же, что в работе т. Лапина есть пункты, которые мне кажутся неправильными, сомнительными или по крайней мере требующими серьезного дополнительного обсуждения. Так, неправильным представляется мне лозунг левой "рабочей партии" для Англии. Серьезного дополнительного обсуждения и уточнения требует вопрос о трестах и рабочем контроле. Тщательной статистико-экономической разработки требует вопрос о "госкапиталистических тенденциях" империалистического хозяйства и пр.

Я просил бы Вас обдумать этот вопрос и перекликнуться с другими товарищами насчет возможного распределения тем, не пугаясь чрезмерно параллелизма, в известных пределах неизбежного и полезного. Крепко жму руку, Ваш

Л. Троцкий. Алма-Ата, 29 сентября 1928 г.

ПИСЬМО ЭЛЬЦИНУ

Дорогой товарищ Эльцин,

Я давно не писал Вам, в чем и винюсь. Правда, я считал, что Лева держит Вас более или менее в курсе дела. Так оно, конечно, и было. В последнем письме Вы писали главным образом по поводу оппозиционных примиренцев. Вы требуете более решительного выступления против них.

С основной Вашей мыслью, что в этой области не может быть никаких уступок, я, разумеется, совершенно согласен. Но ведь мы и не сделали никаких уступок по существу. Поскольку примиренчество пыталось найти для себя политическое выражение, постольку оно встречало достаточно единодушный отпор. В результате мы очень не плохо выравняли фронт перед лицом Шестого конгресса. За вычетом Серебрякова, все более погружающегося в обывательщину, все остальные товарищи подписали наше обращение к Конгрессу.

Я этим вовсе не хочу сказать, что все одинаково настроены. Несомненно, оттенки есть и довольно серьезные. Мы видим, как одержимые примиренчеством товарищи начинают не только искать точек схождения с центристами (выдумывая эти точки там, где их нет), но и точек расхождения с нами, причем фатальным

образом сбиваются все на те же две роковые темы: две партии и... перманентная революция. Совершенно ясно, что мы имеем здесь дело именно с настроением, т. е. с чем-то таким, что очень туго поддается воздействию аргументов. Предрешать вопрос в том смысле, что эти настроения должны непременно политически оформиться и привести к логическим последствиям, было бы сейчас по меньшей мере преждевременным. Совершенно недопустимо было бы толкать в эту сторону товарищей, одержимых беспредметным примиренчеством или сбившихся с ноги. Мы переваливаем через изрядный исторический ухаб, и колебания настроений у отдельных товарищей, как это ни неприятно, неизбежны. У одних равновесие восстановится, а другие отвалятся. Ясно одно, что политических уступок по этой линии быть не может.

Вы, конечно, читали речь Угланова. Это, пожалуй, наиболее "сочная" из всех официальных речей последнего периода. Особенно хороша та часть речи, которая посвящена "новому вопросу" об оппозиции. Другие сведения дополняют по этой части речь Угланова и свидетельствуют, что крот истории роет свои ходы, несмотря на всякие грозные статьи. Что и требовалось доказать.

Товарищей сейчас очень занимает вопрос о моем переводе из Алма-Аты. Я этого не жду. Куда? Раковскому, который ведь был отправлен в Астрахань по линии ЦК, отказано в праве лечиться в Кисловодске, что ему совершенно необходимо. Сейчас, после ряда телеграмм и протестов, руководители считают еще менее возможным пойти на уступки, чем ранее. Ведь тут ребром стал вопрос "престижа", этого фетиша слабых. Сейчас я себя чувствую значительно лучше и снова работаю с нормальной нагрузкой. Насколько

улучшение устойчиво, покажет осень. Во всяком случае, я держу курс на дальнейшее пребывание здесь. Товарищи, посылавшие телеграммы и протесты, должны этим и ограничиться. Дальнейшие шаги были бы практически нецелесообразны, не вели бы к цели и могли бы без нужды осложнить положение для многих друзей. Очень крепко на этом настаиваю.

Работаете ли Вы над чем-либо систематически? Меня Конгресс маленько "отвлек" от намеченных планов научной работы. Надеюсь зимой вернуться к ним, если позволит ход событий.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш

Л. Троцкий

Алма-Ата

2 октября 1928 года

ПИСЬМО ССЫЛЬНЫМ ОППОЗИЦИОНЕРАМ

Дополнение к работе "Китайский вопрос после Шестого конгресса"

История этой работы (Китайский вопрос после Шестого конгресса) такова: я хотел еще в критику программы [Коммунистического Интернационала] включить лозунг Учредилки для Китая в данный период. Потом решил, что лучше в программной работе ограничиться пока общей характеристикой наступившей контрреволюционной и межреволюционной эпохи в Китае, т. е. эпохи известной политической и экономической стабилизации буржуазии ("49-й год", по Ленину). Я считал, что принципиальный спор может идти только о том, наступил или не наступил "49-й год". Если наступил, то лозунг Советов, как практический лозунг, сам собою отпадает. Именно поэтому я рядом с доказательствами реакционности лозунга "демократической диктатуры" доказывал отсутствие в Китае революционной ситуации и необходимость политику согласовать с неизбежным условием стабилизационных тенденций. Признаться, я еще опасался, что если выдвину мимоходом лозунг Учредилки, особенно важный, с моей точки зрения, для характеристики политического перелома, то Бухарин с Мануильским поторопятся запретить Учредилку. Я решил подождать. Но прения на Конгрессе по китайскому вопросу показали, что ждать нельзя. Работа моя была в основных чертах написана, когда получилась

резолюция ИККИ, объявляющая лозунг Национального собрания оппортунизмом. Тут я весьма пожалел, что не включил лозунг Учредилки в программную работу. Тем временем я написал ряду товарищей, очень кратенько, о необходимости выдвинуть для Китая демократический лозунг народного представительства. Может быть, излишняя краткость и породила недоразумения.

Я получил уже несколько телеграмм, возражающих против этого лозунга. Некоторые товарищи сообщают в телеграммах о посылке ими подробных писем по этому вопросу. Я посылаю свою работу, не дожидаясь этих писем, на которые, вероятно, придется отвечать особо. Должен сказать, что некоторые возражения в телеграммах показались мне совсем-таки невероятными. Так, двое товарищей говорят, что лозунг Учредилки "не классический лозунг" и что поэтому они его отвергают. Такое понимание классового характера требований имеет анархо-синдикалистский, а не марксистский характер. Поскольку китайская политика сдвинулась с революционных рельс на рельсы буржуазной стабилизации, причем центральным вопросом уже становится (завтра это обнаружится окончательно) вопрос о Национальном собрании, постольку правильно понятый классовый интерес пролетариата требует доведения демократических лозунгов "до конца". Не забудьте, что в 1912 году большевики в легальной печати сами себя именовали "последовательными демократами". Тот цензурный псевдоним выражал все же очень важную политическую тенденцию тогдашней работы партии. Некоторые телеграммы выдвигают вместо Учредилки лозунг Советов. Это совсем уже несерьезно. Тогда надо пересматривать либо весь вопрос о роли Советов, либо вопрос о характере того периода, через который проходит Китай. Иначе мы только запутаем китайскую партию и самих себя. Но, как уже сказано, обо всем этом придется поговорить по получении писем, если настоящая работа не рассеет некоторые недоразумения, вызванные отчасти краткостью моего письма.

Я считаю, что необходимо посвятить отдельные работы важнейшим странам -- в том смысле, в каком я это попытался сделать для Китая ("Французский вопрос после Шестого конгресса", "Английский вопрос..." и пр., и пр.). Хорошо выполнить такую работу можно было бы только коллективно, например, если бы т. Радек взял на себя Германию, Голландию и Скандинавию, может быть, также и Англию, т. Дингельштедт - Индию (т. Раковский - Францию и, может быть, Англию и т. д.). Другие товарищи могли бы послать мне свои соображения по отдельным вопросам или странам. Необходимо сейчас все вопросы Коминтерна поста-

вить с полной конкретностью, по отдельным странам, и причем вовремя. От тт. Смилга, Палатникова, Лившица и вообще экономистов ждем конкретных тезисов по внутреннему "текущему моменту". Разумеется, я называю здесь товарищей только примерно. Но время не ждет. Крепко жму руку.

Ваш Л. Троцкий 4 октября 1928 г.

ПИСЬМО РАДЕКУ

Дорогой К. Б.

Вашу работу о "демократической революции" я получил из Москвы. Как и вообще, с самого начала ссылки, я узнал о Ваших взглядах одним из последних и почти исключительно из вторых рук. Не примите этого, пожалуйста, за претензию. Со своей стороны буду и впредь, как делал до сих пор, посылать Вам в первую очередь все, что пишу.

На этот раз посылаю Вам копию Ваших собственных работ, случайно обнаруженных мною в моих бумагах. Несмотря на то что одной из этих работ 14 месяцев от роду, а другой чуть не два года, злободневность их вне сомнения. Первая работа - Ваш контрпроект тезисов по поводу августовского пленума, противопоставленный зиновьевскому, который был повинен в идеализации партаппарата и в попытках протащить "антитровдшзм" как идейную подготовку ренегатства. Наша группа была солидарна с Вашими тезисами, которые я лично считал превосходными (для тогдашнего момента). Мы согласились, однако, подписать зиновьевские тезисы (с поправками), чтоб заставить Зиновьева рвать на программно-тактических вопросах, т. е. при выработке платформы, а не на искусственно выдвинутых им двух коньках: "две партии" и "троцкизм".

Кроме того, посылаю Вам в приложении цитату из другой Вашей работы "Термидорианская опасность и оппозиция". Ввиду того, что недавно Вы возбуждали вопрос о допустимости аналогий с термидором, бесполезно напомнить, как Вы отвечали на такие сомнения полтора-два года тому назад.

I. Итоги августовского пленума

"Августовский пленум собрался в обстановке серьезных поражений большинства ЦК в области международной политики (поражение китайской революции, вызванное в зна-

чительной мере полуменьшевистской политикой Коминтерна, крах Англо-русского комитета, часть которого оказалась в числе прямых пособников империализма, крах предсказаний Сталина, что англичане не посмеют рвать) --как и в обстановке укрепления позиций (слияние оппозиционного блока в одно целое, выступления оппозиционеров в своей стране в громадном большинстве ячеек, заявление 2500 оппозиционеров).

Несмотря на это, Сталин поставил себе целью на этом пленуме, не признавая ни одной из совершенных ошибок, перейти к бешеному наступлению против оппозиции и добиться ее раскола, ее идейного отступления и, деморализовав таким образом ее ряды, исключить из ЦК тт. Троцкого и Зиновьева. Если бы это ему удалось, он очистил бы путь к серьезной дальнейшей передвижке соотношения сил в партии, а тем самым и в стране. Исключение признанных вождей из ЦК облегчило бы в значительной мере расправу с оппозицией, исключение ее из рядов партии и пуска в ход против нее силы государственного аппарата.

Но Сталин не учел двух моментов: во-первых, того, что поражения его политики значительно подорвали его авторитет в широких слоях партийного актива и партийной бюрократии, и, во-вторых, что и верхушке партии, сползающей на практике с ленинской линии, не легко было идти на акт исключения, сигнализирующий этот "спуск на тормозах" и ставящий вопрос о том, куда идет партийный курс. Он не учел тоже силы единства оппозиции и силы ее сопротивления. В результате обоих просчетов он был принужден к тактическому отступлению. Ошельмовав оппозицию, он отказался от исключения ее вождей. Это отступление только тактическое, ибо Сталин и его группа не отказались от основной цели: исключения оппозиции из партии. Он отступил, дабы тем сильнее ударить. Он надеется на то, что в ближайшие месяцы ему удастся накопить доказательства о фракционной работе оппозиции, и с этим материалом в руках начать наступление, направление которого приготовлено в резолюциях пленума. Это наступление пойдет по следующим вопросам: а) вопрос об опасности термидорианского перерождения партии, б) вопрос об отношении оппозиции к войне, в) вопрос об опасности раскола, или, иначе формулируя, о двух партиях.

Уже первые два дня спустя после пленума полностью разоблачили тактический план группы Сталина и расшифровали смысл его решений о "помилвании" тт. Троцкого и Зиновьева. На московском и ленинградском партактиве дан лозунг: ЦК последний раз проявил уступчивость по от-

ношению к оппозиции, что надо тщательно следить за тем, прекратила ли она фракционную работу, и обрушиться беспощадно в случае малейших признаков продолжения работы. В прессе идет в дальнейшем травля, а что более всего симптоматично: попытки выступления оппозиционеров на партактиве были сорваны малыми организованными группками.

В то время, когда Углановы лицемерно призывали дать высказаться, малые, сплоченные, организованные группы срывали шиканьем и свистом попытки объясниться с партактивом. Это предвещает, что никакой действительной дискуссии, даже в продолжение нескольких недель, фракция Сталина не даст. Травя оппозицию в течение всех предстоящих месяцев, она в лучшем случае даст возможность в продолжение двух-трех недель напечатать несколько оппозиционных статей, которые дадут ей возможность сослаться позже на то, что "партия имела возможность выслушать обе стороны". Группы же хулиганов постараются "доказать", что партия так "осведомлена и выросла", что она не нуждается в выступлениях оппозиционеров и не хочет их слушать.

Встает вопрос: как же относится к этому партийная масса, почему она терпит это издевательство. В московском активе среди трех тысяч ее участников было много сотен честных партийцев, которые хотели добросовестно разобрататься в вопросах. И даже среди низов чиновничьего аппарата сотни людей уже из простого любопытства выслушали бы с интересом оппозиционера. Об этом свидетельствовали разговоры в кулуарах. Но эта часть актива не сумела или не хотела выступить против срывателей. Почему. Она недостаточно обеспокоена положением и поэтому не идет на риск сопротивления крикунам, зная, что за теми стоит партаппарат.

Это заставляет сделать тактические выводы. Совет "пацифистскими

методами" искать пути к партийному середняку правилен в том смысле, что мы должны спокойно и настойчиво разъяснять нашу точку зрения, не отбрасывая никого личным и формальным обострением наших выступлений, но было бы глубоким заблуждением думать, что центр вопроса лежит в форме наших выступлений, что от этой формы зависит, пробьем ли мы себе путь к партийному середняку. Партийный середняк хочет слушать, а те, которые ему в этом мешают, для тех дело не в форме. Они не хотят позволить партийному середняку слушать. Мало того, партийный середняк не является центральной фигурой в партии. В партии есть два элемента, имеющие громадный удельный вес. Партаппарат и партийные низы. Партаппарат имеет ре-

шающее значение в моменты затишья, низы - в моменты, когда вода приходит в движение под влиянием объективной обстановки. Средняк дает себя запугать аппарату в обыкновенное время и пасует перед настроением партийных низов, в первую очередь рабочих, в критические моменты. Из этого уже следует, что основная наша установка должна быть на партийные низы. Мы можем и должны настойчивой пропагандистской работой вербовать приверженцев среди партбюрократии и т. п. середняков, но архимедовой точкой являются интересы рабочих масс. Для партийного середняка в ближайшие месяцы в центре внимания будет стоять партсъезд. Для рабочих низов партии центральным вопросом ближайших месяцев будет кампания по колдоговорам. Мы должны готовиться с одинаковой энергией и к одному, и к другому.

Что касается кампании к партсъезду, то главным ее орудием будем наша платформа. Ее надо пересмотреть под углом зрения того наступления, которое сталинская группа начала против нас на пленуме. Нельзя придумать ничего более вредного, как защитительная позиция по вопросу о войне, термидоре

и расколе. По всем этим вопросам надо в платформе сказать всю марксистскую и ленинскую правду. Всякая условность опасна по двум причинам: во-первых, потому, что она вызывает впечатление нашего колебания, нашей неуверенности и усиливает этим нажим со стороны противника, во-вторых, потому, что Сталин идет зигзагами и отступлениями, но неуклонно к расколу партии, за которым наступит арест руководителей оппозиции, вариантом на пути к этому может быть "дворянская ссылка" руководителей перед исключением из партии, и тогда все зависеть будет от того, существует ли вторая, третья, четвертая смена продумавших до конца тенденции развития страны и партии и вопрос, что делать.

В трех центральных вопросах, которые будут предметом идейной борьбы в ближайшие месяцы, надо поставить точки над "i" следующим образом:

А. В вопросе об термидоре как центральном вопросе. Тенденция к термидорианскому перерождению партии и ее руководящих учреждений выражается в следующих моментах: а) клич, что часть пролетариата, олицетворяемая оппозицией, хочет грабить крестьянство (это подготавливает использование крестьянской нашей армии против части нашей партии и нажим на пролетариат вообще за "неумеренность" его требований); б) линия на поднятие производительных сил вообще, без учета того, в каком направлении оно идет, в социалистическом или в капиталистическом; в) линия раз-

вития промышленности без постоянной заботы об улучшении положения пролетариата и усилении его действительного участия в руководстве промышленностью; г) линия увеличения веса партаппарата в противоположность к низовым партийным организациям, нашедшая свою классическую формулировку в заявлении Сталина на пленуме, что: эти кадры могут быть сняты только гражданской войной, которое (заявление) является классической формулой бонапартистского переворота; д) во внешней политике, проектируемой Сокольниковым, -- эти тенденции надо открыто назвать термидорианскими, указать сферу их влияния в партии ("звенья") и сказать открыто, что они находят в ЦК полное выражение в правом его крыле (Рыков, Калинин, Ворошилов, Сокольников) и отчасти в центре (Сталин).

Надо открыто сказать, что термидорианские тенденции растут, осознают себя, хотя не выступают еще с общей продуманной формулировкой. Вывести их

наружу – прямая обязанность оппозиции, ибо первые сильные кулацкие движения или война могут привести в кратчайший срок к их кристаллизации, т. е. поставить вопрос ребром о таких социальных и политических сдвигах, которые привели бы к изменению социальной природы нашего государства.

Б. В вопросе о войне надо повторить в платформе вещи, сказанные в разных наших выступлениях, и свести их воедино, а именно: государство наше есть государство рабочее, хотя сильные тенденции работают над изменением этого его характера. Защита этого государства есть защита пролетарской диктатуры. Она идет по трем руслам: защиты от наступления мирового капитала, от наступления остатков раньше господствовавших в России классов в лице белогвардейцев и, наконец, растущих термидорианских тенденций.

Мы будем беспрекословно, с оружием в руках, независимо от положения, в котором может очутиться оппозиция, защищать пролетарскую диктатуру от мирового капитала, но именно эта защита требует самой энергичной борьбы против всех элементов, на которые в стране попытается опереться мировой капитал или которые своей политикой сознательно или несознательно ухудшают условия победы.

Мировой капитал рассчитывает не столько на помощь деклассированных элементов русского дворянства или старой русской буржуазии, сколько на помощь кулака, нэпмана, спеца. Кулак должен поднять против нас значительную часть деревни. Спец и нэпман, проникающие в наши государственные аппараты, должны разложить нашу боеспособность. Борьба с этой опасностью не может быть только негативной, чекистской, она должна состоять, в первую оче-

редь, в экономической и политической поддержке деревенской бедноты и низших середняцких слоев. Поэтому борьба против сползания на кулацкую политику части нашего партийного руководства имеет самое непосредственное отношение к защите страны. Она, и только она, гарантирует укрепление тыла и повышение революционного размаха армии.

От вопроса, который сталинская группа поднимает, искажая упоминание тов. Троцкого о Клемансо, не надо отмахиваться, а надо на него ясно ответить: мы будем защищать диктатуру пролетариата и при неправильном руководстве нынешнего большинства, как мы это заявили, но залог победы в исправлении ошибок этого руководства и принятии партией нашей платформы.

В. В вопросе о двух партиях надо перейти от обороны к наступлению. Никогда революционное крыло рабочего движения не представляло идеи раскола в рабочем движении, ибо принципы революционного марксизма и принципы ленинизма есть единственная почва, на которой может быть объединен пролетариат для исполнения своей исторической роли и на которой могут быть объединены вокруг пролетариата плебейские части нации.

Раскалываясь с меньшевиками, Ленин подготовлял октябрьское объединение пролетариата и беднейшего крестьянства. Раскольниками рабочего класса в историческом смысле являются только те течения, которые политику защиты интересов пролетариата в целом как единственного до конца революционного класса заменяют политикой сделки верхушки рабочего класса с крупной или мелкой буржуазией, сделки, направленной против низов рабочего класса и низов деревни.

В нашей конкретной обстановке оппозиция вызывается именно сдвигами от классовой политики пролетариата. Убежденная в великом революционном заряде, который десять лет революции оставили в пролетариате, оппозиция надеется исправить линию партии. Она не ставит вопроса о расколе. Этот вопрос ставят те, которые внутрипартийным зажимом, политикой откола закрывают пути к исправлению линии партии, к 'внутрипартийной реформе, которая должна увеличить удельный вес пролетариата в партии и помочь очистить ее от элементов, не связанных ни с рабочим классом, ни с беднейшим крестьянством, элементов, пришедших к нам как к партии государственной.

Мы будем бороться всеми средствами за создание единства ВКП на почве ленинской политики, мы не требуем свободы фракции, мы требуем только свободы партии решать вопросы ее политики методами, предвиденными уставом пар-

тии, резолюцией X съезда и решением XIII партконференции. Всякие отклонения от этих методов вызывают необходимость прибегать к окольным путям

мобилизации партия. Сохранение диктатуры пролетариата требует существования единой пролетарской партии как руководителя пролетарской диктатуры. Мелкобуржуазная партия может тоже быть партией диктатуры, но не пролетарской. И мелкобуржуазная диктатура не могла бы объединить вокруг себя пролетариата, а, наоборот, с необходимостью рожала бы его борьбу за восстановление пролетарской диктатуры и укрепление ее важнейшего орудия -- пролетарской коммунистической партии.

Эти идеи надо высказать в платформе, сделать центром нашей пропагандистской и агитационной работы. Это есть единственная серьезная подготовка XV съезда. Всякое разводнение этих идей, умалчивание по тактическим соображениям не даст ничего, кроме ослабления. Кризис, который переживает наша партия, означает тяжелый кризис революции на много лет. В таком кризисе единственная реальная установка - это установка

на единомышленников, продумавших вопросы до конца и готовых принять за это все удары. Действовать на мякину можно только, выкристаллизовав ядро знающих чего хотят и беззаветно борющихся за свои цели. Маневрирование необходимо, но оно предполагает наличие упругого маневрирующего субъекта.

Вопрос о нашем вмешательстве в кампанию о колдогово-рах требует проработки в кратчайший срок нашими профессионалистами и экономистами. Общие рамки наших требований даны платформой. Необходима специализация по отраслям и территориям. В то время как наши профессионалисты должны подготовить этот вопрос в кратчайший срок, наметить ударные пункты наших выступлений, мы должны продумать тактические вопросы этой кампании. Она ставит ребром вопрос о нашем отношении к беспартийным рабочим, вопрос, выдвигаемый уже неоднократно рабочими от станка. Позиция наша по существу должна быть следующая: не вдаваясь ни в какую демагогию, не обещая чего не можем исполнить, мы должны и в ячейках, и вне их защищать те требования, которые считаем необходимыми с точки зрения рабочего класса и СССР. Если оппозиционеры - рабочие от станка будут защищать эти требования стойко и умело в партийных ячейках, то это неминуемо просочится к беспартийным рабочим. Среди беспартийных, но классово сознательных рабочих надо вести агитацию за вхождение в партию во имя исправления ее общей линии и особенно по рабочему вопросу. За этот вопрос надо взяться, несмотря

на то что наши фабричные кадры еще слабы. Они будут расти по мере того, как мы исполним эту задачу.

К Радек"

II. Термидорианская опасность и оппозиция

"1 Что такое термидорианская опасность?

Термидорианская опасность в СССР - это опасность победы капитализма не путем низвержения власти рабочих и крестьян вооруженной интервенцией мировой буржуазии и не путем восстания капиталистических элементов, а через медленное сползание соввласти с рельс пролетарской политики на путь мелкобуржуазный. Называя эту опасность перерождения термидорианской, никто не предполагает, что должны повториться те же самые события, которые разыгрались во время французской революции. Сравнение это подчеркивает, что, как во французской революции, силы, остановившие ее развитие, вышли из партии якобинской, стоявшей во главе революции, точно так же в партии большевистской, возглавлявшей октябрьский переворот, могут найтись силы, пытающиеся повернуть колесо истории назад к капитализму.

К. Радек" Алма-Ата, 20 октября 1928 года

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Дорогие товарищи, пишу вам до октябрьского пленума, во всяком случае, до того, как сведения о нем дошли до Алма-Ата. Ничего нового сказать не собираюсь. Хочу только свести воедино кое-что уже сказанное раньше и установить предпосылки для оценки предстоящего октябрьского пленума.

Зиновьев, как сообщают, говорит, что в июле победил Сталин. С точки зрения политической это абсурд. Политически центризм ослабил себя октябрьским компромиссом Фланги - правый и левый - получили новый толчок. Но в аппаратной сфере своя логика, которая до поры до времени не совпадает с общим перемещением сил в партии, не говоря о рабочем классе, и даже идет ему наперекор.

Сдачей политической позиции Сталин расколол правых Он "оторвал" от них (пока что) Калинина и Ворошилова, которые всей душой с новыми собственниками и "порядком", но которые пока сильно побаиваются оставаться с гла-

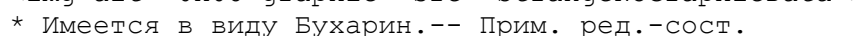
зу на глаз с Рыковым, Бухариным и Томским, в качестве "вождей"

Аппаратно-организационное положение правых, видимо, достаточно плохо Уступив политически и обеспечив свое большинство, Сталин организационно наступает. Достаточно сказать, что кандидатура Молотова на пост фактического председателя Коминтерна (вместо Бухарина) уже рассматривается как серьезный вопрос Да, да! Мы когда-то шутили, что Сталин председателем Коминтерна посадит Мехли-са. Действительность недалеко ушла от шутки. Каганович должен заменить Угланова, на которого уже есть дело в ЦКК (совращение комсомольцев против Сталина). Каково действительное положение правых, видно из того, что, как рассказывают по Москве, Бухарин конспиративно бегаёт к Каменеву с черного хода и обещает "отдать" Сталина и Молотова за Каменева и Зиновьева Буквально! Каменев, конечно, согласился бы на эту операцию, но понимает, что бухаринское политическое обещание стоит не дороже его экономических прогнозов От хорошей жизни вождь Коминтерна, всемогущий Балаболкин *, не стал бы бегать по вчерашним исключениям, озираясь на собственную тень.

Как рассуждает Сталин, догадаться нетрудно. Если выпутаюсь из трудностей при помощи центристских мер (тяп-ляп), то объявлю правых паникерами-капитулянтами и сдвину их в аппарате на одну или две ступеньки ниже Если, наоборот, положение ухудшится, возьму правый курс, т. е. обессилю правую фракцию, обокрав ее политически; объявлю, что они выдумали разногласия, действуют раскольнически, и... ссажу их на ступеньку ниже. Если правые меры не помогут, возложу на правых союзников ответственность за неудачу, пну их ногою "и попробую снова левый курс", чуть попустив аркан Зиновьеву и Каменеву, которые "смирнехонько" ждут в положении готовности и, как люди битые, "ученые", с Балаболкиным идти не посмеют. А там видно будет... Вот сталинская схема Ее сила в аппарате. Ее смертельная слабость в том, что она сводит счет без хозяев, т. е. классов. Но пока классы молчат, схема Сталина действует.

Если контрольные цифры сталинского плана видны издалека, то правым они еще виднее. Поэтому-то они и заволновались. Они не хотят дать ликвидировать себя по частям. Но очень боятся, что в случае их выступления Сталин ликвидирует их сразу.

Метод Сталина еще ярче раскрылся перед нами во вре-

* Имеется в виду Бухарин.-- Прим. ред.-сост.

мя Конгресса. Число часов бухаринского говорения на Конгрессе находится в обратном отношении к его влиянию, которое падало со дня на день Во-первых, иностранным бюрократам правая политика в СССР - зарез перед лицом полевления масс и нажима оппозиции. Во-вторых, аппарат ведь у Сталина, а в Коминтерне религия аппарата не слабее, чем в ВКП. За время Конгресса отсутствующий Сталин завоевал у Бухарина три четверти, если не девять десятых съехавшихся аппаратчиков. Присутствовать Сталину незачем было: сказать ему нечего, а действует за него безличная механика власти.

Правые - хочешь не хочешь - оказывается, вынуждены лезть в холодную воду, т. е. попробовать вынести свою драку со Сталиным за пределы аппарата. Этим объясняется появление статьи Бухарина "Заметки экономиста". Это храбрость отчаянья. Возможно, что Рыков с Томским подтолкнули Бухарина не без задней мысли: "Попробуй, а мы посмотрим". Статья Бухарина (о ней придется еще поговорить особо) есть документ не только теоретического бессилия, но и последней политической безнадежности. Ничего, кроме вреда, это выступление правым не принесет. "Настоящее" правое крыло, решившись по-настоящему вынести сор за ограду бюрократического курятника, должно бы гаркнуть: "Новые собственники, объединяйтесь, не то социалисты ограбят!" Такие призывы уже были в борьбе с оппозицией, но они звучали подловато-двусмысленно. А правым, чтобы противопоставить себя центру по-настоящему, нужно бы и рывкнуть по-настоящему, во весь голос, т. е. черно-сотенно-термидориански. Но для этого у Бухарина еще кишка слаба. Он

сунул ногу в холодную воду, а входить пока боится. Стоит и дрожит... от храбрости. А Рыков с Томским сзади глядят, что выйдет, с таким видом, чтобы можно было в любой момент нырнуть в кусты. Такова диспозиция главных актеров на бюрократической сцене.

Можно сказать: сие не суть важно. Но это будет неверно. Конечно, если б классы заговорили полным голосом, если б пролетариат перешел в политическое наступление, диспозиция аппаратных актеров потеряла бы ⁹/10 своего значения, да и сильно изменилась бы - в ту или другую сторону. Но мы проходим через еще не завершую эпоху аппаратного всемогущества, при росте двоевластия в стране. И Сталин, и Рыков, и Бухарин - это правительство. А правительство играет немаловажную роль. Внимательно присматриваться к диспозиции бюрократических актеров необходимо - но не под аппаратным, а под классовым углом зрения.

* * *

Как может реализоваться правая опасность "по-настоящему"? Этот вопрос имеет большое значение. Особенность положения в том, что правое крыло имеет массы своих главным образом за пределами партии. Будучи в аппарате слабее центристов, правое крыло, в отличие от центристов, имеет солидную классовую опору в стране. Но как все же сила правого крыла может реализоваться на деле? Иначе сказать: как новые собственники могут прийти к власти?

Успокоительным, на первый взгляд, является то, что политические партии имущих классов жестоко разгромлены; что новые собственники политически расплывены; что правое крыло внутри партии, боясь пролетарского ядра и связанное вчерашним днем, не решается открыто опереться на новых собственников. Конечно, все это есть плюсы, завещанные нам вчерашним днем. Но это отнюдь не какие-либо абсолютные гарантии. Необходимое для реализации термидора сочетание условий может сложиться в сравнительно короткий срок.

В прошлом нам уже приходилось не раз указывать на то, что побежденная буржуазная контрреволюция должна была бы принять форму фашизма или бонапартизма, но никак не буржуазной демократии, о которой мечтают слабоголовые меньшевики. Каменев и сейчас еще этого не понимает. В своей недавней беседе с нашими единомышленниками он рисовал положение в стране так, что через известное время "на пороге будет стоять Керенский". Пустяки. Если уж поминать Керенского, то вернее будет оказать, что именно теперь, при правоцентристском режиме, страна проходит через "керенщину наизнанку". Функция исторической керенщины состояла в том, что по спине ее власть перекатилась от буржуазии к пролетариату. Историческая роль сталинщины состоит в том, что по спине ее власть скатывается или сползает от пролетариата к буржуазии. После-ленинское руководство вообще разворачивает октябрьскую фильму в обратном порядке, и сталинщина есть керенщина слева направо. В стране, потрясенной величайшей революцией, буржуазный порядок ни в каком случае не мог бы принять демократическую форму. Для победы и для удержания победы буржуазии понадобилась бы высшая, чисто военная концентрация власти, возвышающейся "над классами", причем непосредственной опорой такой власти служил [бы] поднимающийся новый собственник, у нас -- деревенский кулак. Это и есть бонапартизм. Термидор - только этап на пути к бонапартизму. Этот этап вовсе не должен непременно реа-

лизоваться полностью. Контрреволюция, как и революция, может "перепрыгнуть" через те или другие ступени.

В термидорианском, особенно же в завершеном бонапартистском перевороте огромную роль (во втором случае-- решающую роль) играет армия. Под этим углом зрения надо с величайшим вниманием отнестись к тем процессам, которые происходят в ней.

Не забудем, что в июльском докладе на московском активе правый горе-вождь, ссылаясь на своего друга Клина [Ворошилова], говорил: "Если еще раз прибегнете к чрезвычайным мерам, армия ответит восстанием". Это -- многозначительная формулировка: наполовину прогноз, наполовину угроза. Может быть, угроза даже на три четверти. Кто же угрожает? Новые собственники -- через руководящий аппарат армии. Руководящий аппарат - через Клина. Вот вам, с позволения сказать, кандидат в Бонапарты: Клима. Было бы совсем наивно

возражать в том духе, что слишком уж серый Бонапарт. Бонапарты тоже разные бывают: был ведь не только первый, но и третий, совсем захудалый прошельга. Когда имущим классам (необходимо, они, по старинному выражению, "из грязи делают князя". Да, события могут так повернуться, что Клим (один из Климов) может выскочить в "князя". Бонапарт будет третьесортный, но это не мешает ему зарезать революцию. Правда, Клим, говорят, перешел с правой позиции на правоцентристскую и поддерживает "мастера". Но такие верхушечные комбинации складываются и расторгаются в 24 часа под действием внешних толчков. Да дело и не в Климе: если не он, так Буденный За Бонапартом недостатка не будет. "Мастер" говорит: "Эти кадры можно снять лишь гражданской войной". Клим присовокупляет: "Если вы, рабочие, будете слишком бузить, то помните, что у меня за спиной серьезная сила". И то и другое – элементы бонапартизма. В первом случае говорит партийно-государственный аппарат, мнящий себя над всем, в том числе и над армией. Во втором случае говорит армейский аппарат, который завтра может почувствовать потребность поставить "штатских" на свое место.

Партийно-аппаратная бескровная победа центристов над правыми не снимала бы термидорианско-бонапартистской перспективы, а только видоизменяла и оттягивала бы ее. Самостоятельная победа центристов – без оппозиции, без массы – может быть одержана только дальнейшим зажимом, дальнейшим сужением массовой базы центризма, дальнейшим сращиванием центристской фракции с аппаратами государственной репрессии, в последнем счете, с командным аппаратом армии, в котором партийная жизнь давно угасла,

поскольку там не разрешается вообще иметь других мнений, кроме тех, какие приказано распространять Бубнову. Пересядет ли в результате этого "сращивания" мастер сам на белого коня или окажется под конем Клима – это уже вопрос, с классовой точки зрения совсем незначительный.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что "победа" правых вела бы прямоком, а победа центристов – зигзагом на термидорианско-бонапартистский путь. Есть ли в таком случае между ними разница? В последнем историческом счете разницы нет: центризм представляет ведь только разновидность соглашательства (в данном случае – с новыми собственниками, с пытающимся возродиться буржуазным обществом). Но это лишь в последнем историческом счете. На данном же этапе центристы выражают в гораздо большей степени широкий слой "выдвиженцев" рабочего класса, тогда как правые корнями уходят в новую, главным образом деревенскую собственность. Игнорировать борьбу между ними было бы грубейшей ошибкой, в духе децистской политической мазни.

Центристы не хотят открыто рвать с рабочими, гораздо больше этого боятся, чем правые, которые прежде всего не хотят обижать собственников. Как ни запутан партийный переплет, какие "осложнения" ни вносят в картину личные моменты (Сталин--Бухарин--Томский--Рыков), но именно это соотношение между верхами рабочего класса и новыми собственниками лежит в основе аппаратных группировок. Различать их необходимо для того, чтобы следить за этапами их борьбы, понимать ее смысл и границы. Борьба их имеет значение не сама по себе, а поскольку она ослабляет бюрократический обруч, выводит тайное наружу, заставляет массы думать и расширяет арену для их активности.

Июльский пленум был важным моментом оползания центристов. Но нелепо было бы думать, что это последний этап борьбы, что центристы капитулировали окончательно и что дальше наступит правая "монолитность". Нет, под давлением противоречий борьба неизбежно прорвется наружу и сыграет в истории партии и революции немалую роль.

Отсюда, однако, никак не вытекает, что центристы в борьбе с правыми захотят опереться на оппозицию. На перебежчиков из оппозиции – да, на оппозицию – никогда. Центристы боятся оппозиции больше, чем правых. Центристы борются с правыми, обкрадывая их программу (как жалуется направо и налево Балаболкин). Сказать, что блок с той или другой частью нынешних центристов невозможен никогда и ни при каких условиях, было бы смешным доктринерством. Многие нынешние центристы еще будут линять

влево. Если бы нам в 1924 году сказали, что мы будем в блоке с зиновьевцами, вряд ли многие поверили бы. Но случилось так, что борьба

ленинградских центристов против кулацкого наступления довела их до блока с нами и до принятия нашей платформы. Не исключены (подобного рода зигзаги и для правящих сегодня центристов, если классовый нажим заставит их открыто и решительно расколотся с правыми и если обстоятельства как следует будут ущемлять их хвост. Такие исторические возможности не исключены. Они могут стать ступенькой на пути к дальнейшему развитию и укреплению большевистской линии, как ступенькой явился блок наш с зиновьевцами. Но нужно было бы совершенно потерять голову, чтобы держать курс на блок с нынешними центристами, как они есть, а не на то, чтобы систематически, непримиримо, беспощадно противопоставлять пролетарское ядро партии центристам. В конце концов этими двумя тенденциями исчерпываются разногласия между подавляющим большинством оппозиции и ее маленьким меньшинством, которое "мечтает" о том, как хорошо было бы, если бы установился хороший блок с одумавшимися центристами и сэкономил бы трудности потрясения и опасности партийного и государственного развития. Увы, богатейший опыт прошлого свидетельствует, что такой мнимо экономный путь обходится дороже всего, а те, которые призывают к нему, нередко сами сползают к центризму.

Использовать аппаратно-бюрократическую драчку центристов с правыми как исходный момент коренной партийной реформы можно только при решительном вмешательстве массы. Большевистски организовать такое вмешательство может только оппозиция, политически совершенно не зависящая как от правых, так и от центристов и именно благодаря своей независимости способная использовать все этапы борьбы между ними.

* * *

Несколько слов в этой связи о решениях и советах нашего "нового" друга Каменева (в упомянутой уже "беседе" [с Бухариным]). Он, видите ли, находит, что "Л. Д. следовало бы теперь подать документ, в котором сказать: зовите, мол, нас, будем вместе работать. Но Л. Д. человек упорный..." и пр. и т. п. Каменев совсем не так наивно добродушен и, конечно, не верит сам тому, что говорит. Он прекрасно знает, что такого рода заявление отнюдь не изменило бы юридического положения оппозиции, только нанесло бы ей политический удар, снизив нас на уровень зиновьевцев. Эти

последние получили издевательскую полуамнистию, обрекающую их на политическое небытие, только благодаря тому, что отделились от нас. Каменев это отлично понимает. Разговоры и заигрывания его имеют единственной целью попугать Сталина, который слишком уж презрительно третировал своих будущих "союзников". Каменев хочет себе набить цену, чтобы при новой okazji снова предать нас, но уже на более льготных для себя условиях. Поддаваться его зазываниям могли бы только вконец отпетые дурачки. На этот счет в нашей среде двух мнений не будет. Особенно замечательны каменевские сожаления о моих "частых" и "резких" нападках на его капитулянтство. "Надо работать вместе". Кто старое вспомнит, тому глаз вон. "Приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции".. Хорошо поет Каменев, с колоратурой. То, что он поет столь смело, не пугаясь Ярославского, свидетельствует об ослаблении аппаратного обруча и о повышении шансов оппозиции. Это мы себе запишем в актив. Но вывод отсюда один: надо бить капитулянтов вдвое, втрое, вдесятеро

* ••• *

Вопрос о вмешательстве массы в драчку есть прежде всего вопрос о мобилизации рабочих по всем вопросам внутренней и международной жизни, начиная с простейших и неотложнейших.

В ряде писем попадают указания на отсутствие у нас, будто бы, платформы по "рабочему вопросу". Что, собственно, это значит? Разве наша платформа устарела? "Рабочая" часть нашей платформы наиболее детально и конкретно разработана. Боясь, что тут просто утеряна преемственность. Многие товарищи как бы забыли о платформе, не обращаются к ней, не ищут в ней указаний и потому требуют каких-то новых и новых документов. Надо восстановить преемственность. Каждое выступление большевика-ленинца должно исходить из платформы, по возможности с приведением точной цитаты, относящейся к данному вопросу. Тезисы по любому злободневному вопросу, крупному или малому, должны начинаться цитатой из платформы. Этот документ опирается на очень большой коллективный опыт, причем все формулировки

тщательно продуманы и обсуждены. Подход ко всем вопросам под углом зрения платформы будет иметь огромное дисциплинирующее идейное влияние, особенно для молодняка.

Разумеется, в платформе могут быть пробелы, устарев-

шие положения или ошибочные детали, требующие изменений, поправок и дополнений. Но нужно ясно и точно, исходя из самой же платформы, формулировать дополнения или поправки к ней

Вопрос о применении платформы к каждому данному этапу и к каждому конкретному вопросу, например, к очередной колдоговорной кампании, представляет свои самостоятельные трудности, которые могут быть разрешены только при участии местных, заводских, цеховых единомышленников. Основная наша директива, решающий критерий в этой области - повышение реальной заработной платы. Насчет размеров этого повышения мы выбираем путь переговоров с хозяйственниками, с советскими, партийными и профессиональными органами. Стачка, как указывает резолюция Одиннадцатого съезда партии, есть самое крайнее средство, но отнюдь не незаконное, не антипартийное и не антисоветское. Участие большевика-ленинца в стачке и в руководстве ею может явиться партийным долгом большевика-ленинца, если испробованы все другие пути для обеспечения законных, т. е. реально осуществимых требований массы. Степень реальной осуществимости может быть определена, как уже сказано, путем переговоров, где представители рабочих выслушивают все объяснения и по-настоящему заглядывают в книги. Через кого ведутся переговоры? Это зависит от степени недовольства массы и от силы ее напора. В подходящих случаях большевики-ленинцы будут требовать выбора специальных комиссий, делегаций и пр. для переговоров с Губотделом союза, с Губкомом партии, для хождения в редакции газет, а затем и во все самые высокие учреждения, с точными записями всех хождений по мукам и с докладами перед общим собранием.

Настроение рабочих таково, что требует самой большой решимости и активности с нашей стороны. Только мы можем направить накопившееся недовольство в советское и партийное русло. Нынешняя пассивность массы, являющаяся результатом многих факторов, выражает, в частности, момент колебаний и нерешительности самой массы, когда в старых путях многие и многие разочарованы, а новых еще не нашли. Это состояние - на перепутье -- по самому существу своему неустойчиво. В массе должна начаться новая кристаллизация, и она может, яри известных условиях, пойти с головокружительной быстротой. По каким осям? По бюрократическим осям она уже не пойдет. Если мы не явемся осью кристаллизации, то ею явятся меньшевики, эсеры и анархисты, а это значило бы, что Октябрьская революция окончательно пошла под откос. Только большевики-ленинцы

могут оградить от этого революцию, смело идя навстречу массе и опрокидывая, где нужно, рогадки, поставленные бюрократами.

Но идти навстречу массе не значит пасовать перед стихийностью, куда тянут децисты, которые либо свернут себе шею на политике авантюризма, что с полбеда, либо помогут невзначай врагам свернуть шею революции, что много хуже. Политика последнего пятилетия возродила и заново породила антисоветские, бесформенные, отчасти оформленно-соб-ственнические настроения в рабочих массах. Мобилизовать активность массы надо так, чтобы внутри ее постоянно происходила дифференциация по классовой линии. На антисоветские ноты, особенно оформленные, сознательные, злобные, мы должны реагировать гораздо более чутко и решительно, чем аппарат. При каждом взрыве недовольства мы должны первыми разоблачать меньшевиков, эсеров, анархистов, поскольку они пытаются примазаться. Мы можем и должны реагировать на такие попытки агентов буржуазии прямыми воззваниями к рабочим.

Можно не сомневаться, что по мере роста активности и роста нашего влияния на левом крыле рабочего класса попытки чуждых нам и даже классово враждебных элементов примазаться к нам - даже перекуситься в наш цвет будут учащаться. Нужно быть начеку и выводить таких примазывающихся наружу, по возможности гласно и открыто. Надо, чтобы фланги наши и тыл были очерчены ясной линией, чтобы масса знала, где мы, а где не мы.

В частности, это относится к ДЦ. Вы помните, что в наших рядах были

отдельные товарищи, подходившие к вопросу о децистах с сентиментальной точки зрения (хорошие, мол, ребята). Некоторые же не хотели видеть и разницы политических линий. Замечательно, что именно те товарищи, которые вчера еще предлагали полное слияние с ДЦ, сегодня стоят на соглашательском фланге и рвут и мечут против "децизма" в наших собственных рядах, причем под децизм-мом нередко понимают развитие нашей старой принципиальной линии.

Как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо децистами заняться, в смысле разъяснения кружково-паразитического характера их политики и заложенного в ней авантюризма. Так как "вожди" ДЦ, которых мы до поры до времени предоставляли самим себе (и правильно делали), доболтались до чертиков, то они дали нам в руки серьезное оружие против них. Лучшие элементы мы у них отводем при помощи их же собственных документов, особенно писем В Смирнова. Даже маленькую ранку

не надо запускать, иначе всему организму грозит отравление Рабочих мы у них отобьем смелой и решительной политикой в основных вопросах, с одной стороны, разъяснительной кампанией, с другой

* * *

Все полученные материалы свидетельствуют о том, что лозунг тайного голосования в партии и в профсоюзах может и должен быть выдвинут. Самокритика превратилась в полукомедию, полупровокацию. Это всем видно. Надо в "частичном", так сказать, переходном лозунге дать выражение настроениям рабочих, их пока еще не очень смелому желанию сместить нажимал.

--Почему ты голосовал против?

- Если б тайное голосование, тогда дело другое...

Это висит в воздухе Дойдет ли до тайного голосования, или же невыносимые противоречия будут разрешены более быстрым путем, с "перепрыгиванием" через этапы, вопрос особый; но для данного момента лозунг тайного голосования в партии и в профсоюзах является жизненным, ибо дает обобщенное выражение факту бюрократического зажима, т. е., по существу, классового нажима на рабочих через аппарат. Лозунг тайного голосования на данном этапе лучше всего выражает начинающуюся борьбу против двоевластия. Открытое голосование устанавливалось для того, чтоб враги не смели голосовать против пролетарской диктатуры. Элементы двоевластия в стране привели к тому, что рабочие не смеют голосовать за диктатуру из страха перед давлением буржуазии, преломленным через аппарат. В этом гвоздь положения. Аппаратчик стоит на трибуне и смотрит голосующим на руки, или жена дергает за рукав: лучше не голосуй. В этих условиях говорить, что тайное голосование есть потачка пассивности и нерешительности, значит поистине впадать в идеалистическое доктринерство. Кто так ставит вопрос, тот сопоставляет лозунг тайного голосования не с нынешним реальным положением, из которого еще только нужно найти выход, а с неким идеальным положением, при котором все рабочие смело и твердо голосуют по совести.

Развивая эту позицию до конца, надо бы и в капиталистическом обществе снять лозунг тайного голосования - для развития "активности и мужества". В Китае можно, конечно, рабочего-героя призвать к открытому голосованию; но ему завтра за это оттяпают голову. Вот почему в Китае лозунг тайного голосования (при всяких выборах) может получить жизненное значение, как продиктованный соотно-

шением классовых сил Хотя социальный режим у нас в основе другой, но основа эта уже изрядно забросана мусором. Неверно, будто нынешний характер наших выборов и голосований определяется только степенью мужества и решительности рабочих Нет, он определяется уже в огромной степени изменившимся соотношением классовых сил. Это изменений находит свое объективное выражение в аппаратах власти, во всей их механике. Недаром же Сталин ска-Зал: "Эти кадры можно снять только гражданской войной". Конечно, в этих словах есть элемент бюрократического бахвальства и застрашивания Перед серьезной волной снизу аппаратчик сдрейфил бы, не доводя дела до гражданской войны. Во всяком случае, этот путь - путь реформы под могучим напором масс - должен быть нами испробован до конца. На данном этапе лозунг тайного голосования толкает массу вперед, в сторону активности от нынешней

пассивности. На любом собрании, где речь идет о самокритике, о партийной демократии и пр., большевик-ленинец может и должен сказать: чтоб была самокритика, надо снять зажимал; дайте нам проголосовать по совести, без страха увольнения, т. е тайно - тогда все аппаратчики будут в узде.

Начинать надо с партии, затем перейти к профсоюзам. О Советах, где в выборах принимают участие разные классы, вопрос надо будет поставить в третью очередь, после того как накопится опыт.

* * *

Что касается общих перспектив борьбы внутренней и международной, то и на этот счет огранчусь здесь, по необходимости, самыми общими соображениями, оставляя за собой право вернуться к вопросу в ближайшее время, чтобы рассмотреть его более конкретно, применительно к отдельным наиболее важным странам, как это отчасти сделано в отношении Китая ("Китайский вопрос после Шестого конгресса"). Выяснению нерасторжимой связи нашей внутренней борьбы с международной посвящена значительная часть работ, отправленных Конгрессу. Теоретики децизма совершенно не понимают этой связи, не имеют никакой линии в международных вопросах, идут на случайные, чисто авантюристические блоки с людьми, полностью порвавшими с марксизмом, как Корш и К⁰. Во всех последних построениях В. Смирнов является только левой карикатурой на Сталина.

Европа проходит сейчас через полосу довольно оживленного стачечного движения. Эта волна является, в известном

смысле, экономически "запоздалой", так как она совпадает с явным ухудшением экономической конъюнктуры. Запоздалость стачечной волны вызвана предшествовавшими тяжкими поражениями, придавившими пролетариат, ростом влияния социал-демократии и бюрократической политикой Коминтерна. Дальнейшее ухудшение экономической конъюнктуры должно будет экономическую борьбу перевести на политические рельсы, усилив тем самым полевание пролетариата. В разных странах оно пойдет разным темпом. Но совсем не исключено крайнее обострение политической обстановки в отдельных европейских странах уже в ближайшее время. Это зависит в очень большой степени от глубины, длительности и напряженности надвигающегося кризиса не только в Европе, но и в Соединенных Штатах. Америка будет преодолевать свой кризис за счет Европы и может давлением своим довести отдельные страны, в первую голову Германию, до непосредственно революционной ситуации. Здесь опять вскрывается в перспективе основное противоречие между задачами эпохи и степенью зрелости компартий. Опасность упущения новых революционных ситуаций отнюдь не устранена и даже не стала меньше. Приключение с Тельманом, конечно, не является случайностью. Нынешний режим есть рассадник смоленских дел в международном масштабе. И вот эти господа, смоленские и гамбургские, нас осуждают и исключают. Их назначение состоит в том, чтобы позорить знамя коммунизма и губить Коминтерн. Чем дальше, тем больше будет выясняться гигантская миссия оппозиции в международном (масштабе. Необходимо приложить все усилия к тому, чтоб в борьбе с аппаратной казенщиной формировались на опыте, поднимались и зрели подлинно большевистские кадры. В этом будет коренное отличие третьего пятилетия Коминтерна по сравнению со вторым. Понадобилось пять лет, чтоб вывести основные вопросы и разногласия из бюрократических подвалов на мировую арену. Это уже достигнуто. Никакая сила не снимет поставленных проблем и противопоставленных тенденций. Революционные кадры иностранных партий могут расти только на собственном опыте. На командование международной оппозицией, в духе ИККИ, мы не посягаем. Широкий и правильный обмен теоретическим и политическим опытом, сотрудничество в области марксистского анализа совершающихся процессов и выработки лозунгов действия - вот с чего надо начать. Первые серьезные шаги уже сделаны в связи с Седьмым конгрессом. Остается развивать их, расширять, углублять.

Исход нашей внутренней борьбы неразрывно связан с

этими мировыми процессами. Но только юродивые могут делать отсюда тот вывод, будто для судьбы Октябрьской революции безразлична в таком случае внутренняя политика, и, в частности, политика оппозиции во внутренних делах

Построить социализм в отдельной стране мы не обещаем, это известно. Мы не говорили и не говорим, будто у нас есть чудодейственный рецепт, устраняющий все противоречия социалистического развития в капиталистическом окружении. Что у нас есть – это правильная ориентировка, правильное предвидение и вытекающая отсюда правильная классовая линия. Осью нашей внутренней политики является подлинное сохранение власти в руках пролетариата, вернее сказать, возвращение ему этой власти, узурпированной аппаратом, и дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата на основе систематического улучшения материально-бытовых условий существования рабочего класса. Никаких других рецептов и не надо.

У оппозиции есть правильная линия. Задача состоит в том, чтобы сделать ее линией пролетарского авангарда. Для этого нам нужно насквозь проникнуться сознанием величайшей исторической миссии, которая ложится на нас, и действовать с подлинно большевистским мужеством.

Л. Троцкий Алма-Ата, 21 октября 1928 г

ПИСЬМО ЧЕБОКСАРЦАМ

Дорогие товарищи чебоксарцы, на письмо ваше от 22 сентября отвечаю с (некоторым опозданием, так как был очень занят за последние недели. Отвечаю по пунктам.

Здоровье мое за последний период стало – после длительной хинизации – значительно лучше. Я опять работаю без перебоев. Собираюсь даже на большую охоту. Вернется ли малярия еще этой осенью, покажет будущее.

Очень рад вашему отзыву о "Критике программы"

К сожалению, работу пришлось писать в высшей степени спешно. После ее отправки я нашел в ней немало пробелов и у себя в папках открыл немало записей, цитат, документов, которые могли бы с большой пользой уточнить и дополнить сказанное в "Критике". Ну, да ничего не поделаешь. Доскажем в другой раз.

Надеюсь, что до вас дойдет "Китайский вопрос после Шестого конгресса", работа посвященная ближайшим перс-

пективам и задачам в Китае и обосновывающая, в частности, лозунг Учредительного собрания.

Вы поднимаете вопрос о "Перманентной революции" -- так сказать, в ретроспективной постановке, т. е. с оглядкой на прошлое. Да, вопрос поставлен, и на него нужно ответить. У меня есть черновик работы, направленной по этому вопросу против Сталина – Бухарина, которые не поняли ни ленинской постановки вопроса, ни моей и противопоставляют их как раз в том основном, что их сближает. Когда освобожусь от наиболее неотложных работ, займусь "Перманентной революцией", т. е. закончу старую работу. На это, однако, потребуется не менее двух-трех недель, так как работа очень обширная.

Вы меня изрядно "прорабатываете" по поводу моих определений "левого курса". Что вы очень искусно поймали все несовершенства моей терминологии в отношении центристского зигзага, в этом каюсь. В одном случае я говорю о "повороте", в другом о "сдвиге", то о "совершающемся" повороте, то о "совершившемся" и пр. Все это верно, но только вы маленько тут грамматикой подменяете политику. Ни одна наука еще не выработала точных терминов для центристских зигзагов. Поворот (конечно, известный поворот) совершился 15 февраля, т. е. произошел излом линии. Но этот левый поворот "совершается", поскольку он переносится на другие области или на другие партии (например, чехословацкую). Когда имеешь дело с незаконченным и к тому же внутренне противоречивым процессом, то в погоне за точной и законченной терминологией можно впасть в схематизацию и расставить точки не там, где надо.

Так, ваше письмо можно понять в том смысле, что борьба правых с

центристами завершилась и что июль подвел окончательный баланс. В письме же товарища Невельсона допускается возможность того, что на некотором новом этапе центристы приблизятся к нам (конечно, только под действием больших объективных причин: противоречий, давления массы и пр.). На эту тему я говорю, впрочем, подробнее в прилагаемом при сем письме к ряду товарищей, поэтому повторяться не буду.

б. В своем письме о направлении огня товарищ Невельсон приходит, к совершенно бесспорному выводу, что главный огонь надо направить по центризму как прикрытию, опоре и поддержке правых внутри партии. К сожалению, т. Невельсон не отметил, что так оно до сих пор и было. Против кого мы направляли огонь во всех статьях, речах, платформе и пр.? Против Сталина и Бухарина, поскольку последний отождествлялся со Сталиным. Правым у нас

в платформе посвящено несколько десятков строк. На них просто указывалось пальцем. Большого рабочим и не надо. В обнаженном виде правые за собой рабочих не поведут. Весь огонь критики мы все время сосредоточивали почти исключительно на центристах. Но есть другая, не менее важная сторона дела, которой нельзя упускать из виду. Центристы опираются через аппарат на недифференцированную массу партийцев, в том числе и рабочих. Правые через советский аппарат опираются на новых собственников. Пока центр и правые выступают "монолитно", Сталин пользуется всей силой собственников против нас, а Рыков - поддержкой рабочих. Разрыв между центром и правыми означал бы классовую трещину, причем собственники тянули бы гораздо дальше Рыкова вправо, а рабочие - гораздо дальше Сталина влево. В перспективе с армией правых у нас может быть даже гражданская война, а с армией центристов -- общий фронт. Я говорю именно об армиях, т. е. о классах, а не о верхушечных группировках. Полным самоубийством было бы смягчать критику центризма с той целью, чтобы приблизиться к массам, идущим сегодня за центризмом. Но вполне правильно и политически целесообразно, обращаясь к этим массам, сказать: "Вы боитесь раскола? Вы боитесь потрясений? Давайте же попробуем сделать совершившийся или совершающийся поворот вашего руководства, которому вы доверяете, а мы - ни в малейшей степени, отправным моментом для левого курса. Мы готовы вам всячески помочь на этом пути. Для начала давайте предъявим руководству такие-то и такие-то скромные требования (возвращение оппозиции, честный созыв съезда, сокращение партбюджета и пр.) -- проверим, таким образом, политическую линию и простую добросовестность руководства". Такой подход к аудитории абсолютно правилен. Каждый оппозиционер в ячейке или на рабочем собрании именно так подойдет, если это большевик-ленинец, а не оголтелый децист, который повернулся к партии спиной, решив, что партия -- труп (В. Смирнов). Поскольку вас смущает тон моего подхода к аудитории, постольку, как мне кажется, вы не правы. Никаких принципиальных уступок в таком подходе нет. Ибо превращение левого зигзага в левый курс не исключено (не исключено было вчера и может оказаться неисключенным завтра) -- при одном маленьком условии: при возрастающей активности масс и возрастающем влиянии оппозиции на эти массы.

На этом кончаю. Боюсь, что и так написал слишком много и где-нибудь "просыпался" по части настоящего и прошедшего времени. Впрочем, не примите этого всерьез: меня

только радует столь внимательное и придирчивое чтение вами всех наших документов. Придирчивость - добрая старая марксистская традиция.

Крепко жму ваши руки и желаю всего хорошего.

[Троцкий]

Алма-Ата, 22 октября 1928 г.

ПИСЬМО ТЕПЛОВУ

Дорогой товарищ Теплов, очень рад был получить от Вас наконец весточку непосредственно. Каюсь, в одном из писем я действительно обрушился на Вас в связи с оценкой Вашего курса. Обширную выписку из Вашего письма я получил от

В. Д. Сейчас вопрос, как я вижу из Вашего письма от 28 октября, снят, и

возвращаться к нему нет поэтому никакого основания. Что сталинский зигзаг внес немало трещин в ту нерассуждающую массу партийцев, которая служит основой центристской линии и бюрократического режима, в этом, конечно, не может быть сомнения. Насчет сроков, в течение которых скрытые процессы выйдут наружу, гадать нелегко. Вы надеетесь, что в течение ближайших 4--5 месяцев изменения в рабочей части партии обнаружатся. Это не исключено -- при одном условии: если пустое место, которое будет оставлять после себя в сознании крошащийся центризм, будет своевременно заниматься ленинской линией. Активность и независимость оппозиции является сейчас важнейшим условием всяческого политического прогресса. Вот почему я с такой тревогой откликнулся на высказывания нескольких товарищей, Ваши в том числе, когда стали намечаться элементы новой линии внутри оппозиции.

Второе Ваше письмо, от 7 октября, посвящено деци-стам. Теперь они во всех колониях встали в порядок дня. О том же самом пишут из Москвы, ссылаясь на Харьков и на другие пункты. Уже до получения Вашего письма с копией письма В. Смирнова я откликнулся в нескольких письмах на последние откровения этого хорошего революционера, который, однако, никогда ни по одному вопросу не занимал самостоятельно правильной позиции, а в данный момент как бы поставил себе сознательной задачей построить ультралевую карикатуру на Сталина. Есть ли в наших собственных рядах децистские настроения, это сейчас должно обнаружиться в совершенно ясной и отчетливой форме. Никакой потачки таким настроениям никто из нас давать

не будет. Нужно только в каждом отдельном случае выяснять, имеет ли тут место некоторый временный психологический перегиб, особенно в результате борьбы с соглашательскими тенденциями, или же дело идет о действительной ультралевизне, со всеми ее пороками: игнорированием партии и внутренних в ней процессов; самодовольной сектантщиной; отзовизмом и авантюризмом. В первом случае надо по-товарищески разъяснять; во втором случае надо межеваться.

Нелишне, однако, напомнить, что как раз наиболее видные представители соглашательских или полусоглашательских настроений по отношению к центризму до самого недавнего времени, еще в январе этого года, были решительными противниками нашего размежевания с децистами и стояли не только за совместную с ними работу, но и за полное слияние. И если вздуматься хорошенько, то нетрудно понять, что поворот на 180° - от слияния с децизмом к полусоглашательству по отношению к центризму - совсем не является случайным.

Пока на этом останавливаюсь. Прилагаю письмо общего характера, написанное в ответ нескольким товарищам, так сказать, по "текущему моменту".

Чувствую себя сейчас значительно лучше. Последние три недели работал без "перебоев". Сейчас собираюсь даже на большую охоту. Хочу надеяться, что осень - заклятый мой враг - на сей раз меня пощадит.

Крепко жму Вашу руку, передайте горячий привет ишимским друзьям.

[Л. Троцкий] Алма-Ата, 22 октября 1928 г

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ ИЗ ЗАПИСЕЙ СЫНА ЗА АПРЕЛЬ-ОКТАБРЬ 1928

г.

Нами послано было из Алма-Ата около 800 политических писем; в том числе ряд крупных работ. Кроме того, отправлено было около 650 телеграмм.

Получено нами свыше 1000 политических писем, больших и малых, и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Все это главным образом в пределах ссылки Сверх того, из Москвы нами получено 8--9 секретных почт, т. е. конспиративных материалов с нарочными; столько же отправлено. Секретная московская почта держала меня в курсе всех дел и позволяла с небольшим запозданием откликаться на важнейшие события.

ПИСЬМО СОСНОВСКОМУ

Дорогой Лев Семенович.

Ваше письмо от 9 октября получил. Вопрос о регулярной, целесообразной организации пересылки материалов я также поднимал давно, но без особенного успеха (в части рационализации, по крайней мере). Более благополучно, по-видимому, дело обстоит в Сибири. По Сибири мы регулярно посылаем все

основные материалы в следующие пункты: Барнаул, Каинск, Минусинск, Томск, Колпашево и Енисейск (не совсем полно); Бийск, Новосибирск, Каинск лишь последнее время. Разумеется, теперь присоединим и Ачинск. (Хотя по Вашей схеме неясно, кого Ачинск будет обслуживать - наоборот, выходит, что Каинск будет его обслуживать.) Желательным (и вполне возможным) мне кажется к пунктам-размножителям присоединить Минусинск, Колпашево и Енисейск. Все это -- большие колонии, уже давно получающие все основные материалы в первую очередь. В этом случае Барнаул можно было бы "разгрузить" от Сибири, "продвинув" целиком на Урал и в Северный Казахстан. Остальной Казахстан (по и возле ж[елезно]д[орожной] магистрали Самара--Ташкент, именно: Оренбург, Казалинск, Темир, Чимкент и др.) мог бы взять на себя Актюбинск - большая колония, также получающая все материалы. Волгу, Север и Крым берет на себя С. В. Мрачковский (Воронеж). Ему могли бы помочь Чебоксары и Великий Устюг (обслужив и Центральную область, м. б. с помощью еще какого-либо пункта) -- разумеется, согласовав с ним это. По Средней Азии обслуживание материалами можно было бы поделить между Ташкентом (большая колония-- посылаем все), Самаркандом и Кокандом (примерно). Один документ мы посылали бы в Ташкент, следующий в Самарканд (уведомляя об этом в первом случае Самарканд, во втором - Ташкент), нагружая их пропорционально возможностям, т. е. количеству ссыльных. Ту же очередность можно бы применить к Сибири. Такая система из замкнутых кругов с несколькими пунктами, которые становятся обслуживающими центрами в порядке известной очередности, значительно облегчила бы работу по переписке отдельным "размножающим" колониям. Все названные мною здесь колонии состоят минимум из 6--8 товарищей, а для такого числа переписать 4--5 стр. сущий пустяк, тем более что это делается и без того, только в неорганизованном порядке. В случае, когда материалы посылаются нами в пункт неразмножающий, я уведомлял бы об этом пункт-опекуну. Этим неизбежный параллелизм уда-

лось бы свести к минимуму. Помимо упомянутых выше сибирских городов, куда материалы посылаем регулярно, рассылаем также в Актюбинск, Ташкент, Воронеж, Астрахань, Курган, Сухум, Вологду (же совсем полно). В ряд городов посылаем 40--60%- Впредь в первую очередь и регулярно материалы будем посылать только в пункты-размножители плюс города, где находятся руководящие товарищи.

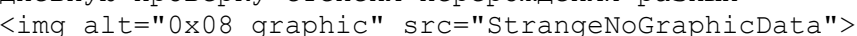
Все сказанное относится только к документам, исходящим непосредственно из Алма-Ата или впервые проходящим через этот пункт. Рассылка документов, исходящих из других пунктов, могла бы сообразоваться с той же схемой.

Ваш [Троцкий] 7 ноября 1928 г. Алма-Ата.

В ЧЕМ РАЗНОГЛАСИЯ С ДЦ * (ГРУППА 15-ти) (Ответ на письмо ссыльного рабочего, члена группы ДЦ)

Дорогой товарищ Бородай. Ваше письмо, отправленное из Тюмени 12 октября, я получил почти через месяц. Очень охотно отвечаю вам немедленно по получении письма ввиду важности тех вопросов, которые вы выдвигаете. Исходя из позиции группы ДЦ, к которой вы принадлежите, вы ставите мне семь вопросов и требуете на них "ясных и конкретных", "не туманных" ответов. Желание вполне законное. Только конкретность нам нужна диалектическая, т. е. такая, которая охватывает живую динамику развития, а не подменяет ее готовенькими штампами, на первый взгляд очень "ясными", а на деле -- бессодержательными и фальшивыми. Вопросы вы ставите мне чисто формальные: да-да, нет-нет. Ваши вопросы надо еще передвинуть на марксистскую почву, чтобы дать на них правильные ответы.

1. Охарактеризовав социальный состав партии и ее аппарата, вы спрашиваете: "Переродилась ли партия. Это первый вопрос". Вы требуете "ясного" и "конкретного" ответа: да, переродилась. Между тем я не могу ответить так, потому что нынешняя "наша партия и социально-диалогически крайне неоднородна. В ней есть клеточки совершенно переродившиеся, есть здоровые, но неоформленные, есть лишь затронутые перерождением и пр. и пр. Режим аппаратного за-силия, отражающий давление других классов на пролетариат и упадок активности самого пролетариата, крайне затрудняет повседневную проверку степени перерождения разных

 * Демократические централисты.-- Прим. ред.-сост.

слоев и клеточек партии и ее аппарата. Но проверка эта может быть достигнута и будет достигнута действием, в частности, нашим активным вмешательством во внутреннюю жизнь партии, неутомимой мобилизацией ее живых и жизнеспособных элементов. Конечно, о таком вмешательстве не могло бы быть и речи, если исходить из того, что партия в целом переродилась, что партия -- труп. При такой оценке партии нелепо к ней обращаться и еще нелепее ждать, что она захочет в той или в другой своей части, т. е. прежде всего в своем пролетарском ядре, выслушать и понять тебя. Завоевать же пролетарское ядро партии, значит завоевать партию. Это пролетарское ядро не считает себя -- и с полным правом -- ни мертвым, ни переродившимся. В нашей политике мы равняемся по этому пролетарскому ядру, по его завтрашнему дню. Наши задачи мы будем, ему, на основе опыта и фактов, терпеливо разъяснять.

На аппаратную клевету, будто мы строим заговоры и создаем вторую партию, мы в каждой ячейке и на каждом рабочем собрании скажем, что это ложь; что вторую партию строят под прикрытием центристов аппаратные устряловцы; мы же хотим очистить от устряловщины и полуустряловщины ленинскую партию, рука об руку с ее пролетарским ядром, которое при поддержке активных элементов всего пролетариата может еще овладеть партией и спасти от гибели революцию -- путем глубокой пролетарской реформы во всех областях.

2 "Налицо ли перерождение совapparата и соввласти. Это второй вопрос", -- спрашиваете вы.

Все сказанное выше относится и к этому вопросу. Несомненно, что перерождение советского аппарата значительно опережает такой же процесс в партийном аппарате. Но решает все же партия. Сейчас это значит: партийный аппарат. Вопрос, стало быть, возвращается к тому же: способно ли пролетарское ядро партии, при поддержке рабочего класса, справиться с самоуправством партapparата, сливающегося с госapparатом. Кто отвечает заранее: не способно, тот тем самым говорит не только о необходимости новой партии на новом месте, но и о необходимости новой, второй пролетарской революции. Разумеется, никак нельзя утверждать, что такая перспектива при всех условиях исключена. Однако дело идет не об исторических гаданиях, а о том, чтобы теперь, в данных условиях, не сдать врагам, а, наоборот, возродить и укрепить Октябрьскую революцию и диктатуру пролетариата. Испробован ли этот путь до конца ни в коем случае. Планомерная работа большевиков-ленинцев по мобилизации пролетарского ядра партии на но-

вом историческом этапе, по существу дела, только началась.

Желательный вам голый ответ на ваш вопрос о советской власти: "да, переродилась", . никакой ясности в себе не заключает, никакой перспективы не открывает. Дело ведь идет о развивающемся противоречивом процессе, который еще только должен разрешиться в ту или другую сторону, через посредство борьбы живых сил, причем наше участие в этой борьбе будет иметь не последнее значение для ее исхода.

3. "Беря в целом теперешнее положение страны и партии, -- спрашиваете вы, -- есть ли у нас диктатура рабочего класса и кто является гегемоном в партии и в стране? Это третий вопрос".

Из двух предыдущих ответов ясно, что и этот вопрос поставлен вами неправильно, не диалектически, а схоластически. Именно Бухарин ставил перед нами этот вопрос десятки раз в форме схоластической альтернативы (выбора): либо у нас термидор, тогда вы, оппозиция, должны быть не оборонцами, а пораженцами; либо, если вы действительные оборонцы, тогда признайте, что речи о термидоре -- одна болтовня.

Вы тут, товарищ, целиком попадаете в западню бухаринской схоластики. Вместе с ним вы хотите иметь "ясные", т. е. завершенные социальные факты; противоречивые же процессы развития вам кажутся "туманными". Что мы имеем в действительности? Мы имеем далеко продвинувшийся процесс двоевластия в стране. Перешла ли власть в руки буржуазии? Разумеется, нет. Ушла ли власть из рук пролетариата? В некоторой степени, в очень незначительной степени, но далеко

еще не в решающей степени. Этим и объясняется чудовищное засилье бюрократического аппарата, лавирующего между классами. Но госаппарат через партаппарат зависит от партии, значит, от ее пролетарского ядра - при условии активности этого последнего, правильной его ориентировки и правильного руководства. В этом и состоит наша задача.

Состояние развивающегося двоевластия неустойчиво по самому своему существу и должно раньше или позже разрешиться в ту или другую сторону. Но при сегодняшнем положении вещей буржуазия смогла бы взять власть только путем контрреволюционных потрясений. Пролетариат же может вернуть себе всю власть, обновить и подчинить себе бюрократию путем партийной и советской реформы. Такова основная характеристика обстановки.

Ваши харьковские единомышленники, как мне сообщают, обратились к рабочим с воззванием, построенным на той

ложной мысли, что Октябрьская революция и диктатура пролетариата уже ликвидировали Воззвание это, ложное по существу, причинило величайший вред оппозиции. Такие выступления надо решительно и беспощадно осуждать. Это авантюристское бухаровство, а не марксистская революционность.

4. Цитируя мое "Послесловие" об июльской победе правых над центром, вы спрашиваете: "Ставите ли вы этим полностью кавычки над "левым курсом" и "сдвигом", который когда-то предлагали поддерживать всеми силами и методами. Это четвертый вопрос".

Здесь у вас прямая неправда. О левом курсе я никогда и нигде не говорил. Говорил о "сдвиге" и о "левом зигзаге", противопоставляя это понятие левому курсу, т. е. выдержанной пролетарской линии. Мнимого левого курса центристов я никогда и нигде не предлагал и не обещал поддерживать. Но я предлагал и обещал поддерживать всеми средствами каждый действительный, хотя бы и половинчатый шаг центризма влево, не прекращая ни на минуту критики и разоблачения центризма, как основной помехи на пути пробуждения активности пролетарского ядра партии. Мое "Послесловие" и было актом разоблачения политической капитуляции центристов перед правыми на июльском пленуме. Но я не считал и не считаю, что июльский пленум закончил историю партийного развития, и, в частности, историю борьбы центристов с правыми. Сейчас мы являемся свидетелями новой центристской кампании против правых. Мы должны стать самостоятельными участниками этой кампании. Всю фальшь, двусмысленность, вероломную аппаратную половинчатость сталинской борьбы против правых мы видим, разумеется, насквозь. Но за ней скрываются глубокие классовые силы, которые стремятся проложить себе дорогу через партию и через ее аппарат. Движущей силой правого крыла является новый собственник, поднимающийся вверх и ищущий смычки с мировым капиталом; наши правые потому жмутся и робеют, что не решаются еще открыто пересечь на этого коня. Опорой центристов является партийный, профсоюзный и пр. аппаратчик, который как-никак зависит от рабочей массы и вынужден, по-видимому, за последнее время все больше с ней считаться: отсюда и "самокритика" и "борьба против правых". Таким образом, в борьбе центристов с правыми преломляется и искажается, но также и проявляется классовая борьба, и давлением своим она может аппаратную потасовку центристов с правыми превратить в очень важный этап пробуждения и оживления партии и рабочего класса.

Мы были бы дурачками, если бы принимали нынешний официальный поход против правых за чистую монету. Но мы были бы жалкими схоластами и сектантскими "умниками", если бы не сумели понять, что сотни рабочих-партийцев верят этому походу, если не на 100, то на 50 или 25%. Они ведь еще не с нами. Не забывайте этого, не обольщайте себя кружковыми пустяками. Центризм держится не только аппаратным засильем, но и доверием или полудоверием известной части рабочих-партийцев. Эти поддерживающие центристов рабочие гораздо охотнее пойдут на борьбу с правыми, чем шли на борьбу с оппозицией, куда их волокли на аркане. Серьезный и толковый оппозиционер окажет на любой рабочей ячейке, на любом рабочем собрании:

"Вас призывают бороться с правыми - великолепное дело. Мы давно к этому звали. И если вы серьезно думаете бороться с правыми, то на нас можете

рассчитывать вполне. Мы штрейкбрехерами не будем. Наоборот, будем в первых рядах. Но только давайте бороться по-настоящему. Маски долой. Надо вслух назвать правых вождей, перечислить их правые дела и пр "

Словом, оппозиционер будет по-большевистски толкать пролетарское ядро партии вперед, а не поворачиваться к нему спиной под тем предлогом, что партия переродилась.

5. "Возможно ли еще питать иллюзии по отношению к сталинцам как к способным еще защищать интересы революции и интересы рабочего класса. Это пятый вопрос".

И пятый вопрос поставлен вами так же неправильно, как четыре предшествующих. Питать иллюзии насчет центристов-- значит самому скатываться к центризму. Но не видеть тех массовых процессов, которые толкают центристов влево, значит замыкаться в сектантскую скорлупу. Разве вопрос состоит в том, способны ли Сталин с Молотовым вернуться на путь пролетарской политики? Самостоятельно, во всяком случае, не способны. Это они вполне доказали. Но ведь дело не в гаданиях насчет будущей судьбы отдельных членов сталинского штаба. Тут возможны всякие "неожиданности": стал же, например, бывший вождь ДЦ Осинский крайним правым. Совсем не это нас интересует. Правильный вопрос таков: десятки и сотни тысяч рабочих-партийцев и комсомольцев, которые сейчас активно, полуактивно и пассивно поддерживают сталинцев, способны ли они выравняться, подняться, сплотиться и "защищать интересы революции и интересы рабочего класса". На это я отвечаю: да, способны. Будут способны завтра или послезавтра, если мы сумеем правильно подойти к ним; если мы им покажем, что не противопоставляем себя им, как труп; если по-боль-

шевистски поддержим каждый их шаг и полшаг в направлении к нам, если при этом не только не будем питать каких либо "иллюзий" насчет центристского руководства, но будем эти иллюзии беспощадно разоблачать на повседневном опыте борьбы Сейчас это надо делать на опыте борьбы с правыми

6 Охарактеризовав Шестой конгресс и отметив некоторые явления внутри партии, вы пишете "Все это не есть ли термидор с сухой гильотиной Это шестой вопрос"

На этот вопрос с достаточной конкретностью отвечено выше. Еще раз не думайте, что бухаринская схоластика, вывороченная наизнанку, есть марксизм

7 "Намерены ли вы лично,-- спрашиваете вы меня,-- в дальнейшем товарищей, принадлежащих к группе 15 ти, награждать прекраснейшим эпитетом честных революционеров и в то же время отмежевываться от них Не пора ли кончить драчку Не пора ли подумать о консолидации сил большевистской гвардии Это седьмой и последний вопрос"

К сожалению, и этот вопрос не вполне правильно вами поставлен Не я отмежевался от ДЦ, а группа ДЦ, входившая в общую оппозицию, отмежевалась от нее На этой почве произошел в дальнейшем раскол в самой группе Такого прошлого Если взять самую последнюю стадию, когда в среде ссыльной оппозиции происходил серьезнейший обмен мнений, в результате которого мы выработали ряд ответственных документов, собравших 99% оппозиции, то и тут представители ДЦ, ничего в эту работу не внося по существу, опять таки отмежевались от нас, пересафарив при этом самого Сафарова После этого вы спрашиваете меня, намерен ли я и впредь "отмежевываться" от ДЦ Нет, к этому вопросу вы подходите совсем не с того конца Вы изображаете дело так, что в прошлом объединению мешали Зи-новьевы, Каменевы и Пятаковы Вы и тут ошибаетесь Из ваших слов можно сделать вывод, будто мы, оппозиция 1923 года, были за объединение с зиновьевцами, а группа ДЦ - против. Наоборот мы были гораздо осторожнее в этом вопросе и гораздо настойчивее в отношении гарантий Инициатива объединения принадлежала ДЦ Первые совещания с зиновьевцами происходили под председательством тов Сафронова Я это говорю совсем не в укор, ибо блок был необходимым и прогрессивным фактом Но не надо искажать вчерашний день После того как группа ДЦ отмежевалась от оппозиции, Зиновьев был все время за объединение с ДЦ, поднимал вопрос десятки раз, а я выступал против объединения Как я рассуждал при этом Объединение нам нужно,-- говорил я,-- но объединение прочное, серьез

ное Если на первом же ухабе группа ДЦ откололась от нас, то надо не торопиться с новыми кружковыми объединениями, а дать опыту проверить политику и либо углубить раскол, либо подготовить условия для настоящего, серьезного, не мимолетного объединения Я считал, что опыт 1927-- 1928 гг должен был показать нелепость заподозриваний и инсинуаций со стороны руководителей ДЦ по адресу оппозиции 1923 года Я рассчитывал, в частности, что принципиальные документы, адресованные нами Шестому конгрессу, приблизят объединение рядов В отношении ряда товарищей ДЦ так и произошло Но признанные руководители вашей группы сделали все, что могли, не только для того, чтобы углубить и обострить разногласия, но и для того, чтобы насквозь отравить отношения Я-то довольно спокойно отношусь к писаниям В Смирнова Но я получал за последнее время десятки писем от товарищей, до последней степени возмущенных характером смирновских писаний, как бы специально рассчитанных на то, чтобы помешать сближению и во что бы то ни стало сохранить свою собственную церковку и свой пасторский сан

Но и независимо от всей предшествующей истории - кто от кого и как отмежевался, кто по честному хочет единства рядов, а кто стремится сохранить свой приход - остается полностью вопрос об идейных основах объединения На

эту тему тов Рафаил пишет мне от 28 сентября: "Наши друзья из "группы 15" повели бешеную кампанию, в частности против вас, получилась трогательная идиллия в этом вопросе между передовицей "Большевика" Но 16 и Влад Мих Смирновым и другими товарищами из "группы 15" Основной грех этих товарищей -- это переоценка формальных постановлений и верхушечных комбинаций, в частности, постановлений июльского пленума из-за деревьев леса не видят Конечно, эти постановления отражают, на определенной стадии, соотношение сил, но ни в коем случае нельзя считать, что они определяют исход борьбы, которая продолжается и будет еще продолжаться Ни одна из проблем, вызвавших кризис, не разрешена, противоречия обостряются - это вынуждена признать даже официально передовица "Правды" (от 18 сентября) Оппозиция, несмотря на то что "стальной молот" вбивает каждый день "осиновый кол" (в который раз), живет и жить собирается, имеет закаленные в боях кадры - да еще какие кадры; в это время делать выводы, аналогичные выводам "группы 15", по существу, неправильно и чрезвычайно вредно, эти выводы создают демобилизационные настроения, вместо того чтобы организовать рабочий класс и пролетарское ядро пар-

тии. Позиция 15-ти не может не быть пассивной позицией, потому что, если рабочий класс и его авангард без боя сдал уже все свои позиции и завоевания, тогда на что и кого рассчитывают товарищи из "15". Для воскрешения "трупа" масс не ограничивают, а для новой борьбы, при таком состоянии рабочего класса, как они себе представляют, сроки слишком длинные и неизбежно это приведет к позиции Шляпникова". Думаю, что тов. Рафаил в своей характеристике совершенно прав.

Вы пишете, что рабочий класс не любит туманной половинчатости и дипломатических уверток. Правильно. Вот почему вам надо, наконец, свести концы с концами. Если партия - труп, надо на новом месте строить новую партию и открыто об этом рабочему классу сказать. Если термидор совершился, и диктатура пролетариата ликвидирована, тогда надо открыто выдвинуть знамя второй пролетарской революции. Так мы поступили бы, если бы путь реформы, за который мы стоим, потерпел крушение. К сожалению, руководители ДЦ по уши сидят в туманной половинчатости и дипломатических увертках. Они страшно "лево" критикуют наш путь реформы, который, как мы, надеюсь, показали, вовсе не значит путь сталинской легальности--но они не выдвигают перед рабочими массами и другого пути. Они ограничиваются сектантским ворчаньем по нашему адресу И выжидательным расчетом на стихийные движения. Если бы эта линия укрепилась, она не только погубила бы вашу группу, в которой немало хороших и преданных революционеров, но, как всякое сектантство и всякий авантюризм, оказала бы лучшую услугу правоцентристским тенденциям, т. е. в последнем счете, буржуазной реставрации. Вот почему, дорогой товарищ, прежде чем объединиться - а я за объединение всей душой, -- надо идейно размежеваться на основе четкой и принципиальной политической линии. Это старое и хорошее большевистское правило.

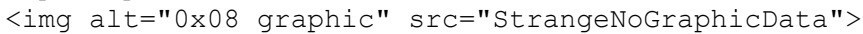
С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

[11 ноября 1928 г.]

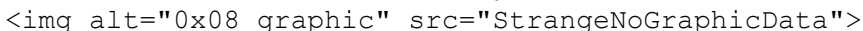
ПИСЬМО ЯНУШЕВСКОМУ

Дорогой друг, я до сих пор не ответил на Ваше письмо и, главное, не поблагодарил Вас за Форда*. Причин тому много; главной из них является полное расстройство пись-

*Легавая собака. [Прим. Л. Троцкого].

менных сношений. Но так как настоящее письмо посвящено собачье-охотничьим вопросам, то надеюсь, что оно дойдет беспрепятственно. Вот Вам обстоятельный отчет о Форде: исхожу из того, что Вам лично и остальным друзьям, содействовавшим в доставлении мне этой собаки, любопытно будет, как охотникам, прочитать настоящее донесение. В первый период Форд нас несколько испугал своей чрезвычайной размахистостью, чтобы не сказать разнузданностью, особенно по сравнению с тихой Майей *. Форд потрясал до основания нашу дачную квартирку и не всегда соблюдал правила вежливости. Возможно, что железнодорожное путешествие несколько выбило его из равновесия. Сперва я совершил с ним несколько охотничьих опытов в близлежащих горах. В первые разы бросались в глаза больше его недочеты, чем положительные стороны. Своим неистовым поиском он несколько раз спарывал выводки рябков (горных куропаток). Все время делал стойки и полустойки на жаворонков и вообще мелкую пташку. Уходил далеко и надолго в кусты, несмотря на свист. Отыскав убитого перепела, стал его мять, мне не отдавал, сопротивлялся, когда я открывал ему пасть, и в конце концов перепела мы разорвали пополам. Тут была, впрочем, доля и моей вины. Нужно, однако, прибавить, что и на последней большой охоте, наткнувшись в кустах на убитого фазана, Форд изрядно растерзал его. Таковы явные минусы собаки, с которыми пришлось столкнуться на первых порах. Письмо ее бывшего владельца и воспитателя чрезвычайно помогло мне. После первых двух-трех опытов я усвоил уроки этого письма гораздо лучше, чем при первом чтении. Я стал собаку прибирать к рукам, прибегая время от времени и к хлысту. (К сожалению, о мерах наказания в препроводительном письме ничего не было сказано.) Полному испытанию качества Форда подверглись на недавней большой охоте, главным образом по фазанам. Правда, фазан в эту пору года стойки не выдерживает, и в этом смысле работа не могла отличаться полной чистотой. Испытанию подвергались главным образом чутье, энергия поиска (в густых камышах и колючих зарослях) и неутомимость. По всем этим трем статьям Форд сдал экзамен прекрасно. Он поднимал фазана больше, чем две другие собаки вместе, бросаясь по следу в колючие кустарники с бесстрашьем, которое бы сделало честь закаленному ирландскому сеттеру. Ввиду обилия серьезной дичи, он почти не баловался стойками по мелкой пташке. Поиск оставался, однако, слишком размахистым и независимым. Только ух-

* Кличка собаки.-- Прим. ред.-сост.

дившись за утреннюю охоту, он начинал к вечеру работать почти идеально. После выстрела почти всегда ложился, если не слишком много стреляли вокруг. Крик "даун" он выполняет лучше всех других сигналов. Ищет убитую дичь хуже Майи, а однажды, как сказано, довольно долго оставаясь наедине с убитым фазаном, жестоко растерзал его. Живости он чрезвычайной, глаза умные, и это искупает целиком дефекты экстерьера: недаром же Бутулин говорит: "Нам с лица не воду пить". Думаю с ним походить, когда придут сапоги, по болотной дичи: охотники говорят, что сейчас под городом много бекасов и гаршнепов, очень жирных, и выдерживают стойку. Словом, я собакой очень доволен, семья относится к ней с большой симпатией. Посылаю отсюда организаторам и участникам этой посылки, поименованным в Вашем письме, самую горячую благодарность.

[Троцкий] Алма-Ата, 18 ноября 1928 г.

из открытки стражу

Дорогой друг, получил интереснейшую стенную газету и "Октябрь" со

статьей Серафимовича. Эти неудачники буржуазной беллетристики думают, что они призваны создать "пролетарскую" литературу. Они понимают под этим, очевидно, мелкобуржуазную подделку 2-го или 3-го сорта. С таким же основанием маргарин можно назвать "пролетарским маслом". У старика Энгельса есть прекрасная характеристика этих господ применительно к французскому "пролетарскому писателю" Валлесу. 17 августа 1884 г. Энгельс писал о нем Бернштейну:

"Валесу вам незачем делать столько комплиментов. Это жалкий литературный или, скорее, литераторский фразер, который абсолютно ничего из себя не представляет, который из-за отсутствия таланта перешел к самым крайним и стал "тенденциозным" писателем, чтобы таким образом пристроить свои плохие беллетристические произведения".

Наши классики были в этих делах беспощадны, а эпигоны превращают "пролетарскую литературу" в нищенскую суму, куда собирают буржуазные объедки. А кто не хочет эти объедки принимать за пролетарскую литературу, тот "капитулянт". Ну и пошляки, ну и фразеры, ну и пакостники. [...]

24 ноября 1928 г.

ТЕЛЕГРАММА

Москва ГПУ Менжинскому ЦК ВКП (б) ЦИК - Калинин Седову

Больше месяца абсолютная почтовая блокада. Перехватываются даже письма телеграммы здоровье дочери необходимых средства прочее. Точка. Сообщаю для устранения будущих ссылок на исполнителей. Троицкий. 3 декабря [1928 г.]

циркулярное письмо

Дорогой товарищ, вы, как и некоторые другие товарищи, спрашиваете: не слишком ли мы берем примиренческую линию, выдвигая такие требования, как честный созыв Шестнадцатого съезда, сокращение партбюджета в 20 раз, опубликование скрываемых работ Ленина и пр. Разумеется, вам ясно, что дело идет тут о ближайших лозунгах внутривнутрипартийного порядка. Это первые шаги, выполнение которых должно было бы показать партии, что совершился серьезный перелом режима. Вопрос о том, насколько осуществимы данные лозунги при нынешнем руководстве, отнюдь не решает судьбы самих лозунгов. Для всех нас совершенно ясно: а) несостоятельность нынешнего руководства, б) неосуществимость перечисленных минимальных лозунгов внутривнутрипартийного характера, поскольку они зависят от доброй воли руководства. Дело идет о мобилизации пролетарского ядра партии, так сказать, большевистской фракции ВКП, под известными, очень простыми и совершенно бесспорными переходными требованиями. Спротивление руководства этим требованиям будет раскрывать глаза партии на характер руководства и тем увеличивать большевистскую фракцию ВКП. Другими словами, значение выдвинутых требований о внутренней жизни то же, что значение переходных требований в компрограме вообще.

Но правильны ли эти требования как переходные? Оспорить их правильность можно было бы, только исходя из того соображения, что "партия - труп" (В. Смирнов), т. е. отрицая наличность внутри ВКП большевистской фракции и возможность ее очень значительного роста с перспективой овладения знаменем и формальными, не только идейными традициями ВКП. Этот вопрос на данной стадии решает. Для

того чтобы оценить правильность и целесообразность того или иного переходного лозунга, необходимо каждый раз поставить себя мысленно в положение рабочего-оппозиционера, выступающего на собрании ячейки или обще заводском собрании, где затронуты партийные вопросы, скажем, вопрос о "самокритике". Если рабочий-оппозиционер захочет утолить себя и свое дело, то он скажет: "Партия - труп, и от нее ничего ждать нельзя". Такая позиция была бы чисто реакционной: сектантство, при попытках выхода на широкую арену, нередко играло и будет играть реакционную роль Толковый оппозиционер скажет: чтоб "самокритика" перестала быть полукомедией, полупровокацией, надо обеспечить осуществление элементарнейших предпосылок партдемократии и перечислить названные выше лозунги. Он может и должен при этом открыто прибавить: "Я совершенно не верю в то, что нынешнее руководство способно добровольно осуществить эти требования и потому ни на грош не верю "самокритике". Но вы, товарищи, верите или хотите верить. Вот и давайте

проверим на предлагаемых мною бесспорных требованиях". Вот как поступит серьезный оппозиционер, который ищет путей к пролетарскому ядру партии и к массе вообще. Одной нашей собственной правоты совершенно недостаточно. Никуда не годится та правота, которая не стремится стать массовой силой. Гоняться за тем, чтобы пересмирнить Смирнова, нам не к лицу. На партийном собрании сторонники Смирнова просто не будут знать, с какой ноги ступить, или вынуждены будут посвящать свои речи доказательству того, что никогда они партию трупом не считали и пр. Нельзя, конечно, забывать при этом, что частичные лозунги захватывают только частицу вопроса. Но ведь платформа-то остается, как и все остальные наши документы. Там разработка системы требований по всем основным вопросам деятельности ВКП и Коминтерна. В этой области мы ничего не смягчаем, наоборот, заостряем и углубляем (в частности, в наших документах, направленных Конгрессу [Коминтерна]). Но преподнести партии нашу непримиримую критику и наши "неурезанные" лозунги надо так, чтобы рабочее ядро почувствовало, что мы хотим и умеем с ним разговаривать на понятном ему языке. Ведь рабочее ядро, массы вообще еще не с нами, этого не надо забывать. Это главное и основное. Массы недовольны, недовольно рабочее ядро партии, но свое недовольство они выражают на навязанном им условном и фальшивом языке аппаратной казенщины, важнейшей частью которой является вражда к оппозиции или страх перед нею. Надо, ничем не поступаясь по существу, подойти к партийной массе так,

чтобы она нашла выход к подлинной партийности, исходя из своих нынешних позиций. Вот этой цели и служат, в частности, названные выше лозунги.

[Л. Троцкий] [Декабрь 1928 г.]

ОТВЕТ ДВУМ ПРИМИРЕНЦАМ, СТОРОННИКАМ ТОВ. ИЩЕНКО

Алма-Ата

Уважаемые товарищи!

Сейчас я окружен почти полной почтовой блокадой.

Ваше письмо - в отличие от других писем - почта мне доставила, притом в очень короткий срок: пятнадцать дней.

По существу дела, ваше письмо есть временная платформочка новой группки для отхода от оппозиции. Очень может быть, что вы этого не сознаете, но те, которые подсунули вам эту "платформу", сознают, по-видимому, хорошо, куда ведут.

Отвечаю вам коротенько, ибо соображения вы приводите старые, давно опровергнутые всем опытом идейной борьбы.

1. Вы пишете о "недалеких грядущих боях за революцию на Западе". Возможно, хотя не доказано. Но как же быть с ошибочными в корне резолюциями и докладами Шестого конгресса? С эклектической программой - смесью марксизма с социал-национализмом? Может быть, вам обещали это переделать в "недалеком" будущем? Или, по крайней мере, перед вами открывают страницы печати для дискуссии по этим вопросам? А между тем от этих вопросов зависит судьба Коминтерна.

2. "Партия Ленина, -- пишете вы, -- перешла от наступления к обороне, частично уже и к наступлению на оппортунистическую опасность".

Это сказано немножко чересчур торжественно и преувеличенно, но сдвиг есть. Он произошел, не в последней степени благодаря тому, что мы не поддались примиренцам, зи-новьевцам, полузиновьевцам и четвертьзиновьевцам. Центристы шевелятся под нашим кнутом. Вывод: не убирать ли кнут. Нет, надо их

поощрять... в три кнута.

3. Вы пишете, что платформа правильно наметила водораздел между правыми (рыковцы) и центристами (сталинцы). "Правые работают на контрреволюцию, -- пишете вы, -- сталинцы работают сегодня (!) на революцию. Этого не поимать нельзя". Строго сказано. "Сегодня" - ну, а завтра. Или это вас не касается. И еще: если рыковцы работают

на контрреволюцию, а сталинцы - на революцию, как же они в самом решающем месте (Политбюро, Совнарком) работают совместно и клянутся партии,

что у них нет разногласий. И вместе громят нас.

4. Вы не только трусливо проходите бочком мимо усилившегося разгрома большевиков-ленинцев, но начинаете сами помогать по этой части сталинцам "работать на революцию". Вы сами начинаете громить такие действия, как "расклеивание листовок, стачка, тайное голосование в союзах и советах" (очевидно, требование тайного голосования?) и пр. и пр.

Что вы предлагаете вместо "расклеиванья"? Раздачу по рукам? Рассылку по почте? Или, может быть, вам открыли страницы "Правды"? Вы хвалите платформу. Может быть, она легализована? Скажите прямо: взгляды наши верны, но давайте прекратим борьбу за них. С этого начинали зиньков-евцы. А чем кончили?

Или, может быть, наши цели уже достигнуты? Может быть, хоть нынешний зигзаг влево обеспечен? Чем? "Принципиальной" позицией Сталина? Или личным составом его руководства? Кто так думает, должен переходить открыто к сталинцам.

К этому вы и подошли. Вы пишете: "Уже (?) сформировавшееся из бывших (?) центристов левое крыло... ведет борьбу направо".

Если левое крыло уже сформировалось из бывших (!!) центристов, значит, у него с нами не должно быть серьезных разногласий. Почему же оно громит нас? Без принципиальных оснований? Из личной конкуренции, что ли? Но тогда это означало бы просто политический бандитизм. Это ли вы хотите сказать о фракции Сталина? Тогда вы думаете о ней хуже, чем оппозиция, от которой вы отходите.

7. Вы вкривь и вкось толкуете о том, где главная опасность: в правых или в сталинцах? Главная опасность - мировая буржуазия. За ней - внутренняя буржуазия. Правое крыло - гот крюк, за который тянет буржуазия. Мы указываем партии на этот крюк уже несколько лет. Сталинцы кричали: клевета. Потом чуть-чуть признали: да, есть правая опасность. Рыков? Калинин? Бухарин? Ворошилов? Нет, это клевета! Кто же? Фрумкин! Чудище обло, озорно, стошевно. Это не борьба с правыми, а шутовство и обман партии. Это прикрывание подлинных правых вождей от партии. Кто прикрывает? Центристы. Значит, главная опасность в партии - центризм. Он прикрывает правое крыло и громит левое.

8. Рабочий-партиец, который с правоцентристской пози-

ции переходит сейчас на левоцентристскую, приближается к большевистской линии. Вы же, отходя от оппозиции на левоцентристскую точку зрения, удаляетесь от большевизма. С рабочим-центристом, сдвинувшимся влево, мы встретимся. А с вами, боюсь, нет.

9. Нападая на центристов, говорите вы, мы "помогаем правым". Эти слова показывают только, что вы сами целиком сползли к центристам. Ибо вы повторяете главный, основной, единственный и насквозь гнилой аргумент центристов против левых. Так либералы всегда говорили с.-д., так с.-д, говорят коммунистам, так центристы всегда говорят подлинным большевикам.

Помогая своей беспощадной критикой рабочему ядру партии освободиться от половинчатости и фальши центризма, мы создаем настоящий пролетарский оплот против правой опасности. Так всегда действовал большевизм, и в большом и в малом.

Смысл подписанной вами платформочки один: "Хорошо бы вернуться в партию и установить мир да лад".

А через какие двери вернуться? Есть две двери; зиньков-евская, капитулянтская, и большевистская, через продолжение и расширение идейной борьбы. Никакой третьей двери нет, не было и не будет. Пробовал Пятаков, пробовал Сафаров, пробовал Саркис. Кто они? Политические покойники. Кто им

поверит? Никто. Они сами себе не верят. Пятакову открыли дверь - только не в партию, а в банк. Мы, оппозиция, гораздо более в партии, чем вся эта капитулянтская братия. Вы предлагаете "решительно отмежеваться от децистских настроений". Эх, удивили. Это сделано еще в тезисах моих осенью 1926 г. И не только от "настроений", но и от взглядов и методов. Уклоны в сторону децизма, поскольку обнаруживаются, выправляем и выправим. А с вашей капитулянтской линией нам вовсе делать нечего.

Вы не только составили новую платформу (временную, ненадолго, ибо это только мостик к капитуляции), но наметили для себя примерный описок "вождей". Кроме меня вы называете Смилгу, Преображенского, Радака, Ищенко. Строгий выбор! Ух, какой строгий! Но, насколько я знаю, тов. Ищенко не подписал даже нашего общего "Заявления" Шестому конгрессу. Политически это значит, что он отошел от оппозиции. Ищенко был до 7 ноября крайне левым. Потом сразу поправел. Во время Пятнадцатого съезда считал, что без зиновьевцев мы погибнем. Заключал всякие блоки: с Пятаковым, с Саркисом, с Сафаровым, пролагая все новые и новые пути "в партию". Но все его союзники предали опозицию и самих себя. После февраля Ищенко опять стал

мудрить. После июля умолк. Сейчас опять открывает новые пути. Принципиального содержания в этой позиции нет ни на грош: шатания и путаница. Ищенко все собирается найти какую-то свою особенную дверь в партию. Не найдет. Либо через зиновьевскую дверь (в Центросоюз, в банк и... в политическую смерть), либо вместе с оппозицией по большой дороге принципиальной, идейно-непримиримой, большевистской борьбы.

Эта дорога не обманет.

Вот что я вам могу ответить в немногих словах.

С антикапитулянтским приветом,

Л. Троцкий

П. С. Да, чуть было не забыл самый ваш дальнобойный аргумент. Так как сталинцы отсекали от партии левое крыло, то они, по вашим словам, сами должны теперь выполнить роль левого крыла. Вот уж подлинно пречистая и пресвятая мать Ахинея. Вы, очевидно, "левое крыло" и "центр" понимаете в смысле парламентском, т. е. в смысле размещения стульев, а не в классовом смысле. Иначе вышло бы, что чем больше оппортунисты громят большевиков, тем больше они сами обольшевываются. Даже если бы центристы изгнали всех пролетарских революционеров из партии (что невыполнимо) и образовали ее "левое крыло", это "левое крыло" оставалось бы центристским. Только и всего.

Вы ведь считаете, что борьба центра с правой есть борьба не на жизнь, а на смерть. Значит, вытесняя и громя правых, центристы должны будут сами становиться... правым флангом.

Доля истины тут есть. По мере борьбы направо и налево центризм будет выделять из своей среды правоцентристские и левоцентристские элементы, т. е. будет распадаться, политически дифференцируясь. Бюрократы пойдут направо, рабочие -- налево. Этого нам и надо. Чем принципиальнее, тверже, смелее будет наша позиция, тем быстрее и здоровее пойдет этот процесс дифференциации. Он, и только он, несет с собой гибель правому крылу.

Примиренцы и капитулянты давно грозили, что мы окажемся начисто "вне партии". Сталин оказался вынужден на ноябрьском пленуме признать, что, помимо 10 000 исключенных большевиков-ленинцев, в партии осталось вдвое больше, т. е. 20 000. Если эту цифру дает Сталин, значит, надо ее умножить, по крайней мере, надвое. Вот это и есть левое крыло в марксистском, а не топографическом смысле. Отсечь это крыло уже невозможно, ибо вместо каждой отсеченной головы будут расти две новых. А дальше наступит

момент, когда лучшие рабочие-партийцы, передвигаясь широкой массой от центра влево, сольются с нашими, так что водораздел смоеется. Вот это есть подлинный путь к единству партии на ленинской основе.

Все остальное - зиновьевщина и сафаровщина, т. е. пустяки, суетня, мышиная возня, бирюльки.

Л. Т. [Декабрь 1928 г.]

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ
В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Я. С. Агранов (1893--1939), в 1912--1914 гг.--эсер. С 1915 г.--в большевистской партии. В 1919--1920 гг.-- секретарь СНК. С мая 1919 г. работал также особоуполноченным при президиуме ВЧК. В 1921 г.-- секретарь Малого Совнаркома. Расстрелян.

Виктор Адлер (1852--1918), с 1889 г. и до самой смерти - вождь социал-демократической партии Австрии, игравшей важную роль в деятельности довоенного Социалистического интернационала. В 1918 г.-- министр иностранных дел.

А. О. Альский (Мальский, М. Альский, 1892--1939), в партии большевиков с 1917 г. После октябрьского переворота - на советской работе в Воронеже, Литве, Белоруссии. Был заведующим учебно-распределительным отделом ЦК РКП (б). С 1921 г.-- заместитель народного комиссара финансов и член коллегии НКФ РСФСР. Оппозиционер. Исключен из партии в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Сослан в Нарым, затем в Барнаул. Погиб в период чисток.

Аманулла-Хан (1892--1960), афганский король в 1919--1929 гг. Возглавил освободительную войну против Великобритании и добился полной независимости своей страны (1919). В 1926 г. заключил с СССР договор о нейтралитете и взаимном ненападении. Был свергнут и эмигрировал.

В. А. Антонов-Овсеенко (1883--1939), советский государственный деятель Член партии с 1917 г. Во время октябрьского переворота - секретарь Петроградского ВРК. Руководил "штурмом" Зимнего дворца. В 1922--1924 гг.-- начальник Политуправления РСФСР. С 1924 г.-- полпред в Чехословакии, Литве, Польше, консул в Барселоне. С 1937 г.-- нарком юстиции РСФСР. Расстрелян.

К. Я. Бауман (1892--1937), в партии с 1907 г. Участник борьбы за советскую власть в Киеве. В 1920--1923 гг.-- секретарь Курского губкома. С 1929 г.-- 1-й секретарь МК партии, одновременно в 1929--1932 гг.-- секретарь ЦК партии. В 1928--1932 гг.-- член оргбюро ЦК, в 1929--1930 - член Политбюро. Расстрелян.

Август Бебель (1840--1913), один из основателей (1869) и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала.

А. Г. Белобородов (1891--1938), член партии большевиков с 1907 г. В 1918 г.-- председатель Исполкома Уральского областного Совета, один из исполнителей приказа Ленина и Свердлова о расстреле Николая II и его семьи. В 1919 г.--член ЦК, в 1920 г.--кандидат в члены ЦК. В 1923--1927 гг.-- нарком внутренних дел РСФСР. С 1927 г. троцкист, оппозиционер. Исключен из партии в декабре 1927 г. решением XV партийного

съезда. Сослан в Усть-Вымь. Позже раскаялся. Был восстановлен в партии. Затем снова исключен. Расстрелян.

Эдуард Бернштейн (1850--1932), один из виднейших германских социал-демократов, основателей II Интернационала. Советским правительством обвинялся в оппортунизме и предательстве интересов рабочих. В 1921 г. публично выступил с разоблачительной информацией о том, что большевики до октября 1917 г. брали деньги у германского правительства.

Леон Блжм (1872--1950), один из руководителей Французской социалистической партии. В 1936--1938 гг.-- глава правительства Народного фронта. После оккупации Франции гитлеровцами (1940) арестован и интернирован в Германии. В декабре 1946 вновь возглавил правительство Франции.

Бонапарт (Наполеон I), 1769--1821 - французский император в 1804--1814 гг. и в марте--июне 1815 г.

М. С. Богуславский (1886--1937), по профессии наборщик. В 1905--1917 гг.-- член еврейской социалистической партии. С 1917 г.-- в партии

большевиков. После большевистского переворота член ЦИК и член украинского правительства. С 1920 г. работал в Москве в Главполитпути, затем председателем союза печатников. В 1920--1921 гг. примыкал к платформе "демократических централистов", в 1927 г.-- к троцкистской оппозиции. Постановлением XV съезда партии в декабре 1927 г. исключен из ВКП(б); в августе 1936 г. арестован по обвинению в саботаже железных дорог и расстрелян.

Амадео Бордига (1889--1970), итальянский политический деятель. С 1910 г. член итальянской социалистической партии. В 1912 г. возглавил внутри партии близкое к анархизму течение. С 1919 г. выступал за бойкот буржуазных парламентов, возглавлял фракцию коммунистов-бойкотистов. Был делегатом Второго конгресса коминтерна. В 1921 г. участвовал в основании ИКП, стал одним из ее лидеров. В 1926 г. отстранен от руководства за поддержку взглядов Троцкого. В 1930 г.-- исключен из ИКП. В 1944 г. основал троцкистскую партию "коммунистов-интернационалистов".

Генрих Брандлер (1881--1967), в германской социал-демократической партии с 1898 г. Член Союза Спартака в годы первой мировой войны. В коммунистической партии Германии с момента ее основания. В 1919--1923 гг.--член ЦК КПП. В 1921 г. стоял на левых позициях. В 1922--1923 гг. обвинен руководством КПП и Коминтерном в правооппортунистических ошибках и по указанию Коминтерна исключен из ЦК. Образовал оппозиционную фракцию, симпатизировавшую правой оппозиции Бухарина, и в 1929 г. был исключен из КПП. До второй мировой войны оппозиция Брандлера продолжала существовать в виде самостоятельной партии (КРО).

А. С. Бубнов (1884--1938), советский государственный и партийный деятель. В партии с 1903 г. В октябрьскую революцию - член Политбюро ЦК РСДРП(б) и член Петроградского ВРК. В 1917--1918 гг.--член ЦК партии. Участник гражданской войны. С 1924 г.-- начальник политуправления РККА. В 1925 г.-- секретарь ЦК. Член РВС СССР. С 1929 г.-- нар-компрос РСФСР. Расстрелян.

С. М. Буденный (1883--1973), ветеран гражданской войны, член коммунистической партии с 1919 г. В 1924--1937 гг.-- инспектор кавалерии РККА.

С 1935 г.-- маршал. В 1939--1941 гг. - заместитель и 1-й заместитель наркома обороны.

Г. Бутов, начальник секретариата Троцкого, арестован после исключения Троцкого из партии. Подписать выдвинутые против него и Троцкого обвинения отказался, объявил голодовку и умер в 1928 г. в тюрьме.

Н. И. Бухарин (1888--1938). В партии, с перерывами, с 1906 по 1937.

Член ЦК в 1917--1934, член Политбюро в 1924--1929. Многолетний редактор "Правды" До 1928 г. в блоке со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева В 1928 г. решил порвать со Сталиным. Блокировался с Томским и Рыковым (так называемая "правая оппозиция"), потерпел поражение и в 1929 г. постановлением апрельского пленума был исключен из партии, снят с поста редактора "Правды" и секретаря Исполкома Коминтерна Раскаялся. Был восстановлен в партии. С 1930 по 1934 г работал у Орджоникидзе в наркомате тяжелой промышленности. В 1934 г. назначен редактором "Известий" и формально считался им до 16 января 1937 г, хотя фактически с конца 1936 г. "Известия" выходили под редакцией Б. Таля. Арестован 27 февраля 1937 г. Один из обвиняемых на процессе 1938 г. Расстрелян.

Г. Валентинов, бывший редактор газеты "Труд", оппозиционер, в 1928 г. сослан в Усть-Кулом. Погиб в период чисток.

Жюль Валлес (1832--1885), французский писатель и политический деятель, член I Интернационала, участник Парижской коммуны (1871).

Ван Цзинвэй (1884--1944) - один из ближайших сподвижников Сунь

Ят-сена, активно участвовал в борьбе с маньчжурской династией. После смерти Сунь Ятсена претендовал на лидерство в Гоминьдане, постоянно соперничая с Чан Кайши. В годы антияпонской войны сотрудничал с японцами. В 1939--1944 гг. возглавлял марионеточное правительство в Нанкине.

Е. С. Варга (1879--1964), советский экономист, академик. До 1919 г. жил

в Венгрии. Член венгерской социал-демократической партии. Занимал пост наркома финансов, а затем председателя ВСНХ в венгерском советском правительстве. Стал коммунистом. После падения советской власти в Венгрии эмигрировал в Россию. В 1927--1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

И. В. Вардин (Мгеладзе, 1890--1943). В партии с 1907 г. Один из большевистских руководителей в Саратове, после переворота - член Саратовского губкома РСДРП(б), редактор саратовской газеты "Социал-демократ". В 1918 г.-- член бюро Петроградского комитета партии большевиков. В период обсуждения Брестского мира - левый коммунист. В 1919 г.-- член Московского комитета партии, сотрудник "Правды" и "Известий". В гражданскую войну - начальник политотдела 1-й Конной армии, зав. подотделом печати ЦК РКП (б). В 1920 г.-- член Киевского губкома партии, затем начальник политотдела 1-й Конной армии. В 1921 г.-- уполномоченный референт ВЧК. В период дискуссии о профсоюзах-- сторонник платформы Троцкого. В 1927 г. солидаризовался с оппозицией, был исключен из партии постановлением XV съезда и сослан. Капитулировал, в 1930 г. был восстановлен в партии. В 1935 г. снова исключен. Репрессирован. Вероятно, погиб в заключении.

С. Ю. Витте (1849--1915), русский государственный деятель, граф. Председатель Кабинета министров с 1903 г. и Совета министров в 1905-- 1906 гг. Автор манифеста 17 октября 1905 г.

З. Л. Волкова (1900--1933), иногда наз. Зинаидой Бронштейн (по отцу). Старшая дочь Троцкого от брака с А. Л. Соколовской. Получила разрешение выехать из СССР для лечения на Западе. Уехала, оставив мужа и одного из двоих детей - Льва Волкова. В 1932 г. вместе с Троцким была лишена советского гражданства. Страдала психическим расстройством. Покончила с собой в Берлине в январе 1933 г.

К. Е. Ворошилов (1881--1969). В партии с 1903 г. Ветеран гражданской войны. С 1925 г, после загадочной гибели Складанского и не менее странной смерти Фрунзе, нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР. С 1934 г.--нарком обороны СССР. С 1940 г.--заместитель председателя СНК

И. В. Гете (1749--1832), немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени.

Ф. А. Гетье (1863--1938), крупнейший специалист по внутренним болезням, руководитель московских больниц. Главный врач Басманной, а затем основатель и главный врач Боткинской (бывш. Солдатенковской) больниц. С первых дней организации Лечебно-санитарного управления Кремля был приглашен туда на работу. Был врачом семьи Ленина и семьи Троцкого.

М. Глазман, стенографист и секретарь Троцкого во время гражданской войны, позднее член секретариата Троцкого, член ВРК. Левый оппозиционер. Исключен из партии в 1924 г. В том же году покончил самоубийством.

Томас Годскин (1787--1869), английский экономист.

С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин, 1874--1933). В партии с 1896 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде, член ВРК. С 1918 - один из политических руководителей Красной армии. С 1921 - начальник политуправления РВСР. В 1919 и 1921--1923 гг.--член РВС. В 1923--1925 гг.-- секретарь ЦКК РКП (б).

Т. Д. Дерибас (1883--1939). В партии с 1903 г. Участник первой русской революции. В 1917 г.--один из большевистских руководителей в Оренбургской губернии. С 1920 г. работает в ВЧК (ОГПУ), с 1931 г.--член коллегии ОГПУ. С 1934 г.-- кандидат в члены ЦК. Расстрелян.

Ф. Н. Дингельштедт, с 1923 г. в ленинградской оппозиции. Ректор Лесного института. В декабре 1927 г. постановлением XV съезда исключен из партии за оппозиционную деятельность. Сослан. Погиб в период чисток.

Я. Н. Дробнис (1891--1937), в партии с 1906 г. После большевистского переворота член ЦК КП(б) Украины. В 1922 г.-- член Малого СНК РСФСР. В 1920--1921 гг.-- активный член группы "демократического централизма". С 1956 г.-- член троцкистской оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из партии постановлением XV съезда. Раскаялся. В 1930 г. был восстановлен. Расстрелян.

Жан Жорес (1859--1914), вождь французских социалистов, руководитель

Французской социалистической партии, затем правого крыла СФИО. Основатель газеты "Юманите". Убит на митинге 31 июля 1914 г.

В. П. Затонский (1888--1938), примыкал к меньшевикам. В большевистскую партию вступил в марте 1917 г.. С мая 1917 г.-- член, а в ноябре 1917 г -- председатель Киевского комитета РСДРП (б). С декабря 1917 г.

входил в состав украинского советского правительства. С марта 1918 г.-- председатель ЦИК Украины. С марта 1919 г.-- нарком просвещения Украины. В 1919--1920 гг.--член реввоенсоветов 12-й, 13-й, 14-й армий и РВС Юго-Западного фронта. С 1923 г. вновь работал наркомом просвещения Украины, затем на военной работе. С 1925 г.-- председатель ЦК, а с 1927 по 1933, гг.-- председатель ЦК КП(б) Украины. Одновременно нарком РКИ и нарком просвещения УССР. С 1927 г.-- член президиума ЦКК ВКП (б). Кандидат в члены ЦК ВКП (б) с 1934 г. Расстрелян.

И. А. Зеленский (1890--1938). В партии с 1906 г. С 1920 г.--секретарь Московского комитета партии, с 1922 г.--член ЦК. С 1924 г.--член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б); одновременно в 1924--1926 гг.--секретарь ЦК. С 1931 г.-- председатель Центросоюза. Расстрелян.

Г. Е. Зиновьев (Радомысльский, 1883--1936). В.партии с 1901 г. В период 1905--1917 гг.--правая рука Ленина, большевик. С 1907 г.-- кандидат в члены ЦК, в 1912--1927 гг.--член ЦК партии (в ноябре 1917-го из состава ЦК вышел). В 1917 г. обвинялся Временным правительством в шпионаже в пользу Германии. После октябрьского переворота занимал ряд высоких должностей. В 1917--1926 гг.-- председатель Петросовета, одновременно - председатель исполкома Коминтерна. С 1923 г.-- в блоке со Сталиным и Каменевым против Троцкого с целью не дать Троцкому захватить власть. Позже - в блоке с Каменевым и Троцким против Сталина. Обвинен в оппозиционной деятельности. В июле 1926 г. выведен из Политбюро ЦК, в октябре 1927 г.--из ЦК, в ноябре 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. раскаялся, был восстановлен, снова исключен в 1932, затем опять восстановлен. В декабре 1934 г. окончательно исключен из партии и привлечен к уголовной ответственности по делу об убийстве Кирова. Приговорен в январе 1935 г. к тюремному заключению. В августе 1936 г. выставлен в качестве одного из главных подсудимых на первом московском процессе. Расстрелян. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор по делу Зиновьева отменил.

Макс Истман [Истмен] (1883--1969), до первой мировой войны редактор газеты "The Masses", затем - газеты "The Liberator". С 1923 г.-- сторонник левой оппозиции Троцкого. Переводчик Троцкого, его литературный агент в США. В конце 1920-х отказался от диалектического материализма, в 1930-е - от социализма вообще. Затем стал антикоммунистом, редактором "Reader's Digest". Как свою последнюю дань Троцкому перевел на английский язык главы незаконченной Троцким книги "Жизнь Ленина", опубликованные под названием "Молодой Ленин".

А. Г. Ищенко (1895--?), член партии с апреля 1917 г. В 1917 г.--член ЦК союза водников в Петрограде. В октябре 1917 г.-- комиссар флотилии миноносцев. В 1919--1921 и 1924--1927 гг.-- председатель ЦК союза водников. С 1923 г. левый оппозиционер. Исключен из партии постановлением XV съезда в декабре 1927 г. Сослан. В 1928 г. капитулировал. В ноябре 1929 г. восстановлен в партии, в феврале 1935 г. вновь исключен. Погиб в период чисток.

Л. М. Каганович (1893--1991), большевик с 1911 г., в 1917 г.--член Саратовского комитета партии большевиков. В 1918 г.-- комиссар Всероссийской коллегии по организации Красной армии. В 1919 г.-- председатель Воронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 г.-- член Туркестанского бюро ЦК РКП(б). С 1922 г.-- заведующий организаторско-инструкторским отделом ЦК. В 1924--1925 гг.-- секретарь ЦК, а в 1925-- 1928 гг.--первый секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1928 по 1939 г.--

секретарь ЦК ВКП(б), в 1930--1935 гг.--первый секретарь МК. После XVII съезда партии - председатель комиссии партийного контроля при ЦК. С 1930 по 1952 г.-- член Политбюро.

М. И. Калинин (1875--1946). В партии с 1898 г. С 30 марта 1919 г.-- председатель ВЦИК. С 1922 г.--председатель ЦИК СССР. С 1938 г.-- председатель президиума Верховного совета СССР. Член ЦК с 1919-го и член Политбюро с 1926 г.

Л. Б. Каменев (Розенфельд, 1883--1936). В партии с 1901 г. С 1914 г.-- большевик. Член ЦК в 1917--1927 гг. (в октябре и ноябре 1917 выходил из состава ЦК). Член Политбюро в октябре 1917 и в 1919--1925 гг. В октябре--ноябре 1917 г. председатель ВЦИК. В 1918--1926 гг.--председатель Моссовета. Одновременно с 1922 г.-- заместитель председателя СНК РСФСР (затем СССР), с 1924 г.--председатель СТО, с 1923 г.--директор Института Ленина. В январе--августе 1926 г.-- нарком внешней и внутренней торговли СССР. До 1925 г. в блоке со Сталиным борется против Троцкого, с 1926 г.-- вместе с Зиновьевым и Троцким составляет блок против Сталина, участник "новой оппозиции". С января 1927 г.-- полпред в Италии. В декабре 1927 г. исключен из партии. Раскаялся. Был восстановлен в 1928-м. С 1929 г.-- председатель Главконцескома. В 1933-м назначен заведующим издательством "Академия", в 1934-м - директором Института мировой литературы им. Горького. 20 декабря 1934 г. окончательно исключен из партии как контрреволюционер, арестован по делу об убийстве Кирова и приговорен, как и Зиновьев, в январе 1935 г. к тюремному заключению. Позже выставлен обвиняемым на первом московском процессе в августе 1936 г. Расстрелян. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор по делу Каменева отменил.

В. Каспарова, в оппозиции с 1926 г. В январе 1928 г. сослана в Курган, видимо, за то, что подписала обращение оппозиционеров к президиуму Исполкома Коминтерна.

А. Ф. Керенский (1881--1970), по профессии адвокат, лидер фракции трудовиков в Четвертой Государственной думе. С марта 1917 г.-- эсер. Во Временном правительстве занимал различные посты: министра юстиции (март--май), военного и морского министра (май--сентябрь), министра-председателя (с 8 июля) и верховного главнокомандующего (с 30 августа). За время своего руководства окончательно подорвал доверие к демократическому правительству, авторитетом в глазах армии не пользовался никогда, а потому большевиками был сметен с легкостью. Из Зимнего в последнюю минуту бежал, пробовал при помощи Краснова вернуть себе власть. Потерпел неудачу и эмигрировал за границу. Открыто обвинял большевиков в государственной измене (намекая на сотрудничество с Германией). В последний период эмиграции - профессор Стэн-фордского университета в Калифорнии.

С. М. Киров (Костриков, 1886--1934). В партии с 1904 г. С 1921 г.--секретарь ЦК КП (б) Азербайджана. С 1926 г.-- 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Одновременно с 1934 г.-- секретарь ЦК. Член ЦК с 1923 г., член Политбюро с 1930 г. Убит Николаевым 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. Убийство, подстроенное Сталиным, ознаменовало собой начало массового террора против партийных и советских работников.

Ж. Клемансо (1841--1929), премьер-министр Франции в 1906--1909 и 1917--1920 гг. Неоднократно занимал министерские посты, лидер радикалов. В годы первой мировой войны выступал за войну до победного

конца, участвовал в выработке Версальского договора. О "тезисе Клемансо" см. статьи Л. Троцкого "Тезис Клемансо и режим в партии" (написана 24 сентября 1927 г.) и "Клемансо" (2 августа 1927 г.).

Л. Г. Корнилов (1870--1918), генерал, в июле--августе 1917 г.--

верховный главнокомандующий русской армией. Один из организаторов, затем командующий белой Добровольческой армии. Убит под Екатеринодаром.

К. Корш (1886--1961), философ и публицист, в 1920 г. вступил

в германскую компартию, был депутатом Рейхстага. Занимал ультралевые позиции, солидаризировался с левой оппозицией Троцкого. В 1928 г. по требованию советского руководства был исключен из КПГ. Продолжал политическую деятельность в рядах оппозиции.

В. В. Косиор (1891--1938), советский государственный и партийный деятель. В партии с 1907 г. После Октябрьской революции на военной,

хозяйственной и профсоюзной работе. В 1920--1921 гг.-- сторонник Троцкого в дискуссии о профсоюзах, активный участник троцкистской оппозиции. В 1929 г. исключен из партии. Осужден, расстрелян.

Н. Н. Крестинский (1883--1938). В партии с 1903 г. В 1918--1921 гг.-- нарком финансов РСФСР, с 1921 г.-- полпред в Германии. В 1917--1921 гг.-- член ЦК. В 1919--1921 гг.-- член Политбюро и секретариата ЦК. В 1927 г. оппозиционер. Раскаялся, был восстановлен в правах. С 1930 г.-- заместитель наркома иностранных дел СССР. Выставлен на третьем московском (бухаринском) процессе в качестве обвиняемого и расстрелян.

О. В. Куусинен (1881--1964). В партии с 1904 г. Один из организаторов компартии Финляндии. В 1921--1939 гг.-- член президиума и секретарь ИККИ.

П. Л. Лапинский (Я. Левинсон, 1879--1937), польский коммунист, экономист, публицист. В 1920-е годы в качестве сотрудника НКВД РСФСР и СССР находился на дипломатической работе за границей. Расстрелян.

Роберт Марион Лафоллет (1855--1925), один из лидеров прогрессистского движения в США, с 1906 г.-- сенатор. Независимый кандидат на президентских выборах 1924 г.

В. И. Ленин (1870--1924). Лидер большевизма, экстремистского крыла русского социал-демократического движения. Неудавшийся юрист, слабый экономист, банальный философ. Блестящий тактик партийной борьбы, гениальный организатор раскола. В апреле 1917 г. возвращается в Петроград. В июле из-за проезда через Германию и раскрывшихся связей с немцами, в частности и из-за проникшей в печать информации о получении большевиками от германского правительства денег, обвиняется Временным правительством в измене, скрывается от ареста. Безупречный авторитет Ленина в партии - одна из не соответствующих истине легенд советской историографии. Ленин неоднократно был близок к тому, что потеряет власть над партией: в ноябре 1917 г., когда вопреки воле большинства ЦК настаивал на создании однопартийного правительства; весной 1918 г., когда настоял на подписании Брестского мира; в последние перед смертью месяцы, когда физически не был уже в состоянии вести борьбу против Сталина.

А. Лозовский (Дридзо, С. А., 1878--1952). В партии с 1901 г. Участник первой русской революции в Казани. С 1909 по 1917 г.-- в эмиграции, при-

мыкал к группе большевиков-примиренцев. В июле 1917 г. вернулся в Россию. На третьей Всероссийской конференции профсоюзов (июль 1917) избран секретарем ВЦСПС. В декабре 1917 г. исключен из партии за несогласие с партийной линией. Возглавлял группу социал-демократов - интернационалистов, в составе которой в 1919 г. был принят в РКП (б). В 1920 г.-- председатель московского губернского Совета профессиональных союзов. С 1921 по 1937 г.-- генеральный секретарь Профинтерна. С 1937 по 1939 г.-- директор Гослитиздата. В 1939--1946 гг.-- зам. наркома (министра) иностранных дел СССР. С 1939 г.--член ЦК. Член ИККИ. В 1937--1950 гг.-- депутат Верховного совета СССР. Репрессирован.

Фердинанд Лорио (1870--1930), один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. Во время первой мировой войны поддержал Циммервальдскую платформу. В 1920--1921 гг.-- инициатор раскола французской соцпартии и образования коммунистической партии Франции, где стал одним из руководителей. Член президиума Третьего конгресса Коминтерна. Несколько лет спустя порвал с коммунизмом и основал независимую политическую группу "Против течения".

М. Н. Лядов (Мандельштам, 1872--1947). В партии с 1893 г. Один из организаторов московского "Рабочего союза". Участник первой русской революции в Москве. С 1909 г.-- меньшевик, с 1920 г.-- большевик. В 1927--1930 гг. член ЦК ВКП (б).

Джеймс Макдональд (1866--1937), один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929--1931 гг.-- премьер-министр Великобритании. В 1924 г. установил дипломатические отношения с СССР. В 1931--1935 гг., выйдя из лейбористской партии, возглавлял коалиционное (национальное) правительство.

Джон Мак-Куллох (1789--1864), английский экономист. Отрицал трудовую теорию стоимости и существование эксплуатации рабочих буржуазией.

В. Малюта, исключен из партии в 1927 г. В 1928 г.-- сослан в Мезень. Видимо, репрессирован и погиб в период чисток.

Д. З. Мануильский (1883--1959), выходец из духовной семьи, сын сельского священника. В партии с 1903 г. После большевистского переворота занимал ряд постов, участвовал в мирных переговорах с украинской Радой. В 1919 г. возглавлял миссию Красного креста РСФСР во Франции. В 1928--1943 -- секретарь Исполкома Коминтерна. В 1942--1944 гг.-- в аппарате ЦК ВКП (б). С июля 1944 - заместитель председателя СНК Украинской ССР и одновременно нарком иностранных дел УССР.

Г. Марецкий, слушатель Института Красной профессуры, ученик, сторонник и последователь Бухарина. Летом 1927 г. в "Правде" выступил против Троцкого. Вместе с Бухариным попал в опалу. Погиб в период чисток.

К. Маркс (1818--1883), организатор I Интернационала, основоположник новой для своего времени классовой теории общества, легшей в основу коммунизма. Система взглядов Маркса, получившая впоследствии название "марксизм", была идеологическим стержнем всего общемирового социал-демократического движения.

А. Мартынов (А. С. Пиккер, 1865--1935) -- с 1884 г. народоволец. В конце 1890-х годов - один из руководителей "экономизма". С 1903 г.-- меньшевик, один из руководителей партии. В 1907--1912 гг.-- член ЦК РСДРП.

Во время первой мировой войны стоял на лево-центристских позициях (как и Мартов). Эволюционировал влево и на XII съезде был принят в большевистскую партию.

А. Маслов (И. Чемеринский, 1891--1941), один из лидеров левого крыла германской компартии. В 1921 г. возглавлял "берлинскую оппозицию", захватившую руководство КПГ в 1924 г., член Исполкома Коминтерна. В конце 1925 г. за поддержку "объединенной оппозиции" в СССР был снят с руководящих постов и исключен из КПГ и Коминтерна. Основал собственную организацию Ленинский союз (Ленинбунд) и предлагал оппозиционерам в СССР сделать то же самое. До 1930 г. сотрудничал с левой оппозицией Троцкого, вместе с Рут Фишер выпускал на немецком языке левый коммунистический орган "Фольксвилле". Умер при загадочных обстоятельствах на Кубе.

В. Р. Менжинский (1874--1934), социал-демократ с 1902 г. Во время октябрьского переворота - комиссар ВРК. С 1917 г.-- нарком финансов РСФСР, с 1919 г.-- член президиума ВЧК, с 1923 г.-- заместитель председателя, а с 1926-го - председатель ОГПУ. Член ЦК с 1927 г.

Л. З. Мехлис (1889--1953), советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1944). В партии с 1918 г. С 1930 г.-- в редакции "Правды". В 1937--1940 гг.-- начальник политуправления РККА. С 1939 г.-- член ЦК. В 1940--1950 гг.-- нарком (затем министр) госконтроля СССР. В 1941--1942 гг. одновременно зам. наркома обороны СССР, начальник Главполитуправления РККА и представитель Ставки ВГК на Крымском фронте. За необеспечение организации обороны Крыма снят с военных должностей. С 1942 г. член военных советов ряда фронтов.

Н. Л. Мещеряков (1865--1942), деятель российского революционного движения, публицист, член-корреспондент АН СССР (1939). В партии с 1901 г., сотрудник "Искры". Участник октябрьского переворота в Москве. С 1918 г.-- член редколлегии "Правды", зав. Госиздатом. В 1924--1927 гг.-- секретарь Крестинтерна. В 1924--1932 гг.-- заместитель главного редактора БСЭ. В 1932--1938 гг.-- главный редактор МСЭ.

Джеймс Милль (1773--1836), английский философ, историк и экономист. Комментарий экономического учения Д. Рикардо.

В. П. Милютин (1884--1937), советский государственный и партийный деятель. В партии с 1903 г. Примыкал к меньшевикам. С 1910 г.-- большевик. Вошел в первое советское правительство как нарком земледелия. В ноябре 1917 г. выступил за создание однородного социалистического правительства от энесов до большевиков, против диктатуры Ленина и Троцкого, в знак протеста вышел из состава ЦК партии и из СНК. В 1918--1921 гг.-- зам. председателя ВСНХ. В 1920--1922 гг.-- кандидат в члены ЦК, в 1924--1934 гг.-- член ЦК. Расстрелян.

В. М. Молотов (1890--1986). В партии с 1906 г. Во время большевистского переворота - член Исполкома Петросовета и член Петроградского ВРК. С 1919 г.-- председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б). В 1920 г.-- секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921--1930 гг.--секретарь ЦК ВКП(б). В 1930--1941 гг.--председатель СНК СССР. В 1941--1957 гг.-- 1-й заместитель председателя СНК (позднее--Совета министров). В 1939--1949 и 1953--1956 гг.--нарком (министр) иностранных дел. Член ЦК в 1921--1957 гг., член Политбюро и пре-

зидиума ЦК в 1926--1957. В июне 1957 г. выведен из состава ЦК, отправлен послом в Монголию. В 1960--1962 гг.--постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии.

Пьер Монатт (1881--1960), французский профсоюзный деятель и публицист. В 1904--1914 гг.-- один из руководителей Всеобщей конфедерации труда Франции. Во время первой мировой войны примыкал к Циммервальдской правой. В 1918--1920 гг. участвовал в организации забастовочного движения во Франции. После образования французской компартии стал коммунистом. В 1921--1924 гг. входил в редакцию газеты "Юманите", органа ФКП. В 1924 г. возглавил троцкистскую группу внутри ФКП, за что был исключен из партии. С 1925 г. и до конца жизни был редактором левокоммунистического органа "La Revolution proletarienne" ("Пролетарская революция"). С Троцким, однако, разошелся во взглядах уже в 1929 г.

С. В. Мрачковский (1888--1936)--советский военачальник

и

государственный деятель. В партии с 1905 г. Участник гражданской войны. В 1920--1925 гг.-- командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. В декабре 1927 г. исключен из партии за оппозиционную деятельность, постановлением сослан. В 1929 г. написал покаянное письмо, был возвращен из ссылки, назначен начальником строительства Байкало-Амурской железной дороги. В 1933 г. снова сослан, а в 1936-м на первом открытом московском процессе приговорен к смертной казни и расстрелян.

Н. И. Муралов (1877--1937). В партии с 1903 г. В 1918 г.--командующий войсками Московского военного округа. В 1919--1920 гг.-- член Реввоенсоветов Восточного фронта, 3-й и 12-й армий. После окончания гражданской войны -- командующий Московским военным округом, затем Северо-Кавказским военным округом. В 1920-е годы - оппозиционер, троцкист. В декабре 1927 г. исключен из партии и сослан в Тару. В 1937 г. расстрелян по делу "антисоветского троцкистского центра (параллельного)".

М. Невельсон, муж младшей дочери Троцкого Нины. В партии с 1917 г.

После Октябрьской революции на партийной работе в Красной армии (комиссар полка, политкомиссар дивизии, начальник политотдела армии). С 1923 г. на хозяйственной работе. Участник троцкистской оппозиции. Исключен из партии постановлением XV съезда. С января 1928 г. в ссылке в Тобольске, затем в Верхнеленском политизоляторе. Репрессирован.

Н. Л. Невельсон (1902--1928), младшая дочь Троцкого от брака с

А.

Л.Соколовской. Страдала туберкулезом. Умерла в Москве от скоротечной чахотки.

Е. ван Оверстратен, один из основателей Бельгийской коммунистической партии. Исключен из партии в 1928 г. за поддержку Троцкого. Возглавлял левую оппозицию в Бельгии до 1930 г., когда разошелся с Троцким во взглядах.

М. С. Окуджава (1883--1937). В партии с 1903 г. В 1922 г.--член ЦК

КП(б) Грузии. Осужден в июле 1937 г. Верховным судом Грузии за шпионскую и диверсионную деятельность "в пользу фашистских кругов одного из иностранных государств" вместе с Б. Мдивани, Торошелидзе, Куруло-вым, Чихладзе, Элиава и Карцивадзе. Расстрелян.

Н. Осинский (Оболенский В. В., 1887--1938). В партии с 1907 г. После Февральской революции работал в Московском областном бюро РСДРП(б), входил в

редакцию большевистской газеты "Социал-демократ". После октябрьского переворота - управляющий Государственным банком РСФСР, председатель ВСНХ. В 1918 г. один из авторов платформы "левых коммунистов". В 1918--1919 гг.-- в редакции "Правды" и отделе пропаганды ВЦИК. Делегат Первого конгресса Коминтерна. В 1920-- 1921 гг.-- активный участник группы "демократического централизма". В 1921--1923 гг.-- заместитель наркома земледелия. В 1923--1924 гг.-- полпред в Швеции. В 1925 г.-- член президиума Госплана СССР. С XIV съезда партии кандидат в члены ЦК. В 1926--1928 гг.-- управляющий ЦСУ СССР. В 1929 г.--заместитель председателя ВСНХ СССР. Расстрелян.

Альберт Перселль (1872--1936), член британского парламента, лейборист, руководитель британских профсоюзов во время всеобщей стачки в Англии.

И. М. Познанский (1898--1938), секретарь Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким. После высылки Троцкого в Алма-Ату в 1928 г. тайно отправился за ним. Был арестован, возвращен в Москву, затем сослан. Расстрелян.

Е. А. Преображенский (1886--1937). В партии в 1903--1927, 1929--1936 гг.

Делегат Первого съезда Советов, один из руководителей Уральского обкома партии. В 1918 г.-- левый коммунист. В 1920--1921--секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г.-- на хозяйственной работе. Один из ведущих советских экономистов, автор теории первоначального социалистического накопления, согласно которой для получения денег для индустриализации в СССР требовалась "дань" с крестьянства. Советская индустриализация фактически и проводилась по планам Преображенского, но сам Преображенский, вставший на путь левой оппозиции, в декабре 1927 г. постановлением XV съезда был исключен из партии за оппозиционную деятельность и сослан в Уральск. Раскаялся в 1929 г., был восстановлен в партии, затем снова исключен, после очередного раскаяния восстановлен. Расстрелян.

Г. Л. Пятаков (1890--1937). В партии с 1910 г. Во время революции

и гражданской войны занимал ряд высоких партийных и государственных должностей. В 1917--1918- гг.-- комиссар Народного банка. Левый коммунист. Был первым председателем советского правительства на Украине. С 1920 г. руководил восстановлением Донбасса, был заместителем председателя Госплана РСФСР. В декабре 1927 г. постановлением XV съезда исключен из партии за оппозиционные взгляды. Раскаялся и в 1928 г. был восстановлен. С 1932 г. заместитель, а с июня 1934 г. первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. На XVI и XVII съездах избирался членом ЦК (и числился таковым вплоть до ареста). Арестован в 1936 г., выставлен обвиняемым на втором московском показательном процессе (1937 г.) и расстрелян.

Иосиф (Осип) А. Пятницкий (Таршис, 1882--1938). В партии с 1898 г.

Агент "Искры". Один из руководителей большевистского переворота в Москве, член Боевого партийного центра. В 1920 г. секретарь МК РКП(б). С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. С 1923 г.--секретарь, с 1928 г.--член ИККИ. В 1924--1927 гг.--член ЦКК ВКП (б). С 1927 г. член ЦК. С 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б). Расстрелян.

К. Б. Радек (Собельсон, 1885--1939), клички "Крадек", "Парабеллум", польско-немецко-русский революционер. До революции подозревался

Дзержинским и Розой Люксембург в мошенничестве (присвоении общественных денег) и провокаторстве (сотрудничестве с германским и австро-венгерским правительствами). По настоянию Дзержинского исключен сначала из польской, а затем и из германской социал-демократической партии. Взят под защиту Лениным. В годы первой мировой войны сотрудничал с Парвусом и Георгом Скларцем, а через них-- с германским правительством. Видимо, имел отношение к организации убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург в январе 1919 г. В 1919--1924 гг.--член ЦК, член президиума Исполкома Коминтерна. С марта 1920 г. секретарь Коминтерна, ответственный за подрывную деятельность, прежде всего в Германии и Китае. В 1923 г. стал на путь оппозиции, в частности по вопросу германской революции, которую, как считала оппозиция, Сталин "провалил". Примерно с этого времени Радек начинает терять власть, его

снимают со всех постов, а в декабре 1927 г. постановлением XV съезда партии исключают из ВКП (б) в числе других 75 оппозиционеров и высылают в Ишим. Летом 1929 г. Радек в письме на имя ЦК раскаивается в своей оппозиционной деятельности, восстанавливается в партии и работает в "Известиях". В 1935 г. входит в состав Конституционной комиссии ЦИК СССР. В 1936 г. снова исключен из партии, арестован, выставлен обвиняемым на январском процессе 1937 г. (вместе с Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым и др.), осужден по делу так называемого "параллельного антисоветского троцкистского центра". Приговорен к десяти годам. Убит в заключении. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор по делу Радека отменил.

Степан Радич (1871---1928), вместе со своим братом А. Радичем один из основателей Хорватской крестьянской партии (1904). В 1924 г. посетил СССР, вступил в Крестьянский интернационал. В 1925 г.-- министр в Королевстве сербов, хорватов и словенов. Убит сербским террористом.

Х. Г. Раковский (1873--1941), один из руководителей балканских революционеров до и во время первой мировой войны. В период войны сотрудничал с немцами, получал от них деньги на пораженческую пропаганду. В 1918 г.-- дипломатический представитель РСФСР на Украине (вместе с Мануильский). Позже (1919--1923)--глава второго советского правительства на Украине. В последующие годы - на дипломатической работе: с 1923 по 1925 г.-- полпред в Англии, в 1925--1927 гг.-- советский посол во Франции. Первоначально один из лидеров левой оппозиции. В декабре 1927 г. постановлением XV съезда исключен из партии, сослан. Раскаялся в 1934 г., был возвращен из ссылки, в 1935-м восстановлен в партии, получил должность в Наркомате здравоохранения РСФСР. В начале 1936 г. был третьим заместителем председателя в Ученом медицинском совете РСФСР. После образования 20 июля 1936 г. наркомздрава СССР стал во главе этого учреждения. На московском (бухаринском) процессе 1938 г. выставлен обвиняемым, приговорен к двадцати годам. Умер в заключении.

М. Г. Рафес (1883--1942). В революционном движении с 1899 г. Член Бунда с 1903 г. В 1912--1919 гг.--член ЦК Бунда. После Февральской революции входил в состав Исполкома Петросовета, затем работал на Украине, возглавлял левое крыло Бунда. Летом 1919 г. вступил в РКП (б). Был комиссаром в Красной армии, потом работал в Москве.

Карл Реннер (1870--1950), один из лидеров Австрийской социал-демократической партии и II Интернационала, глава правого крыла партии и идеолог австромарксизма. В 1918--1920 гг.-- федеральный канцлер Австрии. Выступал за присоединение к Германии. Одобрил аншлюс 1938 г.

После освобождения Австрии в 1945 г.-- глава временного правительства Австрии. В 1945--1950 гг.-- президент Австрии.

Джон Рид (1887--1920), американский писатель, журналист, один из организаторов компартии США (1919). С 1919 г.-- член ИККИ. Умер в России при весьма подозрительных обстоятельствах, дающих основания считать, что он был отравлен при возвращении в Москву из Баку.

Давид Рикардо (1772--1823), английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политэкономии.

Альфред Росмер (1877--1964), анархо-синдикалист, участвовал в создании французской компартии, входил в Исполком Коминтерна. Редактировал анархо-синдикалистский журнал "Пролетарская революция". Исключен из коммунистической партии как сторонник левой оппозиции Троцкого. В 1929 г. издавал во Франции еженедельник "Веритэ". Один из организаторов международного троцкистского движения и учредителей IV Интернационала: конференция, основавшая IV Интернационал, состоялась в 1938 г. на квартире Росмера.

Рафаил (Р. Б. Фарбман, род. в 1893 г.). В партии с 1910 г. В 1920 г.-- секретарь ЦК КП(б) Украины, позже - заведующий Московским отделом народного образования с 1930 г.-- заместитель начальника управления и заведующий кадрами Рудметаллторга. В 1920--1921 гг.--сторонник группы "демократического централизма". В 1927 г.-- участник "объединенной оппозиции". Исключен из

партии в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Раскаялся, был восстановлен в 1932 г. В 1933 г. решением ЦКК вновь исключен. Погиб в период чисток.

Я. Э. Рудзутак (1887--1938), советский партийный деятель, в партии с 1905 г. В 1923--1924 гг.--секретарь ЦК РКП (б). В 1924--1930 гг.--нарком путей сообщения СССР. В 1926--1937 гг.-- заместитель председателя СНК и СТО СССР. Одновременно в 1931--1934 гг.--председатель ЦКК ВКП (б) и нарком РКИ СССР. Расстрелян.

А. И. Рыков (1881--1938). В партии с 1898 г. В первом советском правительстве - нарком внутренних дел. Вышел из СНК в знак протеста против политики Ленина. В 1918--1921 и 1923--1924 гг.--председатель ВСНХ РСФСР (СССР). С 1921 г.--заместитель председателя СНК и СТО РСФСР и СССР. В 1924--1930 гг.--председатель СНК СССР и РСФСР (до 1929 г.). С 1931 по 1936 г.--нарком связи СССР. С 1923 по 1928 г.-- в блоке со Сталиным против Троцкого. В 1928--1929 гг.-- один из лидеров правой оппозиции, выступившей против свертывания нэпа и против форсированной коллективизации В 1929 г. отказался от своих взглядов и принял сторону Сталина. В 1937 г. исключен из ЦК и из партии. В 1938 г. выставлен одним из обвиняемых на третьем московском процессе (бухаринском). Расстрелян

М. П. Рютин В партии с 1914 г С 1927 г. член ЦК. Погиб в период чисток.

Д. Б. Рязанов (Гольдендах, 1870--1938). К социал-демократическому движению примкнул в 16--17 лет. Подвергался арестам, провел какое-то время в тюрьме, ссылке, эмигрировал. В эмиграции изучал историю социалистического движения (деньги на эту работу обеспечил ему Карл Каутский, тепло относившийся к Рязанову). В партию большевиков вступил в 1917 г, но полностью никогда не разделял ее программы и так-

тики. Примыкал к всевозможным оппозициям. После революции - признанный большевистский философ-марксист. В 1921 г. основал Институт Маркса и Энгельса, созданный для изучения международного социалистического движения до первой мировой войны; директор Института. В 1924 г. публично заявил, что, будучи марксистом, не собирается приклеивать себе ярлык "большевика-ленинца". За это был подвергнут резкой критике со стороны Зиновьева. Свой Институт пытался защитить от прямого подчинения интересам текущей политики коммунистической партии. Привлекал на работу в институт социалистов-небольшевиков (за что некоторые коммунисты прозвали Институт "меньшевистским гнездом"). Летом 1921 г. назвал на съезде профсоюзов Сталина "держимордой" и "безграмотным ишаком" (после чего находился с ним в конфликте). Симпатизируя Троцкому, давал ему возможность заняться переводами Маркса, чтобы тем самым поддержать Троцкого в ссылке материально. Советское правительство, кажется, тоже не слишком возражало против того, чтобы Троцкий занимался переводами, а не оппозиционной деятельностью. В двадцатые годы Рязанов неоднократно выезжал за границу для покупки тех или иных архивов для Института. Во время процесса меньшевиков в январе 1931 г. ряд обвинений был выдвинут и против Рязанова. Хотя все они Рязановым были отвергнуты, партийный суд исключил Рязанова в феврале 1931 г. из партии за связи с меньшевиками. Рязанов был сослан, Институт разгромлен. Из 250 сотрудников свои должности сохранили только 10--12 человек После XVII партийного съезда по решению ЦК дело Рязанова было пересмотрено. С Рязановым вели переговоры и в обмен на признание им своих ошибок обещали восстановить в партии и возвратить орден Трудового Красного Знамени (которого он был лишен в 1931 г.). Рязанов на сделку пойти отказался, требовал открытого разбирательства, обвинения объявил клеветническими. Был взят на поруки Кировым (все это время защищавшим Рязанова) и из ссылки возвращен в Ленинград. После убийства Кирова в декабре 1934 г. снова сослан. Арестован при Ежове. Расстрелян 21 января 1938 г.

Г. И. Сафаров (1891--1942). В партии с 1908 г. В 1917 г.--член Петербургского комитета РСДРП(б). Ставленник и активный сторонник Зиновьева. В 1921--1924 гг.-- руководитель ближневосточной секции Коминтерна, затем -- руководитель комсомола. В 1925 г. участник "новой оппозиции"; в 1926--1927 -- "объединенной оппозиции". Исключен из партии XV съездом, сослан. Раскаялся; в 1928 г. был восстановлен в партии, в 1934 г снова исключен.

Погиб в заключении.

П. Д. Святополк-Мирский (1857--1914), генерал. После убийства Плеве назначен 26 августа 1904 г министром внутренних дел. 18 января 1905 г. ушел в отставку.

Л. Л. Седов (1906--1938), старший сын Троцкого, единомышленник отца. Вместе с ним отправился в ссылку, с ним же уехал из СССР, когда Троцкого выслали. В эмиграции был фактическим редактором "Бюллетеня оппозиции". Умер в 1938 г. в одной из парижских частных клиник при весьма странных обстоятельствах, давших основания считать, что он был убит (отравлен) органами советской госбезопасности.

С. Л. Седов (1908--1937), младший сын Троцкого, был далек от политики. После ссылки Троцкого в Алма-Ату оставался в Москве, хотя несколько раз навещал родителей. В эмиграцию вслед за отцом не поехал. В 1935 г. арестован, в 1937 г. расстрелян в ссылке.

Наталья Ивановна Седова (1882--1962), вторая жена Троцкого. С Троцким познакомилась в 1902 г. в Париже. Похоронена в Койоакане, рядом с Троцким.

Пьер Семар (1887--1942), один из основателей французской компартии

В

1920 г. С 1924 г --член ЦК и Политбюро ФКП. Один из руководителей французских профсоюзов. В 1924--1930 гг.--генеральный секретарь французской компартии. В 1924--1935 гг.--член ИККИ. В 1939 г. как коммунист арестован. После оккупации Франции германскими войсками выдан правительством Виши немцам и казнен ими.

А. Серафимович (Попов, 1863--1949), советский писатель. В партии с 1918

г. В 1943 г. удостоен Государственной премии СССР.

Л. П. Серебряков (1890--1937), в партии с 1905 г. В 1917 --член Костромского совета. В 1918--1919 гг.-- член Президиума Моссовета. В 1919--1921--член ЦК и Оргбюро ЦК. В 1920--1921 гг.--секретарь ЦК партии, член РВС Южного фронта. С 1922 г.-- заместитель наркома путей сообщения, с 1924 г.-- на хозяйственной работе. С 1923 г. член "объединенной оппозиции" В октябре 1927 г. исключен из партии постановлением XV съезда. В 1929 г. раскаялся и в 1930 г. был восстановлен. В 1936 г. арестован. Расстрелян.

Н. М. Сермукс, в годы гражданской войны был начальником военного поезда Троцкого, затем - сотрудником секретариата Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким. Тайно отправился к Троцкому в Алма-Ату, там был арестован, возвращен в Москву, позже сослан на север. Погиб в период чисток.

Вл. Сибиряков (Виленский), большевик, оппозиционер. До исключения

из

партии в декабре 1927 г. и высылки в Пермь - редактор журнала "Каторга и ссылка".

А. Н. Слепков (1899--1937), с 1921 г. слушатель исторического отделения Института красной профессуры. В 1924--1928 гг.-- член редколлегии журнала "Большевик", в 1928 г.-- член редколлегии "Правды". Работал ответственным инструктором ЦК ВКП (б) в секретариате Исполкома Коминтерна. Сторонник и последователь Бухарина. Расстрелян.

И. Т. Смилга (1892--1938). В партии с 1907 г. В 1917 г.--член Кронштадтского комитета РСДРП(б), председатель Облсполкома армии, флота и рабочих Финляндии. В годы гражданской войны - член РВС ряда фронтов, начальник Политуправления РВСР и член РВСР. С 1921 г.-- заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. В 1917--1920 и 1925--1927 гг.--член ЦК. С 1927 г.--на хозяйственной работе. Левый оппозиционер. В декабре 1927 г. смещен со всех постов, исключен из партии постановлением XV съезда и сослан. Капитулировал в 1929 г. В 1930-м восстановлен в партии. Бесследно исчез в годы чисток (видимо, умер в заключении или был расстрелян).

В. М. Смирнов (1887--1937). В партии с 1907 г. После октябрьского переворота - уполномоченный СНК РСФСР в Финляндии, член московского революционного комитета. Делегат VI--IX съездов партии. Член редколлегий "Правды" и "Экономической жизни". В 1920 г.-- член коллегии Промбюро ВСНХ Украины. В 1921--член коллегии Госплана. В 1927 -- член коллегии ЦСУ СССР. Заместитель председателя ВСНХ, член ЦК.

Один из лидеров демократических централистов. В 1926 г.-- участник так называемой объединенной оппозиции. Высказывался за организацию в

СССР второй партии. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г: постановлением XV съезда. Сослан. Расстрелян.

И. Н. Смирнов (1881--1936), большевик, член ЦК с 1920 г., нарком почт и телеграфов, левый оппозиционер. Исключен из партии за оппозиционную деятельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Сослан в Сухуми. В 1929-м раскаялся, написал покаянное письмо. В 1930-м восстановлен в партии. В 1933 г. снова исключен. Выставлен обвиняемым на процессе Зиновьева и Каменева. Расстрелян.

Г. Я. Сокольников (Бриллиант, 1888--1939). В партии с 1905 г. С 1917 г.-- член ЦК. В 1918--1920 - на военно-политической работе в Красной армии, член реввоенсоветов 2-й и 9-й армий, командующий 8-й армией Южного фронта. С 1920 - командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанского ВЦИК и СНК РСФСР, входил в первый состав Туркбюро ЦК ВКП (б). В период профсоюзной дискуссии сторонник Бухарина. С 1921 г.-- член коллегии Наркомфина, зам. наркома финансов. В 1922-- 1926 гг.--нарком финансов РСФСР (СССР). В 1925 г. примыкал к "новой оппозиции". В 1926 г. исключен из партии. Раскаялся, был восстановлен. С 1929 г.-- посол в Англии, с 1934-го -- заместитель наркома иностранных дел. В 1935--1936 - первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Член Политбюро ЦК, ВЦИК, затем ЦИК СССР. Арестован в 1936 г., выставлен обвиняемым на процессе "антисоветского троцкистского центра (параллельного)". Погиб в заключении.

Л. С. Сосновский (1886--1937). В партии с 1903 г. Участник революции 1905--1907 гг. и Октябрьской революции (на Урале). Журналист, сотрудник "Правды" и "Вопросов страхования". В первые месяцы советской власти один из главных ораторов во ВЦИК, в том числе и во время исключения из ВЦИК меньшевиков и эсеров в июне 1918 г. В начале 1920-х годов был заведующим Агитпропом, затем - постоянным сотрудником "Правды", вплоть до исключения из партии в конце 1927 г. XV съездом ВКП (б). В начале 1928 г сослан в Барнаул. В 1935 г. написал покаянное письмо, был восстановлен в партии, возвращен из ссылки и направлен на работу в "Известия". В 1936 г. снова исключен из партии, арестован. Выставлен обвиняемым на процессе параллельного антисоветского троцкистского центра (23--30 января 1937 г.). Расстрелян.

И. В. Сталин (1879--1953). В партии с 1898 г. В 1912--1913 гг.--член Русского бюро ЦК. В 1917--1922 - нарком по делам национальностей, одновременно в 1919--1922 - нарком государственного контроля, РКИ. Член РВСР. С 1922 г.-- генеральный секретарь партии. После смерти Ленина остается у власти вопреки ленинскому "Завещанию". В формируемых затем против Троцкого блоках остается всегда в тени, подставляя Зиновьева, Каменева и Бухарина. Устранив Троцкого, оттесняет затем помогавших ему Зиновьева и Каменева (обвинив их в левой оппозиции, а себя причислив к правым); затем отстраняет Бухарина, обвиненного в правом оппортунизме (с позиции центра, которую провозглашает Сталин). В действительности проводит в это время экстремально левую политику индустриализации и коллективизации. Выйдя к 1929 г. единоличным победителем из внутривнутрипартийной борьбы, Сталин подготавливает убийство Кирова и, со ссылками на поднявших в СССР голову террористов, проводит партийные чистки 1935--1939 гг. Освободившись от старого партийного актива, могущего помешать осуществлению нового политического курса, заключает соглашение с Гитлером о разделе сфер влияния в Европе и, благодаря попустительству демократических стран, осуществляет захват ряда европейских государств (полностью: Прибалтийских, частично:

Финляндии, Румынии и Польши). После второй мировой войны Сталин получает под свой контроль территории, называемые Восточной Европой. После Берлинского кризиса 1948 г., в результате которого Сталин добивается признания западными правительствами разделения Германии на Восточную и Западную, рвет установившиеся было добрососедские отношения с демократическими странами, в пику Англии поддерживает образование Израиля, предаст анафеме независимого коммуниста Тито и ведет

умеренно-изоляционистскую политику. Обстоятельства смерти Сталина нельзя считать выясненными. Не исключено, что он был убит заговорщиками, среди которых были Маленков, Берия и Хрущев.

А. И. Стецкий (1896--1938). В партии с 1915 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1930 г.--зав. агитпропотделом ЦК партии. С 1924 г. член ЦКК, с 1927 --член ЦК. С 1937 г. депутат Верховного совета. Расстрелян.

Б. К. Суварин (Лифшиц, 1895--1984), французский социалист, журналист, в годы первой мировой войны - сторонник Троцкого. В 1921 г. один из основателей компартии Франции. Исключен в 1924 г. за поддержку левой оппозиции. Стал известным журналистом, историком, одним из первых биографов Сталина.

Н. Суханов (Гиммер Н. Н., 1882--1940), революционер, экономист, публицист, историк. С 1903 г.-- эсер. С 1917-го - меньшевик. Член Исполкома Петроградского совета 1-го созыва. Вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Государственной Думы о составе первого буржуазного правительства России. До 1920 г. примыкал к группе Мартова (меньшевики-интернационалисты), был одним из редакторов газеты "Новая жизнь". Автор семитомной истории русской революции "Записки о революции" (Изд. З. И. Гржебина, Берлин--Петербург--Москва, 1922--1923). Пытался примириться с большевизмом и вступить в партию. Принят так и не был. Стал членом Коммунистической академии. В 1930 г. был из нее исключен, а в 1931 г.-- выставлен обвиняемым на процессе меньшевиков и осужден как руководитель несуществовавшей подпольной меньшевистской организации. В 1939 г. осужден повторно. Умер в лагере.

С. И. Сырцов (1893--1937). В партии с 1913 г. С 1917 --на различных партийных постах. В 1929--1930 гг.--председатель СНК РСФСР. В 1927-- 1930 гг.-- член ЦК. В 1929--1930 - кандидат в члены Политбюро. Расстрелян.

Э. Тельман (1886--1944), в 1903--1917 гг.-- член Социал-демократической партии Германии. В 1917--1920 гг. член НСДПГ, с 1920 г.-- член компартии. Во время Ноябрьской революции 1918 г.-- член Гамбургского Совета. Активно участвовал в гамбургском мятеже 1923 г. С 1923 г. член ЦК КПГ, с 1925 -- председатель КПГ и председатель военизированной организации Союза красных фронтовиков. В 1924--1933 гг.-- депутат Рейхстага. Сталинист. После прихода к власти фашистов 3 марта 1933 г. арестован и посажен в берлинскую тюрьму Моабит. 18 августа 1944 г. казнен в концлагере Бухенвальд.

В. А. Тер-Ваганян (1873--1936). В партии с 1912 г. В 1915--1917 --на партийной работе в Москве. В 1922--1923 - редактор журнала "Под знаменем марксизма". В последующие годы работал в "Правде", в Государственном издательстве легкой промышленности, в редакции журнала "Красная новь". Написал ряд работ по национальному вопросу. Оппози-

ционер. В 1927 г. исключен из партии, сослан в Казань. В 1929 г. капитулировал. Восстановлен в партии в 1930 г. В 1935 г. вновь исключен. Расстрелян.

Е. М. Тимофеев (1885--1941), эсер. С декабря 1917 г.--член ЦК партии социалистов-революционеров. Арестован в 1920 г. и выставлен одним из главных обвиняемых на процессе эсеров 1922 г. Приговорен к смертной казни. Помилован под давлением мировой общественности. В 1925 г. выслан в Среднюю Азию, в город Коканд, но вскоре был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения (отбывал в Лубянской тюрьме в Москве). После длительной голодовки протеста освобожден и выслан в Казахстан, в Уральск. В 1926--1928 гг. выпустил несколько монографий, посвященных исследованию местного крестьянского хозяйства. В

1929 г. переезжает в Казань, в начале 1930-х его переводят в Самарканд, где он работает экономистом. В 1941 г., видимо, был расстрелян.

Пальмиро Тольятти (псевдонимы Эрколи и др., 1893--1964), деятель итальянского и международного коммунистического движения. Один из основателей ИКП, с 1922 г. член ЦК, с 1923 - член руководства ИКП. С 1924 --член ИККИ. Генеральный секретарь ИКП с 1926 г. С 1928 - член президиума ИККИ, с 1935 - член секретариата ИККИ. В 1940-- 1944 гг. находился в

эмиграции в СССР. В 1944--1946 - входил в правительство Италии. С 1948 г.-- представитель парламентской группы в ИКП.

М. П. Томский (Ефремов, 1880--1936). В партии с 1904 г. В 1918--1921, 1922 и 1929 - председатель ВЦСПС. В 1919--1934-- член ЦК, в 1922--1930 - член Политбюро. В 1929--1930 - заместитель председателя ВЦСПС. С 1929 г. возглавлял Всесоюзное объединение химической промышленности. В 1932--1936 - заведующий ОГИЗом. Выступил против резкого свертывания нэпа и был объявлен правым уклонистом. Солидаризировался с Бухариным и Рыковым. В 1936 г., узнав, что на процессе Зиновьева и Каменева против него даны показания, застрелился, не дожидаясь ареста.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн, 1879--1940). Русский и международный революционер, один из идеологов первой русской революции. В конце 1905 г. являлся председателем петербургского Совета. После поражения революции - в эмиграции. После возвращения в Россию в 1917 г.-- один из руководителей русской революции, фактический организатор октябрьского переворота в Петрограде, сторонник и теоретик мировой революции, один из наиболее радикальных элементов в советском руководстве: противник создания многопартийного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков, сторонник террора против непролетарских слоев населения, прежде всего крестьянства. Со смертью Ленина постепенно оттесняется от власти Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным. В 1926 г. формирует так называемую левую оппозицию, однако проигрывает схватку и оттесняется правыми (Сталиным и Бухариным). В январе 1928 г. ссылается в Алма-Ату, через год высылается из СССР в Турцию. В эмиграции продолжает заниматься политической деятельностью, издает журнал "Бюллетень оппозиции", формирует так называемый IV Интернационал, резко выступает против Сталина, защищая в то же время советский строй как таковой. В августе 1940 г. убит агентом НКВД Р. Меркадером, мексиканским коммунистом, получившим за убийство звание Героя Советского Союза.

А. Трэн (1889--1972), один из руководителей французской компартии.

До

1932 г. примыкал к тем или другим оппозиционным коммунистиче-

ским группировкам во Франции. В 1932 г. отошел от активной политической деятельности.

Н. А. Угланов (1886--1940, по другим сведениям --1937). В партии с 1907

г. В 1920 г. секретарь Петроградского союза советских служащих, в 1921--секретарь Петроградского губкома партии. С 1921 г.-- член ЦК. В 1922--1924 - секретарь губкома в Нижнем Новгороде. С 1924 - секретарь МК и МГК партии. В 1928--1930 - нарком труда СССР. В 1928 г. поддержал Бухарина против Сталина. С 1930 - на хозяйственной работе в Астрахани, по существу -- в ссылке Раскаялся. С 1932 г.-- в наркомате тяжелого машиностроения СССР. В 1932 г. исключен из партии по делу М. Рютина. Восстановлен в 1934-м, вновь исключен в 1936-м. Погиб в заключении.

М. И. Ульянова (1878--1937). Член партии с 1898 г. Младшая сестра Ленина. В 1917--1929--член редколлегии и ответственный секретарь "Правды". В 1925--1934--член ЦКК партии.

Г. И. Успенский (1843--1902), русский писатель.

Н. В. Устрялов (1890--1938), русский политический деятель, юрист, публицист, с 1917 г.-- кадет. В 1916--1918 гг.-- приват-доцент Московского и Пермского университетов. В годы гражданской войны воевал в Белой армии. С 1920-го - в эмиграции в Харбине. Один из идеологов сменовеховства. Экономист Создал теорию о неизбежном возрождении капитализма в СССР, чем не на шутку напугал Троцкого, который, указывая на теорию Устрялова, доказывал опасность правой оппозиции в ВКП (б). В 1920--1934 гг. - профессор Харбинского университета. В 1935 г. вернулся в СССР, был профессором Московского института инженеров транспорта. В 1937 г. осужден за антисоветскую деятельность. Расстрелян.

Рут Фишер (Э. Гольке, 1895--1961), активная деятельница компартии Германии. С 1924 г.-- в руководстве КПГ и Коминтерна. Вместе с А. Масловым выступала против тактики "единого фронта", проводила ультралевый курс. На VI и VII конгрессах Коминтерна подвергнута резкой критике Бухариным. В 1926 г

исключена из компартии Германии. Вместе с Масловым и Урбансом основывала германский "Ленинбунд". После прихода нацистов к власти эмигрировала во Францию, а затем в США.

К. Фогт (Фохт) (1817--1895), немецкий философ и естествоиспытатель.

М. И. Фрумкин (Германов, 1878--1939) В партии с 1898 г. Февральскую революцию встретил в ссылке в Красноярске. После октябрьского переворота--член краевого экономического совета Западной Сибири. С 1918 г.-- член коллегии наркомпрода. В 1920 г.-- заместитель председателя Сибревкома, затем уполномоченный наркомпрода на Северном Кавказе. До марта 1922 г -- заместитель наркома продовольствия РСФСР. С апреля 1922 г.-- заместитель наркома внешней торговли РСФСР. В 1928 г - заместитель наркома финансов. 15 июня 1928 г. направил в Политбюро письмо с критикой политики Сталина в вопросе о коллективизации. Солидаризировался с Бухариным. Погиб в период чисток.

М. В. Фрунзе (1885--1925). В партии большевиков с 1904 г. В гражданскую войну командовал различными фронтами. В 1924--1925 гг.-- заместитель председателя и председатель РВС СССР, заместитель наркома, а затем и нарком по военным и морским делам С 1924 г - кандидат в чле-

ны Политбюро Скончался на операционном столе, что дало повод для многочисленных слухов об убийстве Фрунзе по приказанию Сталина.

Хэ Лун (1896--1969)--командующий сформированной в августе 1927 г.

2-й

Национально-революционной армии Китая. 1 августа 1927 г. считается днем создания китайской Красной армии.

И. Г. Церетели (1881--1959), из дворян, сын грузинского писателя.

В

1902 г. выслан в Восточную Сибирь за участие в студенческом движении. В 1903 г. редактор грузинского меньшевистского журнала "Квали". Один из лидеров меньшевизма, депутат II Государственной думы, лидер социал-демократической фракции. После ареста приговорен к каторге. В ссылке вместе с Ф. И. Даном организовал группировку т. н. сибирских цим-мервальдцев. Публиковал статьи под псевдонимом Квирильский. После Февральской революции 1917 г - лидер меньшевистско-эсеровского блока в советах, министр коалиционного Временного правительства. Оборонец. После октябрьского переворота - непримиримый противник большевиков. С 1918 г. вплоть до оккупации Грузии советскими войсками - один из руководящих деятелей Грузии, министр меньшевистского правительства независимой Грузии. Представитель грузинских социал-демократов в Социалистическом Интернационале. В 1921 г. эмигрировал за границу.

К. М. Цинцадзе (1887--1930). В партии с 1904 г. Партийную работу вел

в

Закавказье. После установления советской власти в Грузии - председатель ЦК Грузинской ССР, член ЦК КПГ, член ЦИК Грузинской ССР. Левый оппозиционер (троцкист) с 1923 г. Исключен из партии в декабре 1927 г. постановлением XV съезда Сослан в 1928-м. Умер в ссылке.

Чан Кайши (Цзян Цзешу, 1887--1975)--глава правительства Китая с 1927

г.

После победы китайской революции 1949 г. эмигрировал на Тайвань.

Н. П. Чаплин (1902--1938). Член ВЛКСМ с 1918 г., в партии с 1919-го.

С

1919 - на руководящей комсомольской работе. В 1924--1928 гг.-- 1-й секретарь (затем генеральный секретарь) ЦК ВЛКСМ. Затем на партработе. В 1924--1934 гг.-- кандидат в члены ЦК ВКП(б). Расстрелян.

Остин Чемберлен (1863--1937), государственный деятель Великобритании, министр финансов в 1903--1905, 1919--1921 гг. В 1915--1917 - министр по делам Индии. В 1924--1929 - министр иностранных дел. Занимал ряд других министерских постов. Один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г.

А. П. Чехов (1860--1904), русский писатель.

В. Я. Чубарь (1891--1939). В партии с 1907 г. В 1917 г. член Петроградского совета фабрично-заводских комитетов. В 1918--1923 гг.-- член Президиума ВСНХ УССР, одновременно с 1920 г.--член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 1934 г.--заместитель Председателя СНК СССР. В

1937 г. понижен до наркома финансов. Расстрелян.

С. Г. Шацкий (1878--1934). В партии с 1928 г. В 1929--1934 гг.--член коллегии Наркомпроса РСФСР, в 1932--1934 руководил Центральной экспериментальной лабораторией наркомпроса РСФСР и был директором Московской консерватории.

И. И. Шварц (1879--1951). В партии с 1899 г. Участник борьбы за советскую власть на Украине. С 1921 г.--председатель ЦК союза горняков.

С 1929 --член президиума ВСНХ. В 1921--1922 и 1923--1924-- член ЦКК партии. Репрессирован.

А. Г. Шляпников (1885--1937). В партии с 1901. После Февральской революции член Петербургского комитета РСДРП(б), Исполкома Петросовета, председатель Петроградского союза металлистов. После большевистского переворота - нарком труда в первом советском правительстве. В годы гражданской войны - председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта, член РВС Южного фронта, чрезвычайный уполномоченный по продовольственному делу на Юге России. Позже - на профсоюзной и хозяйственной работе. В 1920--1922 - лидер Рабочей оппозиции, в 1921--1922 - член ЦК партии. В 1924--1925 - советник полпредства СССР во Франции. В 1926--1929 - председатель правления акционерного общества "Металлоимпорт". В 1933 г. исключен из партии. Расстрелян.

Шмераль (Богумир, 1880--1941), один из основателей чехословацкой компартии. В чешской социал-демократической партии с 1897 года. В 1914--1917 гг.-- председатель Чехословацкой социал-демократической партии. В 1921--1929 и с 1935 г. входил в состав Исполкома Коминтерна. В 1921--1929 и с 1936 --член ЦК КПЧ. В 1935--1938 --сенатор Национального собрания Чехословакии. С 1938 - в руководящем центре КПЧ в Москве.

В. Д. Эльцин (1875--1937?), левый оппозиционер, в 1927 г. исключен из

партии. В 1928 - сослан в Усть-Вымь, арестован в 1929 г. Погиб в лагере.

Ф. Энгельс (1820--1895), друг и соратник Карла Маркса.

В. Н. Яковлева (1884--1941), социал-демократ с 1904 г. В 1916--1918 гг.-- секретарь Московского областного комитета партии большевиков. Член партийного центра. С 1917 г.--в ВСНХ, ВЧК, в наркомате продовольствия. В 1920--1922 гг.--секретарь МК, Сибирского бюро ЦК. В 1918 г.--левая коммунистка. В 1923--1928 гг.-- троцкистка. Раскаялась. В 1929-- 1937 гг.-- нарком финансов РСФСР. Выставлена обвиняемой на третьем московском процессе. Приговорена к тюремному заключению. Погибла в лагере.

Е. М. Ярославский (М. И. Губельман, 1878--1943). В партии с 1898 г. В Москве в 1917 г.-- член ВРК. В 1921 г.-- секретарь ЦК партии большевиков. В 1923--1934 гг.-- член Президиума и секретарь ЦКК. Член ЦК в 1921--1922 и 1939 гг. В 1934--1939-- член КПК. С 1939 г.--за ведущий кафедрой ВПШ при ЦК ВКП (б). Член редакции газеты "Правда" и журнала "Большевик". Редактор и автор ряда работ по истории, один из главных фальсификаторов партийной истории, идеолог и теоретик партийных чисток.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. Фельштинский. От редактора-составителя 3	
Первое письмо к Преображенскому. 2 марта [1189] 10	
Письмо Сосновскому. 5 марта [1197] 13	
Письмо И. Смирнову. [Начало марта] [1179] 17	
Письмо Р. М. Радек. 15 марта [1216] 20	
Письмо Белобородову. 17 марта [1221] 22	
Письмо Грюнштейнам. 12 апреля [1298] 24	
Второе письмо Преображенскому. [Конец апреля] [1189] 26	
Третье письмо Преображенскому. [Конец апреля] [1189] 33	
Письмо Клементьеву и Тамаркину. 3 мая [1422] 36	
Письмо Мрачковскому. 8 мая [1446] 39	
Циркулярное письмо. 9 мая [3112] 42	

Циркулярное письмо. 14 мая [3113] 47
Циркулярное письмо. 16 мая [1470] 48
Письмо Сокольникову. [Май] [1494, 1252] 51
Письмо Белобородову. 23 мая [1509] 53
Письмо Преображенскому. 24 мая [1516] 64
Письмо Чечелашвили. 26 мая [1529] 67
Письмо Броверу. 26 мая [1528] 68
Из письма Юдину. [26 мая] [1530] 70
Письмо Д. Рязанову. [Май] [1401] 73
Циркулярное письмо. 2 июня [1613] 75
Циркулярное письмо. [После 10 июня] [1588] 83
Из письма Лейтману. 21 июня [1752] 89
Заявление. 12 июля [3123] 90
Циркулярное письмо. 15 июля [3124] 106
По поводу тезисов тов. Радека 17 июля [3125] 116
Циркулярное письмо. 17 июля [1968] 123
Июльский пленум и правая опасность (Послесловие к письму "Что же дальше?"). 22 июля [3126] 127

Письмо С. А. [Ашкинази.] 20 августа [2420] 135
Письмо В. Д. [Эльцину.] 30 августа [2419] 137
Письмо Палатннкову. 30 августа [2418] 139
Письмо Смилге. 4 сентября [2480] 141
Циркулярное письмо. 9 сентября [3130] 146
Письмо Н. И. Муралову. 11 сентября [2538] 153
Беседа начистоту с доброжелательным партийцем. 12 сентября. [3132] 155
Еще о Шестом конгрессе. 18 сентября [3133, 3134] 176
Из открытки И. Н. Смирнову. 18 сентября [2587] 189
Циркулярное письмо. 22 сентября [3135] 190
О коллективной подготовке марксистской программы Коминтерна.
29 сентября [3136] 192
Письмо Эльцину. 2 октября [2713] 193
Письмо ссыльным оппозиционерам. Дополнение к работе "Китайский вопрос после Шестого конгресса. 4 октября [3140] . . . 195
Письмо Радеку. 20 октября [2820] 197
Циркулярное письмо. 21 октября [3145, 3146] 204
Письмо чебоксарцам. 22 октября [2824.1] 217
Письмо Теплову. 22 октября [2824.2] 220
Немного статистики из записей сына за апрель--октябрь 1928 г.
[Начало ноября] [3149] 221
Письмо Сосновскому. 7 ноября [2868] 222
В чем разногласия с ДЦ (группа 15-ти). 11 ноября [3151] . . . 223
Письмо Янушевскому. 18 ноября [2887] 230
Из открытки Стражу. 24 ноября [2899] 232
Телеграмма. 3 декабря [2912] 233
Циркулярное письмо. [Декабрь] f3152] 233
Ответ двум примиренцам, сторонникам тов, Ищенко. [Декабрь]
[3158] 235
Краткие биографические данные о наиболее важных лицах, упоминаемых в настоящем издании 240

Научное издание

Лев Давидович Троцкий
ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ. 1928

Редактор издательства Н. Н. Матвеева
Оформление художника Г. Д. Перлова
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор В. В. Иванова

Сдано в набор 17.10 94 Подписано в печать 12.1.95. Формат 60x90 1/16.
Бумага типографская. Гарнитура "Литературная". Печать высокая. Усл. печ.
листов 16,5. Учетно-издат. листов 18,74. Тираж 2500 экз. Заказ No 184.

Издательство гуманитарной литературы
(лицензия ЛР No 062452 от 23 марта 1993 г.) 117049, Москва, Крымский
вал, 8

Типография No 3 издательства "Наука". 107143, Москва, Открытое шоссе,
28